

МИХ.
ЗОЩЕНКО

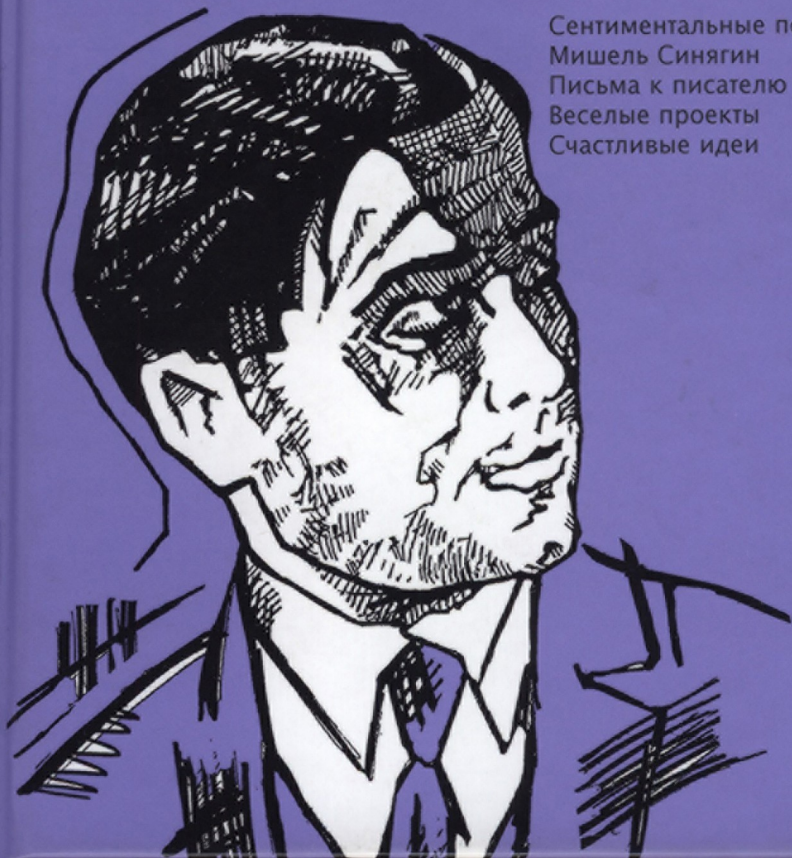
**СЕНТИ-
МЕНТАЛЬНЫЕ
ПОВЕСТИ**

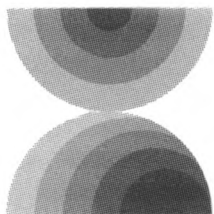
Сентиментальные
повести
Мишель Синягин
Письма к писателю
Веселые проекты
Счастливые идеи

МИХ.
ЗОЩЕНКО

**СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ
ПОВЕСТИ**

Сентиментальные повести
Мишель Синягин
Письма к писателю
Веселые проекты
Счастливые идеи

РусьБанк

Мих.
Зощенко

Собрание сочинений

Мих.
Зощенко

**Сентиментальные
повести**

Сентиментальные повести
Мишель Синягин
Письма к писателю
Веселые проекты
Счастливые идеи

москва 2008

ББК 84Р7-4
378

Составление и примечания
Игорь Сухих

Макет и оформление
Валерий Калныньш

- Зощенко М. М.**
378 Сентиментальные повести / Собрание сочинений. — Состав. и примеч. И.Н. Сухих. — М.: Время, 2008. — 640 с.

ISBN 978-5-9691-0361-X

Собрание сочинений М. М. Зощенко — самое полное издание прозы одного из крупнейших писателей-новаторов XX века. В него входят практически все известные произведения писателя от ранних рассказов и пародий до книги «Перед восходом солнца» и поздних «положительных» фельетонов. Этот том включает цикл «Сентиментальные повести» в последней авторской редакции, примыкающую к нему повесть «Мишель Синягин», основанные на реальных материалах «Письма к писателю» и созданные совместно с художником Н. Радловым юмористические книжки-альбомы «Веселые проекты» и «Счастливые идеи».

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-0361-X

- © Зощенко М. М., наследники, 2008
- © Сухих И. Н., составление и примечания, 2008
- © «Время», 2008

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ ПОВЕСТИ

МИШЕЛЬ СИНЯГИН

ПИСЬМА К ПИСАТЕЛЮ

ВЕСЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ

СЧАСТЛИВЫЕ ИДЕИ

Сентиментальные повести

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга, эти сентиментальные повести написаны в самый разгар нэпа и революции.

И читатель, конечно, вправе потребовать от автора настоящего революционного содержания, крупных тем, планетарных заданий и героического пафоса — одним словом, полной и высокой идеологии.

Не желая вводить небогатого покупателя в излишние траты, автор спешит уведомить с глубокой душевной болью, что в этой сентиментальной книге немного будет героического.

Эта книга специально написана о маленьком человеке, об обывателе, во всей его неприглядной красе.

Пушай не ругают автора за выбор такой мелкой темы — такой уж, видимо, мелкий характер у автора. Тут уж ничего не поделаешь. Кому что по силам, кому что дано.

Один писатель широкими мазками набрасывает на огромные полотна всякие эпизоды, другой описывает революцию, третий военные ритуалы, четвертый занят любовными шашнями и проблемами. Автор же, в силу особых сердечных свойств и юмористических склонностей, описывает человека — как он живет, чего делает и куда, для примера, стремится.

Автор признает, что в наши бурные годы прямо даже со-
вестно, прямо даже неловко выступать с такими ничтожны-
ми идеями, с такими будничными разговорами об отдель-
ном незначительном человеке.

Но критики не должны на этот счет расстраиваться и
портить свою драгоценную кровь. Автор и не лезет со своей
книгой в ряд остроумных произведений эпохи.

Быть может, поэтому автор и назвал свою книгу сенти-
ментальной.

На общем фоне громадных масштабов и идей эти по-
вести о мелких, слабых людях и обывателях, эта книга о
жалкой уходящей жизни, действительно, надо полагать,
зазвучит для некоторых критиков какой-то визгливой
флейтой, какой-то сентиментальной оскорбительной тре-
бухой.

Однако ничего не поделаешь. Придется записать так,
как с этим обстояло в первые годы революции. Тем более,
мы смеем думать, что эти люди, эта вышеуказанная про-
слойка пока что весьма сильно распространена на свете.
В силу чего мы и предлагаем вашему высокому вниманию
подобную малогероическую книгу.

А что в этом сочинении бодрости, может быть, кому-
нибудь покажется маловато, то это неверно. Бодрость тут
есть. Не через край, конечно, но есть. Последние же страни-
цы книги прямо брызжут полным весельем и сердечной ра-
достью.

Март 1927 г.

И. В. Коленкор

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Ввиду многочисленных запросов сообщаем, что вышеуказанная подпись И. В. Коленкоров — есть подпись подлинного автора сентиментальных повестей.

Вот краткая биографическая справка о нем.

И. В. Коленкоров — родной брат Ек. Вас. Коленкоровой, тепло и любовно выведенной в повести «Люди» наряду с другими героинями. Он родился в 1882 году в городе Торжке (Тверской губ.) в мелкобуржуазной семье дамского портного. Получил домашнее образование. В молодые годы был пастухом. Потом играл в театре. И, наконец, мечта его жизни воплотилась в действительность — он стал писать стихи и рассказы.

В настоящее время И. В. Коленкоров, принадлежащий к правому крылу попутчиков, перестраивается и, вероятно, в скором времени займет одно из видных мест среди писателей натуральной школы.

Сентиментальные же повести написаны им под руководством писателя М. М. Зощенко, ведущего литературный кружок, в котором около пяти лет находился наш славный автор.

И в настоящее время, выпуская эту книгу, Иван Васильевич приносит т. Зощенко свою благодарность и желает ему дальнейшей удачи в многотрудной педагогической деятельности.

Май 1928 г.

К. Ч.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

В силу постоянных запросов сообщаем, что роль писателя М. Зощенко в этом труде свелась, главным образом, к исправлению орфографических ошибок и выравниванию идеологии. Основная же работа принадлежит вышеуказанному автору И. В. Коленкорову. Так что по-настоящему на обложке книги надо было бы поставить фамилию Коленкорова. Однако И. В. Коленкоров, не желая прослыть состоятельным человеком, отказался от этой чести в пользу М. Зощенко. Гонорар же Иван Васильевич получил полностью.

Сообщая об этом, пользуемся случаем сказать, что некоторые сентиментальные нотки, нытье и кое-какое идеологическое шатание в ту и другую сторону — следует отнести не к руководителю литкружка, а отчасти к автору, И. В. Коленкорову, отчасти же к тем литературным персонажам, которые выведены в этих повестях.

Тут перед вашими глазами пройдет целая галерея уходящих типов.

И новому современному читателю необходимо их знать, чтоб увидеть уходящую жизнь во всех ее проявлениях.

Июль 1928 г.

С. Л.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЧЕТВЕРТОМУ ИЗДАНИЮ

В силу прошлых недоразумений, писатель уведомляет критику, что лицо, от которого ведутся эти повести, есть, так сказать, воображаемое лицо. Это есть тот средний интеллигентский тип, которому случилось жить на переломе двух эпох.

Неврастения, идеологическое шатание, крупные противоречия и меланхолия — вот чем пришлось наделить нам своего «выдвиженца» — И. В. Коленкова. Сам же автор — писатель М. М. Зощенко, сын и брат таких нездоровых людей, — давно перешагнул все это. И в настоящее время он никаких противоречий не имеет. У него на душе полная ясность и розы распускаются. А если в другой раз эти розы вянут и нету настоящего сердечного спокойствия, то совершенно по другим причинам, о которых автор расскажет как-нибудь после.

В данном же случае это есть литературный прием.

И автор умоляет почтеннейшую критику вспомнить об этом замысловатом обстоятельстве, прежде чем замахнуться на беззащитного писателя.

*Апрель 1929 г.
Ленинград*

Мих. Зощенко

АПОЛЛОН И ТАМАРА

1

Жил в одном городе на Большой Проломной улице свободный художник — тапер Аполлон Семенович, по фамилии Перепенчук.

Фамилия эта — Перепенчук — встречается в России не часто, так что читатели могут даже подумать, что речь сейчас идет о Федоре Перепенчуке, о фельдшере из городского приемного покоя, тем более, что оба они жили в одно время и на одной и той же улице, и по характеру не то чтобы были схожи, но в некотором скептическом отношении к жизни и в образе своих мыслей ихние характеры как-то переключались.

Но только фельдшер Федор Перепенчук помер значительно пораньше, да и, вернее, не сам помер, не своей то есть смертью, а он удавился. И случилось это незадолго до IV конгресса.

Об этом газеты своевременно трубили: покончил, дескать, с собой, при исполнении служебного долга, фельдшер из городского приемного покоя, Федор Перепенчук, причина — разочарование в жизни...

Этакую, правда, нелепость могут досужие репортеришки написать. Разочарование в жизни... Федор Перепенчук и разочарование в жизни... Ах, какие это пустяки. Какая несусветная околесица!

Это правда: поверхностно размышляя, точно, жил, жил человек, задумывался о бессмысленном человеческом су-

ществовании и руки на себя наложил. Точно, на первый взгляд — разочарование. Но тот, кто поближе знал Федора Перепенчука, не сказал бы таких пустяков.

Это к Аполлону Перепенчуку, таперу и музыканту, могло бы подойти это слово — разочарование. Жил потому что человек, бездумно наслаждался прелестью своего бытия, а после, от причин исключительно материальных и физических, и от всяких катастроф и коллизий, — ослаб и к жизни, так сказать, потерял вкус. Но не будем забегать вперед, о нем, об Аполлоне Перепенчуке и будет наше повествование.

А вот Федор Перепенчук... Вся сила его личности была в том, что не от бедности, не от катастроф и коллизий он пришел к своим мыслям, нет, мысли его родились путем зрелого, логического размышления значительного человека. О нем не только что рассказ написать, о нем целые тома сочинений написать можно было бы. Но только не каждый писатель взялся бы исполнить труд этот. Не каждый бы мог быть биографом и, так сказать, жизнеописателем дел и мыслей этого выдающегося человека. Тут потребовался бы сочинитель величайшего ума и огромной эрудиции, а также и знание мельчайших вещей и вещичек — и о происхождении человека, и о зарождении вселенной, и всякие философские воззрения, теория относительности и другие там разные теории, и где какая звезда расположена, и даже хронология исторических событий — все это потребовалось бы для изучения личности Федора Перепенчука.

И в этом отношении Аполлону Перепенчуку ни в какой мере с ним не сравняться.

Аполлон Перепенчук был, прямо-таки, перед ним пустяковый человек, дрянцо даже... Не в обиду будет сказано его родственникам. А, впрочем, родственников по прямой линии у него и не осталось, разве что тетка его по отцу, Аделаида Перепенчук. Ну, да и та в изящной словесности, пожалуй, что ничего не понимает. Пушай обижается.

Приятелей у него тоже не осталось. Да у таких людей, как Федор и Аполлон Перепенчуки, и не могло быть приятелей. У Федора никогда не было, а Аполлон растерял их, как впал в нищету.

И какой это мог быть приятель у Федора Перепенчука, ежели людей он не любил, презирал, вернее, образ своей жизни вел замкнутый, строгий даже, и с людьми, если и разговаривал, то для того, чтобы механически высказать накопившиеся воззрения, а не затем, чтобы услышать возгласы одобрения и критику.

Да и кто, какой человек величайшего ума смог бы ответить на его гордые мысли:

— Для чего существует человек? Есть ли в жизни у него назначение, и если нет, то не является ли жизнь, вообще говоря, отчасти бессмысленной?

Конечно, какой-нибудь приват-доцент или профессор на государственном золотом обеспечении сказал бы с неприятной легкостью, что человек существует для дальнейшей культуры и для счастья вселенной. Но все это туманно и неясно, и для простого человека даже омерзительно. И тогда и всплывают разные удивительные вещи: для чего, скажем, существует жук или кукушка, которые явно никому никакой

пользы не приносят, а тем более, для дальнейшей культуры, и в какой мере жизнь человека важнее жизни кукушки, птицы, которая могла бы и не жить, и мир от этого бы не изменился.

Но тут нужно гениальное перо и огромные знания, чтобы хоть отчасти отразить величественные замыслы Федора Перепенчука.

И, может, и не следовало бы тревожить тень замечательного человека, если б в свое время отчасти не дошел бы до этих мыслей ученик по духу и дальний его родственник — Аполлон Семенович Перепенчук, тапер, музыкант и свободный художник, проживавший на Большой Проломной улице.

Он проживал на этой улице за несколько лет до войны и революции.

2

Слово это — тапер — ничуть для человека не унизительно. Правда, некоторые люди и, в том числе, сам Аполлон Семенович Перепенчук до некоторой степени стеснялись проносить это слово на людях, а в особенности в дамском обществе, превратно полагая, что дамы от этого конфузятся. И если Аполлон Семенович и называл себя тапером, то непременно с прибавлением — артист, свободный художник, или еще как-нибудь по-иному.

Но это несправедливо.

Тапер — это значит музыкант, пианист, но пианист, стесненный в материальных обстоятельствах, и вынужденный оттого искусством своим забавлять веселящихся людей.

Профессия эта не столь ценна, как, скажем, театр или живопись, однако и это есть подлинное искусство.

Конечно, существует в этой профессии множество слепых старичков и глухонемых старушек, которые снижают искусство это до обыкновенного ремесла, бессмысленно ударяя по клавишам пальцами, наигрывая разные там польки, полочки и мажоры.

Но под этот разряд ни в какой мере нельзя было отнести Аполлона Семеновича Перепенчука. Истинное призвание, темперамент артиста, лиризм и вдохновение его — все шло вразрез с обычным пониманием ремесла тапера.

Был при этом Аполлон Семенович Перепенчук в достаточной мере красив и даже изыскан. От лица его веяло вдохновением и необыкновенным благородством. И всегда гордо закусенная нижняя губа и надменный профиль артиста — делали фигуру его похожей на изваяние.

Даже кадык, простой, обыкновенный кадык или, как он еще иначе называется — адамово яблоко, то, что у других людей было омерзительно и вызывало насмешки, у него, у Аполлона Перепенчука, при постоянно гордо закинутой голове — выглядело благородно и даже напоминало что-то греческое.

А ниспадающие волосы! А бархатная блуза! А темно-зеленый до пояса галстук! Собственно говоря, необыкновеннейшей красотой наделен был человек.

А те моменты, когда он появлялся на балу своей стремительной походкой и статуей замирал в дверях, как бы окиды-

вая все общество надменным взглядом... Да, неотразимейший был человек. Не одна женщина лила по нем обильные слезы. А как сердито сторонились его мужчины! Как прятали от него жен под предлогом, что неловко, дескать, жене государственного, скажем, чиновника трепаться с каким-то таперишкой.

А то незабываемое событие, когда старший делопроизводитель Казенной палаты получил анонимное письмо с объяснением, что жена его состоит в нежных отношениях и в предосудительной связи с Аполлоном Перепенчуком!.. Та уморительная сцена, когда делопроизводитель этот два часа караулил на улице Аполлона Семеновича, чтобы помять ему бока, и по ошибке, введенный в заблуждение длинными волосами, избил секретаря городской управы...

Ах, смешные были дела! И что всего смешнее, что все скандалы, записочки и дамские слезы не имели под собой никакой почвы. Имея счастливую внешность ловеласа, романтика и разорителя чужих семей, Аполлон Семенович Перепенчук был, напротив того, необыкновенно робкий и тихий человек.

Он даже чуждался женщин, сторонился их, считая, что настоящий, истинный артист не должен связывать ничем своей жизни...

Правда, женщины писали ему записки и письма, где назначали ему тайные свидания и называли его ласкательными и уменьшительными именами, но он был непоколебим.

Записочки и письма он бережно хранил в шкатулке, в свободное время разбирая их, нумеруя и связывая по пачкам. Но жил уединенно и даже замкнуто. И всем знакомым своим при случае любил сказать:

— Искусство — это выше всего.

А в искусстве он был не последним. Конечно, существуют такие виртуозы, которые на одних лишь черных клавишах могут исполнить разные мотивы, до этого Аполлону Перепенчуку было далеко, однако он имел-таки собственную композицию-вальс «Нахлынувшие на меня мечты»...

Вальс этот он весьма успешно исполнял, при огромном стечении публики, в стенах Купеческого собрания.

Это было в тот год, о котором пойдет речь, год наибольшей его славы и известности. К этому счастливому времени относится и другое его сочинение, неоконченная «Фантази реаль», написанная в мажорных тонах, что не исключало в ней очаровательной лирики. Эта «Фантази реаль» посвящалась некоей Тамаре Омельченко, той самой девице, что сыграла такую решающую и роковую роль в жизни Аполлона Семеновича Перепенчука.

3

Но тут автор должен объясниться с читателями. Автор уверяет дорогих читателей, что он ни в какой мере не будет извращать событий. Напротив, он будет их восстанавливать именно так, как они и происходили, сохраняя при этом самые мельчайшие подробности, как например: внешность ге-

роев, образ их мыслей, или даже сентиментальные мотивы, которые так не по душе самому автору.

Автор заверяет дорогих читателей, что с необыкновенным прискорбием и даже с болезненным напряжением он вспоминает кое-какие сентиментальные сцены, о которых он должен рассказать, те сцены, когда, например, героиня плачет над портретом, или когда та же героиня зашивает порванную гимнастерку Аполлону Перепенчуку, или когда, наконец, тетюшка Аделаида Перепенчук объявляет о распродаже гардероба Аполлона Семеновича.

Эти описания пойдут, так сказать, вразрез со вкусом автора, но все это будет сделано ради истины. Ради истины автор сохраняет даже подлинные имена героев. Пусть читатель не думает, что автор из эстетических соображений назвал своих героев столь редкими, исключительными именами — Тамара и Аполлон. Нет, именно так они и прозывались. И это, впрочем, ничуть не удивительно. Автору доподлинно известно, что все девицы в семнадцать и в восемнадцать лет на Большой Проломной улице прозывались именно Тамарами или Иринами.

А произошло такое исключительное событие по причинам достаточно уважительным. Семнадцать лет назад стоял здесь полк каких-то гусар. И такой это был замечательный полк, такие красавцы все были эти гусары, и так они воздействовали на горожан с эстетической стороны, что все младенцы женского пола, родившиеся в то время, названы были, с легкой руки супруги начальника губернии, Тамарами или Иринами.

Так вот, в тот счастливый, полный головокружительного успеха год, Аполлон Семенович Перепенчук встретил впервые и нежно полюбил девицу Тамару Омельченко.

Было ей тогда неполных восемнадцать лет. Была она не то чтобы красавица, а была она лучше красавицы — такая у ней была во всем благородная закругленность форм, такая плывущая поступь и такое очарование нежной юности. Все мужчины, проходящие мимо, будь то на улице, или даже в обществе, называли ее — булочкой, пончиком или пампущечкой. И при этом глядели на нее с большим вниманием и удовольствием.

В тот год она тоже полюбила Аполлона Семеновича Перепенчука.

Они встретились на балу в стенах клуба Купеческого собрания. Это было в начале европейской всемирной войны. Ее поразил вид его, необыкновенно благородный, с гордо закусенной нижней губой. Он был восхищен ее нетронутой свежестью.

В тот вечер он был в особенном ударе. Он бил по роялю со всей силой своего вдохновения так, что дежурный старшина пришел попросить его играть потише, оправдываясь тем, что действительные члены клуба обижаются.

В этот момент Аполлон Перепенчук понял, какой он, в сущности, незначительный еще и мизерный человек. Он, в силу своей профессии прикрепленный к музыкальному инструменту, не сможет даже подойти к любимой девушке. И, раздумывая так, он выражал звуками всю свою тоску и отчаяние несвободного человека.

Она кружилась в вальсах и мазурках со многими представительными мужчинами, но глаза ее все время останавливались на вдохновенном лице Аполлона Перепенчука.

И в конце вечера, преодолевая девичий стыд, она сама подошла к нему, попросив сыграть что-нибудь из его любимых мотивов. Он сыграл вальс «Нахлынувшие на меня мечты».

Этот вальс решил дело. Она, охваченная трепетом первого чувства, взяла его руку и прижала к своим губам.

Злобная молва о новом марьяже Аполлона Перепенчука тотчас охватила все здание Купеческого клуба. Никто не старался скрыть своего любопытства. Мимо них фланировали люди, подсмеиваясь и хихикая. Даже те, кто одевался уже внизу, сбросили свои шубы и снова поднялись наверх, чтобы самим воочию убедиться в правильности пикантных слухов.

Так началась эта любовь.

Аполлон Перепенчук и Тамара стали встречаться по праздникам на углу Проломной и Кирпичного и, гуляя до вечера, говорили о своей любви и о том замечательном, незабываемом вечере, когда они встретились впервые, вспоминая при этом каждую мелочь, прикрашивая все и восторгаясь друг другом.

Это длилось до осени.

А в тот день, когда Аполлон Семенович Перепенчук, одетый в жакет, с букетом олеандров и с коробкой постного сахара, пришел просить руки Тамары, она, с рассудочностью зрелой женщины, знающей себе цену, отказала ему, невзирая на просьбы своей матери и домочадцев.

— Мамаша, — сказала она, — да, я люблю Аполлона со всей страстью девичьего чувства, но замуж за него сейчас я не пойду. Когда он будет знаменитым музыкантом, когда слава будет у его ног, я сама приду к нему. И я верю, что это будет скоро. Я верю, что он будет известным, знаменитым человеком, умеющим обеспечить свою жену.

Во время ее реплики Аполлон Перепенчук стоял тут же, впервые низко опустив свою голову.

Весь вечер он плакал у ее ног и с невыразимой страстью и тоской целовал ее колени. Но она была настойчива. Она не хотела рисковать, она боялась бедности и необеспеченной жизни, той жизни, которую влачат почти все люди.

Аполлон Перепенчук бросился к себе. Он жил несколько дней в каком-то тумане, в остервенении каком-то, стараясь придумать способ стать знаменитым, прославленным музыкантом. Но то, что раньше казалось ему легким и простым, теперь представлялось необыкновенной трудностью, даже невозможным.

В его уме мелькали разные планы: уехать в другой город, бросить музыку, бросить искусство и искать счастья и славы в другой профессии, на другом поприще, стать, например, отважным авиатором, делающим мертвые петли над родным городом, над кровлей любимой девушки, или, наконец, стать изобретателем, путешественником, хирургом... Но это были все только планы. Аполлон Перепенчук тут же разрушал их, смеясь над своей фантазией.

Он послал в Петербург сочинение свое — вальс «Нахлынувшие на меня мечты», но неизвестно, что случилось с руко-

писью: затерялась ли она на почте, или какой-нибудь человек присвоил ее себе, впоследствии выдавая ее за свою композицию — неизвестно. В свет она так и не вышла.

Нынче даже мотив ее позабыт. Разве что тетушка Аделаида Перепенчук сохранила его в своей памяти. Ах, она так любила напевать этот вальс!

К этому времени относится и другое сочинение Аполлона Перепенчука — неоконченная «Фантази реаль», неоконченная не в силу творческой беспомощности. Она была не кончена, ибо новый удар сразил нашего бедного героя.

Аполлон Семенович был призван в ряды армии как ратник второго разряда, могущий нести службу в тылу действующих войск.

То, что в фантазиях своих он думал: уехать, искать счастья на стороне, теперь исполнилось.

В декабре шестнадцатого года Аполлон Перепенчук пришел проститься с любимой девушкой.

Даже самые циничные люди, самые зачерствелые сердца плакали, глядя на их нежное расставание.

Прощаясь, Аполлон Перепенчук торжественно сказал, что он или совсем не вернется, или вернется прославленным, знаменитым человеком. Он сказал, что ни война, ни что другое не остановит его стремления к этому.

И девушка, благодарно смеясь, сквозь слезы сказала, что она вполне ему верит и что она непременно будет его женой, когда он вернется таким, как она это хочет, ради их взаимного счастья.

И вот прошло несколько лет. Четыре с лишком года прошло с тех пор, как Аполлон Семенович Перепенчук уехал в действующую армию.

Огромные изменения произошли за это время. Социальные идеи в значительной мере покачнулись и ниспровергли прежний быт. Много прекрасных людей отошло к праотцам в вечность. Так, например, скончался от сыпняка Кузьма Львович Горюшкин, бывший попечитель учебного округа, добродушнейший и культурный человек. Помер Семен Семенович Петухов, отличнейший тоже человек и не дурак выпить. Смерть фельдшера Федора Перепенчука относится к тому же времени.

Жизнь в городе чрезвычайно изменилась. Наступившая революция стала создавать новый быт. Но жить было нелегко. И люди боролись за право свое прожить.

И никто за это время не вспомнил Аполлона Семеновича Перепенчука. Разве что Тамара Омельченко да еще тетушка его, Аделаида Перепенчук. Конечно, может быть, и еще какая-нибудь девица подумала о нем, но подумала как о романтическом герое, а не как о тапере и музыканте. Как о тапере о нем никто не вспоминал и не пожалел. В городе таперов не было, да они были и не нужны. С условиями нового быта многие профессии стали ненужными, среди них профессия тапера была вымирающей.

На всех вечерах подвизался теперь маэстро Соломон Бельский с двумя первыми скрипками, контрабасом и вио-

лончелью. На всех вечерах, благотворительных балах, на свадьбах и на крестинах работал с успехом, несомненно, головокружительным, этот неизвестно откуда появившийся человек. Его все полюбили. И верно: никто так, как он, не смог бы вертеть скрипку в руках, переворачивая ее и в паузе удара по деке смычком. Мало того, он играл попури из любимейших мотивов, мог исполнять разнообразнейшие танцы и заатлантические танцы, как-то «тремутар» или «медведь». При этом не сходящая с его лица улыбка и даже некоторое добродушное подмигиванье танцующим окончательно сделали его любимцем веселящейся публики. Он был, так сказать, артист современности. И он вытеснил из памяти горожан и в прах растоптал Аполлона Семеновича Перепенчука.

А в тот год, когда Аполлона Перепенчука стала забывать Тамара, и даже тетюшка Аделаида Перепенчук, считая племянника своего без вести погибшим, вывесила на воротах записку, объявляющую гражданам о распродаже гардероба Аполлона Перепенчука, как-то: двух пар мало ношенных брюк, бархатной тужурки с темно-зеленым галстуком, пикейного жилета и еще кое-каких вещей, — в тот год он вернулся в родной город.

Он ехал в теплушке с солдатами и, подложив под голову мешок, лежал на нарах всю дорогу. Он казался больным. Он страшно переменялся. Солдатская шинель, рваная, прожженная на спине, армейские ботинки, штаны широкие, цвета защитной материи, хриплый голос — делали его неузнаваемым. Казалось, что это был другой человек.

Даже губа, его гордо закушенная губа, была вытянута в ленточку от постоянного общения с кларнетом.

Никто никогда не узнал, какая катастрофа разразилась над ним. И была ли катастрофа? Вернее всего, что ее не было, а была жизнь, простая и обыкновенная, от которой только два человека из тысячи становятся на ноги, остальные живут, чтобы прожить.

Никогда никому он не рассказывал, как жил эти пять лет и что делал, чтобы вернуться в славе и с почестями.

Единственная вещь — кларнет, который он привез, дала повод людям заподозрить его в том, что славы он искал по-прежнему в искусстве. По-видимому, он был музыкантом в каком-нибудь полковом оркестре. Но ничего неизвестно доподлинно. Он писем никому не писал, не желая, вероятно, сообщать о незначительных фактах своей жизни.

В общем неизвестно.

Известно только, что вернулся он не только не знаменитым, — вернулся он больным, голодным даже — иным человеком — с морщинами на лбу, с удлинённым носом, с побелевшими глазами и низко опущенной головой.

Он, как вор, вернулся в дом своей тетушки, как вор, бежал по улицам от вокзала, стараясь, чтоб никто его не увидел. Но его если и видели, то не узнавали. Ничего не оставалось в нем старого. Был это другой Аполлон Перепенчук.

Самое возвращение его было ужасно. Новый удар, едва перешагнул он порог, обрушился на его голову. Вещи, его прекрасные вещи: бархатная тужурка, штаны, жилет — по-

гибли безвозвратно. Тетушка, Аделаида Перепенчук, все распродала, вплоть до безопасной бритвы.

С некоторым даже равнодушием и брезгливостью выслушал Аполлон Семенович тетушкины рыдания и, не упрекнув ее, только переспросив еще раз о бархатной тужурке, бросился к Тамаре.

Он бежал к ней, задыхаясь и ни о чем не думая, по Большой Проломной. Все псы выбегали ему навстречу и лаяли, пытаясь схватить его за ободранные штаны.

Наконец, еще усилие — ее дом, Тамарин дом... И Аполлон Перепенчук стучит кулаком в дверь.

Она, Тамара, встретила его испуганно, стараясь тотчас, сию минуту, понять, что с ним случилось. И, глядя на его рваную блузу, на изможденное лицо — поняла.

Он смотрел пристально, пронзительно в ее глаза, пытаясь проникнуть в ее думы, понять. Но ничего не понял.

Так они долго стояли друг перед другом, не проронив слова. Потом он стал перед ней на колени и, не зная, о чем сказать, тихо заплакал. Она тоже плакала над ним, по-детски всхлипывая и часто сморкаясь.

Наконец она села в кресло, а Аполлон, опустившись перед ней, бессмысленно лепетал какие-то пустяки. Тамара смотрела на него, но ничего не понимала и ничего не видела, она видела лишь загрязненное его лицо, свалывшиеся волосы и рваную гимнастерку. Ее сердечко, сердечко благо-разумной женщины, сжималось. Она принесла нитки и ножницы и, попросив его, не сосчитав за труд, вдеть нитку в

иглу, принялась зашивать ему гимнастерку, время от времени укоризненно покачивая головой.

Но тут автор должен сказать, что он не мальчик продолжать описание этой сентиментальной сцены. И, хотя осталось немного, автор переходит к психологии героя, нарочно опустив две-три сентиментальных и интимных подробности, как, например: она расчесывает своим гребнем свалывшиеся его волосы, она обтирает его изможденное лицо полотенцем и прыскает на него «Персидской сиренью»... Автор заявляет, что ему нет дела до этих подробностей, его интересует психология.

Так вот, благодаря этому нежному вниманию со стороны Тамары, Аполлон Перепенчук подумал, что все идет по-прежнему, что по-прежнему она его любит, и с криком восторга он бросился к ней, пытаясь заключить ее в свои объятия.

Но она сказала, нахмурившись:

— Любезный Аполлон Семенович, я, кажется, когда-то наговорила вам много лишнего... Надеюсь, вы не приняли мой невинный девичий лепет за чистую монету.

Он не поднимался с колен, с трудом понимая ее слова. Она встала, прошла по комнате и с сердцем промолвила:

— Может быть, я и виновата перед вами, но вашей женой я не буду.

Аполлон Перепенчук вернулся домой и дома вдруг понял, что ничто теперь не в состоянии вернуть ему прежней жизни и что прежняя жизнь смешна и наивна. И смешно и наивно было его желание стать великим музыкантом и знаме-

нитым прославленным человеком. И еще понял: всю свою жизнь он жил не так, как нужно, не то делал и не то говорил... Но как было нужно, он и теперь не знал.

И, ложась спать, он усмехнулся с горечью, как некогда усмехался фельдшер Федор Перепенчук, стараясь, наконец, понять, проникнуть в сущность явлений.

5

В короткое время Аполлон Семенович Перепенчук страшно обеднел. Больше того: это была бедность, даже нищета, человека, потерявшего всякие надежды на улучшение. Правда, он и приехал без ничего, однако первое время он не хотел и не смел признаться в своей ужасающей бедности.

Теперь он с недоброй усмешкой говорил об этом тетушке своей Аделаиде Перепенчук:

— Я, тетушка, беден, как испанский нищий.

Тетушка, чувствуя свою вину перед ним, старалась его успокоить, утешить, ободрить, говоря, что еще не все окончательно потеряно, что его жизнь еще вся впереди, что вместо проданного темно-зеленого галстука она сделает ему очаровательный лиловый из корсажа вечернего своего туалета, и что, наконец, бархатную тужурку за недорого взялся бы сделать знакомый ей дамский портной Рипкин.

Но Аполлон Перепенчук только усмехался.

Он не сделал ни одного шага, ни одной попытки как-нибудь изменить, поставить на прежний лад свою городскую жизнь. Это, впрочем, произошло с тех пор, как он узнал, что в городе на всех вечерах подвизается теперь маэстро Соломон

Беленький. До этого какие-то неясные мечты, ускользающие планы теснились в его возбужденном мозгу.

Маэстро Соломон Беленький и исчезновение бархатной куртки сделали Аполлона Перепенчука безвольным созерцателем.

Он целыми днями лежал теперь в постели, выходя на улицу для того, чтобы найти оброненный окурочок папиросы или попросить у прохожего на одну завертку щепоточку махорки. Тетушка Аделаида его кормила.

Иногда он вставал с постели, вынимал из матерчатого футляра завязанный им кларнет и играл на нем. Но в его музыке нельзя было проследить ни мотива, ни даже отдельных музыкальных нот — это был какой-то ужасающий, бесовский рев животного.

И всякий раз, когда он начинал играть, тетушка Аделаида Перепенчук менялась в лице, вынимала из шкафика различные банки и баночки со всякими препаратами и нюхательными солями и ложилась в постель, глухо стоная.

Аполлон Семенович бросал кларнет и снова искал успокоения в кровати.

Он лежал и пронизательно думал, и мысли приходили к нему те же, что некогда тревожили Федора Перепенчука. Иные мысли, по силе и глубине, ничуть не уступали мыслям его значительного однофамильца. Он думал о человеческом существовании, о том, что человек так же нелепо и ненужно существует, как жук или кукушка, и о том, что человечество, весь мир, должны изменить свою жизнь для того, чтоб найти покой и счастье, и для того, чтоб не подвергаться таким стра-

даниям, как произошло с ним. Ему однажды показалось, что, наконец-то, он узнал и понял, как надо жить человеку. Какая-то мысль коснулась его мозга и снова исчезла неоформленная.

Это началось с малого. Аполлон Перепенчук как-то спросил тетушку Аделаиду:

— Как вы полагаете, тетушка, есть ли у человека душа?

— Есть, — сказала тетушка, — непременно есть.

— Ну, а вот обезьяна, скажем... Обезьяна человекоподобна... Она ничуть не хуже человека. Есть ли, тетушка, у обезьяны душа, как вы полагаете?

— Я думаю, — сказала тетушка, — что у обезьяны тоже есть, раз она похожа на человека.

Аполлон Перепенчук вдруг взволновался. Какая-то смелая мысль поразила его.

— Позвольте, тетушка, — сказал он. — Ежели есть душа у обезьяны, то и у собаки, несомненно, есть. Собака ничем не хуже обезьяны. А ежели у собаки есть душа, то и у кошки есть, и у крысы, и у мухи, и у червяка даже...

— Перестань, — сказала тетушка. — Не богохульствуй.

— Я не богохульствую, — сказал Аполлон Семенович. — Я, тетушка, ничуть даже не богохульствую. Я только факты констатирую... Значит, у червяка тоже есть душа... А что вы теперь скажете? Возьму-ка я, тетушка, и разрежу червяка надвое, напополам... И каждая половина, представьте себе, тетушка, живет в отдельности. Так? Это что же? Это, по-вашему, тетушка, душа раздвоилась? Это что же за такая душа?

— Отстань, — сказала тетушка и испуганно посмотрела на Аполлона Семеновича.

— Позвольте, — закричал Перепенчук. — Нету, значит, никакой души. И у человека нету. Человек — это кости и мясо... Он и помирает, как последняя тварь, и рождается, как тварь. Только что живет по-выдуманному. А ему нужно по-другому жить...

Но как нужно было жить, Аполлон Семенович не мог объяснить своей тетушке — он не знал. Тем не менее мыслями своими Аполлон Семенович был потрясен. Ему казалось, что он начал понимать что-то. Но потом в голове его снова все мешалось и путалось. И он признавался себе, что он не знает, как, в сущности, надо было бы жить, чтоб не испытывать того, что он сейчас чувствует. А он чувствует, что его игра проиграна и что жизнь спокойно продолжается без него.

Он несколько дней кряду ходил по комнате в страшном волнении. А в тот день, когда волнение достигло наивысшего напряжения, тетушка Аделаида принесла письмо на имя Аполлона Семеновича Перепенчука. Это письмо было от Тамары.

Она, с жеманностью кокетливой женщины, писала в грустном лирическом тоне о том, что нынче она выходит замуж за некоего иностранного коммерсанта Глоба и что, делая этот шаг, она не хочет оставить о себе дурных воспоминаний в памяти Аполлона Перепенчука. Она, дескать, просит его всепокорнейше извинить за все то, что она с ним сделала, она прощенья просит, ибо знает, какой смертельный удар ему нанесла.

Тихо смеялся Аполлон Перепенчук, читая это письмо. Однако ее непоколебимая уверенность в том, что он, Аполлон Перепенчук, погибает из-за нее, ошеломила его. И, думая об этом, он вдруг отчетливо понял, что ему ничего не нужно, даже не нужна та, из-за которой он погибает. И еще ясно, окончательно понял, что он погибает, в сущности, не из-за нее, а погибает оттого, что он не так жил, как нужно. И тут снова все в голове его мешалось и путалось.

И он хотел тотчас пойти к ней и сказать, что не она виновата, а он сам виноват, что он сам совершил ошибку в своей жизни.

Но не пошел, потому что он не знал, в чем заключалась его ошибка.

6

Аполлон Семенович Перепенчук пошел к Тамаре спустя неделю. Это произошло неожиданно. Однажды вечером он тихо оделся и, сказав тетушке Аделаиде, что у него болит голова и что он хочет поэтому пройтись по городу, вышел. Он долго и бесцельно бродил по улицам, не думая о том, что пойдет к Тамаре. Необыкновенные думы о бессмысленном существовании не давали ему покоя. Он, сняв фуражку, бродил по улицам, останавливаясь у темных деревянных домов, заглядывая в освещенные окна, стараясь, наконец, понять, проникнуть, узнать, как живут люди и в чем их существование. В освещенных окнах он видел за столом мужчин в подтяжках, женщин за самоваром, детей... Иные мужчины играли в карты, иные сидели, не двигаясь, бессмысленно

смотря на огонь, женщины мыли чашки или шили и почти все — ели, широко и беззвучно открывая рты. И, за двумя рядами стекол, Аполлону Перепенчуку казалось, что он слышит их чавканье.

От дома к дому переходил Аполлон Семенович и вдруг очутился у дома Тамары.

Аполлон Перепенчук прильнул к окну ее комнаты. Тамара лежала на диване и казалась спящей. Вдруг Аполлон Семенович, неожиданно для самого себя, постучал по стеклу пальцами.

Тамара вздрогнула, вскочила, прислушиваясь. Потом подошла к окну, стараясь в темноте узнать, кто стучал. Но не узнала и крикнула: «Кто?»

Аполлон Семенович молчал.

Она выбежала на улицу и, узнав его, повела в комнаты. Она стала сердито говорить, что не для чего ему приходиться к ней, что все, наконец, кончено, что неужели ему недостаточно ее письменных извинений...

Аполлон Перепенчук смотрел на ее красивое лицо и думал, что незачем ей говорить о том, что не она виновата, а он виноват, что он не так жил, как нужно, — она не поймет и не захочет понять, оттого что в этом у ней была какая-то радость и, может быть, гордость.

И он хотел уж уходить, но вдруг что-то остановило его. Он долго стоял посреди комнаты, напряженно думая, странное успокоение пришло к нему. И он, оглядев комнату Тамары, бессмысленно улыбаясь, вышел.

Он вышел на улицу, прошел два квартала, надел фуражку. Остановился.

— Что такое?

В тот момент, когда он стоял в ее комнате, какая-то счастливая мысль мелькнула в его уме. Он забыл ее... Какая-то мысль, исход какой-то, от которого на мгновение стало ясно и спокойно.

Аполлон Перепенчук стал вспоминать каждую мелочь, каждое слово. Не уехать ли? Нет... Не поступить ли в письмоводители? Нет... Он забыл.

Тогда он бросился опять к ее дому. Да, конечно, он должен сейчас, сию минуту, проникнуть в ее дом, в комнату ее и там, придя на старое место, вспомнить эту проклятую мысль.

Он подошел к двери. Хотел постучать. Но вдруг заметил — дверь открыта. За ним не заперли. Он тихо прошел по коридору, никем не замеченный, и остановился на пороге Тамариной комнаты.

Тамара плакала, ничком уткнувшись в подушки. В руке она держала его фотографию, его — Аполлона Перепенчука.

Пусть на этом месте читатель плачет, сколько ему угодно — автору все равно, ему ни холодно, ни жарко. Автор бесстрастно переходит к дальнейшим событиям.

Аполлон Перепенчук посмотрел на Тамару, на карточку в ее руке, на окно. На цветок, на вазочку с пучком сухой травы, и вдруг вспомнил.

— Да!

Тамара вскрикнула, увидав его. Он бросился прочь, стуча сапогами. За ним бежал кто-то из кухни.

Аполлон Семенович выбежал на улицу. Пошел быстро по Проломной. Потом побежал. Провалился в рыхлый снег. Упал. Встал. Опять побежал.

— Вспомнил!

Он бежал долго, задыхаясь. Уронил фуражку и, не стараясь ее найти, бросился дальше. В городе было тихо. Ночь. Перепенчук бежал.

И вот уже окраина города. Слобода. Заборы. Семафор. Будки. Канавы. Полотно.

Аполлон Перепенчук упал. Пополз. И, уткнувшись в рельсы, лег.

— Вот эта мысль.

Он лежал в рыхлом снегу. Сердце его переставало биться. Ему казалось, что он умирает.

Кто-то с фонарем прошел два раза мимо него и, снова вернувшись, пихнул его ногой в бок.

— Ты чего? — сказал мужик с фонарем. — Чего лег?

Перепенчук молчал.

— Чего лег? — с испугом повторил мужик. Фонарь в его руке дрожал.

Аполлон Семенович поднял голову. Сел.

— Люди добрые... Люди добрые... — сказал он.

— Какие люди? — тихо сказал мужик. — Да ты чего задумал-то? Пойдем-козь в будку. Я здешний... Стрелочник...

Мужик взял его под руку и повел в сторожку.

— Люди добрые... Люди добрые... — бормотал Перепенчук.

Вошли в сторожку. Душно. Стол. Лампа. Самовар. За столом сидел мужик в расстегнутой поддевке. Баба щипцами крошила сахар.

Перепенчук сел на лавку. Зубы его стучали.

— Ты чего лег-то? — спросил опять стрелочник, подмигивая мужику в поддевке. — Не смерти ли захотел? Или рельсину, может, открутить хотел? А?

— А чего он? — спросил мужик в поддевке. — Лег, что ли, на рельсы?

— Лег, — сказал стрелочник. — Я иду с фонарем, а он, курва, лежит, как маленький, уткнувшись харей в самую то есть рельсину.

— Гм, — сказал мужик в поддевке, — сволочь какая.

— Подожди, — сказала баба, — не ори на него. Видишь, трясется человек. Не из радости трясется. На-кось чайку, попей.

Аполлон Перепенчук, стуча по стакану зубами, выпил.

— Люди добрые...

— Обожди, — сказал стрелочник, снова подмигивая и для чего-то толкая под бок мужика в поддевке. — Дай-кось, я его спрошу по порядку.

Аполлон Семенович сидел неподвижно.

— Отвечай по порядку, как на анкету, — строго сказал стрелочник. — Фамилия.

— Перепенчук, — сказал Аполлон Семенович.

— Так, — сказал мужик. — Не слышал.

— Лет от роду?

— Тридцать два.

— Зрелый возраст, — сказал мужик, чему-то радуясь. — А мне пятьдесят первый, значит... Возраст все-таки... Безработный?

— Безработный...

Стрелочник усмехнулся и снова подмигнул.

— Эта худа, — сказал он. — Ну, а ремесло какое понимаешь? Знаешь ли какое ремесло?

— Нет...

— Эта худа, — сказал стрелочник, покачав головой. — Как же это, брат, без рукомесла-то жить? Это, я тебе скажу, немыслимо худа. Человеку нужно непременно понимать рукомесло. Скажем, я — сторож, стрелочник. А теперь, скажем, поперли меня, сокращенье там или что иное... Я от этого, братишка, не пропаду. Я сапоги знаю работать. Буду я работать сапоги — рука сломалась — мне и горюшка никакого. Буду-ка я зубами веревки вить. Вот она какое дело. Как же это можно без рукомесла. Нипочем не можно... Как же существуешь-то?

— Из дворян, — усмехнулся мужик в поддевке. — Кровь у них никакая... Жить не могут. В рельсы ткаются.

Аполлон Перепенчук встал и хотел уйти из будки. Сторож не пустил, сказал:

— Сядь. Я тебя сейчас великолепно устрою.

Он подмигнул мужику в поддевке и сказал:

— Вася, ты бы его присобачил по своему делу. Дело у тебя тихое, каждый понимать может. Что ж безработному человеку гибнуть?

— Пущай, — сказал мужик, застегивая поддевку, — это можно: приходи-ка ты, гражданин, на Благовещенское кладбище. Спроси заведующего. Меня то есть.

— Да пущай он с тобой пойдет, Вася, — сказала баба. — Мало ли, что случится.

— А пущай! — сказал мужик, вставая и надевая шапку. — Идем, что ли. Прощайте.

Мужик вышел из будки вместе с Аполлоном Перепенчуком.

7

Аполлон Семенович Перепенчук вышел в третий и последний период своей жизни — он вступил в должность нештатного могильщика. Почти год Аполлон Семенович проработал на Благовещенском кладбище. Он снова чрезвычайно переменялся.

Он ходил теперь в желтых обмотках, в полупальто, с медной бляхой на груди — № 3. От спокойного, бездумного лица его веяло тихим блаженством. Все морщины, пятна, угри и веснушки исчезли с его лица. Нос принял прежнюю форму. И только глаза порою пристально и не мигая останавливались на одном предмете, на одной точке этого предмета, ничего больше не видя и не замечая.

В такие минуты Аполлон думал, вернее, вспоминал свою жизнь, свой пройденный путь, и тогда спокойное лицо его мрачнело. Но воспоминанья эти шли помимо его воли — он не хотел думать и гнал от себя все мысли. Он сознавал, что

ему не понять, как надо было жить и какую ошибку он совершил в своей жизни. Да и была ли эта ошибка? Может быть, никакой ошибки и не было, а была жизнь простая, суровая и обыкновенная, которая только двум или трем человекам из тысячи позволяет улыбаться и радоваться.

Однако все огорчения были теперь позади. И счастливое спокойствие не покидало больше Аполлона Семеновича. Теперь он всякое утро аккуратно приходил на работу с лопатой в руках и, копая землю, выравнивая стенки могил, проникался восторгом от тишины и прелести новой своей жизни.

В летние дни он, проработав часа два подряд, а то и больше, ложился в траву или на теплую еще, только что вырытую землю, и лежал не двигаясь, смотря то на перистые облака, то на полет какой-нибудь птички, то просто прислушивался к шуму благовещенских сосен. И, вспоминая свое прошлое, Аполлон Перепенчук думал, что никогда за всю свою жизнь он не испытывал такого умиротворения, что никогда он не лежал в траве и не знал и не думал, что только что вырытая земля — тепла, а запах ее слаще французской пудры и гостинной. Он улыбнулся тихой, полной улыбкой, радуясь, что он живет и хочет жить.

Но однажды Аполлон Семенович Перепенчук встретил Тамару под руку с каким-то, довольно важного вида, иностранцем. Они шли по тропинке Ксении Блаженной и о чем-то беспечно болтали.

Аполлон Перепенчук крался за ними, прячась, как зверь, за могилами и крестами. Парочка долго гуляла по кладбищу,

затем, найдя полуразрушенную скамейку, они сели, сжав друг другу руки.

Аполлон Перепенчук бросился прочь.

Но это было только раз. Дальше жизнь опять пошла спокойная и тихая. Дни шли за днями, и ничто не омрачало их тишины. Аполлон Семенович работал, ел, лежал в траве, спал... Иногда он ходил по кладбищу, читал трогательные и аляповатые подписи, присаживался на ту или другую забытую могилу и сидел, не двигаясь и ни о чем не думая.

Девятнадцатого сентября по новому стилю Аполлон Семенович Перепенчук помер от разрыва сердца, работая над одной из могил.

А семнадцатого сентября, т. е. за два дня до его смерти, от родов скончалась Тамара Глоба, урожденная Омельченко.

Аполлон Семенович Перепенчук об этом так и не узнал.

ЛЮДИ

1

Странные вещи творятся в литературе! Нынче, если автор напишет повесть о современных событиях, то такому автору со всех сторон уважение. И критики ему рукоплещут, и читатели ему сочувствуют.

Такому автору и слава, и популярность, и всякое уважение. И портреты такого автора печатают во всех еженедельных

органах. И издатели расплачиваются с ним в золоте, не менее, как по сто рублей за лист.

А на наш ничтожный взгляд, по сто рублей за лист — это уж явная и совершенная несправедливость.

В самом деле: для того чтобы написать повесть о современных событиях, необходима соответствующая география местности, то есть пребывание автора в крупных центрах или столицах республики, в которых-то, главным образом, и протекают исторические события.

Но не у каждого автора есть такая география, и не каждый автор имеет материальную возможность существовать с семьей в крупных городах и в столицах.

Вот тут-то и есть камень преткновения и причина несправедливости.

Один автор проживает в Москве и, так сказать, воочию видит весь круговорот событий с его героями и вождями, другой же автор, в силу семейных обстоятельств, влачит жалкое существование в каком-нибудь уездном городишке, где ничего такого особенно героического не происходило и не происходит.

Так вот, где же взять такому автору крупных мировых событий, современных идей и значительных героев?

Или прикажете ему врать? Или прикажете питаться вздорными слухами приезжающих из столицы товарищей?

Нет, нет и нет! Автор слишком любит и уважает художественную литературу, чтобы основывать ее на всевозможных бабьих глупостях и непроверенных слухах.

Конечно, какой-нибудь просвещенный критик, лепечущий на шести иностранных языках, укажет, может быть, что автор отнюдь не должен гнушаться мелкими героями и небольшими провинциальными сценками, которые происходят вокруг него. И что даже еще и лучше зарисовывать небольшие красочные этюды с маленькими провинциальными человечками.

Эх, уважаемый критик! Оставьте делать ваши нелепые замечания! Все и без вас давно продумано, все, может, улицы исхожены и несколько пар сапог истрепано. Все, может, фамилии, более или менее достойные внимания, вынесены на отдельную бумажку с разными примечаниями и нотабенами. И нет! Не только нету сколько-нибудь замечательного героя, но нету даже посредственного человека, о котором интересно и поучительно говорить. Все мелочь, мелюзга, мелкота, о которых в изящной литературе, в современном героическом плане и говорить не приходится.

Но, конечно, автор все-таки предпочтет совершенно мелкий фон, совершенно мелкого и ничтожного героя с его пустяковыми страстями и переживаниями, нежели он пустится во все тяжкие и начнет заливать пулю насчет какого-нибудь совершенно несуществующего человека. Для этого у автора нет ни нахальства, ни особой фантазии.

Автор, кроме того, причисляет себя к той единственной честной школе натуралистов, за которыми все будущее русской изящной литературы. Но даже если бы автор и не причислял себя к этой школе, все равно, говорить о незнакомом

человеке — затруднительно. То перехватишь через край и заврешься в психологическом анализе, то, наоборот, недокажешь какой-нибудь мелочишки, и читатель станет в тупик, удивляясь легкомысленному суждению современных писателей.

Так вот, в силу вышесказанных причин, а также вследствие некоторых стеснительных материальных обстоятельств, автор приступает к написанию современной повести, предупреждая, однако, что герой повести пустяковый и неважный, недостойный, может быть, внимания современной избалованной публики. Здесь речь идет, как наверное догадывается читатель, об Иване Ивановиче Белокопытове.

Автор ни за что не стал бы затрачивать на него свое симпатичное дарование, если б не потребность в современной повести. Потребность эта заставляет автора, скрепя сердце, взяться за перо и начать повесть о Белокопытове.

Это будет несколько грустная повесть о крушении всевозможных философских систем, о гибели человека, о том, какая, в сущности, пустяковая вся человеческая культура, и о том, как нетрудно ее потерять. Это будет повесть о крушении идеалистической философии.

В этой плоскости Иван Иванович Белокопытов был даже любопытен и значителен. В остальном автор советует читателю не придавать большого значения и, тем паче, не переживать с героем его низменных, звериных чувств и животных инстинктов.

Итак, автор берется за перо и приступает к современной повести.

Действующих лиц в повести будет не так-то уж много: Иван Иванович Белокопытов, худощавый, тридцати семи лет, беспартийный. Его жена, Нина Осиповна Арбузова, смугловатая, цыганского типа дамочка, из балетных. Егор Константинович Яркин, тридцати двух лет, беспартийный, заведующий первой городской хлебопекарней. И, наконец, уважаемый всеми начальник станции, товарищ Петр Павлович Ситников.

Есть и еще в повести несколько эпизодических лиц, как, например: Катерина Васильевна Коленкорова, тетка Пепелюха и станционный сторож и герой труда Еремеич — лица, о которых заранее говорить нету смысла ввиду незначительности их роли.

Кроме человеческих персонажей, в повести выведена еще небольшая собачка, о которой говорить, конечно, не приходится.

2

Фамилия Белокопытовых — старая, дворянская и помещичья фамилия. В те годы, о которых идет речь, фамилия эта сходилась на нет, и Белокопытовых было всего двое: отец Иван Петрович и отпрыск его Иван Иванович.

Отец, Иван Петрович, очень богатый и представительный мужчина, был несколько странный и чудаковатый господин. Слегка народник, но увлекающийся западными идеями, он то громил мужиков, называя их сволочами и человеческими отребьями, то замыкался в своей библиотеке и жадно читал таких авторов, как Жан Жак Руссо, Воль-

тер или Бодуэн-де-Куртенэ, восхищаясь их свободомыслием и независимостью взглядов

И, несмотря на это, отец Иван Петрович Белокопытов нежно любил сельскую жизнь, спокойную и ровную, любил парное молоко, которое поглощал в каком-то изумительном количестве, и увлекался верховой ездой. Он ежедневно выезжал верхом на прогулку, любясь красотами природы или журчащим говором какого-нибудь лесного ручейка.

Умер отец Белокопытов еще молодым, в полном расцвете своих сил. Его задавила собственная лошадь.

В один из ясных летних дней, собравшись на обычную свою верховую прогулку, он стоял, совершенно одетый, у окна столовой комнаты, нетерпеливо дожидаясь, когда подадут ему лошадь. Молодцеватый и красивый, в серебряных шпорах, он стоял у окна, раздраженно помахивая стеклом с золотым набалдашником. Тут же и сынишка, молодой Ваня Белокопытов, резвился вокруг своего отца, беспечно приплясывая и играя колесиками его шпор.

Впрочем, резвился молодой Белокопытов значительно раньше. В год смерти отца ему было за двадцать лет, и он был уже возмужалым юношей с первым пушком на верхней губе.

В тот год он, конечно, не мог резвиться. Он стоял возле отца и убеждал его отказаться от поездки.

— Не поезжайте, папаша, — говорил молодой Белокопытов, предчувствуя недоброе.

Но молодцеватый папаша, подкрутив усы и махнув рукой, дескать, пропадать так пропадать, пошел вниз, чтобы дать вздрючку замешкавшемуся конюху.

Он вышел на двор, сердито вскочил на поданную ему лошадь и, в крайнем раздражении и гневe, дал шпоры.

Видимо, это и было его гибелью. Разъяренное животное понесло и верст за пять от имения сбросило Белокопытова, размозжив ему череп о камни.

Молодой Белокопытов стойко выдержал известие о гибели своего отца. Приказав сначала продать эту лошадь, он оттянул это решение и, лично войдя в конюшню, пристрелил животное, вложив револьвер в ухо. Затем он заперся в доме, горько оплакивая гибель своего отца. И только через несколько месяцев приступил снова к прежним своим занятиям. Он изучал испанский язык, и под руководством опытного педагога делал переводы с испанских авторов. Но, кроме испанского языка, он занимался еще и латынью, роясь в старинных книгах и рукописях.

Другой бы на месте Ивана Ивановича, оставшись единственным наследником богатейшего состояния, плюнул бы на всю эту испанскую музыку, погнал бы учителей в три шеи, завил бы горе веревочкой, запил бы, закрутил, заразвратничал, но, к сожалению, не таков был молодой Белокопытов. Он повел жизнь такую же, как и раньше.

Всегда богатый и обеспеченный, не знающий, что такое материальное стеснение, он равнодушно и презрительно относился к деньгам. А тут еще, начитавшись либеральных книг с пометками своего отца, он и вовсе стал пренебрежительно относиться к своему огромному состоянию.

Разные тетуски, узнав о смерти отца Белокопытова, понаехали в имение со всех концов света, рассчитывая — не

перепадет ли и им кусочка. Они льстили Ивану Ивановичу, прикладывались к его ручке и восторгались его мудрыми распоряжениями.

Но однажды, собрав всех своих родственников в столовую, Иван Иванович заявил им, что он считает себя не вправе владеть полученным состоянием. Он считает, что наследство — вздор и ерунда и что каждый человек самостоятельно должен делать свою жизнь. И он, Иван Иванович Белокопцов, находясь в здравом уме и твердой памяти, отныне отказывается от всего имущества, с тем, что он сам распределит его различным учреждениям и неимуществным частным лицам.

Родственнички в один голос ахали и охали и, восторгаясь необыкновенным великодушием Ивана Ивановича, говорили, что, в сущности, они и есть эти самые неимуществные частные лица и учреждения. И Иван Иванович, выделив им почти половину своего состояния, распрощался с ними и принялся ликвидировать свою недвижимость.

Он быстро и за бесценок распродал свои земли, разбазарил и частью раздал мужикам домашнюю утварь и скотину и, все еще с крупным состоянием, переселился в город, наняв у простых, незнакомых ему людей две небольшие комнаты.

Кой-какие далекие родственники, проживавшие в ту пору в городе, сочли себя оскорбленными и прекратили с ним всякие отношения, находя подобное поведение вредным и опасным для дворянской жизни.

Но, поселившись в городе, Иван Иванович никак не изменил своей жизни и привычек. Он по-прежнему продолжал

изучение испанского языка, в свободное время широко занимаясь благотворительностью.

Огромные толпы нищих осаждали квартиру Ивана Ивановича. Разные прощелыги, жулики и авантюристы, в порядке живой очереди, входили теперь к нему с просьбой о вспоможении.

Почти никому не отказывая и жертвуя, кроме того, большие суммы различным учреждениям, Иван Иванович в короткое время разбазарил половину оставшегося у него имущества. Он сошелся, кроме того, с какой-то революционной группой людей, всячески их поддерживая и помогая. Был слушок даже, что он передал группе почти все оставшиеся свои деньги, но насколько это правда, автор не берется утверждать. Во всяком случае, Белокопытов был замешан в одно революционное дело.

Автор был тогда занят своими поэтическими и семейными делами и сквозь пальцы смотрел на общественные события, так что кое-какие подробности от него ускользнули. Автор издавал в тот год первую книжонку своих стихов под названием «Букет резеды». В настоящее время автор, конечно, не назвал бы свои поэтические опыты таким мизерным и сентиментальным заглавием. В настоящее время автор попытался бы эти стишки объединить какой-нибудь отвлеченной философской идеей и назвать книжку соответствующим заглавием, как, например, названа и объединена эта повесть огромным и значительным словом — «Люди». Но, к сожалению, автор тогда был молод и неопытен. Впрочем, книжка все-таки была неплохая. Отпечатанная на лучшей

меловой бумаге в количестве трехсот экземпляров, она за четыре с небольшим года разошлась окончательно, до последнего экземпляра, подарив автору некоторую известность среди граждан.

Неплохая была книжонка.

А что касается до Ивана Ивановича, то он, действительно, несколько запутался в обстоятельствах. Какой-то курсистке, приговоренной к ссылке на поселение, он, в припадке великодушия, подарил ильковую шубу.

Эта шуба наделала хлопот Ивану Ивановичу. Он был взят под подозрение, и за ним был установлен негласный надзор. Его подозревали в сношениях с революционерами.

Иван Иванович, человек нервный и впечатлительный, ужасно взволновался тем, что за ним следят. Он буквально хватался за голову, говоря, что он не может жить больше в России, в этой стране полудиких варваров, где за человеком следят, как за зверем. И Иван Иванович давал себе слово, что он непременно в ближайшее время все распродаст и уедет за границу как политический эмигрант и что ноги его больше не будет в этом стоячем болоте.

И, приняв такое решение, он немедленно принялся ликвидировать свои дела, торопясь и беспокоясь, что его схватят, арестуют или не разрешат выезда. И, быстро закончив свои дела и оставив себе незначительные деньги на жительство, Иван Иванович Белокопытов в один из осенних, пасмурных дней выехал за границу, проклиная свою судьбу и себя за великодушие.

Этот отъезд состоялся в сентябре 1910 года.

Как жил и что делал Иван Иванович за границей, никому неизвестно.

Сам Иван Иванович об этом никогда не упоминал, автор же не рискует сочинять небывлицы о тамошней иностранной жизни.

Конечно, какой-нибудь опытный сочинитель, дорвавшись до заграницы, непременно бы тут пустил пыль в глаза читателям, нарисовав им две или три европейские картинки с ночными барами, с шансонетками и с американскими миллиардерами.

Увы! Автор никогда не ездил по заграницам, и жизнь Европы для него темна и неясна.

Автор поэтому с некоторым сожалением и грустью и с некоторой даже виной перед читателями должен пропустить, по крайней мере, десять или одиннадцать лет заграничной жизни Ивана Ивановича Белокопытова, чтоб окончательно не завратиться в мелких деталях незнакомой жизни.

Но пусть читатель успокоится. Ничего замечательного за эти десять лет в жизни нашего героя не было. Ну — жил человек за границей, ну — женился там на русской балетной танцовщице... Что же еще? Ну — поистратился, конечно, вконец. А в начале русской революции вернулся в Россию. Вот и все.

Конечно, все это можно было бы раздраконить в лучшем, в более заманчивом виде, но опять-таки, по причинам вышеуказанным, автор оставляет все как есть. Пускай другие

писатели пользуются красотой своего слога — автор человек не тщеславный — как написал, так и ладно. Лавры других знаменитых писателей автору не мешают жить.

Так вот, уважаемый читатель, вот все, что случилось с Белокопытовым за десять лет. Впрочем, не все.

За границей в первые годы Иван Иванович принялся писать книгу. Он уже приступил к этой книге, назвав ее «О революционных возможностях в России и на Кавказе». Однако сначала мировая война, затем революция сделали эту книгу ненужным, вздорным хламом.

Но Иван Иванович не очень горевал об этом и на третий или на четвертый год революции вернулся в Россию, в свой город. Автор с этого момента и приступает к повести. Тут-то уж автор чувствует себя молодцом и именинником. Тут-то уж автор крепок и непоколебим. И не заврется. Это вам не Европа. Все здесь шло на глазах автора. Всякая мелочь, всякое происшествие автору доподлинно известно, или рассказано и получено из первых и уважаемых рук.

Итак, автор начинает свою повесть во всех подробностях только со дня приезда Ивана Ивановича в наш многоуважаемый город.

Это была прелестная весна. Снег уже почти весь стаял. Птицы носились по воздуху, приветствуя своими криками долгожданную весну. Однако без галош еще нельзя было ходить — местами грязь достигала колена и выше.

В один из таких прелестных весенних дней вернулся в свои родные места Иван Иванович Белокопытов.

Это было днем.

Несколько пассажиров моталось по платформе из стороны в сторону, с нетерпением ожидая поезда. Тут же стоял и уважаемый всеми начальник станции, товарищ Ситников.

А когда подошел поезд — из переднего мягкого вагона вышел худощавый человек в мягкой шляпе и в узконосых ботинках без галош.

Это и был Иван Иванович Белокопытов.

Одетый по-европейски, в отличном широком пальто, он небрежной походкой сошел на платформу, выкинув предварительно с площадки вагона два прекрасных желтоватой кожи чемодана с никелированными замками. Затем, обернувшись назад и подав руку смугловатой, цыганского типа дамочке, он помог ей сойти.

Они стояли теперь возле своих чемоданов. Она, с некоторым испугом озираясь по сторонам, он же, мягко улыбаясь и дыша полной грудью, глядел на отходящий поезд.

Поезд давно уже отошел — они стояли, не двигаясь. Куча ошалелых мальчишек, свистя и шлепая босыми ногами, набросилась на чемоданы, теребя их грязными лапами и предлагая тащить их хоть на край света.

Подошедший носильщик, старый герой труда Еремеич, отогнав мальчишек, укоризненно стал рассматривать захватанную руками светло-желтую кожу чемоданов. Затем, взвалив их на плечи, Еремеич двинулся к выходу, предлагая этим следовать приедем за ним и не стоять по-пустому.

Белокопытов пошел за ним, но у выхода, на крыльце позади станции, приказал Еремеичу остановиться. И, остановившись

сам, он снял шляпу и приветствовал свой родной город, свое отечество и свое возвращение.

И стоя на ступеньках вокзала, он с мягкой улыбкой глядел на вдаль уходящую улицу, на канавы с мосточками, на маленькие деревянные дома, на сероватый дымок из труб... Какая-то тихая радость, какой-то восторг приветствия был на его лице.

Он долго стоял с непокрытой головой. Мягкий весенний ветер трепал его немножко седеющие волосы. И, думая о своих скитаниях, о новой жизни, которая ему предстоит, Белокопытов стоял неподвижно, вдыхая всей грудью свежий воздух.

И ему хотелось вот сейчас, тотчас, куда-то идти, что-то делать, что-то создавать, какое-то важное и всем нужное. И он чувствовал в себе необыкновенный прилив юношеской свежести и крепости и какой-то восторг. И тогда ему хотелось низко поклониться родной земле, родному городу и всем людям.

Между тем его супруга, Нина Осиповна Арбузова, стоя позади его и язвительно глядя на его фигуру, нетерпеливо постукивала о камни концом зонтика. Тут же, несколько поодаль, стоял Еремеич, согнувшись под двумя чемоданами, не зная, поставить ли их на землю и тем самым загадить грязью их ослепительную поверхность, или же держать их на спине и ждать, когда прикажут ему нести. Но Иван Иванович, обернувшись, любезно попросил не утруждать себя тяжестью и поставить ношу хотя бы в самую грязь. Иван Иванович даже сам подошел к Еремеичу и, помогая ему поставить чемоданы на землю, спросил:

— Ну, как вообще? Как жизнь?

Несколько грубоватый и лишенный всякой фантазии Еремеич, не привыкший к тому же к таким отвлеченным вопросам и переносивший на своей спине до пятнадцати тысяч чемоданов, корзин и узлов, отвечал простоудушно и грубо:

— Живем, хлеб жуем...

Тогда Белокопытов принялся расспрашивать Еремеича о более реальных вещах и событиях, интересуясь, где то или иное лицо и какие изменения произошли в городе. Но Еремеич, проживший безвыездно пятьдесят шесть лет в своем городе, казалось, впервые слышал от Белокопытова фамилии, имена и даже названия улиц.

Сморкаясь и обтирая рукавом вспотевшее лицо, Еремеич то принимался брать чемоданы, желая этим показать, что пора двигаться, то вновь ставил их на место, беспокоясь, что опоздает к следующему поезду.

Нина Осиповна нарушила их мирную беседу, язвительно спросив, намерен ли Иван Иванович тут остаться и тут жить на лоне природы, или же у него есть еще кое-какие планы.

Говоря так, Нина Осиповна сердито стучала туфлей о ступеньки и скорбно сжимала губы.

Иван Иванович принялся что-то отвечать, но тут на шум вышел из помещения уважаемый всеми товарищ Петр Павлович Ситников. За ним следовал дежурный агент уголовного розыска. Но увидя, что все обстоит благополучно и что общественная тишина и спокойствие ничем не нарушается и ничего, в сущности, не случилось, кроме как семейных споров с постукиванием дамской туфли о ступеньки, Петр Павлович Ситников повернулся было назад, но Иван Иванович

догнал его и, спросив, помнит ли он его, стал трясти ему руки, крепко пожимая и радуясь.

Не теряя своего достоинства, Ситников сказал, что он, действительно, что-то припоминает, что физиономия Белокопытова как будто ему знакома, но, насколько это верно, доподлинно не знает и не помнит.

И, отговариваясь служебными делами и пожимая Белокопытову руку, удалился, рукой приветствуя незнакомую смуглую даму.

За ним ушел и дежурный агент, спросив Белокопытова о международной политике и о событиях в Германии. Агент молча выслушал речь Белокопытова и, кивнув головой, отошел, приказав Еремеичу возможно далее отнести от входа чемоданы, для того чтобы проходящие пассажиры не поломали бы себе ноги.

Еремеич с сердцем и окончательно взвалил на себя чемоданы и пошел вперед, спрашивая, куда нести.

— В самом деле, — спросила жена Белокопытова, — куда ж ты намерен идти?

С некоторым недоумением и беспокойством Иван Иванович стал обдумывать, куда ему идти, но не знал и спросил Еремеича, нет ли тут поблизости, хотя бы временно, какой-нибудь комнаты.

Снова поставив чемоданы, Еремеич стал тоже обдумывать и припоминать и, решив наконец, что, кроме как к Катерине Васильевне Коленковой идти некуда, пошел вперед. Но Иван Иванович, обогнав его, сказал, что он помнит добрейшую женщину Катерину Васильевну, помнит и зна-

ет, где она живет, и что он сам пойдет вперед, указывая дорогу.

И он пошел вперед, размахивая руками и хлюпая своими изящными заграничными ботинками по грязи.

Позади шел, совершенно запарившийся, Еремеич. За ним шла Нина Осиповна Арбузова, высоко подобрав юбки и открыв свои тонковатые ноги в светлых серых чулках.

4

Белокопытовы поселились у Катерины Васильевны Коленкоровой.

Это была простодушная, доброватая бабенция, по странной причине интересующаяся чем угодно, кроме политических событий.

Эта Катерина Васильевна радушно приняла Белокопытовых в свой дом, говоря, что отведет им самую отличную комнату рядом с товарищем Яркимым, заведующим первой государственной хлебопекарней.

И Катерина Васильевна несколько даже торжественно повела их в комнаты.

С каким-то трепетом, вдыхая в себя старый знакомый запах провинциального жилья, Иван Иванович вошел в сенцы, простые и деревянные, с многими дырками в стенах, с глиняным ручкомойником в углу на веревке и кучей мусора на полу.

Иван Иванович восторженно прошел через сени, с любопытством рассматривая забытый им глиняный ручкомойник, и пошел в комнаты. Ему все сразу понравилось тут — и скрип

половиц, и тонкие переборки комнат, и маленькие грязноватые окна, и низенькие потолки. Ему понравилась и комната, хотя, в сущности, комната была неважная и, по мнению автора, даже отвратительная. Но почему-то и сама Нина Осиповна отозвалась о комнате благосклонно, добавив, что для временного жилья это вполне прилично.

Автор приписывает это исключительно усталости приезжих. Автору впоследствии не раз приходилось бывать в этой комнате — более безвкусной обстановки ему не приходилось видеть, хотя автор и сам живет в совершенно плохих условиях, в частном доме, у небогатых людей. Автор при всем своем уважении к приезжим совершенно удивляется их вкусу. Ничего привлекательного в комнате не было. Желтые обои отставали и коробились. Простой кухонный стол, прикрытый клеенкой, несколько стульев, диван и кровать составляли все небогатое имущество комнаты. Единственным, пожалуй, украшением были оленьи рога, высоко повешенные на стене. Но на одних рогах, к сожалению, далеко не уедешь.

Итак, Белокопытовы временно поселились у Катерины Васильевны Коленкоровой.

Они сразу же повели жизнь тихую и размеренную. Первые дни, никуда не выходя из дому из-за грязи и бездорожья, они сидели в своей комнате, прибирая ее или восхищаясь оленьими рогами, или делаясь своими впечатлениями.

Иван Иванович был весел и шутлив. Он то подбегал к окну, восторгаясь какой-нибудь телкой или глупой курицей, зашедшей поклевать уличную дрянь, то бросался в сени и,

как ребенок смеясь, плескался под рукомойником, поливая свои руки то с одного носика, то с другого.

Нина Осиповна, щепетильная, кокетливая особа, не разделяла восторгов по поводу глиняного рукомойника. Она с брезгливой улыбкой говорила, что, во всяком случае, она предпочитает настоящий рукомойник, этакий, знаете ли, с ножкой или с педалью — нажмешь и льется. Впрочем, особой обиды насчет рукомойника Нина Осиповна не высказывала. Напротив, она не раз говорила:

— Если это временно, то я согласна и не сержусь. И за неимением гербовой пишут и на простой.

И, умывшись утром, розовая и свежая, и помолодевшая лет на десять, Нина Осиповна с довольным видом спешила в комнаты и там, надев балетный костюм — этакие, знаете ли, трусики с газовой юбочкой — танцевала и упражнялась перед зеркалом, грациозно приседая то на одну, то на другую ногу, то на обе враз.

Иван Иванович ласково поглядывал на нее и на ее пустяковые затеи, находя, впрочем, что провинциальный воздух ей положительно благоприятен и что она уже несколько поправилась и пополнела и ноги у ней не такие уж чересчур тонковатые, как были в Берлине.

Утомившись от своих приседаний, Нина Осиповна присаживалась в какое-нибудь кресло, а Иван Иванович, ласково поглаживая ее руку, рассказывал о своей здешней жизни, о том, как одиннадцать лет тому назад он бежал, преследуемый царскими жандармами, и о том, как он провел первые свои годы изгнания. Нина Осиповна расспрашивала мужа,

живо интересуясь, сколько он имел денег и какие у него были земли. Ахая и ужасаясь, как это он так быстро и сразу растратил свое состояние, она сердито и резко выговаривала ему за глупую безопасность и чуждачество.

— Ну, как можно! Как можно так швыряться деньгами! — говорила она, сдерживая свое негодование.

Иван Иванович пожимал плечами и старался переменить разговор.

Иногда их беседы прерывала Катерина Васильевна. Она входила в комнату и, остановившись у дверей, покачиваясь из стороны в сторону, рассказывала Белокопытовым о всяких городских переменах и сплетнях.

Иван Иванович с жаром расспрашивал ее о своих дальних родственниках и немногочисленных знакомых и, узнав, что большинство из них умерло за эти годы, а иные, как политические эмигранты, уехали, — качал головой и беспокойно ходил вдоль комнаты, пока Нина Осиповна не брала его за руку и не усаживала на стул, говоря, что своим мельканием перед глазами он действует ей на нервы.

Так проходили первые дни без всяких волнений, тревог и происшествий. И только раз, под вечер, постучав в двери, вошел к ним их сосед, Егор Константинович Яркин, и, познакомившись, долго расспрашивал о заграничной жизни, спросив под конец, не продажный ли у них чемодан, стоявший в углу.

И, узнав, что чемодан не продается, а стоит так себе, Егор Константинович, несколько оскорбившись, ушел из комнаты, молча поклонившись присутствующим.

Нина Осиповна брезгливо смотрела ему вслед, на его широкоую фигуру с бычачьей шеей, и печально думала, что вряд ли здесь, в этом провинциальном болоте, можно найти настоящего изысканного мужчину.

5

Итак, жизнь шла своим чередом.

Грязь уже несколько пообсохла, и по улицам взад и вперед стали сновать прохожие, спеша по своим делам или прогуливаясь, луща семечки, хохоча и заглядывая в чужие окна.

Иногда на улицу выходили домашние животные и, пощипывая траву или роя ногами землю, степенно проходили мимо дома, нагуливая весенний жирок.

Высокообразованный, знающий отлично испанский язык и отчасти латынь, Иван Иванович ничуть не беспокоился о своей судьбе, надеясь в ближайшие же дни найти себе соответствующую должность и тогда перебраться на новую, более приличную квартиру. И, говоря об этом со своей женой, Иван Иванович спокойным тоном объяснял ей, что хотя сейчас у него материальные дела несколько и стесненные, но что в ближайшее время это изменится к лучшему. Нина Осиповна настойчиво просила его возможно поскорей приняться за дело и определить свое положение, и Иван Иванович обещал ей, сказав, что завтра же он это сделает.

Однако первые его шаги не увенчались успехом. Немного обескураженный, он и на другой день пошел в какое-то учреждение, но вернулся грустный и слегка взволнованный. И, пожимая плечами, он оправдывался перед женой, объясняя ей,

что это не так-то просто и не так-то сразу дается приличная должность человеку, знающему латинский и испанский языки.

Он каждое утро теперь выходил на поиски службы, но ему отказывали, то ссылаясь на отсутствие соответствующей должности, то на неимение у него служебного стажа.

Впрочем, принимали Ивана Ивановича всюду очень приветливо и внимательно, очень интересовались и расспрашивали о загранице и о возможностях новых мировых потрясений, но, когда он переходил на дело, качали головами, разводили руками, говоря, что они ничего не могут поделать и что испанский язык — язык очень забавный и редкий, но, к сожалению, потребности в нем не ощущается.

Белокопытов уже перестал говорить о своем испанском языке. Он больше напирал теперь на латынь, зная о ее практическом применении, но и латынь Ивана Ивановича не возила. Его выслушивали, интересовались даже, прося для слуха изобразить по-латински стишок или фразу, но практического применения никакого не видели.

Иван Иванович перестал напирать на латынь. Он просил теперь письменной работы, но его расспрашивали, что он умеет и какой у него профессиональный стаж. И, узнав, что Иван Иванович ничего не умеет и нет у него никакого профессионального стажа, обижались, говоря, что им совершенно непонятно, к чему и на что его приспособить.

Кое-где, Впрочем, Белокопытову предлагали понаведаться через месяц, не обещая пока ничего существенного.

Иван Иванович Белокопытов приходил теперь домой в мрачном и угнетенном состоянии. Наскоро съев жидковатый обед, он заваливался в брюках на постель и, отвернувшись лицом к стене, избегал разговоров и сцен со своей женой.

А она, в своих трусиках и в розовом газе, прыгала, что дура, около зеркала, топоча ногами и закидывая кверху тонковатые свои руки с острыми локтями.

Иногда она пыталась делать сцены, наговаривая кучу всевозможных неприличностей Ивану Ивановичу и возмущаясь тем, что он вывез ее из-за границы на такую бессодержательную жизнь, но Иван Иванович, чувствуя и зная свою вину, отмалчивался. И только однажды сказал, что он ничего не понимает, что он и сам введен в заблуждение насчет испанского языка и насчет всей своей жизни. Он рассчитывал устроиться на приличную должность, но этого не выходит, оттого что он, оказывается, ничего не умеет и ничего не может, и что об этом он еще никогда не задумывался. Он, оказывается, получил глупое и бестолковое воспитание, рассчитанное на богатую, обеспеченную жизнь помещика и домовладельца. И вот теперь, когда у него ничего нету — он пожинает плоды.

Нина Осиповна заплакала, говоря, что это так не может продолжаться, что должен быть какой-то конец, что, в конце концов, они задолжали кругом и даже добрейшей своей хозяйке Катерине Васильевне. Тогда, попросив ее не плакать, он предложил ей продать чемодан, хотя бы соседу Егору Константиновичу Яркину.

Она так и сделала. Она лично пошла с чемоданом в комнату Яркина и долго просидела там, вернувшись несколько оживленной с деньгами в руках.

В дальнейшем таких сцен не повторялось. Вернее, Иван Иванович, предчувствуя сцену, надевал шляпу и выходил на улицу. И всякий раз, когда выходил на улицу и проходил через сени, слышал, как его сосед Егор Константинович переговаривается через стенку с женой, предлагая ей кусок хлеба или бутерброд с сыром.

Иван Иванович выходил за ворота, на канаву и стоял там, уныло поглядывая на длинную улицу. Иногда он присаживался на скамейку возле палисадничка и, обняв руками свои колени, сидел неподвижно, с беспокойством поглядывая на прохожих.

Мимо него проходили люди, спеша по своим делам. Какая-нибудь баба с корзинкой или с мешком с любопытством осматривала Ивана Ивановича и шла дальше, оборачиваясь назад раз десять или пятнадцать. Какие-нибудь мальчонки пробегали мимо него и, высывая языки или хлопнув сидящего по коленке, стремительно убегали прочь.

Иван Иванович на все это смотрел с печальной усмешкой, в сотый раз думая все об одном и том же — о своей жизни и о жизни других людей, стараясь найти какую-то разницу или какую-то ужасную причину его несчастья.

Иной раз мимо Белокопытова проходили рабочие текстильной фабрики с гармоникой, шутками и песнями. И тогда Белокопытов несколько оживлялся и долго смотрел на них, слушая их веселые, громкие песни, крики и возгласы.

И в такие дни, в дни сидения на канаве, Ивану Ивановичу казалось, что он, пожалуй что, напрасно приехал сюда, в этот город, на эту улицу. Но куда нужно было приехать — он не знал. И еще более обеспокоенный и согнувшийся, он уходил домой, волоча по земле свои ноги.

6

Иван Иванович совершенно упал духом. Его восторженное состояние после приезда сменилось молчаливой тоской и апатией.

Он чувствовал какой-то испуг перед неведомой ему, оказывающейся, жизнью. Ему казалось теперь, что жизнь — это какая-то смертельная борьба за право существовать на земле. И тогда, в смертельной тоске, чувствуя, что речь идет попросту о продлении его жизни, он выдумывал и выискивал свои способности, свои знания и способы их применения. И, перебирая все, что он знает, он приходил к грустному заключению, что он ничего не знает. Он знает испанский язык, он умеет играть на арфе, он немного знаком с электричеством и умеет, например, провести электрический звонок, но все это здесь, в этом городе, казалось ненужным и для горожан несколько смешным и забавным. Ему не смеялись в лицо, но он видел на лицах улыбки сожаления и хитрые, насмешливые взгляды, и тогда он, съежившись, уходил прочь, стараясь подольше не встречаться с людьми.

По заведенной привычке, он все еще ежедневно и аккуратно выходил на поиски работы. Не торопясь и стараясь идти как можно медленней, он без всякого трепета, как

раньше, почти механически высказывал свои просьбы. Ему предлагали зайти через месяц, иногда же просто и коротко отказывали.

Иной раз, приведенный в тупое отчаяние, Иван Иванович с сердцем упрекал людей, требуя немедленно работу и немедленную помощь, выставляя свои заслуги перед государством и рассказывая историю относительно ильковой шубы, подаренной им ссыльной курсистке.

Целыми днями он таскался теперь по городу и вечером, полуголодный, с гримасой на лице, бродил бесцельно из улицы в улицу, от дома к дому, стараясь оттянуть, отдалить свой приход домой.

Иной раз он проходил через весь город и, не заходя никуда и не останавливаясь, шел все прямо. И, минуя Слободку, выходил в открытое поле, пересекал Собачью рожицу и шел к лесу. Там побродив до сумерек, возвращался домой.

И он входил в свою комнату, закрывая глаза, зная, что налево, у зеркала, в углу сидит неподвижная Нина Осиповна и язвительно или в слезах осматривает его.

Он избегал разговоров, он избегал даже встреч, стараясь пробыть в доме недолго и только ночью.

Но однажды он сам заговорил с женой. Он сказал, что все гибнет, что он отдает себя в руки судьбы, а она, Нина Осиповна, может, если найдет нужным, как угодно распоряжаться его имуществом. Он намекал в данном случае на оставшийся чемодан и на кой-какие вещи из его заграничных костюмов.

Услышав через тонкую перегородку об этом, в комнату вошел Егор Константинович Яркин и сказал, что он с удовольствием идет навстречу их желаниям, но только от чемодана отказывается категорически.

— Все чемоданы да чемоданы, — сказал Егор Константинович, хмурясь. — Нет ли чего другого продажного?

И, узнав, что есть, он стал рассматривать какие-то вещи и какие-то штаны, поднося их к самым глазам. И, рассматривая на свет, хаял, понижая их достоинство.

Нина Осиповна, оживленная и неизвестно чем взволнованная, шутила с Егор Константиновичем, то хлопая его легонько по руке, то усаживаясь грациозно на ручке кресла и покачивая тонковатой ногой.

Наконец, Егор Константинович, оставив деньги и любезно попрощавшись, ушел, захватив с собой вещи.

Несколько дней после этого прошли спокойно и тихо. Но в конце недели Иван Иванович, выйдя из дому утром, вернулся в полдень совершенно потрясенный и сияющий. Он нашел себе службу. Он все время искал себе какую-то глупую, интеллигентскую письменную работу, но ведь, оказывается, есть кое-что и другое!

В общем, он встретил на улице своего старинного приятеля, который, участливо расспросив и узнав о сумасшедшем положении Ивана Ивановича, схватился за голову, обдумывая, как бы немедленно и сразу помочь своему другу. Он, несколько конфузясь, сказал, что он может, хотя бы временно, устроить его в один из потребительских кооперативов. Но что это вре-

менно, что такому образованному человеку, как Иван Иванович, необходима соответствующая должность.

Иван Иванович с дикой радостью схватился за предложение, говоря, что он заранее согласен в кооператив, что ему положительно по душе эта работа и что он вовсе не захочет каких-то там проблематических перемен. И, условившись обо всем, Иван Иванович опрометью бросился домой. И дома, теребя за руки то Катерину Васильевну, то свою жену, за хлебываясь, говорил о своем месте.

Он тотчас и немедленно развил им целую философскую систему о необходимости приспособляться, о прямой и примитивной жизни и о том, что каждый человек, имеющий право жить, непременно обязан, как и всякое живое существо и как всякий зверь, менять свою шкуру, смотря по времени. Зачем ему какой-то дурацкий интеллигентский труд! Вот чудная профессия, которая даст ему новую радость жизни. Кому надо какой-то испанский язык, какие-то утонченные мозги и так далее.

И, говоря об этом запутанным, ломаным языком, недоговаривая слова и перескакивая с мысли на мысль, он пытался доказать свою теорию. Нина Осиповна слушала его, хлопая ушами, нервно покуривая папиросу за папиросой.

Автор догадывается, что Иван Иванович Белокопытов, слегка запарившись от волнения, говорил о той великой научной теории, о симпатической окраске, о так называемой мимикрии, когда ползущий по стеблю жучок имеет цвет этого стебля для того, чтоб птица не склевала бы его, приняв за хлебную крошку.

Автору все это было ясно и понятно. И автор ничуть не удивляется тому, что Нина Осиповна хлопала ушами, не понимая, о чем идет речь. Автор не слишком-то большого мнения о балетных танцовщицах.

7

Иван Иванович Белокопытов поступил в кооператив «Народное благо».

Иван Иванович вставал теперь чуть свет, надевал свой уже потрепанный костюм и, стараясь не разбудить своей жены, на цыпочках выходил из дому и бежал на службу. Он приходил туда почти всегда первым и стоял у двери по часу и больше, дожидаясь, когда, наконец, придет заведующий и откроет лавку. И, выходя из лавки последним, вместе с самим заведующим, он, торопливо шагая и прыгая через канавы, шел домой, неся в руках какую-нибудь выданную снедь.

Дома, захлебываясь и перебивая самого себя, он говорил жене о том, что эта работа ему совершенно по душе, что лучшего он и не хочет в своей жизни и что быть хотя бы и приказчиком — это не так-то позорно и унизительно и что, наконец, эта работа очень приятная и не так уж трудная.

Нина Осиповна довольно симпатично относилась к этой перемене в жизни Иван Ивановича, говоря, что если это временно, то это совсем не так плохо, как кажется на первый взгляд, и что в дальнейшем они, может быть, даже смогут открыть свой небольшой кооперативчик. И, развивая эту мысль, Нина Осиповна приходила в совершенный восторг, рисуя себе картину, как они будут торговать сами — он за

прилавком, сильный, с засученными рукавами и с топором для рубки мяса, а она, грациозная и слегка напудренная, за кассой. Да, она непременно будет стоять за кассой и, весело улыбаясь покупателям, будет пересчитывать деньги, связывая их в аккуратные пачечки. Она любит пересчитывать деньги. Даже самые грязные деньги все же чище кухонного передника и посуды.

И, думая так, Нина Осиповна хлопала в ладоши, наскоро надевала розовое трико и газ и снова начинала свои дурацкие прыжки и экивоки. А Иван Иванович, утомленный дневной работой, заваливался спать, с нетерпением ожидая утра.

И, вернувшись к вечеру, Иван Иванович снова и опять делился с женой своими впечатлениями за день или смеясь рассказывал ей о том, как он вешал сегодня масло. И что легкий, едва уловимый нажим одного пальца на весы чрезвычайно меняет вес предмета, оставляя кое-что в пользу приказчика.

Нина Осиповна оживлялась в этих местах. Она удивлялась, почему Иван Иванович нажимает одним только пальцем, а не двумя, говоря, что двумя, — это еще больше уменьшит вес масла. При этом страшно жалела, что нельзя вместо масла подсовывать покупателям какую-нибудь светловатую дрянь, вроде глины.

Тогда Иван Иванович поднимал свою жену на смех, упрямивая ее не очень-то вмешиваться в его дела, чтоб не переборщить через край и тем самым не потерять службу. Но Нина Осиповна сердито советовала ему не слишком-то церемониться и не очень-то миндальничать с обстоятельствами.

Иван Иванович соглашался. Он с некоторым даже пафосом говорил, что цинизм — это вещь, совершенно необходимая и в жизни нормальная, что без цинизма и жестокости ни один даже зверь не обходится и что, может быть, цинизм и жестокость и есть самые правильные вещи, которые дают право на жизнь. Иван Иванович говорил еще, что он был раньше глупым, сентиментальным щенком, но теперь он возмужал и знает, сколько стоит жизнь, и даже знает, что все, что он раньше считал своим идеалом: жалость, великодушие, нравственность, — все это не стоит ломаного гроша и выеденного куриного яйца. Все это жалкие побрякушки, достойные сентиментальной фальшивой эпохи.

Нина Осиповна не любила его таких отвлеченных философских идей. Она с досадой махала рукой, говоря, что вполне предпочитает не слова, а реальные, видимые факты и деньги.

Так шли дни.

Иван Иванович Белокопытов сделал уже несколько покупок и приобретений. Так, например, он купил несколько глубоких тарелок с синими ободками, две или три кастрюльки и, наконец, примус.

Это было целое торжество, когда Иван Иванович купил примус. Иван Иванович сам распаковал его и сам стал показывать Нине Осиповне, как с ним обращаться и как готовить на нем обед или подогревать мясо.

Иван Иванович стал хозяином и расчетливым человеком. Он чрезвычайно жалел, что за бесценку продал соседу свои заграничные костюмы. Но тут же утешал себя, говоря, что

это дело наживное и что в ближайшее время он непременно купит себе хороший, но простой и немаркого цвета, костюм.

Однако костюма Иван Ивановичу купить не удалось.

Однажды, выйдя перед закрытием из лавки и сунув в портфель два фунта стеариновых свечей и кусок мыла, Иван Иванович пошел через двор к выходу.

В воротах его окликнул охранник, приказав ему остановиться и показать содержимое портфеля.

Весь как-то сразу осунувшись, Иван Иванович стоял молча и глядел на охранника, не двигаясь с места. А охранник, сказав, что получен строжайший приказ не выпускать со двора без обыска, повторил свое требование.

Иван Иванович стоял совершенно ошеломленный, с трудом понимая, что происходит. Он позволил открыть свой портфель, откуда, при радостных криках собравшихся, были извлечены злополучные свечи и мыло.

Белокопытова пригласили в охрану, отобрали свечи, сняли с него допрос и, составив убийственный для него протокол, отпустили его, смеясь над его забавным видом, над его фигурой с прижатым к груди пустым и расстегнутым портфелем.

Все произошло настолько быстро и неожиданно, что Иван Иванович, не представляя ясно своего положения, вышел пошатываясь на улицу. Он пошел сначала по направлению к дому, затем, не дойдя улицы Сен-Жюста, повернул налево и пошел как-то странно, не шевеля руками и не ворочая головой.

Он обошел несколько кварталов, посидел на какой-то лавчонке и поздно ночью вернулся домой.

Он вошел в дом, как слепой шаря перед собой руками, и, войдя в комнату, лег на постель, и, отвернувшись к стене, принялся водить пальцами по узорам обоев.

Он ни слова не проронил своей жене. И та ничего не спрашивала, узнав заранее обо всем. Эту новость сообщил ей Егор Константинович, придя домой после службы.

И теперь, несмотря на присутствие Белокопытова, Егор Константинович, постучав слегка в стену, спросил Нину Осиповну, не нужно ли ей чего и не хочет ли она выкушать стакан чаю с бутербродом.

Нина Осиповна, не глядя на мужа, грудным, мелодичным тоном отвечала, что она сыта по горло и сейчас ложится спать. Егор Константинович еще что-то спросил, предупредительно и вежливо, но она, раздеваясь и зевая, сказала, что спит.

И она действительно легла на диван и, закрыв лицо руками, лежала так неподвижно и странно. Иван Иванович приподнялся, чтобы потушить свет, но, взглянув на диван, сел и долго смотрел на жену. И ему показалось, что у нее отчаянное состояние, что она близка к гибели. И он хотел подойти к жене, стать на колени и что-то говорить бодрым и спокойным тоном. Но не смел.

8

Он лежал, вытянувшись вдоль кровати, стараясь не двигаться и ни о чем не думать. Но думал, и не о случившемся сегодня, а о своей жене, о печальной ее жизни и о том, что не все люди имеют право существовать.

С этими мыслями он стал засыпать. Какая-то страшная усталость сковала его ноги, и какая-то тяжесть легла на все его тело.

И, закрыв глаза, он замер. Дыхание его стало ровное и спокойное.

Но вдруг осторожное шарканье ног и скрип двери заставил его вздрогнуть и проснуться.

Он проснулся, вздрогнув всем телом. Присел на кровать и беспокойно оглядел комнату. Небольшая керосиновая лампа еле горела, скудно отбрасывая длинные тени. Иван Иванович оглянулся на диван — жены не было.

Тогда, беспокоясь и волнуясь за нее, он вскочил на ноги и прошел по комнате, осторожно ступая на носки.

Потом подбежал к двери, открыл ее и в испуге, в предутренней дрожи стуча зубами, бросился в коридор. Он выбежал в кухню, заглянул в сени — все было тихо и спокойно. Только курица в сенях, вспугнутая Иваном Ивановичем, шарахнулась в сторону, страшно закричав.

Белокопытов вернулся в кухню. Сонная Катерина Васильевна сидела теперь на кровати, зевая и мелко крестя свой рот. Она вместе с тем прислушивалась к необычному шуму. И, увидя перед собой Ивана Ивановича, спокойно улеглась, думая, что он идет за нуждой.

Но Иван Иванович, подойдя к хозяйке, стал теревить ее за руку, умоляя ответить, не проходила ли через кухню его жена.

Крестясь и разводя руками, Катерина Васильевна отговаривалась незнанием. Потом она стала надевать на себя юб-

ку, говоря, что если Нина Осиповна и ушла, то, небось, вернется.

Но потом, одевшись и подойдя к запертой двери жильца Яркина, Катерина Васильевна сказала, что жена Ивана Ивановича дома. И если нету ее в комнате, то, небось, сидит у соседа.

И, поманив Белокопытова пальцем, повела его в коридор и, подойдя к дверям Яркина, припала к замочной скважине.

Иван Иванович тоже хотел подойти к двери, но в эту минуту пол под ним скрипнул, и в комнате соседа завозились. И сам Егор Константинович, шлепая босыми ногами, подойдя к двери, спросил хрипло:

— Кто? Чего надо?

Иван Иванович хотел промолчать, но сказал:

— Это я... Не у вас ли Нина Осиповна Арбузова?

— У меня, — грубо сказал Яркин. — Чего надо?

И, не получив ответа, взялся за ручку двери.

В комнате послышался прерывистый шепот. Нина Осиповна настойчиво умоляла отдать ей какой-то револьвер, говоря, что все обойдется благополучно. Потом сама, подойдя ближе к двери и взявшись за ручку, спросила негромко:

— Ваня... ты?

Иван Иванович съежился и, пробормотав неясное, удалился в свою комнату. И там присел на кровать.

Автор предполагает, что особенного отчаяния у Ивана Ивановича не было. А если Иван Иванович и присел на кровать с видимым отчаянием, то, может, это только в первую минуту. Потом-то, раздумав, он наверное даже обрадовался.

Автору кажется, что Иван Иванович и не мог не обрадоваться. Страшная обуза сошла с его плеч. Все-таки приходилось беспокоиться о жизни Нины Осиповны, всякие для нее удовольствия, театры и лучший кусок хлеба он должен был предоставлять ей. А теперь, когда жизнь Ивана Ивановича сильно ухудшилась, то и прокормить такую дамочку вопрос был немаловажный. Тем более, что, напрыгавшись за день перед зеркалом, она и за двоих съедала.

Так вот, посидев на кровати и придя к заключению, что нет ничего ужасного, Иван Иванович снова лег и пролежал до утра, не смыкая глаз. Он ни о чем не думал, но его голова гудела и наливалась свинцом.

И, когда он встал, — это был несколько иной Иван Иванович. Впалые глаза, желтая, сморщенная кожа и трепанные волосы чрезвычайно его изменили. И даже, когда он вымылся холодной водой, эта перемена не исчезла.

Утром, одевшись и по привычке причесав волосы, Иван Иванович вышел из дому. Он медленным шагом дошел до кооператива, но, вдруг повернув круто в сторону и вздрогнув, зашагал прочь.

Он долго шел унылым механическим шагом и, выйдя за город, направился на свое любимое место к лесу, за Собачью рощицу.

Он прошел рощу, ступая на желтые осенние листья, и вышел на полянку.

Вся полянка была изрыта старыми, оставшимися от войны окопчиками, землянками и блиндажами. Ржавая колючая проволока висела клочками на небольших кольях.

Иван Иванович любил это место. Он не раз бродил здесь по окопчикам, лежал у опушки леса и, глядя на все эти военные затеи, хитро улыбался своим мыслям. Но теперь он несколько равнодушно, и как бы не замечая ничего, прошел мимо и, дойдя до леса, присел на полузаваленную землянку, вырытую лет, может, семь назад.

Он долго сидел так, ни о чем не думая, потом пошел дальше, потом снова вернулся и лег на траву. И лежал долго, уткнувшись ничком, теребя руками траву. Потом снова встал и пошел в город.

Была ранняя осень. Желтые листья лежали на земле. И земля была теплая и сухая.

9

Иван Иванович стал жить один.

Возвращаясь после скитаний домой и с грустью оглядывая свое опустевшее жилье, Иван Иванович присаживался на кровать, обдумывая, какие вещи исчезли из комнаты вместе с Ниной Осиповной. Таких вещей оказалось порядочно: не было примуса, купленного в счастливые дни, не было скатерти на столе, даже было снято и унесено зеркало и небольшой коврик перед кроватью.

Иван Иванович не очень-то огорчился о потере этих вещей. «Черт с ними!» — думал добрый Иван Иванович, прислушиваясь, что говорили за стенкой.

Но за стенкой говорили постоянно шепотом, и слов нельзя было разобрать. Только время от времени были слышны басовые нотки Егора Константиновича. Это Егор Константинович,

видимо, утешал Нину Осиповну, боявшуюся за свое новое благополучие и за те вещи, которые она взяла, не спросив мужа.

Но Ивану Ивановичу теперь было не до вещей. Он каждое утро направлялся за город, шел через рожицу и, миновав полянку, выходил к лесу.

Там, присаживаясь на свою землянку или бродя по лесу, он обдумывал свое новое положение. Он старался одной какой-то мыслью определить то, что случилось, что произошло и отчего произошло.

Ушла жена. И она не могла не уйти. Он — человек из прошлого мира. Он оказался неприспособленным к борьбе. А женщины идут за победителем. Ну, что же, теперь все это ясно, теперь уже ничто не спасет его от неминуемой гибели.

Гибель была предрешена — это он знал, но в силу какой-то воли он старался найти выход и хотя бы теоретически придумать возможность выхода, возможность продлить свое существование. Он не хотел смерти. Напротив, задумываясь об этом, он с досадой отгонял эту мысль, считая ее вздорной и ему ненужной. И старался в такие моменты думать о другом.

И, бродя по лесу, Иван Иванович думал, что отчего бы ему не остаться здесь жить. Ему уже рисовались картины, как он живет в полузаваленной землянке, среди грязи и нечистот, и как ползком, как животное, на четвереньках вылезает из своей норы и отыскивает пищу.

Но потом смеялся.

Он теперь не всякий вечер уходил домой. Он оставался иногда в лесу. И, полуголодный, поедая сырые грибы, корни

и ягоды, засыпал под каким-нибудь деревом, положив под голову свои руки.

А во время дождя он вползал в землянку. И сидел в землянке, скорчившись и обняв худые свои ноги, слушая, как капли дождя колотят о деревья.

10

Была осень. Шли непрерывные дожди. Снова невозможно было выходить без галош. И снова грязь доходила до колен.

Нина Осиповна жила с Егором Константиновичем Ярким беспечно и тихо. Ей пришлось отложить свои упражнения в танцах. Она была беременна, и Егор Константинович, узнав об этом, боясь за потомство, категорически запретил ей наряжаться в розовую дрянь, грозя, в противном случае, сжечь в печке эти тряпки. И Нина Осиповна, покапризничав и слегка поплавав, смирилась и сидела теперь подле окна, безучастно глядя на грязную улицу. Но иной раз она спрашивала у Яркина, не знает ли он чего об ее муже. Егор Константинович усмехался и махал рукой, прося ради будущего ребенка не думать о муже.

И Нина Осиповна умолкала, думая все же, отчего это все реже и реже она слышит шаги в соседней комнате.

И, действительно, Иван Иванович все реже стал ходить домой, и когда ходил, то избегал встреч с людьми, а встречая, очень конфузился и перебегал улицу, стараясь скрыть свой промокший, побуревший костюм.

Иван Иванович не входил даже теперь в свою комнату. И, приходя домой, останавливался в сенях и молча здоровался

с Катериной Васильевной, всякий раз боясь, что она заорет, затопает ногами и погонит его прочь. Но Катерина Васильевна, не скрывая своего удивления и жалости и почему-то не зовя его хотя бы в кухню, выносила ему в сени хлеб, суп или все, что осталось от обеда. И, не сдерживая своих слез, плакала, смотря, как Иван Иванович худыми, серыми пальцами разрывал еду и проглатывал, чмокая и скрипя зубами.

И, съев все, что ему приносилось, и схватив с собой кусок хлеба, Иван Иванович трогал за рукав Катерину Васильевну и убежал снова.

Он снова возвращался в свою землянку. И снова садился в обычную свою позу, кашляя и сплевывая на свой костюм.

Но он не был сумасшедший, этот Иван Иванович Белокопытов. Автору доподлинно известна его встреча с одним из старых приятелей. Иван Иванович вполне разумно и несколько даже иронически говорил о своей жизни. И, потрясая лохмотьями своего заграничного костюма, громко смеялся, говоря, что все это вздор, что все слезает с человека, как осенью шкура животного.

И, попрощавшись с приятелем, крепко пожав ему руку, пошел к своей землянке.

Странно и непонятно жил теперь Иван Иванович. Стараясь ни о чем не думать, а жить так, как-нибудь, чтобы прожить, он все же, видимо, не мог не думать и все время носился со своими планами о жизни, приходя к заключению, что жить в землянке не так-то уж плохо, но что из всех животных он самое плохое животное, у которого хронический бронхит

и насморк. И, думая так, Иван Иванович печально покачивал головой.

Ему теперь все чаще и чаще приходила мысль о неминуемой гибели, но он по-прежнему с раздражением отвергал мысль о самоубийстве. Ему казалось, что нет у него на это ни воли, ни охоты, и что ни одно животное никогда еще не погибало от самого себя.

Была ли в этом слабая воля Ивана Ивановича, или была какая-то неопределенная надежда — неизвестно. Во всяком случае однажды и неожиданно Иван Иванович придумал план, по которому он должен погибнуть, не прибегая к насилию над собой.

Это было утром. Осеннее солнце еще было ниже деревьев, когда Иван Иванович, вздрогнув, проснулся в своей землянке. Страшная сырость, дрожь и озноб охватили все его тело. Он проснулся, открыл глаза и вдруг совершенно отчетливо подумал о своей гибели. Ему показалось, что сегодня он должен погибнуть. Как и отчего — он еще не знал. И стал думать. И вдруг решил, что должен погибнуть, как зверь, в какой-то отчаянной схватке.

В его воображении стали рисоваться картины этой схватки. Он борется с человеком, хотя бы с Егором Константиновичем, к которому ушла жена. Они грызутся зубами, валяются по земле, подминают под себя друг друга, рвут волосы...

Иван Иванович окончательно проснулся и, дрожа всем телом, сел на землю. И осторожно, мысль за мыслью стал обдумывать, стараясь не пропустить ни одной мелочи.

Вот он приходит в комнату. Отворяет дверь. Яркин, непременно, сидит за столом направо. У окна будет сидеть Нина Осиповна, сложив на животе руки. Иван Иванович подойдет к Яркину и пихнет его двумя руками в плечо и грудь. Тот откинется назад, стукнется головой о стену, потом вскочит и, вынув револьвер, застрелит его — Ивана Ивановича Белокопытова.

И, придумав такой план, Иван Иванович вскочил на ноги, но, ударившись головой о потолок, сел и пополз из землянки.

И спокойным, ровным шагом пошел в город, обдумывая мелочи. Потом, желая закончить все скорей и разом, бросился опрометью бежать, вскидывая ногами и разбрасывая вокруг себя грязь, листья и брызги.

Он долго бежал. Почти до самого дома. И, только увидев дом, замедлил шаг и пошел совсем тихо.

Какая-то белая собачонка равнодушно залаяла на него.

Нагнувшись и подняв с земли камень, Иван Иванович метко бросил в нее.

Собака с визгом отбежала за ворота и, высунув морду в калитку, отчаянно залаяла, скаля зубы.

Схватив кусок грязи, Иван Иванович бросил в собаку опять. Потом бросил еще раз. Потом подошел к воротам и принялся дразнить животное ногой, подпрыгивая и стараясь попасть по зубам.

Какое-то бешенство, испуг овладели собакою. Она в смертельном страхе скулила уже, поднимая верхнюю губу и ста-

раясь ухватить человека за ногу. Но Иван Иванович ловко и вовремя отдергивал ногу и бил собаку рукой и грязью.

Бабка Пепелюха, как ошпаренная кипятком, выскочила из дому, подбирая самые ужасные и яростные выражения для гнусных мальчишек, дразнивших ее пса. Но, увидев большого, лохматого человека, разинула рот, сказав сначала, что довольно стыдно сознательным гражданам дразнить собак. Но снова смолкла и, разинув рот, остановилась неподвижная, глядя на удивительную сцену.

Иван Иванович, стоя теперь на коленях, боролся с собакой, пытаясь руками разорвать ей пасть. Собака судорожно хрипела, раскидывая и царапая землю ногами.

Тетка Пепелюха, страшно и тонко закричав, бросилась к Ивану Ивановичу и, еле вырвав у него собаку, убежала в дом.

А Иван Иванович, обтерев искусанные свои руки, медленным и тяжелым шагом пошел дальше.

Автору несколько странно и чудно говорить об этом происшествии. Автор даже слегка огорчен поступком Ивана Ивановича. Конечно, автор ничуть не жалеет пепелюхиной собаки, пес с ней, с собакой, автор только огорчается той неясностью и нелепостью поступка и положительно не знает — в тот момент зашел ли у Ивана Ивановича ум за разум, или ум за разум не заходил, а была просто игра, случайность, крайнее раздражение нервов. Впрочем, все это крайне неясно и психологически непонятно.

И такая неясность, уважаемые читатели, к знакомому лицу и к известному характеру! А хорош был бы автор,

спутавшись с неизвестным героем! Заврался бы вконец! Тем более, что очень уж разноречивые были на этот счет слухи.

Тетка Пепелюха, например, крестилась и божилась, что Иван Иванович был совершенно тронувшись, что у него висел язык и изо рта слюни текли. Катерина Васильевна, не менее набожная дамочка, тоже была близка к той же мысли. Однако стационарный сторож и герой труда Еремеич утверждал обратное. Он говорил, что Иван Иванович Белокопытов здоров, как бык, и что больных и свихнувшихся обыкновенно сажают в специальные дома. Егор Константинович Яркин тоже был уверен в полном уме и твердой памяти Белокопытова. Что же касается уважаемого товарища Ситникова, то Ситников не брался что-либо утверждать, говоря, что он может, в случае крайней надобности, списаться с одним московским психиатром. Но это длинно и неверно. Пока товарищ Ситников напишет, да пока московский психиатр раскачается с ответом, да, небось, ответит еще выпивший и, даром что московский психиатр, а такую галиматью понесет, что вставишь ее в печать, а после, поди доказывай, что ты не при чем тут. Лучше уж, оставив все это на совести самих читателей, автор перейдет к дальнейшему.

11

Иван Иванович отер свои руки о костюм и пошел к дому. Кровь медленно стекала с обкусанных собакой пальцев, но Иван Иванович, ничего не замечая и не чувствуя боли, подходил к дому.

Он остановился на мгновение у калитки и, оглянувшись назад, шмыгнув во двор. Потом вбежал по ступенькам и, приоткрыв двери, тихо вошел в сени.

Станный трепет прошел по его телу. Сердце стучало, и дыхание было прерывистым.

Он постоял в сенях и, никем не замеченный, вошел в коридор. И там, на скрипучих досках, подойдя к двери Яркина, остановился, прислушиваясь.

Было, как и всегда, тихо.

Иван Иванович вдруг толкнул от себя дверь и, открыв ее настежь, вошел за порог.

Все было, как и думал Иван Иванович. Направо у стола сидел Яркин. Налево, у окна, в кресле, сложив на животе руки, сидела Нина Осиповна. На столе стояли стаканы. Лежал хлеб. И на шипящем примусе кипел чайник.

Каким-то одним взглядом Иван Иванович впитал в себя все это и, продолжая неподвижно стоять, взглянул на свою жену.

Она тихо ахнула, увидев его, и приподнялась в кресле. А Егор Константинович замахал на нее руками, упрасывая не беспокоиться ради ребенка. Потом, приподнявшись, чтобы пойти навстречу гостю, остановился и снова сел, рукой приглашая войти в комнату и прикрыть дверь, не остужая зря помещения.

И Иван Иванович вошел. Слетка потупив голову и приподняв плечи, он подошел к сидящему Егору Константиновичу и остановился в двух шагах от него. Смертельная бледность вдруг покрыла лицо Егор Константиновича. Он сидел

на стуле, несколько откинувшись назад, и, шевеля губами, не двигался с места.

Иван Иванович несколько секунд стоял молча. Потом, быстро взглянув на Яркина, на то место, куда он должен был ударить, вдруг усмехнулся и, отойдя несколько в сторону, присел на стул.

Егор Константинович выпрямился на своем месте и глядел теперь на Белокопытова сердитым, злым взглядом. А Иван Иванович сидел, опустив руки плетью, и невидимым взором глядел в одну точку. И думал, что у него нету ни злобы, ни ненависти к этому человеку. Он не мог и не хотел к нему подойти и ударить. И сидел на стуле и чувствовал себя усталым и нездоровым. И ему ничего не хотелось. Ему хотелось выпить горячего чаю.

И, думая так, он взглянул на примус, на чайник на примусе, на хлеб, нарезанный ломтиками. Крышка на чайнике приподнималась, пар валил клубом, и вода с шипением обливала примус.

Егор Константинович встал и загасил огонь.

И тогда в комнате наступила совершенная тишина.

Нина Осиповна, увидев, что Иван Иванович пристальным взором смотрит на примус, снова приподнялась в своем кресле и жалобным тоном, скорбно сжав губы, стала уверять, что она вовсе не хотела зажечь этот несчастный примус, что она взяла его временно, зная, что Иван Иванович в нем не нуждается.

Но Егор Константинович, замахав на нее руками и прося не волноваться, ровным, спокойным голосом стал говорить,

что он ни за что не возьмет даром этой штуки, что завтра же он заплатит Ивану Ивановичу полностью все деньги по рыночной стоимости.

— Я заплатил бы вам и сегодня, — сказал Егор Константинович, — но я должен разменять деньги. Завтра вы обязательно зайдите утром же.

— Хорошо, — коротко сказал Иван Иванович. — Я найду.

И вдруг, забеспокоившись и заерзав на стуле, Иван Иванович обернулся к своей жене и сказал, что он просит его извинить, что он очень устал и потому сидит на стуле такой грязный.

Она закивала головой, волнуясь и скорбно сжимая губы. И, снова приподнявшись на стуле, сказала:

— Ты, Ваня, не сердись...

— Я не сержусь, — просто ответил Иван Иванович.

И встал. Шагнул к жене, потом поклонился и молча вышел из комнаты, тихо притворив за собой дверь.

Он вышел в коридор. Постоял с минуту. И пошел к выходу.

В кухне его ожидала Катерина Васильевна. Почему-то знаками и боясь проронить слово, она манила его, приглашая жестами присесть и покушать супу. И Иван Иванович, почему-то тоже не проронив слова, молча покачал головой и, улыбнувшись и погладив хозяйке руку, вышел.

С криком выбежала Катерина Васильевна за ним, но Иван Иванович, обернувшись и махнув рукой, прося этим не идти за ним, скрылся за воротами.

На другой день Иван Иванович за деньгами не зашел. Он исчез из города.

Егор Константинович Яркин лично, с деньгами в руках, обегал все улицы, все учреждения, отыскивая Ивана Ивановича. Егор Константинович говорил, что он совершенно тут ни при чем, что деньги за примус — вот они, деньги, — что он вовсе не желает пользоваться чужим добром, и что если он не найдет Иван Ивановича, то пожертвует эти деньги на детский дом.

Егор Константинович бегал даже на полянку, за Собачью рожицу, но Ивана Ивановича не нашел.

Как зверь, которому неловко после смерти оставить на виду свое тело, Иван Иванович бесследно исчез из города.

Товарищ Петр Павлович Ситников и сторож, герой труда Еремеич в один голос утверждали, что видели, будто Иван Иванович Белокопытов вскочил на отходящий поезд. Но зачем он вскочил и куда он уехал — никому неизвестно. Никто и никогда о нем больше не слышал.

Была прелестная весна.

Снег уже стаял. И птицы снова приветствовали свой новый год. В один из таких дней Нина Осиповна Арбузова решилась от бремени, подарив миру прекрасного мальчишку в восемь с половиной фунтов.

Егор Константинович был необыкновенно счастлив и доволен.

Деньги же за примус, двенадцать рублей золотом, он пожертвовал на детский дом.

СТРАШНАЯ НОЧЬ

1

Пишешь, пишешь, а для чего пишешь — неизвестно.

Читатель, небось, усмехнется тут. А деньги, скажет. Деньги-то, скажет, курицын сын, получаешь? До чего, скажет, жиреют люди.

Эх, уважаемый читатель! А что такое деньги? Ну, получишь деньги, ну, дров купишь, ну, жене приобретешь какие-нибудь там боты. Только и всего. Нету в деньгах ни душевного успокоения, ни мировой идеи.

А впрочем, если и этот мелкий, корыстный расчет откинуть, то автор и совсем расплевался бы со всей литературой. Бросил бы писать. И ручку с пером сломал бы к чертовой бабушке.

В самом деле.

Читатель пошел какой-то отчаянный. Накидывается он на любовные французские и американские романы, а русскую современную литературу и в руки не берет. Ему, видите ли, в книге охота увидеть этакий стремительный полет фантазии, этакий сюжет, черт его знает какой.

А где же все это взять?

Где взять этот стремительный полет фантазии, если российская действительность не такая?

А что до революции, то опять-таки тут запятая. Стремительность тут есть. И есть величественная, грандиозная фантазия. А попробуй ее написать. Скажут — неверно. Неправильно, скажут. Научного, скажут, подхода нет к вопросу. Идеология, скажут, не ахти какая.

А где взять этот подход? Где взять, я спрашиваю, этот научный подход и идеологию, если автор родился в мелкобуржуазной семье и если он до сих пор еще не может подавить в себе мещанских корыстных интересов к деньгам, к цветам, к занавескам и к мягким креслам?

Эх, уважаемый читатель! Беда как неинтересно быть русским писателем.

Иностранец, тот напишет — ему как с гуся вода. Он тебе и про луну напишет, и стремительность фантазии пустит, и про диких зверей наплетет, и на луну своего героя пошлет в ядре в каком-нибудь...

И ничего.

А попробуй у нас, сунься с этим в литературу. Попробуй, скажем, в ядре нашего техника Курицына, Бориса Петровича, послать на луну. Засмеют. Оскорбятся. Эва, скажут, наплел, собака!.. Разве это, скажут, возможно!

Вот и пишешь с полным сознанием своей отсталости.

А что слава, то что ж слава? Если о славе думать, то опять-таки какая слава? Опять-таки неизвестно, как еще потомки

взглянут на наши сочинения и какой фазой земля повернется в геологическом смысле.

Вот автор недавно прочел у немецкого философа, будто вся-то наша жизнь и весь расцвет нашей культуры есть не что иное как междуледниковый период.

Автор признается: трепет прошел по его телу после прочтения.

В самом деле. Представьте себе, читатель... На минуту отойди от своих повседневных забот и представь такую картину: до нас существовала какая-то жизнь и какая-то высокая культура, и после она стерлась. А теперь опять расцвет, и опять совершенно все сотрется. Нас-то, может быть, это и не заденет, а все равно досадное чувство чего-то проходящего, невечного и случайного и постоянно меняющегося, заставляет снова и снова подумать совершенно заново о собственной жизни.

Ты вот, скажем, рукопись написал, с одной орфографией вконец намучился, не говоря уж про стиль, а, скажем, через пятьсот лет мамонт какой-нибудь наступит ножицей на твою рукопись, ковырнет ее клыком, понюхает и отбросит, как несъедобную дрянь.

Вот и выходит, что ни в чем нет тебе утешенья. Ни в деньгах, ни в славе, ни в почестях. И вдобавок жизнь какая-то смешная. Какая-то очень она небогатая.

Вот выйдешь, например, в поле, за город... Домишко какой-нибудь за городом. Забор. Скучный такой. Коровенка стоит этакая скучная до слез... Бок в навозе у ней... Хвостом

треплет... Жует... Баба этакая в сером трикотажном платке сидит. Делает что-то руками. Петух ходит. Кругом бедно, грязно, некультурно...

Ох, до чего скучно это видеть!

И подходит, скажем, к бабе этакий русский, вроде ходячего растения, мужик. Подойдет он, посмотрит светлыми глазами, вроде стекляшек, — чего это баба делает? Икнет, почешет ногу об ногу, зевнет. «Эх, скажет, спать что ли ча пойти. Скушно чтой-то»... И пойдет спать.

А вы говорите: подайте стремительность фантазии.

Эх, господа, господа товарищи! Да откуда ее взять? Как ее приспособить к этой деревенской действительности? Скажите! Сделайте такую милость, такое великое одолжение. И рады бы, так сказать, раздуть кадило, да не с чего.

А если в город, опять-таки, пойти, где светят фонари светлым светом, где граждане в полном сознании своего человеческого величия ходят взад и вперед — опять-таки не всегда можно увидеть эту стремительность фантазии.

Ну, ходят.

А пойдя, читатель, попробуй, потрудись, пойдя за тем человеком — чаще всего ерунда выйдет.

Идет; оказывается, в долг признаться три рубля денег или на любовное свидание он идет. Ну что это такое!

Придет, сядет напротив своей дамы, что-нибудь скажет ей про любовь, а может, и ничего не скажет, а просто положит руку свою на дамское колено и в глаза посмотрит.

Или придет человек посидеть у хозяина. Выкушает стаканчик чаю, посмотрится в самовар — мол, рожа какая кри-

вая, усмехнется про себя, на скатерть варенье капнет и уйдет. Шапку напялит набок и уйдет.

А спроси его, сукинова сына, зачем он приходил, какая в этом мировая идея или польза для человечества — он и сам не знает.

Конечно, в данном случае, в этой скучной картине городской жизни автор берет людей мелких, ничтожных, себе подобных и отнюдь не государственных деятелей или, скажем, работников просвещения, которые действительно ходят по городу по важным общественным делам и обстоятельствам.

Этих людей автор никак не имел в виду, когда говорил про дамские, например, колени или просто как рожей в самовар смотрятся. Вот эти, действительно, может быть, чего-нибудь думают, страдают, заботятся. Хотят, может быть, чтоб другим поинтереснее жилось. И, может быть, мечтают, чтоб этой стремительности фантазии было побольше.

Автор, заранее забегаая вперед, дает эту отповедь зарвавшимся критикам, которые явно из озорничества попытаются уличить автора в искажении провинциальной действительности и в нежелании видеть положительных сторон.

Действительность мы не искажаем. Нам за это денег не платят, уважаемые товарищи.

А что видим то, чего бывает, то это абсолютный факт.

Автор вот знал одного такого городского человека. Жил он тихо, как и все почти живут. Пил и ел, и даме своей на колени руки клал, и в очи ей глядел, и вареньем на скатерть капал, и три рубля денег в долг без отдачи занимал.

Об этом человеке автор и напишет свою очень короткую повесть. А может быть, эта повесть будет и не о человеке, а о том глупом и ничтожном приключении, за которое человек, в порядке принудительного взыскания, пострадал на двадцать пять рублей. Это случилось весьма недавно — в августе 1923 года.

Фантазией разбавлять этот случай? Создавать занимательную марьяжную интрижку вокруг него? Нет! Пущай французы про это пишут, а мы потихоньку, а мы помаленьку, мы вровень с русской действительностью.

А веселого читателя, который ищет бойкий и стремительный полет фантазии и который ждет пикантных подробностей и происшествий, автор с легким сердцем отправляет к иностранным авторам.

2

Эта короткая повесть начинается с полного и подробного описания всей жизни Бориса Ивановича Котофеева.

По профессии своей Котофеев был музыкант. Он играл в симфоническом оркестре на музыкальном треугольнике.

Может быть и существует особое, специальное название этого инструмента — автор не знает, во всяком случае читателю, наверное, приходилось видеть в самой глубине оркестра вправо — сутулого какого-нибудь человека с несколько отвисшей челюстью перед небольшим железным треугольником. Человек этот меланхолично позвякивает в свой нехитрый инструмент в нужных местах. Обычно дирижер подмигивает для этой цели правым глазом.

Странные и удивительные бывают профессии.

Такие бывают профессии, что ужас берет, как это человек до них доходит. Как это, скажем, человек додумался по канату ходить, или носом свистеть, или позвякивать в треугольник.

Но автор не смеется над своим героем. Нет. Борис Иванович Котофеев был отличного сердца человек, неглупый и со средним образованием.

Жил Борис Иванович не в самом городе, а жил он в предместье, так сказать, на лоне природы.

Природа была не ахти какая замечательная, однако — небольшие сады у каждого дома, трава, и канавы, и деревянные скамейки, усыпанные шелухой подсолнухов, — все это делало вид привлекательным и приятным.

Весной же было здесь совершенно очаровательно.

Борис Иванович жил на Заднем проспекте у Лукерьи Блохиной.

Представьте себе, читатель, небольшой деревянный, желтой окраски дом, низенький шаткий забор, широкие желтоватые кривые ворота. Двор. На дворе по правую руку небольшой сарай. Грабля с поломанными зубьями, стоящая здесь со времен Екатерины II. Колесо от телеги. Камень посреди двора. Крыльцо с оторванной нижней ступенькой.

А войдешь на крыльцо — дверь, обитая рогожей. Сенцы этикие, небольшие, полутемные, с зеленой бочкой в углу. На бочке досточка. На досточке ковшик.

Ватер с тонкой, в три доски, дверью. На двери деревянная вертушечка. Небольшая стекляшка вместо окна. Паутина на ней.

Ах, знакомая и сладкая сердцу картина!

Все это было как-то прелестно. Прелестно тихой, скучной, безмятежной жизнью. И оторванная даже ступенька у крыльца, несмотря на свой невыносимо скучный вид — и теперь приводит автора в тихое созерцательное настроение.

А Борис Иванович всякий раз, вступая на крыльцо, отплевывался с омерзением в сторону и покачивал головой, глядя на обломанную корявую ступеньку.

Пятнадцать лет назад Борис Иванович Котофеев впервые ступил на это крыльцо и впервые перешагнул порог этого дома. И здесь он остался. Он женился на своей хозяйке, на Лукерье Петровне Блохиной. И стал полновластным хозяином всего этого имения.

И колесо, и сарай, и грабли, и камень — все стало его неотъемлемой собственностью.

Лукерья Петровна с беспокойной усмешкой глядела на то, как Борис Иванович становился всего этого хозяином.

И под сердитую руку она, всякий раз, не забывала прикрикнуть и одернуть Котофеева, говоря, что сам-то он нищий, без кола — без двора, осчастливленный ее многими милостями.

Борис Иванович хотя и огорчался, но молчал.

Он полюбил этот дом. И двор с камнем полюбил. Он полюбил жить здесь за эти пятнадцать лет.

Вот, бывают такие люди, о которых можно в десять минут рассказать всю ихнюю жизнь, всю обстановку жизни, от первого бессмысленного крика до последних дней.

Автор попробует это сделать. Автор попробует очень коротко, в десять минут, но все-таки со всеми подробностями, рассказать о всей жизни Бориса Ивановича Котофеева.

А, впрочем, и рассказывать нечего.

Тихо и покойно текла его жизнь.

И если всю эту жизнь разбить на какие-то периоды, то вся жизнь распадется на пять или шесть небольших частей.

Вот Борис Иванович, окончив реальное училище, вступает в жизнь. Вот он музыкант. В оркестре играет. Вот его роман с хористкой. Женитьба на своей хозяйке. Война. Потом революция. А перед этим — пожар местечка.

Все было просто и понятно. И ничто не вызывало никакого сомнения. А главное, все это казалось не случайным. Все это казалось таким, как должно быть и как это бывает у людей, согласно, так сказать, начертанию истории.

Даже революция, сначала крайне смутившая Бориса Ивановича, после оказалась простой и ясной в своей твердой установке на определенные, отличные и вполне реальные идеи.

А все остальное — выбор профессии, дружба, женитьба, война, — все это представлялось не случайной игрой судьбы, а чем-то необычайно солидным, твердым и безоговорочным.

Единственно, пожалуй, любовное приключение несколько разбивало стройную систему крепкой и не случайной жизни. Здесь дело обстояло несколько сложнее. Тут Борис Иванович допускал, что это был случайный эпизод, который мог бы и не быть в его жизни. Дело в том, что Борис Ивано-

вич Котофеев, в начале своей музыкальной карьеры, сошелся с хористкой из городского театра. Это была юная, опрятная блондинка с неопределенными, светлыми глазами.

Сам Борис Иванович был довольно красивый еще, двадцатидвухлетний юноша. Единственно, пожалуй, несколько портила его — отвисшая нижняя челюсть. Она придавала лицу скучное, растерянное выражение. Однако пышные стоячие усики в достаточной мере скрадывали досадный выступ.

Как началась эта любовь — не вполне известно. Борис Иванович сидел постоянно в глубине оркестра и в первые годы, из боязни ударить в инструмент не вовремя, положительно не спускал глаз с дирижера. И когда он успел перемигнуться с хористкой — так и осталось невыясненным.

Впрочем, в те годы Борис Иванович пользовался жизнью полностью. Он жуировал, ходил вечерами по городскому бульвару и даже посещал танцевальные вечера, на которых иногда, с голубым распорядительским бантом, бабочкой порхал по залу, дирижируя танцами.

Очень возможно, что знакомство как раз и началось на каком-нибудь вечере.

Во всяком случае, знакомство это Борису Ивановичу счастья не принесло. Роман начался удачно. Борис Иванович построил даже план своей дальнейшей жизни совместно с этой миленькой и симпатичной женщиной. Но через месяц неожиданно блондинка покинула его, едко посмеявшись над его неудачной челюстью.

Борис Иванович, несколько сконфуженный этим обстоятельством и таким легким уходом любимой женщины, решил, после недолгого раздумья, сменить свою жизнь провинциального льва и отчаянного любовника на более покойное существование. Он не любил, когда что-нибудь происходило случайное и такое, что могло измениться.

Вот тогда-то Борис Иванович и переехал за город, сняв за небольшую плату теплую комнату со столом.

И там он женился на своей квартирной хозяйке. И этот брак с домом, хозяйством и размеренной жизнью вполне утешил его встревоженное сердце.

Через год после брака произошел пожар.

Огонь уничтожил почти половину местечка.

Борис Иванович, обливаясь потом, самолично вытаскивал из дому мебель и перины и складывал все в кустах.

Однако дом не сгорел. Только полопались стекла и облупилась краска.

И уже утром Борис Иванович, веселый и сияющий, втаскивал назад свой скарб.

Это надолго оставило след. Борис Иванович несколько лет подряд делился своими переживаниями со знакомыми и соседями. Но и это сейчас стерлось.

И вот, если закрыть глаза и подумать о прошлом, то все: и пожар, и женитьба, и революция, и музыка, и голубой распорядительский бант на груди — все это стерлось, все слилось в одну сплошную, ровную линию.

Даже любовное событие стерлось и превратилось в какое-то досадное воспоминание, в скучный анекдот о том,

как хористка просила подарить ей сумочку из лакированной кожи, и о том, как Борис Иванович, откладывая по рублю, собирал нужную сумму.

Так жил человек.

Так жил он до 37 лет, вплоть до того момента, до того исключительного происшествия в его жизни, за которое он был по суду оштрафован на двадцать пять рублей. Вплоть до этого самого приключения, ради которого автор, собственно, и рискнул испортить несколько листов бумаги и осушить небольшой пузырек чернил.

3

Итак, Борис Иванович Котофеев прожил до 37 лет. Очень вероятно, что он еще будет жить очень долго. Человек он очень здоровый, крепкий и с широкой костью. А что прихрамывает Борис Иванович слегка, чуть заметно, то это еще при царском режиме он стер свою ногу.

Однако нога жить не мешала, и жил Борис Иванович ровно и хорошо. Все было ему по плечу. И никогда и ни в чем сомнений не было. И вдруг в самые последние годы Борис Иванович стал задумываться. Ему вдруг показалось, что жизнь не так уж тверда в своем величии, как это рисовалось ему раньше.

Он всегда боялся случайности и старался этого избегать, но тут ему показалось, что жизнь как раз и наполнена этой случайностью. И даже многие события из его жизни показались ему случайными, возникшими от вздорных и пустых причин, которых могло и не быть.

Эти мысли взволновали и устроили Бориса Ивановича. Борис Иванович раз даже завел об этом речь в кругу своих близких друзей.

Это было на его собственных именинах.

— Странно все, господа, — сказал Борис Иванович. — Все как-то, знаете, случайно в нашей жизни. Все, я говорю, на случае основано... Женился я, скажем, на Луше... Я не к тому говорю, что недоволен или что-нибудь вообще. Но случайно же это. Мог бы я вовсе не здесь комнату снять. Я случайно на эту улицу зашел... Значит, что же это выходит? Случай?

Друзья криво усмехались, ожидая семейного столкновения. Однако столкновения не последовало. Лукерья Петровна, соблюдая настоящий тон, вышла только демонстративно из комнаты, выдула коврик холодной воды и снова вернулась к столу свеженькая и веселенькая. Зато ночью устроила столь грандиозный скандал, что сбежавшиеся соседи пытались вызвать пожарную часть для ликвидации семейных распрей.

Однако и после скандала Борис Иванович, лежа с открытыми глазами на диване, продолжал обдумывать свою мысль. Он думал о том, что не только его женитьба, но, может, и игра на треугольнике и вообще все его призвания — просто случаи, простое стечение житейских обстоятельств.

«А если случай, — думал Борис Иванович, — значит, все на свете непрочное. Значит, нету какой-то твердости. Значит, все завтра же может измениться».

У автора нет охоты доказывать правильность вздорных мыслей Бориса Ивановича. Но на первый взгляд действитель-

но все в нашей уважаемой жизни кажется отчасти случайным. И случайное наше рождение, и случайное существование, составленное из случайных обстоятельств, и случайная смерть. Все это заставляет и впрямь подумать о том, что на земле нет одного строгого, твердого закона, охраняющего нашу жизнь.

А в самом деле, какой может быть строгий закон, когда все меняется на наших глазах, все колеблется, начиная от самых величайших вещей до мизернейших человеческих измышлений.

Скажем, многие поколения и даже целые замечательные народы воспитывались на том, что бог существует.

А теперь мало-мальски способный философ с необычайной легкостью, одним росчерком пера, доказывает обратное.

Или наука. Уж тут-то все казалось ужасно убедительным и верным, а оглянитесь назад — все неверно и все по временам меняется, от вращения земли до какой-нибудь там теории относительности и вероятности.

Автор — человек без высшего образования, в точных хронологических датах и собственных именах туговато разбирается и поэтому не берется впустую доказывать.

Тем более, что об этом Борис Иванович Котофеев вряд ли, конечно, думал. Был он хотя и неглупый человек со средним образованием, но не настолько уж развит, как некоторые литераторы.

И все-таки он и то заметил какой-то хитрый подвох в жизни. И даже стал с некоторых пор побаиваться за твердость своей судьбы.

Но однажды его сомнение разгорелось в пламя.

Однажды, возвращаясь домой по Заднему проспекту, Борис Иванович Котофеев столкнулся с какой-то темной фигурой в шляпе.

Фигура остановилась перед Борисом Ивановичем и худым голосом попросила об одолжении.

Борис Иванович сунул руку в карман, вынул какую-то мелочишку и подал нищему. И вдруг посмотрел на него.

А тот сконфузился и прикрыл рукой свое горло, будто извиняясь, что на горле нет ни воротничка, ни галстука. Потом, тем же худым голосом, нищий сказал, что он — бывший помещик, и что когда-то он и сам горстями подавал нищим серебро, а теперь, в силу течения новой демократической жизни, он принужден и сам просить об одолжении, поскольку революция отобрала его имение.

Борис Иванович принялся расспрашивать нищего, интересуясь подробностями его прошлой жизни.

— Да что ж, — сказал нищий, польщенный вниманием. — Был я ужасно какой богатый помещик, деньги куры у меня не клевали, а теперь, как видите, в нищете, в худобе и жрать нечего. Все, гражданин хороший, меняется в жизни в свое время.

Дав нищему еще монету, Борис Иванович тихонько пошел к дому. Ему не было жаль нищего, но какое-то неясное беспокойство овладело им.

— Все в жизни меняется в свое время, — бормотал добрейший Борис Иванович, возвращаясь домой.

Дома Борис Иванович рассказал своей жене, Лукерье Петровне, об этой встрече, причем несколько сгустил кра-

ски и прибавил от себя кой-какие подробности, например, как этот помещик кидался золотом в нищих и даже разбивал им носы тяжеловесными монетами.

— Ну, и что ж, — сказала жена. — Ну, жил хорошо, теперь — плохо. В этом нет ничего ужасно удивительного. Вот недалеко ходить — сосед наш тоже чересчур бедствует.

И Лукерья Петровна стала рассказывать, как бывший учитель чистописания, Иван Семеныч Кушаков, остался ни при чем в своей жизни. А жил тоже хорошо и даже сигары курил.

Котофеев как-то близко принял к сердцу и этого учителя. Он стал спрашивать жену, почему и отчего тот впал в бедность.

Борис Иванович захотел даже увидеть этого учителя. Захотел немедленно принять самое горячее участие в его плохой жизни.

И он стал просить свою жену, Лукерью Петровну, чтобы та сходила поскорей за учителем, привела бы его и напоила чаем.

Для порядку побранившись и назвав мужа «вахлаком», Лукерья Петровна все же накинула косынку и побежала за учителем, снабемая крайним любопытством.

Учитель, Иван Семенович Кушаков, пришел почти немедленно.

Это был седоватый, сухенький старичок в длинном худом сюртуке, без жилета. Грязная рубашка без воротника выпирала на груди комком. И медная, желтая, ужасно яркая запонка выдавалась как-то далеко вперед своей пупочкой.

Седоватая щетина на щеках учителя чистописания была давно не брита и росла кустиками.

Учитель вошел в комнату, потирая руки и на ходу прожевывая что-то. Он степенно, но почти весело, поклонился Котофееву и зачем-то подмигнул ему глазом.

Потом присел к столу и, пододвинув тарелку с ситником с изюмом, принялся жевать, тихо усмехаясь себе под нос.

Когда учитель поел, Борис Иванович с жадным любопытством стал расспрашивать о прежней его жизни и о том, как и почему он так опустился и ходит без воротничка, в грязной рубашке и с одной голой запонкой.

Учитель, потирая руки и весело, но ехидно, подмигивая, стал говорить, что он, действительно, неплохо жил и даже сигары курил, но с изменением потребностей в чистописании и по декрету народных комиссаров предмет этот был исключен из программы.

— А я с этим свыкся уж, — сказал учитель, — привык. И на жизнь не жалею. А что ситный скушал, то в силу привычки, а вовсе не от голоду.

Лукерья Петровна, сложив руки на переднике, хохотала, предполагая, что учитель уже начинает завираться и сейчас заврется окончательно. Она с нескрываемым любопытством глядела на учителя, ожидая от него чего-то необыкновенного.

А Борис Иванович, покачивая головой, бормотал что-то, слушая учителя.

— Что ж, — сказал учитель, снова без нужды усмехаясь, — так и все в нашей жизни меняется. Сегодня, скажем,

отменили чистописание, завтра рисование, а там, глядишь, и до вас достучаются.

— Ну, уж вы, того, — сказал Котофеев, слегка задохнувшись. — Как же до меня-то могут достучаться... Если я в искусстве... Если я на треугольнике играю.

— Ну и что ж, — сказал учитель презрительно, — наука и техника нынче движется вперед. Вот изобретут вам электрический этот самый инструмент — и крышка... И достучались...

Котофеев, снова слегка задохнувшись, взглянул на жену.

— И очень просто, — сказала жена, — если в особенности движется наука и техника...

Борис Иванович вдруг встал и начал нервно ходить по комнате.

— Ну и что ж, ну и пущай, — сказал он, — ну и пущай.

— Тебе пущай, — сказала жена, — а мне отдувайся. Мне же, дура, на шею сядешь, пилат-мученик.

Учитель завозился на стуле и примиряюще сказал:

— Так и все: сегодня чистописание, завтра рисование... Все меняется, милостивые мои государи.

Борис Иванович подошел к учителю, попрощался с ним и, попросив его зайти хотя бы завтра к обеду, вызвался проводить гостя до дверей.

Учитель встал, поклонился и, весело потирая руки, снова сказал, выйдя в сени:

— Уж будьте покойны, молодой человек, сегодня чистописание, завтра рисование, а там и по вас хлопнут.

Борис Иванович закрыл за учителем двери и, пройдя в свою спальню, сел на кровати, охватив руками свои колени.

Лукерья Петровна, в стоптанных войлочных туфлях, вошла в комнату и стала прибирать ее к ночи.

— Сегодня чистописание, завтра рисование, — бормотал Борис Иванович, слегка покачиваясь на постели. — Так и вся наша жизнь.

Лукерья Петровна оглянулась на мужа, молча и с остервенением плюнула на пол и стала распутывать свалявшиеся за день свои волосы, стряхивая с них солому и щепки.

Борис Иванович посмотрел на свою жену и меланхолическим голосом вдруг сказал:

— А что, Луша, а вдруг да и вправду изобретут ударные электрические инструменты? Скажем, кнопочка небольшая на пюпитре... Дирижер тыкнет пальцем — и она звонит...

— И очень даже просто, — сказала Лукерья Петровна. — Очень просто... Ох, сядешь ты мне на шею!.. Чувствую, сядешь...

Борис Иванович пересел с кровати на стул и задумался.

— Горюешь, небось? — сказала Лукерья Петровна. — Задумался? За ум схватился... Не было бы у тебя жены да дома, ну куда бы ты, голоштанник, делся? Ну, например, попрут тебя с оркестру?

— Не в том, Луша, дело, что попрут, — сказал Борис Иванович. — А в том, что превратно все. Случай... Почему-то я, Луша, играю на треугольнике. И вообще... Если игру скинуть с жизни, как же жить тогда? Чем, кроме этого, я прикреплен?

Лукерья Петровна, лежа в постели, слушала мужа, тщетно стараясь разгадать смысл его слов. И предполагая в них личное оскорбление и претензию на ее недвижимое имущество, снова сказала:

— Ох, сядешь мне на шею! Сядешь, пилат-мученик, сукин кот.

— Не сяду, — сказал Котофеев.

И, снова задохнувшись, он встал со стула и принялся ходить по комнате.

Страшное волнение охватило его. Рукой проведя по голове, будто стараясь скинуть какие-то неясные мысли, Борис Иванович снова присел на стул.

И сидел долго в неподвижной позе.

Затем, когда дыхание Лукерьи Петровны перешло в легкий, с небольшим свистом, храп, Борис Иванович встал со стула и вышел из комнаты.

И, найдя свою шляпу, Борис Иванович натянул ее на голову и в какой-то необыкновенной тревоге вышел на улицу.

4

Было всего десять часов.

Стоял отличный, тихий августовский вечер.

Котофеев шел по проспекту, широко махая руками.

Странное и неясное волнение его не покидало.

Он дошел, совершенно не заметив того, до вокзала.

Прошел в буфет, выпил бокал пива и, снова задохнувшись и чувствуя, что не хватает дыхания, опять вышел на улицу.

Он шел теперь медленно, уныло опустив голову, думая о чем-то. Но если спросить его, о чем он думал, он не ответил бы — он и сам не знал.

Он шел от вокзала все прямо и на аллее, у городского сада, присел на скамейку и снял шляпу.

Какая-то девица, с широкими бедрами, в короткой юбке и в светлых чулках, прошла мимо Котофеева раз, потом вернулась, потом снова прошла и, наконец, села рядом, взглянув на Котофеева.

Борис Иванович вздрогнул, взглянул на девушку, мотнул головой и быстро пошел прочь.

И вдруг Котофееву все показалось ужасно отвратительным и невыносимым. И вся жизнь — скучной и глупой.

— И для чего это я жил... — бормотал Борис Иванович. — Приду завтра — изобретен, скажут. Уже, скажут, изобретен ударный, электрический инструмент. Поздравляю, скажут. Ищите, скажут себе новое дело.

Сильный озноб охватил все тело Бориса Ивановича. Он почти бегом пошел вперед и, дойдя до церковной ограды, остановился. Потом, пошарив рукой калитку, открыл ее и вошел в ограду.

Прохладный воздух, несколько тихих берез, каменные плиты могил как-то сразу успокоили Котофеева. Он присел на одну из плит и задумался. Потом сказал вслух:

— Сегодня чистописание, завтра рисование. Так и вся наша жизнь.

Борис Иванович закурил папиросу и стал обдумывать, как бы он начал жить в случае чего-либо.

— Прожить-то проживу, — бормотал Борис Иванович, — а к Луше не пойду. Лучше народу в ножки поклонюсь. Вот, скажу, человек, скажу, гибнет, граждане. Не оставьте в несчастьи...

Борис Иванович вздрогнул и встал. Снова дрожь и озноб охватили его тело.

И вдруг Борису Ивановичу показалось, что электрический треугольник давным-давно изобретен и только держится в тайне, в страшном секрете, с тем, чтобы сразу, одним ударом, свалить его.

Борис Иванович в какой-то тоске почти выбежал из ограды на улицу и пошел, быстро шаркая ногами.

На улице было тихо.

Несколько запоздалых прохожих спешили по своим домам.

Борис Иванович постоял на углу, потом, почти не отдавая отчета в том, что он делает, подошел к какому-то прохожему и, сняв шляпу, глухим голосом сказал:

— Гражданин... Милости прошу... Может, человек погибает в эту минуту...

Прохожий с испугом взглянул на Котофеева и быстро пошел прочь.

— А-а, — закричал Борис Иванович, опускаясь на деревянный тротуар. — Граждане!.. Милости прошу... На мое несчастье... На мою беду... Подайте кто сколько может!

Несколько прохожих окружило Бориса Ивановича, разглядывая его с испугом и изумлением.

Постовой милиционер подошел, тревожно похлопывая рукой по кобуре револьвера, и подергал Бориса Ивановича за плечо.

— Пьяный это, — с удовольствием сказал кто-то в толпе. — Нализался, черт, в будень день. Нет на них закона!

Толпа любопытных окружила Котофеева. Кое-кто из сердобольных пытался поднять его на ноги. Борис Иванович рванулся от них и отскочил в сторону. Толпа расступилась.

Борис Иванович растерянно посмотрел по сторонам, ахнул и вдруг молча побежал в сторону.

— Крой его, робя! Хватай! — завыл кто-то истошным голосом.

Милиционер резко и пронзительно свистнул. И трель свистка всколыхнула всю улицу.

Борис Иванович, не оглядываясь, бежал ровным, быстрым ходом, низко опустив голову.

Сзади, дико улюлюкая и хлопая ногами по грязи, бежали люди.

Борис Иванович метнулся за угол и, добежав до церковной ограды, перепрыгнул ее.

— Здеся! — выл тот же голос. — Сюды, братцы! Сюды, загоняй!.. Крой...

Борис Иванович вбежал на паперть, тихо ахнул, оглянувшись назад, и налег на дверь.

Дверь подалась и со скрипом на ржавых петлях открылась.

Борис Иванович вбежал внутрь.

Одну секунду он постоял в неподвижности, потом, охватив голову руками, по шатким каким-то сухим и скрипучим ступенькам, бросился наверх.

— Здеся! — орал доброхотный следователь. — Бери его, братцы! Крой все по чем попало...

Сотня прохожих и обывателей ринулась через ограду и ворвалась в церковь. Было темно.

Тогда кто-то чиркнул спичкой и зажег восковой огарок на огромном подсвечнике.

Голые высокие стены и жалкая церковная утварь осветились вдруг желтым скудным мигающим светом.

Бориса Ивановича в церкви не было.

И когда толпа, толкаясь и гудя, ринулась в каком-то страхе назад, сверху, с колокольни, раздался вдруг гудящий звон набата.

Сначала редкие удары, потом все чаще и чаще, поплыли в тихом ночном воздухе.

Это Борис Иванович Котофеев, с трудом раскачивая тяжелый медный язык, бил по колоколу, будто нарочно стараясь этим разбудить весь город, всех людей.

Это продолжалось минуту.

Затем снова завыл знакомый голос:

— Здесь! Братцы, неужели-те человека выпускать? Крой на колокольню! Хватай бродягу!

Несколько человек бросилось наверх.

Когда Бориса Ивановича выводили из церкви, — огромная толпа полуодетых людей, наряд милиции и пригородная пожарная команда стояли у церковной ограды.

Молча, через толпу, Бориса Ивановича провели под руки и поволокли в штаб милиции.

Борис Иванович был смертельно бледен и дрожал всем телом. А ноги его непослушно волочились по мостовой.

Впоследствии, много дней спустя, когда Бориса Ивановича спрашивали, зачем он это все сделал и зачем, главное, полез на колокольню и стал звонить, он пожимал плечами и сердито отмалчивался или же говорил, что он подробностей не помнит. А когда ему напоминали об этих подробностях, он конфузливо махал руками, упрашивая не говорить об этом.

А в ту ночь продержали Бориса Ивановича в милиции до утра и, составив на него неясный и туманный протокол, отпустили домой, взяв подписку о невыезде из города.

В рваном сюртуке, без шляпы, весь поникший и желтый, Борис Иванович вернулся утром домой.

Лукерья Петровна выла в голос и колотила себя по грудям, проклиная день своего рождения и всю свою несчастную жизнь с таким человеческим отребьем, как Борис Иванович Котофеев.

А в тот же вечер Борис Иванович, как и всегда, в чистом опрятном сюртуке, сидел в глубине оркестра и меланхолично позвякивал в свой треугольник.

Был Борис Иванович, как и всегда, чистый и причесанный, и ничего в нем не говорило о том, какую страшную ночь он прожил.

И только две глубокие морщины от носа к губам легли на его лице.

Этих морщин раньше не было.

И не было еще той сутулой посадки, с какой Борис Иванович сидел в оркестре. Но все перемелется — мука будет.

Борис Иванович Котофеев жить еще будет долго.

Он, дорогой читатель, и нас с тобой переживет. Мы так думаем.

О ЧЕМ ПЕЛ СОЛОВЕЙ

А ведь посмеются над нами лет через триста! Странно, скажут, людишки жили. Какие-то, скажут, у них были деньги, паспорта. Какие-то акты гражданского состояния и квадратные метры жилищной площади...

Ну, что ж! Пушай смеются.

Одно обидно: не поймут ведь, черти, половину. Да и где же им понять, если жизнь у них такая будет, что, может, нам и во сне не снилась!

Автор не знает и не хочет загадывать, какая у них будет жизнь. Зачем же трепать свои нервы и расстраивать здоровье — все равно бесцельно; все равно не увидит, вероятно, автор полностью этой будущей прекрасной жизни.

Да будет ли она прекрасна — это еще вопрос. Для собственного успокоения автору кажется, что и там много будет ерунды и дряни.

Впрочем, может, эта ерунда будет мелкого качества. Ну, скажем, в кого-нибудь, извините за бедность мысли, плюнули с дирижабля. Или кому-нибудь пепел в крематории перепутали и выдали заместо помершего родственничка какую-

нибудь чужую и недоброкачественную труху... Конечно, это не без того, — будут случаться такие ничтожные неприятности в мелком повседневном плане. А остальная-то жизнь, наверное, будет превосходна и замечательна.

Может быть, даже денег не будет. Может быть, все будет бесплатно, даром. Скажем, даром будут навязывать какие-нибудь шубы или кашне в Гостином дворе...

— Возьмите, — скажут, — у нас, гражданин, отличную шубу.

А ты мимо пройдешь. И сердце не забьется.

— Да нет, — скажешь, — уважаемые товарищи. На черта мне сдалась ваша шуба. У меня их шесть.

Ах, черт! До чего веселой и привлекательной рисуется автору будущая жизнь!

Но тут стоит призадуматься. Ведь если выкинуть из жизни какие-то денежные счета и корыстные мотивы, то в какие же удивительные формы выльется сама жизнь! Какие же отличные качества приобретут человеческие отношения! И, например, любовь. Каким, небось, пышным цветом расцветет это изящнейшее чувство!

Ах ты, какая будет жизнь, какая жизнь! С какой сладкой радостью думает о ней автор, даже вчуже, даже без малейшей гарантии застать ее. Но вот — любовь.

Об этом должна быть особая речь. Ведь многие ученые и партийные люди вообще склонны понижать это чувство. Позвольте, говорят, какая любовь? Нету никакой любви. И никогда и не было. И вообще, мол, это заурядный акт того же гражданского состояния, ну, например, вроде похорон.

Вот с этим автор не может согласиться.

Автор не хочет исповедываться перед случайным читателем и не хочет некоторым, особо неприятным автору, критикам открывать своей интимной жизни, но все же, разбираясь в ней, автор вспоминает одну девицу в дни своей юности. Этакое было у ней глупое белое личико, ручки, жалкие плечики. А в какой телячий восторг впадал автор! Какие чувствительные минуты переживал автор, когда, от избытка всевозможных благородных чувств, падал на колени и, как дурак, целовал землю.

Теперь, когда прошло пятнадцать лет и автор слегка сидит от различных болезней, и от жизненных потрясений, и от забот о куске хлеба, когда автор просто не хочет врать и не для чего ему врать, когда, наконец, автор желает увидеть жизнь, как она есть, без всякой лжи и украшений, — он, не боясь показаться смешным человеком из прошлого столетия, все же утверждает, что в ученых и общественных кругах сильно на этот счет ошибаются.

На эти строчки о любви автор уже предвидит ряд жестоких отповедей со стороны общественных деятелей.

— Это, — скажут, — товарищ, не пример — собственная ваша фигура. Что вы, скажут, в нос тычете свои любовные пашни? Ваша, скажут, персона не созвучна эпохе и вообще случайно дожила до теперешних дней.

— Видали? Случайно! То есть, дозвольте вас спросить, как это случайно? Что ж, прикажете под трамвай ложиться?

— Да это как вам угодно, — скажут. — Под трамвай или с моста, а только существование ваше ни на чем не обоснова-

но. Посмотрите, скажут, на простых, неискушенных людей, и вы увидите, как иначе они рассуждают.

Ха!.. Прости, читатель, за ничтожный смех. Недавно автор вычитал в «Правде» о том, как один мелкий кустарь, парикмахерский ученик, из ревности нос откусил одной гражданке.

Это что — не любовь? Это, по-вашему, жук нагадил? Это, по-вашему, нос откушен для вкусовых ощущений? Ну, и черт с вами! Автор не желает расстраиваться и портить себе кровь. Ему надобно еще закончить повесть, съездить в Москву и сделать, кроме того, несколько неприятных автору визитов к кое-каким литературным критикам, попросив их не торопиться с написанием критических статей и рецензий на эту повесть.

Итак, любовь.

Пушай об этом изящном чувстве каждый думает, как хочет. Автор же, признавая собственное ничтожество и неспособность к жизни, даже, черт с вами, пушай трамвай впереди, — автор все же остается при своем мнении.

Автор только хочет рассказать читателю об одном мелком любовном эпизоде, случившемся на фоне теперешних дней. Опять, скажут, мелкие эпизоды? Опять, скажут, мелочи в двухрублевой книге? Да что вы, скажут, очумели, молодой человек? Да кому, скажут, это нужно в космическом масштабе?

Автор честно и открыто просит:

— Не мешайте, товарищи! Дайте человеку высказаться хотя бы в порядке дискуссии...

Фу! Трудно до чего писать в литературе!

Потом весь изойдешь, покуда продерешься через непроходимые дебри.

И ради чего? Ради какой-то любовной истории гражданина Былинкина. Автору он не сват и не брат. Автор у него в долг не занимал. И идеологией с ним не связан. Да уж если говорить правду, то автору он глубоко безразличен. И расписывать его сильными красками автору нет охоты. К тому же автор не слишком-то помнит лицо этого Былинкина, Василия Васильевича.

Что касается других лиц, участвующих так или иначе в этой истории, то и другие лица тоже прошли перед взором автора мало замеченные. Разве что Лизочка Рундукова, которую автор запомнил по причинам совершенно особенным и, так сказать, субъективным.

Уже Мишка Рундуков, братишка ее, менее запомнился. Это был парнишка крайне нахальный и задира. Наружностью своей он был этакий белобрысенький и слегка мордастый.

Да о наружности его автору тоже нет охоты распространяться. Возраст у парнишки переходный. Опишешь его, а он, сукин сын, подрастет к моменту выхода книги, и там разбейся — какой это Мишка Рундуков. И откуда у него усы взялись, когда у него и усов-то не было в момент описания событий.

Что же касается самой старухи, так сказать, мамыши Рундуковой, то читатель и сам вряд ли выразит претензию, еже-

ли мы старушку и вовсе обойдем в своем описании. Тем более, что старушек вообще трудновато художественно описывать. Старушка и старушка. А пес ее разберет, какая эта старушка. Да и кому это нужно описание, скажем, ее носа? Нос и нос. И от подробного его описания читателю не легче будет жить на свете.

Конечно, автор не взялся бы писать художественные повести, если бы были у него только такие скудные и ничтожные сведения о героях. Сведений у автора хватает.

Например, автору очень живо рисуется вся ихняя жизнь. Ихний небольшой рундуковский домишко. Этакий темный, в один этаж. На фасаде — номер 22. Повыше на досочке багор нарисован. На предмет пожара. Кому что тащить. Рундуковым, значит, багор тащить. А только есть ли у них багор? Ох, небось, нету!.. Ну, да не дело художественной литературы разбираться и обращать на это внимание уездной администрации.

А вся внутренность ихнего домика и, так сказать, вещественное его оформление в смысле мебели, тоже достаточно рельефно вырисовывается в памяти автора... Три комнаты небольшие. Пол кривой. Рояль Беккера. Этакий жуткий рояль. Но играть на нем можно. Кой-какая мебелишка. Диван. Кошка или кот на диване. На подзеркальнике часишки под колпаком. Колпак пыльный. А само зеркало мутное — морду врет. Сундук огромный. Нафталином и дохлыми мухами от него пахнет.

Скучно, небось, было бы жить в этих комнатах столичным гражданам!

Скучно, небось, столичному гражданину и в ихнюю кухню войти, где мокрое белье на бечевке развешано. И у плиты старуха продукты стряпает. Картошку, например, чистит. Шелуха лентой с-под ножа свивается.

Только пуцай не думает читатель, что автор описывает эти мелкие мелочи с любовью и восхищением. Нету! Нету в этих мелких воспоминаниях ни сладости, ни романтизма. Знает автор и эти домики, и эти кухни. Заходил. И жил в них. И, может, и сейчас живет. Ничего в этом нету хорошего, так — жалкая жалость. Ну, войдешь в эту кухню — и ведь непременно мордой в мокрое белье угодишь. Да еще спасибо, ежели в благородную часть туалета, а то в мокрый чулок какой-нибудь, прости господи! Противно же мордой в чулок! Ну его к черту! Такая гадость.

А по причинам, не касающимся художественной литературы, автору приходилось несколько раз бывать у Рундуковых. И автор всегда удивлялся, как это в такой прели и мелькоте жила такая выдающаяся барышня, такой, можно сказать, ландыш и настурция, как Лизочка Рундукова.

Автору всегда было очень-очень жаль эту миловидную барышню. О ней будем в свое время длинно и обстоятельно говорить, пока же автор принужден рассказать кое-что о гражданине Василии Васильевиче Былинкине. О том, какой это человек. Откуда он взялся. И благонадежен ли он политически. И какое отношение он имеет к уважаемым Рундуковым. И не родственник ли он им.

Нет, он не родственник. Он просто случайно и на время замешался в ихнюю жизнь.

Автор уже предупреждал читателя, что физиономия этого Былинкина ему не слишком запомнилась. Хотя, вместе с тем, автор, закрывая глаза, видит его как живого.

Этот Былинкин ходил всегда медленно, даже вдумчиво. Руки держал позади. Ужасно часто моргал ресницами. И фигуру имел несколько сутулую, видимо, придавленную житейскими обстоятельствами. Каблуки же Былинкин снашивал внутрь до самых задников.

Что касается образования, то на вид образование было не ниже четырех классов старой гимназии.

Социальное происхождение — неизвестно.

Приехал человек из Москвы в самый разгар революции и о себе не распространялся.

А зачем приехал — тоже неясно. Сытнее, что ли, в провинции показалось? Или не сиделось ему на одном месте и влекли его, так сказать, неведомые дали и приключения? Черт его разберет! Во всякую психологию не влезешь.

Но скорей всего, в провинции сытней показалось. Потому — первое время ходил человек по базару и с аппетитом посматривал на свежие хлебы и на горы всевозможных продуктов.

Но, между прочим, как он кормился — для автора неясная тайна. Может, он даже и руку протягивал. А может, и пробки собирал от минеральных и фруктовых вод. И продавал после. Были и такие отчаянные спекулянты в городе.

Только, видимо, жил человек худо. Весь сносился и волосы стал терять. И ходил робко, оглядываясь по сторонам и волоча ноги. Даже глазами перестал моргать и смотрел неподвижно и скучно.

А после, по невыясненной причине, в гору пошел. И к моменту разыгравшейся нашей любовной истории имел Былинкин прочное социальное положение, государственную службу и оклад по седьмому разряду плюс за нагрузку.

И к этому моменту Былинкин уже несколько округлился в своей фигуре, влил, так сказать, в себя снова потерянные жизненные соки и снова по-прежнему часто и развязно моргал глазами.

И ходил по улице тяжеловатой походкой человека, насквозь прожженного жизнью, и имеющего право жить, и знающего себе полную цену.

И, действительно, к моменту развернувшихся событий был он мужчина хоть куда в свои неполные тридцать два года.

Он много и часто гулял по улицам и, размахивая палкой, сбивал по дороге цветы или траву, или даже листья. Иногда присаживался на скамейку бульвара и бодро дышал полной грудью, счастливо улыбаясь.

О чем он думал и какие исключительные идеи осеняли его голову — никому неизвестно. Может, он и ни о чем не думал. Может, он просто проникался восторгом своего законного существования. Или, скорей всего, думал, что ему совершенно необходимо переменить квартиру.

И в самом деле: он жил у Волосатова, у дьякона живой церкви, и, в силу своего служебного положения, весьма беспокойся жить у лица, столь политически запачканного.

Он много раз спрашивал, не знает ли кто, ради бога, какой-нибудь новой квартирнки или комнаты, так как он не в силах более жить у служителя определенного культа.

И, наконец, кто-то, по доброте душевной, сосватал ему небольшую, в две квадратные сажени, комнату. Это было как раз в доме уважаемых Рундуковых. Былинкин немедленно же переехал. Сегодня он осмотрел комнату и завтра с утра въехал, наняв для этой цели водовоза Никиту.

Отцу дьякону ни с какой стороны не нужен был этот Былинкин, однако, видимо уязвленный в неясных, но отличных своих чувствах, дьякон страшным образом ругался и даже грозил при случае набить Былинкину морду. И когда Былинкин складывал свое добро на телегу, дьякон стоял у окна и громко искусственно хохотал, желая этим показать полное свое равнодушие к отъезду.

Дьяконица же выбегала время от времени во двор и, кидая на телегу какую-нибудь вещь, кричала:

— Скатертью дорожка. Камнем в воду. Не задерживаем.

Собравшаяся публика и соседи с удовольствием хохотали, прозрачно намекая на ихние будто бы любовные отношения. Об этом автор не берется утверждать. Не знает. Да и не желает заводить излишних сплетен в изящной литературе.

3

Комната Былинкину, Василию Васильевичу, была сдана без всякой корысти и даже без особой на то нужды. Вернее, старуха Дарья Васильевна Рундукова побаивалась, как бы из-за жилищного кризиса ихнюю квартиру не уплотнили бы вселением какого-нибудь грубого и лишнего элемента.

Былинкин этим обстоятельством несколько даже воспользовался. И, проходя мимо беккеровского роаяля, сердито

покосился на него и с неудовольствием заметил, что этот инструмент, вообще говоря, лишнее и что сам он, Былинкин, человек тихий и потрясенный жизнью, побывавший на двух фронтах и обстрелянный артиллерией, не может переносить лишних мещанских звуков.

Старуха обиженно сказала, что у них сорок лет стоит этот рояльчик и для былинкинских прихотей не могут они его сломать или выдернуть из него струны и педали, тем более, что Лизочка Рундукова обучается игре на инструменте и, может быть, это у ней основная цель к жизни.

Былинкин сердито отмахнулся от старухи, заявив, что он говорит это в форме деликатной просьбы, а отнюдь не в виде строгого приказа.

На что старуха, крайне обидевшись, расплакалась и чуть было вовсе не отказала от комнаты, если б не подумала о возможностях вселения со стороны.

Былинкин переехал утром и до вечера кряхтел в своей комнате, устанавливая и прибирая все по своему столичному вкусу.

Два или три дня прошли тихо и без особых перемен.

Былинкин ходил на службу, возвращался поздно и долго ходил по комнате, шаркая войлочными туфлями. Вечером жевал что-то и, наконец, засыпал, слегка похрапывая и вереща носом.

Лизочка Рундукова эти два дня ходила несколько притихшая и много раз спрашивала свою мамашу, а также и Мишку Рундукова о том, какой это Былинкин на ихний

взгляд, курит ли трубку и имел ли он в своей жизни какое-нибудь прикосновение к морскому комиссариату.

Наконец, на третий день она и сама увидела Былинкина.

Это было рано утром. Былинкин, по обыкновению, собирался на службу.

Он шел по коридору в ночной рубашке с расстегнутым воротом. Помочи от штанов болтались позади, развеваясь в разные стороны. Он шел медленно, держа в одной руке полотенце и душистое мыло. Другой рукой он приглаживал встрепанные за ночь волосы.

Она стояла в кухне по своим домашним делам, раздувая самовар или нащипывая от сухого полена лучину.

Она тихо вскрикнула, увидев его, и бросилась в сторону, стыдясь своего неприбранного утреннего туалета.

А Былинкин, стоя в дверях, разглядывал барышню с некоторым изумлением и восторгом.

И верно: в то утро она была очень хороша.

Эта юная свежесть слегка заспанного лица. Этот небрежный поток белокурых волос. Слегка приподнятый кверху носик. И светлые глаза. И небольшая по высоте, но полненькая фигура. Все это было в ней необыкновенно привлекательно.

В ней была та очаровательная небрежность и, пожалуй, даже неряшливость той русской женщины, которая вскакивает поутру с постели и, немывая, в войлочных туфлях на босу ногу, возится по хозяйству.

Автору, пожалуй, даже нравятся такие женщины. Он ничего не имеет против таких женщин.

В сущности, нет ничего в них хорошего, в этих полных, с ленивым взглядом женщинах. Нет в них ни живости, ни яркости темперамента, ни, наконец, кокетливости позы. Так — мало двигается, в мягких туфлях, непричесанная... Вообще говоря, пожалуй, даже противно. Но вот подите ж!

И странная вещь, читатель!

Такая какая-нибудь кукольная дамочка, так сказать — мышление буржуазной западной культуры, совсем не по душе автору. Этакая прическа у ней, черт ее знает, какая греческая — дотронуться нельзя. А дотронешься — криков и скандалов не оберешься. Этакое платье не настоящее — опять не дотронься. Или порвешь, или запачкаешь. Скажите: кому это нужно? В чем тут прелесть и радость существования?

Наша, например, как сядет, так вполне видишь, что сидит, а не на булавке пришпилена, как иная. А та — как на булавке. Кому это надо?

Автор многим восхищен в иноземной культуре, однако относительно женщин автор остается при своем национальном мнении.

Былинкину тоже, видимо, нравились такие женщины.

Во всяком случае, он стоял теперь перед Лизочкой Рундуковой и, слегка раскрыв рот от восторга и не прибрав даже висящие подтяжки, смотрел на нее с радостным изумлением.

Но это длилось одну минуту.

Лизочка Рундукова, тихо ахнув и заметавшись по кухне, вышла прочь, на ходу поправляя свой туалет и спутанные волосы.

К вечеру, когда Былинкин вернулся со службы, он медленно прошел в свою комнату, рассчитывая встретить в коридоре Лизочку.

Но не встретил.

Тогда попозже, к вечеру, Былинкин пять или шесть раз смотался на кухню и, наконец, встретил Лизочку Рундукову, которой и поклонился страшно почтительно и галантно, слегка склонив голову набок и делая руками тот неопределенный жест, который условно показывает восхищение и чрезвычайную приятность.

Несколько дней таких встреч в коридоре и на кухне значительно их сблизили.

Былинкин приходил теперь домой и, слушая, как Лизочка играет какой-нибудь трамблям на рояле, упрашивал ее изобразить еще и еще что-нибудь душещипательное.

И она играла какой-нибудь собачий вальс или шимми или брала несколько бравурных аккордов второй или третьей, а может даже, черт их разберет, и четвертой рапсодии Листа.

И он, Былинкин, дважды побывавший на всех фронтах и обстрелянный тяжелой артиллерией, как бы впервые слушал эти дребезжащие звуки беккеровского рояля. И, сидя в своей комнате, мечтательно откидывался на спинку кресла, думая о прелестях человеческого существования.

Очень роскошная жизнь началась у Мишки Рундукова. Былинкин дважды давал ему по гривеннику и один раз пятиалтынный, прося Мишку тихонько свистеть в пальцы, когда старуха у себя на кухне и Лизочка одна в комнате.

Зачем это понадобилось Былинкину, автору крайне неясно. Старуха с совершенным восторгом смотрела на влюбленных, рассчитывая не позднее осени повенчать их и сбыть Лизочку с рук.

Мишка Рундуков также не разбирался в психологических тонкостях Былинкина и самосильно свистал раз по шесть в день, приглашая Былинкина заглянуть то в ту, то в другую комнату.

И Былинкин входил в комнату, садился подле Лизочки, перекидывался с ней сначала незначительными фразами, потом просил сыграть на инструменте какую-нибудь наиболее ее любимую вещь. И там, у рояля, когда Лизочка переставала играть, Былинкин клал свои узловатые пальцы, пальцы философски настроенного человека, прожженного жизнью и обстрелянного тяжелой артиллерией, на Лизочкины белые руки и просил барышню рассказать о ее жизни, живо интересуясь подробностями ее прежнего существования.

Иногда же спрашивал, чувствовала ли она когда-нибудь трепет настоящей, истинной любви, или это у нее в первый раз.

И барышня загадочно улыбалась и, тихо перебирая рояльные клавиши, говорила:

— Не знаю...

4

Они страстно и мечтательно полюбили друг друга.

Они не могли видеться без слез и трепета.

И, встречаясь, всякий раз испытывали все новый и новый прилив восторженной радости.

Былинкин, впрочем, с некоторым даже испугом взгляды-вался в себя и с изумлением думал, что он, дважды побывавший на всех фронтах и с необыкновенной трудностью заработавший себе право существования, с легкостью бы теперь отдал свою жизнь за один ничтожный каприз этой довольно миленькой барышни.

И, перебирая в своей памяти тех женщин, которые прошли в его жизни, и даже последнюю, дьяконицу, с которой у него таки был роман (автор совершенно в этом уверен), Былинкин с уверенностью думал, что только теперь, на тридцать втором году, он узнал истинную любовь и подлинный трепет чувства.

Распирали ли Былинкина его жизненные соки, или же у человека бывает предрасположение и склонность к отвлеченным романтическим чувствам — пока остается тайной природы.

Так или иначе, Былинкин видел, что он иной теперь человек, чем был раньше, и что кровь у него изменилась в своем составе, и что вся жизнь — смешна и ничтожна перед столь необычайной силой любви.

И Былинкин, этот слегка циник и прожженный жизнью человек, оглушенный снарядами и видевший не раз лицом к лицу смерть, этот жуткий Былинкин слегка ударился даже в поэзию, написав с десяток различных стихотворений и одну балладу.

Автор не знаком с его стишками, но одно стихотворение, под заглавием «К ней и к этой», посланное Былинкиным в «Диктатуру труда» и не принятое редакцией как несозвучное

социалистической эпохе, случайно и благодаря любезности технического секретаря, Ивана Абрамовича Кранца, сделалось известным автору.

У автора особое мнение насчет стишков и любительской поэзии, и поэтому автор не будет утруждать читателей и наборщиков целым и довольно длинным стихом. Автор предлагает вниманию наборщиков только пару последних, наиболее звучных строф:

Девизом сердца своего,
Любовь прогрессом называл.
И только образ твоего
Изящного лица внимал.

Ах, Лиза, это я
Сгорел, как пепел, от огня
Тому подобного знакомства.

С точки зрения формального метода стишки эти как будто и ничего собой. Но вообще же стишки — довольно паршивые стишки и, действительно, несозвучны и несоритмичны с эпохой.

В дальнейшем Былинкин не увлекался поэзией и не пошел по тяжкому пути поэта. Былинкин, всегда несколько склонный к американизму, забросил вскоре свои литературные достижения, без сожаления закопал талант в землю и стал жить по-прежнему, не проектируя своих безумных идей на бумагу.

Былинкин и Лизочка, встречаясь теперь по вечерам, уходили из дому и до ночи бродили по опустевшим улицам и бульварам. Иногда спускались к реке и сидели над песчаным обрывом, с глубокой и молчаливой радостью следя за быстрой водой реки Козязки. Иногда же, взяв друг друга за руки, тихо ахали, восторгаясь необычайными красотами природы или легкой воздушной тучкой, пробегавшей по небу.

Все это было им ново, очаровательно, и, главное, казалось, что видят они все в первый раз.

Иногда влюбленные уходили за город и шли к лесу. А там, взявшись за пальцы, ходили разомлевшие и, останавливаясь перед какой-нибудь сосной или елкой, смотрели на нее с изумлением, искренно удивляясь причудливой и смелой игре природы, выкинувшей из-под земли столь нужное для человека дерево.

И тогда Василий Былинкин, потрясенный необычайностью существования на земле и удивительными ее законами, падал от избытка чувств на колени перед барышней и целовал землю вокруг ее ног.

А кругом-то луна, кругом таинственность ночи, трава, светлячки чирикают, лес молчаливый, лягушки и букашки. Кругом этакая сладость и умиротворение в воздухе. Кругом та радость простого существования, от которой автор не хочет еще до конца отказать и поэтому ни под каким видом не может признать себя лишней фигурой на фоне восходящей жизни.

Так вот, Былинкин с Лизочкой наиболее любили эти свои прогулки за город.

Но в одну из таких прелестных прогулок, видимо сырой ночью, неосторожный Былинкин простудился и слег. У него открылась болезнь, вроде свинки. Или как врачи называют — заушница.

Уже к вечеру Былинкин почувствовал легкий озноб и режущую боль в горле. К ночи же морду его стало раздувать.

С тихим плачем входила Лиза в его комнату и с распущенными волосами, в мягких туфлях, металась от постели к столу, не зная, что ей предпринять, и что делать, и как облегчить участь больного.

Мамаша Рундукова и та вкатывалась в комнату по нескольку раз в день, расспрашивая, не хочет ли больной клюквенного киселька, который будто бы незаменим при всех инфекционных заболеваниях.

Через два дня, когда морду у Былинкина раздуло до неузнаваемости, Лизочка побежала за доктором.

Осмотрев больного и прописав ему какие-то медикаменты, доктор ушел, в душе, видимо, ругаясь, что дали ему мелочью.

Лизочка Рундукова побежала за ним и, догнав его на улице, заламывая руки, стала лепетать и спрашивать: ну, как? Что? Есть ли надежда? И что пуцай врач знает, что она не перенесет гибели этого человека.

Тогда врач, в силу своей профессии привыкший к этим сценам, равнодушно сказал, что свинка — свинка и есть, и помирать от этого, к сожалению, не приходится.

Несколько раздосадованная незначительной опасностью, Лизочка грустно вернулась домой и стала самоотверженно ухаживать за больным, не щадя ни своих слабых сил,

ни здоровья, не боясь даже схватить эту самую свинку от заражения.

Былинкин первые дни боялся подняться с подушки и, ощупывая раздувшееся свое горло, с ужасом спрашивал, не разлюбит ли его Лизочка Рундукова после болезни, которая позволила увидеть его в столь безобразном и омерзительном виде.

Но барышня, упрасивая его не беспокоиться, говорила, что, на ее взгляд, он стал более представительный мужчина, чем был раньше.

И Былинкин тихо и благодарно смеялся, говоря, что эта болезнь как нельзя более испытала крепость ихней любви.

5

Это была совершенно необыкновенная любовь. А с тех пор, когда Былинкин встал с одра болезни и голова с шеей снова приняли прежние формы, ему стало казаться, что Лизочка Рундукова спасла его от неминуемой гибели.

От этого в ихние любовные отношения вошла некоторая торжественность и даже великодушие.

В один из ближайших после болезни дней Былинкин взял Лизочку за руку и тоном решившегося на что-то человека попросил ее выслушать его, не задавая пока что лишних вопросов и не вмешиваясь со своими глупыми репликами.

Былинкин сказал длинную и торжественную речь о том, что он совершенно знает, что такое жизнь, и знает, как трудно существовать на земле, и что раньше, когда он был еще неоперившимся юнцом, он с преступной легкостью

относился к жизни, за что сильно пострадал в свое время, но теперь, умудренный житейским опытом, знает, как надо жить, и знает суровые и непоколебимые законы жизни. И что, все это обдумав, он предполагает внести кой-какие изменения в свою намеченную жизнь.

Одним словом, Былинкин сделал Лизочке Рундуковой официальное предложение с просьбой не тревожиться за будущее благосостояние, даже если Лизочка Рундукова и впредь останется безработной и не будет в состоянии вносить посильную лепту в общий скромный котел.

Она, слегка поломавшись и поговорив для изящности переживаемого момента о свободной любви, все же с восторгом приняла предложение, говоря, что она давно ждала его и что если б он не сделал этого, то он был бы последним мазуриком и проходимцем. А что свободные отношения, хотя и тоже очень хороши и отличны в свое время, но это уж не то, что иное прочее.

Со своей радостной новостью Лизочка Рундукова немедленно побежала к мамаше, а также и к соседям, приглашая их придти на бракосочетание, которое состоится в весьма непродолжительном времени и будет носить скромный и семейственный характер.

Соседи горячо поздравляли ее, говоря, что она достаточно уж засиделась и намучилась безысходностью своего существования.

Мамаша Рундукова всплакнула, конечно, и пошла к Былинкину, чтоб самой убедиться в подлинности факта.

И Былинкин удостоверял старуху, торжественно попросив называть ее с этого дня мамашей. Старуха, плача и сморкаясь в передник, сказала, что она пятьдесят три года живет на свете, но что этот день — самый счастливый в ее жизни. И, в свою очередь, попросила называть его Васей. На что Былинкин милостиво дал свое согласие.

Что касается Мишки Рундукова, то Мишка довольно равнодушно отнесся к жизненной перемене своей сестры и в настоящее время мотался где-то по улицам, сломя голову и высунув язык.

Теперь влюбленные не ходили уже за город. Большею частью они просиживали дома и, болтая до ночи, обсуждали план своей дальнейшей жизни.

И в одну из таких бесед Былинкин принялся с карандашом в руках чертить на бумаге план их будущих комнат, которые будут составлять как бы отдельную, маленькую, но уютную квартирку.

Они, совершенно захлебываясь и споря друг с другом, доказывали, куда лучше поставить кровать, и куда поставить стол, и где расположить туалет.

Былинкин убеждал Лизочку не делать глупостей и не ставить туалетный столик в углу.

— Это абсолютное мещанство, — сказал Былинкин, — ставить туалетный столик в углу. Это каждая барышня ставит этак. В углу гораздо лучше и монументальнее поставить комод и покрыть его легкой кружевной скатертью, которую мамаша, надеюсь, не откажет дать.

— Комод в углу тоже мешанство, — сказала Лизочка, едва не плача. — Да, к тому же, комод мамашин, и даст ли она его или нет, это еще вопрос.

— Ерунда, — сказал Былинкин, — как это она не даст? Не держать же нам белье на подоконниках! Явная чушь.

— Ты, Вася, поговори с мамашей, — строго сказала Лизочка. — Поговори просто как с родной матерью. Скажи: дескать, дайте, маменька, комод.

— Ерунда, — сказал Былинкин. — Да, впрочем, я могу и сейчас сходить к старухе, если тебе этого так хочется.

И Былинкин пошел в старухину комнату.

Было уже довольно поздно. Старуха спала.

Былинкин долго раскачивал ее, и та, брыкаясь во сне, никак не хотела вставать и понять, в чем дело.

— Проснитесь же, мамаша, — строго сказал Былинкин. — Ведь можем же мы с Лизочкой рассчитывать на какой-то небольшой комфорт? Ведь не трепаться же белью на подоконниках.

С трудом понимая, что от нее нужно, старуха принялась говорить, что комод этот пятьдесят один год стоит на своем месте, и на пятьдесят втором году она не намерена перетаскивать его в разные стороны и разбрасывать его налево и направо. И что комоды она не сама делает. И что поздно ей, на старости лет, обучаться столярному ремеслу. Пора бы это понять и не обижать старуху.

Былинкин принялся стыдить мамашу, говоря, что он, побывавший на всех фронтах и дважды обстрелянный тяже-

лой артиллерией, может же, наконец, рассчитывать на покойную жизнь.

— Стыдно, мамаша! — сказал Былинкин. — Жалко вам комода! А в гроб вы его не возьмете. Знайте это.

— Не дам комода! — визгливо сказала старуха. — Помру, тогда и берите хоть всю мебель.

— Да, помрете! — сказал Былинкин с негодованием. — Жди!..

Видя, что дело принимает серьезный оборот, старуха принялась плакать и причитать, говоря, что в таком случае пуцай невинный ребенок, Мишка Рундуков, своими устами скажет последнее слово, тем более, что он единственный мужской представитель в ихнем рундуковском роду, и комод, по праву, принадлежит ему, а не Лизочке.

Разбуженный Мишка Рундуков крайне не захотел отдавать комода.

— Да-а, — сказал Мишка. — Небось, гривенник отвалят, а комод взять хочут. Комоды тоже денег стоят.

Тогда Былинкин, хлопнув дверью, пошел в свою комнату и, горько отчитывая Лизочку, говорил ей, что ему без комода как без рук и что он сам, закаленный борьбой, знает, что такое жизнь, и ни на шаг не отступится от своих идеалов.

Лизочка буквально металась от матери к Былинкину, умоляя их как-нибудь прийти к соглашению и предлагая по временам перетаскивать комод из одной комнаты в другую.

Тогда, попросив Лизочку не метаться, Былинкин предложил ей немедленно лечь спать и набраться сил с тем, чтобы с утра заняться этим роковым вопросом.

Утро ничего хорошего не принесло. Много было сказано со всех сторон горьких и обидных истин.

Разгневанная старуха с отчаянной решимостью сказала, что она видит его, Василия Васильевича Былинкина, вдоль и поперек и что сегодня он комод от нее требует, а завтра студень из нее сварит и съест с хлебом. Вот это какой человек!

Былинкин кричал, что он подаст в уголовный розыск прошение об аресте старухи за распространение заведомо ложных и порочащих слухов.

Лизочка с тихим криком перебежала от одного к другому, упрасывая их, наконец, не орать и постараться спокойно разобраться в вопросе.

Тогда старуха сказала, что она вышла из того возраста, когда орут, и что она без оранья скажет всем и каждому, что Былинкин за это время у них обедал три раза и не потрудился даже, ради любезности, предложить некоторую компенсацию хотя бы за один обед.

Страшно взволнованный, Былинкин язвительно сказал, что зато он, гуляя с Лизочкой, много раз покупал ей леденцы и пастилу и два раза букеты цветов и, тем не менее, не предъявляет мамаше никаких счетов.

На что Лизочка, закусив губы, сказала, что пусть он не врет нахально, что никакой пастилы не было, а было лишь монпансье и небольшой букетик фиалок, которым грош цена и которые, к тому же, на другой день завяли.

Сказав это, Лизочка с плачем вышла из комнаты, предоставив все на волю судьбы.

Былинкин хотел побежать за ней и извиниться за неточные сведения, но, снова связавшись со старухой, назвал ее чертовой мамашей и, плюнув в нее, выбежал из дому.

Былинкин ушел из дому и два дня пропадал неизвестно где. И когда явился, то официальным тоном заявил, что он не считает более возможным пребывание в этом доме.

Через два дня Былинкин переехал на другую квартиру, в дом Овчинниковых. Лизочка демонстративно просидела эти дни в своей комнате.

Автор не знает подробностей переезда и также не знает, какие горькие минуты переживала Лизочка. И переживала ли она их. И сожалел ли обо всем Былинкин или все сделал с полным сознанием и решимостью.

Автору известно только, что Былинкин, переехав, долгое еще время, правда, уже после своей женитьбы на Марусе Овчинниковой, ходил к Лизочке Рундуковой. И они вдвоем, потрясенные своим несчастьем, сидели рядом, перебрасываясь незначительными словами. Иногда, впрочем, перебирая в своей памяти тот или иной счастливый эпизод и случай из прошлого, говорили о нем с грустной и жалкой улыбкой, сдерживая слезы.

Иногда приходила в комнату мать, и тогда они втроем оплакивали свою судьбу.

После Былинкин перестал ходить к Рундуковым. И, встречаясь с Лизочкой на улице, корректно и сдержанно кланялся ей и проходил мимо...

Так кончилась эта любовь.

Конечно, в иное время, лет, скажем, через триста, эта любовь так бы не кончилась. Она бы расцвела, дорогой читатель, пышным и необыкновенным цветом.

Но жизнь диктует свои законы.

В заключение повести автор хочет сказать, что, развертывая эту несложную историю любви и несколько увлекшись переживаниями героев, автор совершенно упустил из виду соловья, о котором столь загадочно сказано было в заглавии.

Автор побаивается, что честный читатель или наборщик, или даже отчаянный критик, прочтя эту повесть, невольно расстроится.

— Позвольте, — скажет, — а где же соловей? Что вы, скажет, морочите голову и заманиваете читателя на легкое заглавие?

Было бы, конечно, смешно начинать сначала повесть об этой любви. Автор и не пытается этого сделать. Автор только хочет восполнить кое-какие подробности.

Это было в самый разгар, в самый наивысший момент ихнего чувства, когда Былинкин с барышней уходили за город и до ночи бродили по лесу. И там, слушая стрекот букашек или пение соловья, подолгу стояли в неподвижных позах. И тогда Лизочка, заламывая руки, не раз спрашивала:

— Вася, как вы думаете, о чем поет этот соловей?

На что Вася Былинкин обычно отвечал сдержанно:

— Жрать хочет, оттого и поет.

И только потом, несколько освоившись с психологией барышни, Былинкин отвечал более подробно и туманно. Он предполагал, что птица поет о какой-то будущей распрекрасной жизни.

Автор тоже именно так и думает: о будущей отличной жизни лет, скажем, через триста, а может, даже и меньше. Да, читатель, скорее бы, как сон, прошли эти триста лет, а там заживем.

Ну, а если и там будет плохо, тогда автор с пустым и холодным сердцем согласится считать себя лишней фигурой на фоне восходящей жизни.

ВЕСЕЛОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

1

Нет, не может автор понять, почему люди пишут скучные повести о всяких драмах и трагедиях.

Автор для душевного успокоения предпочитает взять какую-нибудь веселую развлекательную книжонку о том, о сем.

В самом деле, так приятно читать про что-нибудь счастливое, удачное. Так приятно видеть, когда герои все как на подбор красивые, умные, способные. Ходят чистенько одетые. Героини в шелковых и кисейных платьях. Ну приятно, когда про все хорошее читаешь!

Даже такая незначительная вещь как погода, и то приятно, когда она хорошая на протяжении всей книги. Ну, это

как-то радует и приподнимает настроение, когда солнце светит, когда кругом хорошо. Масса зелени. Тепло. Духовые оркестры поминутно играют. Вот какой желательно иметь фон, на котором бы развертывалось действие.

Но наши современные писатели, к сожалению, не учитывают этого горячего пожелания публики. У них погодка взята по большей части ерундовая. Либо метель, либо буря. Либо ветер дует в морду герою. Герои же, как нарочно, подобраны нелюбезные. То и дело грубо ругаются. Одеты плохо. Вместо веселых и радостных приключений описываются разные несчастья и неприятности, либо вообще что-нибудь описывается, от чего клюешь носом.

Нет, не согласен автор с такой литературой. Пущай в этой литературе много хороших и гениальных книг, пущай в этих книгах черт знает какие глубокие идеи и разнообразные слова — не может автор найти в них душевного равновесия и радости.

И почему это французы могут изображать отличные и успокоительные стороны жизни, а мы не можем? Да что вы, товарищи, помилуйте! Хороших фактов, что ли, не хватает в нашей жизни? Или легких и бодрых приключений недостает? Или, по-вашему, ощущается нехватка в красивых героинях?

Что вы, дорогие товарищи! Все есть, если поискать. И любовь. И счастье. И благополучие. И красивые герои. И яркая бодрость. И наследства. И ванны. И голубые подштанники. И выигрышные займы, по которым можно выиграть 10 000. Все это есть в нашей жизни.

Зачем же тогда засорять эту жизнь и сгущать черные краски? И так-то много скучного и бедного в наши переходные дни, зачем же еще литературой подбавлять пару?

Нет, не согласен автор с нашей высокой литературой! Конечно, автор и сам только недавно пришел к этим решительным мыслям.

Автор и сам недавно еще задавался на самые отчаянные и меланхолические идеи и на разрешения самых немислимых вопросов. И вот — хватит. Довольно. Не в этом счастье.

Может, и в самом деле надо писать легко и весело. Может, и в самом деле надо писать только о хорошем и счастье. Чтоб дорогой покупатель из книг черпал бодрость и радость, а не тоску и уныние.

Автор предполагает, что это именно так и должно быть

И теперь, когда автор заканчивает свою книгу, он приходит к грустному размышлению о том, что вся книга написана не так, как надо бы.

Но что же поделать? Отныне автор берется рассказывать только бодрые, веселые и занимательные истории. Отныне автор отрекается от всех своих мрачных мыслей и меланхолических настроений.

К сожалению, перебирая в своей памяти все приключения и события последних лет, автор с некоторым конфузом и замешательством должен заявить, что для почина особо выдающейся веселой истории автор прямо-таки не может сейчас припомнить. Вспоминается лишь одна, более или менее подходящая историйка, не то чтобы слишком веселая, но, пожалуй, тихонько посмеяться можно будет. Во всяком

случае, на первый раз сойдет. А там чего-нибудь навернется более забавное.

А читателя автор насквозь узнал. Читателя хлебом не корми — дай ты ему за его деньги бодрые и счастливые переживания.

Какой-нибудь тут литературный критик, какой-нибудь писатель, какой-нибудь Рабиндранат Тагор ужасно как обрадуется и всполошится. «Вот, — скажет, потирая руки, — взгляните, — скажет, — на сукина сына — явно потрафляет читателю. Хватайте его и бейте по морде чем попало».

Подождите драться и ударять по морде, уважаемые критики. Обождите замахиваться. Дайте сказать человеку. Он не потрафляет читателю, а пишет так, как полагает нужным, ради бодрой идеи и ради общего благополучия. Впрочем, житейская мудрость и опыт многих лет, а также слабое состояние здоровья не позволяют автору вступить в пререканье с критиком.

Так вот, перебирая в памяти десятка полтора всяких историй, автор решает остановиться на забавном и веселом приключении, достойном пера какого-нибудь выдающегося французского писателя.

В этом веселом приключении много было счастливых и острых переживаний, много было бодрости и борьбы. Тут были романтические встречи. И стояла весьма недурная осенняя погода. Счастливый конец завершил эту трагикомическую эпопею.

Автор полагает, что лучшей истории ему для почину прямо-таки не припомнить.

Конечно, на первый взгляд особо выдающейся бодрости и счастья не будет ощущаться. Но нельзя же, чтоб сплошь было счастье и счастье. Этак и жить, сами понимаете, будет скучновато.

Итак, автор постарается в правдивых и бодрых тонах рассказать о веселом приключении, случившемся в самые недавние дни с Сергеем Петровичем Петуховым.

2

Сергей Петрович Петухов по воскресеньям на службу не ходил. В этот день, полный отдыха и бодрого веселья, Сергей Петрович вставал поздно, часов этак в десять, а то и в одиннадцать.

Но сегодня не было еще и десяти, когда Сергей Петрович сладко проснулся в своей постели, повернулся на другой бок и радостно улыбнулся наступающему утру.

Это была улыбка молодого, здорового организма, не хватанного еще врачами. Это была улыбка юноши, видевшего ночью отличные сны, светлые перспективы и бодрые горизонты.

И, действительно, в эту ночь Сергей Петрович видел себя каким-то молодым, богатым франтом. Он не помнил в точности, что он видел, но какие-то миловидные мордочки, какие-то танцующие барышни, какие-то легкие неоскорбительные речи и славные улыбки переплетались этой ночью в радостное сновиденье, счастливые картины молодости и удачи.

Сергей Петрович похлопал себя ладонью по зевающему рту и сел на постель.

Довольно чистая ночная рубашка из тонкого мадаполама плотно облегла высокую грудь и молодые крепкие плечи.

Сергей Петрович долго сидел на постели и, обняв свои колени, обдумывал виденный сон.

И под влиянием этого сна, и, может быть, из-за того, что солнце светило в комнату, Сергею Петровичу захотелось легкой и беспечной жизни или какого-нибудь забавного и веселого приключения. Ему хотелось как бы продолжения сегодняшнего удачного сна.

Ему захотелось жить в просторной и веселой комнате, площадью не менее как в три квадратных сажени. Он уже мысленно застилал эту комнату пушистыми персидскими коврами и обставлял ее дорогими роялями и пианинами.

Он уже видел себя под руку с красивой, миловидной девушкой. Ему казалось, что он идет с ней в кафе, где пьет густое какао с венскими сухарями, платит за все один и затем, пошатываясь, выходит на улицу.

Сергей Петрович вздохнул, обвел тихим взглядом свое неказистое помещение и вдруг резким движением вскочил с постели.

Он вскочил с постели, сполоснул морду под жестяным ручкомойником, причесал свои трепанные волосы и, прикрепив маленькое карманное зеркальце к стене, стал перед ним завязывать галстук.

Он долго возился с галстуком, потом с сапогами, начищая их до самого отчаянного блеска. Потом долго примерял шляпу. И наконец, одетый и причесанный, слегка надушенный мятными каплями, вышел на улицу.

Стояло чудное, тихое утро бабьего лета. Масса зелени, воздуха и солнца на минуту ослепила Сергея Петровича. Где-то гремел духовой оркестр — хоронили общественного деятеля.

Сергея постоял у дома, повертел в руке палочку и пошел вдале по проспекту легкой танцующей походкой.

Сергею Петухову было двадцать пять лет. Он был молод и здоров. У него были крепкие и сильные мускулы, у него были крупные, удачные черты лица и красивые серые глаза с ресницами и бровями. Проходящие женщины с явным удовольствием глядели на его выпуклый стан, на его круглые полные щеки и на свежеразглаженные брюки без излишних пятен. Сергей Петрович прищуренным глазом приветствовал каждую проходящую мимо женщину. Иногда он оборачивался и смотрел ей вслед, что-то обдумывая. Он шел медленно и дышал полной грудью. Иногда насвистывал какой-нибудь веселый мотив. Иногда останавливался у магазина рядом с какой-нибудь девушкой и смотрел на нее искоса, как бы оценивая и сравнивая с теми выдающимися барышнями, каких он видел этой ночью.

Вдруг Сергей обернулся и пристально посмотрел вслед какой-то проходящей девушке.

«Катюша Червякова собственной персоной», — подумал Сергей Петрович и, немного постояв, пошел вслед за ней.

Слегка задыхаясь, он догнал девушку. Он хотел сзади веселым, шаловливым движением рук закрыть ей глаза и после спросить фальшивым тоном: «Кто вас схватил за глаза?» Но вдруг вспомнил, что руки у него сегодня не особо чистые

и что перед уходом он чистил сапоги, и ядовитый скипидарный дух гуталина вряд ли выветрился за пятиминутную прогулку. Серега раздумал это сделать и только, подойдя совсем близко к девушке, он, одернув ее за руку и шуточно затопав ногами, вскричал:

— Хоп, берегись!

Девушка, смертельно побледнев, испуганно отшатнулась. Скорей всего она предположила, что какой-то дурак выкатывает тележку со двора. Но, увидев Сергея Петровича, она расхохоталась. Они вдвоем, взявшись за руки, хохотали, как дети. Они буквально минут десять не могли произнести ни одного слова от приступов смеха.

Потом, слегка успокоившись, он спросил, куда она идет. И узнав, что она гуляет, он взял ее под руку и поволочил за собой.

Много раз встречался Сергей Петрович с этой девушкой, но никогда не думал о ней и не вспоминал даже. А сейчас, под влиянием легкого веселого сна и бодрящей погоды, Серега ощутил в своей груди какое-то томление и любовный трепет.

Он крепко взял девушку под руку и торжественно повел ее по городу, как бы приглашая прохожих взглянуть на продолжение его сна.

Катюша Червякова, привыкшая видеть Сергея Петровича слегка хмурым, с обидчиво выпяченной нижней губой, решительно недоумевала. Она не знала, какая счастливая муха укусила ее кавалера. Но по природе своей веселая и смешливая, она поддерживала его бодрое, шаловливое на-

строение ума. Она говорила всякие пустяки, и он, захлебываясь от смеха и молодости, буквально хрюкал на всю улицу.

Молодость, красота и прекрасная погода связали вдруг эту парочку: им обоим показалось, что наступила любовь, увлечение или что-то вроде этого.

И, когда они прощались у ее дома, Сергей Петрович стал взволнованно просить назначить свидание как можно скорей. Он говорил, что жизнь его быстро проходит без особых переживаний и приключений. Он крайне одинок. И он хотел бы поближе подойти к Катюше Червяковой. Не хочет ли она сегодня, в семь часов вечера придти на угол Кирпичного переулка к кинематографу? Они пойдут на первый сеанс и там, сидя рядышком, посмотрят драму и под музыку обмозгуют, чего им делать дальше — гулять ли по городу или зайти куда-нибудь.

Слегка для вида поломавшись и заявив, что ей надо сегодня подрубить какие-то там мамашины простыни и пересчитать белье, девушка все же быстро дала свое согласие, испугавшись, как бы кавалер не раздумал насчет кино.

Они очень мило и просто попрощались и разошлись. Впрочем, Серега с минуту постоял еще перед калиткой, заглянул в ворота, бодро цыкнул на залаявшую на него собаку и пошел домой завтракать.

Завтрак был сытный. Яичница из трех яиц с луком и с хреном. Кусок чайной колбасы. Масло. Хлеба Сергей Петрович мог есть без усталости. Хозяйка с этим не считалась.

— Хорошая штука жизнь, — бормотал Сережа, кушая яичницу.

Автор не знает, что самое главное, самое, так сказать, великолепное в нашей жизни, из-за чего стоит, вообще говоря, существовать на свете.

Может быть, это служение отечеству. Может быть, служение народу и всякая такая ураганная идеология. Может быть так. Скорей всего, что так. Но вот в личной жизни, в повседневном плане, кроме этих высоких идей, существуют и другие, более мелкие идейки, которые, главным образом, и делают нашу жизнь интересной и привлекательной.

Автор ничего не знает о них и не берется запутывать простые и малокультурные умы своими на этот счет глупыми изречениями. Решительно не знает автор, что самое привлекательное в жизни.

Иной раз только автору кажется, что после общественных задач на первом плане стоит любовь. И что любовь — самое привлекательное занятие.

Вот другой раз идешь, предположим, по городу. Поздно. Вечер. Пустые улицы. И идешь ты, предположим, в огромной тощице — в пульку, скажем, проперся или какая-нибудь мировая скорбь обуяла.

Идешь, и все кажется до того плохим, до того омерзительным, что вот прямо взял бы, кажись, и повесился бы сию минуту на первом фонаре, если б он освещен был.

И вдруг видишь — окно. Свет в нем красный или розовый пущен. Занавесочки какие-нибудь этакие даны. И вот смотришь издали на это окно и чувствуешь, что уходят все

твои мелкие тревоги и волнения, и лицо расплывается в улыбку.

И тогда кажется чем-то прекрасным и великолепным и этот розовый цвет, и оттоманка какая-нибудь там за окном, и какая-нибудь смешная любовная канитель.

Тогда кажется все это чем-то основным, чем-то непоколебимым, чем-то раз навсегда данным.

Ах, читатель! Ах ты, милый мой покупатель! Да знаешь ли ты это драгоценное чувство любви, этот настоящий любовный трепет и сердечные треволнения? Не кажется ли тебе это самым драгоценным, самым привлекательным в нашей жизни?

Автор повторяет — он не утверждает этого. Он решительно не утверждает. Он надеется, что есть в жизни что-то еще более лучшее и более прекрасное. Автору только иногда кажется, что нет ничего выше любви и что любовь, пожалуй, очень большое и очень привлекательное занятие.

Сергей Петрович Петухов, хотя был и помоложе автора, но у него были такие же мысли и такие же точно соображения насчет жизни и любви. Он так же понимал жизнь, как понимает ее автор, умудренный житейским опытом.

И вот в знаменитый день, в то ясное воскресенье, Сергей Петрович, сытно позавтракав, часа полтора валялся на кровати, предаваясь любовным мечтаниям. Он думал о любовном приключении, которое у него уже завязывается. И думал о тех умных, веселых и энергичных словах, которые он нынче утром говорил девушке. И еще думал о том, что любовь очень может скрасить его скучную и одинокую жизнь.

Сергей Петрович, вытянув ноги на спинку кровати, с нетерпением стал подсчитывать, сколько же, наконец, времени осталось до назначенного часа, до семи часов вечера, когда он будет сидеть со своей барышней в кино и там, под музыку бравурного рояля и под стрекот аппарата, будет говорить тихим и энергичным шепотом о той неожиданной нежности, которая нынче охватила его.

Было начало второго.

— Почти шесть часов ожидания, — бормотал наш нетерпеливый герой.

Но вдруг, стремительно вскочив с кровати, он быстро зашагал по комнате, бормоча проклятия и пихая ногами стулья и табуреты, попадавшие под его неосторожные шаги.

В самом деле. Что ж это он лежит, как дурак? Нужно же поскорее действовать.

Сергей Петрович был в настоящую минуту, так сказать, не при деньгах. Полученное жалованье давно ушло на всякие житейские нужды и потребности, и сейчас у нашего героя было в кармане всего четыре копейки меди и одна трехкопеечная почтовая марка.

Сергей Петрович об этом отлично помнил, когда говорил девушке о кино. Он не захотел только в те минуты портить себе кровь и обдумывать, где бы ему занять эти, в сущности, ничтожные деньги. Он решил обдумать это дома. Но вот уже почти два часа он валяется на матрацах, не предпринимая никаких шагов!

Сергей Петрович без пиджака, в одной рубашке, бросился в соседнюю комнату. Он захотел занять у соседа,

с которым он был в довольно-таки приятельских отношениях. Однако сосед сказал, что сегодня он решительно не может одолжить. Он верит в благие намерения Сергея Петровича отдать эти деньги, но, к сожалению, у него самого до жалования осталось рубля два, которые ему крайне нужны сегодня. А, кроме того, он вообще воздерживается давать в долг, считая это совершенно неумной и рискованной затеей.

Сергей Петрович бросился на кухню. Он стал умолять хозяйку выручить его из беды. Однако хозяйка сухо и непреклонно отказала, заявив, что она сама едва-едва сводит концы с концами и что она, к сожалению, не удосужилась еще приобрести на рынке подходящий станок, на котором она могла сколько ей влезет печатать червонцы и двугривенные.

Сергей Петрович, в сильных грустях и даже несколько взволнованный, прошел в свою комнату и снова прилег на кровать. Он стал методически обдумывать, где бы ему разжиться монетой. Ему нужна, в сущности, небольшая сумма — ну, на худой конец, ему нужно семь гривен.

Сергею Петровичу до того захотелось достать эти деньги, что на один миг он даже отчетливо увидел их в своей руке — три двугривенных и один гривенник.

Стараясь обдумывать спокойно, Сергей Петрович мысленно обошел всех знакомых и в сильных выражениях упрашивал одолжить ему нужную сумму. Но вдруг пришел к мысли, что в долг он действительно вряд ли у кого займет. Тем более перед первым числом.

Тогда Сергей Петрович стал обдумывать, как бы иным способом выкрутиться из некрасивого положения. Быть может, продать что-нибудь?

Да, конечно, продать!

Тогда Сергей Петрович быстро открыл шкаф, письменный стол, ящик. Нет, решительно ничего нет. Все ерунда и рвань. Не может же он загнать последний костюм или хозяйский шкаф и диван! Вот, если загнать старые сапоги. Но что за них дадут?

Вот что. Да, конечно, Сергей Петрович сейчас, сию минуту продаст эту мясорубку. Она у него лежит в корзине. Она досталась ему от покойной матери. Странно, почему он эту машинку до сих пор не продал?

Сереза стремительно вытянул из-под кровати корзину, полную всякой домашней пыльной рухляди. С большой надеждой извлекал Сергей из корзины разные вещи и предметы, мысленно оценивая их. Но все это опять-таки была сплошная не ценная ерунда. Масса пыльных пузырьков, заскорузлых склянок, коробочек от порошков с закрученными рецептами. Какой-то тяжелый висячий шар от лампы с дробью. Ржавый засов. Два крючка. Мышеловка. Колодка от сапог. Кусок голенища. И вот, наконец, мясорубка.

Сереза стер с нее пыль платком и любовно прикинул ее на ладонь, мысленно взвешивая и оценивая.

Это была довольно массивная, плотная мясорубка с ручкой. В девятнадцатом году в ней мололи овес.

Сереза сдул с нее последнюю пыль, завернул в газету и, накинув на себя пальто, опрометью кинулся на рынок.

Воскресный торг был в полном разгаре. На площади ходили и стояли люди, бормоча и размахивая руками. Здесь продавались штаны, сапоги и лепешки на подсолнечном масле. Стоял страшный гул и острый запах.

Сереза протискался сквозь толпу и стал на виду в сторонку. Он развернул свою драгоценную ношу и опрокинул ее на ладонь, ручкой вверх, приглашая этим проходящую публику взглянуть на товар.

— Вот мясорубка, — бормотал наш герой, утарапливая события.

Сереза довольно долго стоял — никто не подходил даже. Только одна полновесная дама на ходу спросила о цене и, узнав, что цена — полтора целковых, пришла в такое сильное нервное раздражение и в такую ярость, что начала на весь рынок крыть и срамить Сергея Петровича, называя его мародером и подлецом. И под конец заявила, что он сам со своей машинкой стоит не более как рубль с четвертью.

Собравшаяся толпа несколько оттеснила расходившуюся даму.

Один предприимчивый молодой человек, тут же отделившись от толпы, осмотрел мясорубку, вынул кошелек и, брякнув им об ладонь, сказал, что полтора целковых — цена, действительно, неслыханная в наши дни, и что мясорубка решительно не стоит таких денег. Она в плохом виде, и что если владелец мясорубки желает, то может получить за нее наличными деньгами двугривенный.

Сереза отказался, гордо покачав головой.

Он долго стоял после этого в неподвижной позе. Никто не подходил к нему. Толпа давно поредела.

У Сергея Петровича крайне затекли руки и заныло сердце.

Но вот неожиданно он глянул на рыночные часы и пришел в совершеннейший ужас. Было уже без четверти четыре. Он еще ничего не сделал.

Тогда Сергей решил, не теряя драгоценного времени, продать мясорубку первому покупателю за любую цену, с тем, чтобы немедленно куда-нибудь побежать и раздобыть недостающие деньги.

Он продал мясорубку какому-то продавцу за пятнадцать копеек.

Тот долго и с особо оскорбительным выражением лица отсчитывал медяки в протянутую руку Сергея Петровича. И, отсчитав тринадцать копеек, сказал: «Хватает».

Сереза хотел покрыть покупателя, но, взглянув еще раз на часы, охнул и ринулся к дому.

Было четыре часа пополудни.

4

Сереза, зажав в кулаке тринадцать копеек, бросился домой, на ходу обдумывая планы и возможности, по которым он достанет остальную сумму. Однако голова решительно отказывалась что-либо придумать. Лоб покрылся потом, и в висках лихорадочно стучало. Мысль о том, что осталось менее трех часов, не давала спокойно обдумать создавшееся положение.

Сергей Петрович пришел домой и окинул печальным взором свою комнату.

Он было решил загнать что-нибудь основное из своего постельного гардероба — подушку, например, или одеяло. Но в это время подумал о том, что девушка после кино, очень свободно, может посетить его скромное жилище. Ну что он ей тогда скажет? В самом деле, ну что он может сказать барышне насчет недостающего одеяла? Позор. Ведь барышня из любопытства сама может спросить: «Где, — скажет, — у вас, Сергей Петрович, одеяло?»

При этой мысли сердце Сергея Петровича облилось кровью и страшно застучало, и он решительно отверг этот недостойный план.

Но вдруг новая счастливая мысль осенила его бедную голову.

Тетка. Родная тетка. Тетка Наталья Ивановна Тупицына. Родная тетка Сергея Петровича. Что ж он раньше, дырявая голова, о ней не подумал?

Прежняя бодрость и веселье охватили все существо Сергея Петровича. Он стал танцевать какой-то дикий африканский танец, размахивая своим пальто и подвывая. И, накинув пальто только на лестнице, Сергей Петрович хорошей, бодрой рысцой побегал на Газовую улицу, № 4 к родной, дорогой своей тетке.

Сергей Петрович довольно редко видался с теткой. Он виделся с ней не более двух раз в год — на именины и Пасху. Но, тем не менее, это была родная тетка. Она поймет. Сергей был довольно-таки любимым ее племянником. У нее была

даже сумасшедшая любовь к нему. Она сама ему сказала, что после ее смерти пущай он владеет тремя мужскими костюмами, которые остались после ее покойного супруга, умершего полтора года назад от совершенно незаразной болезни — от брюшного тифа.

И не может быть, чтобы эта родная тетка не вошла в его пиковое положение.

Вот, наконец, и Газовая улица. А вот и симпатичный дом № 4, двухэтажный, с мелкими окнами.

Сереза вбежал на двор через калитку. Поднялся одним духом во второй этаж. Вошел в кухню.

Две старые женщины хлопотали у плиты. Это были довольно вздорные старухи, квартирные хозяйки — сестры Белоусовы. Одна из них, младшая и наиболее ядовитая старуха, стояла на корячках перед открытой печкой и кочережкой вынимала угли в тушилку, из явной скупости. Другая старушка, старшая Белоусова, вытирала тарелки засаленным полотенцем. Какой-то небольшой парень, может быть какой-нибудь белоусовский родственничек, сидел на табурете и беззастенчиво жрал вареный картофель.

На стене перед плитой в громадном количестве бегали тараканы. У окна висели железные часы с гирями. Маятник качался со страшной быстротой и хрипло, со скрежетом, отбивал такт тараканьей жизни.

Женщины тайнственно переглянулись, когда Сергей Петрович вошел в кухню. Они замахали на него руками, как бы приглашая его вести себя потише. А сами, стараясь перегудеть друг друга, начали докладывать, что вот уж вторая не-

деля, как его тетка, Наталья Ивановна Тупицына, лежит тяжело больная и даже, так сказать, на краю могилы. И что приглашенный врач, выслушав ее, ничего такого особенно страшного не сказал, он только развел руками и прописал порошки, от которых на другой день к вечеру у больной отнялись ноги и перестали работать язык и желудок. И что если так пойдет дальше, то старушка Тупицына не сегодня-завтра, с помощью божьей, перекочет в иной, лучший мир. И что Сергей Петрович, как единственный ее законный наследник, пускай сам распоряжается всякими могилами и гробами, так как у них нету времени бескорыстно работать неизвестно на кого.

Услышав слова о наследстве, Сергей Петрович, воспрянув духом, сразу заговорил о деньгах, но старухи, шокированные его поведением, стали ему выговаривать за его нетерпение. Вот когда старуха умрет — тогда другое дело. Но пока этого не случилось, он не получит из этого дома ни копейки. От этих слов у Сергея Петровича совершенно упало сердце. Последняя надежда его рухнула. Он почти не сообщал, что ему говорили. Он оттеснил причитавших старух и медленно, слегка покачиваясь, пошел по коридору в теткин комнату.

Тетка неподвижно лежала на кровати, тяжело и хрипло дыша.

Сергей Петрович обвел глазами комнату и мельком глянул на желтое старухино лицо с закрытыми глазами и с острым носом. У Сергея Петровича захватило дыхание, и, осторожно ступая на носки, он снова пошел в кухню.

Ему не было жаль умирающей тетки. Он даже в те минуты и не подумал о ней. Он только подумал о том, что сегодня решительно нет никакой возможности призанять у нее денег.

Сергей Петрович минут пять стоял в кухне почти в полной неподвижности. Ужасная бледность покрыла его лицо.

Две женщины, из уважения к его нестерпимому горю, старались также не двигаться, они только беззвучно вздыхали и вытирали кончиками платков свои губы и глаза. Стояла почти полная тишина. Только один парнишка по-прежнему, грубо чавкая, жрал картофель. И по-прежнему кухонные часы мерно отбивали движение времени.

Тогда Сергей Петрович, шумно вздохнув, искоса посмотрел на тикающие часы и замер в совершенном и окончательном оцепенении.

Было начало шестого.

Большая стрелка заканчивала первую свою четверть.

Второй раз в этот день сердце Сергея Петровича облилось кровью. Заломило в боку. Вся голова вспотела. И в горле стало сухо и жестко.

Сосущая тревога сменилась вдруг полным и бурным отчаянием. С Сергеем Петровичем сделалась такая нервная лихорадка, что он едва нашел выход на лестницу. Он сунулся было в чулан, потом дважды ткнулся в уборную, потом согнал с табуретки парнишку и хотел ударить его по морде и, наконец, с помощью крестьящих его старух нашел выходную дверь.

Он едва прошел через дверь, до того мотались его руки и ноги.

Только на улице Сергей Петрович немного пришел в себя. Он медленным шагом пошел к дому. Он старался ни о чем не думать. Но всевозможные мысли сами давили его голову. Он пытался иронией несколько смягчить свое положение.

— Вот как, брат Серега, пришилило, — бормотал он. Конечно, будь это не выходной день, он достал бы на службе. Но сегодня он отказывается что-либо придумать.

Он пришел домой и в полном изнеможении лег на кровать.

— В чем, собственно, дело? — успокаивал себя Сергей. — Ну, эка штука — денег нету! Подумаешь, какая нестерпимая беда! Пойду к ней и скажу, мол, нету — мало ли какие бывают заминки.

Но тут какое-то упрямство и какое-то тупое желание достать во что бы то ни стало не давали ни о чем другом думать.

Казалось, что в этом сейчас заложен весь смысл жизни. Или он, Сергей Петрович Петухов, достанет эти жалкие деньги и пойдет сегодня с девушкой, как ходят все люди, беспечно и весело, или же он распишется в собственной слабости и будет выкинут за борт жизни.

Сергей Петрович неподвижно лежал на постели. Целые фантастические планы и картины стали рисоваться в его мозгу.

Вот, например, он идет по улице и находит бумажник. Или вот он заходит в магазин, наводит панику и ужас на приказчиков и забирает товару на кругленькую сумму. Или приходит в Госбанк, загоняет служащих в ванную комнату и берет полный мешок гривенников.

Тут же после всякой своей фантазии Сергей безнадежно усмеялся и упрекал себя в нереальном подходе к событиям.

Он упрашивал себя не волноваться, а строго, по порядку, не торопясь и не предаваясь заманчивым иллюзиям, перечислять методически все возможные выходы.

Но вокруг все — и кровать, и комната, и подушки — стали невыносимыми. Сергей Петрович почти выбежал на улицу.

Он, крупно шагая и бормоча что-то, прошел по проспекту.

Сам того не замечая, он остановился у часового магазина и долго глядел на круглый белый циферблат часов, выставленных в окне.

Он долго стоял и глядел, как двигалась большая стрелка. Она двигалась крайне медленно, и с каждым ее движением высыхало в горле Сергея Петровича.

Было шесть часов вечера.

Большая стрелка несколько даже перемахнула двенадцать.

Сергей Петрович резко повернулся и пошел дальше. И, проходя мимо Госбанка, криво усмеялся и побарабанил пальцами по вывеске.

И пошел дальше, усмехаясь.

Он долго шел по каким-то улицам. И вдруг снова увидел дом своей тетки.

Сергей Петрович, немного постояв у теткиного дома, решительным шагом прошел во двор и стал подниматься по лестнице.

Неясные мысли приняли вдруг отчетливую форму.

Ну, конечно. В чем же дело? Он придет к тетке и просто возьмет у нее что-нибудь. Или разбудит ее и попросит. Он совсем не хочет скрывать от нее. Он, наконец, как наследник может это сделать. Он может, например, открыть комод или какой-нибудь там ночной столик и взять какую-нибудь мелочь. В чем же дело? В конце концов, он может даже предупредить этих двух квартирных дур.

Сергей Петрович поднялся во второй этаж, подошел к дверям и минуты две стоял перед ними в нерешительности.

Потом слегка подергал ручку. Дверь была закрыта.

Сергей Петрович хотел было громче потрясти ручку, но вдруг услышал шаги в кухне. Кто-то подходил к дверям.

Сам не зная почему, Сергей Петрович испугался и одним прыжком бросился в сторону на лесенку, ведущую на чердак.

В это время загремел крюк, дверь открылась, и квартирная хозяйка, старшая Белоусова, с ведром, полным помоев, вышла на лестницу и, не заметив Сергея Петровича, стала спускаться вниз.

Немного обождав, Сергей Петрович быстро и решительно подошел к незапертым дверям, осторожно открыл их и вошел в кухню.

В кухне никого не было.

Тогда, осторожно и тихо ступая на носки, Сергей Петрович пошел по коридору в теткину комнату. В комнате было темно.

Безотчетный страх, почти ужас охватил Сергея. Он сделал три шага по направлению к теткиной кровати и остановился, наступив на мягкие войлочные старушкины туфли. Дрожь прошла по его телу.

Спокойное, хотя и хриплое, дыхание тетки своей равномерностью немного успокоило Сергея Петровича. Он подошел вплотную к кровати, пошарил руками впереди себя и, нащупав столик, подошел к нему,

Вдруг неосторожным движением трясущейся руки он опрокинул на столике какой-то пузырек. Вслед за пузырьком со страшным звоном упала на пол столовая ложка. Тетка слегка мотнула головой и промычала неясное.

Сергей Петрович замер, стараясь не дышать.

В соседней комнате послышались вдруг чьи-то шаги. Кто-то теперь шел по коридору беспокойными, шаркающими ногами.

Сергей Петрович заметался по комнате. Он подбежал к окну. Потом повернулся назад и, стремительно открыв дверь, бросился в темный коридор. На быстром ходу он сшиб с ног младшую старуху Белоусову и, перепрыгнув через нее, побежал дальше.

Ужасно закричала старуха, и крик ее гулко разнесся по всему дому.

Сергей Петрович вбежал на кухню, погасил за собой свет и кинулся на площадку.

Сергей Петрович хотел одним духом броситься вниз, но вдруг внизу послышались торопливые шаги. Ужасный старухин крик всполошил весь дом, а может быть, и всю улицу.

Теперь по лестнице снизу бежали какие-то люди. Сергей заметался на площадке и снова, как и в первый раз, бросился на верхнюю чердачную лесенку. И там, у закрытой двери, присел, почти упал на ступеньки, сердце его колотилось отчаянно. Не хватало воздуха. С разинутым ртом сидел Сергей Петрович на ступеньках и с ужасом прислушивался к тому, что происходило внизу.

Какие-то люди вбежали в квартиру, кто-то отчаянно визжал.

И кто-то, сквозь рыдания, кричал и плакал.

Человек десять выбежали вдруг из квартиры и бросились вниз.

Вьждав несколько минут, а может быть и полчаса, Сергей Петрович стал спускаться с лестницы. Он медленно, почти задумчиво, положив руки назад, с полным и ледяным спокойствием прошел через двор и, не встретив никого, очутился на улице.

На улице, у ворот, толпились люди.

— Ну, что? — спросили Сергея Петровича. — Поймали?

Сергей Петрович промывчал что-то в ответ и тихим шагом, слегка покачиваясь, пошел к своему дому.

Он, как тень, прошел в свою комнату. Потом прошел в кухню и поглядел на хозяйский будильник.

Было четверть девятого.

Сергей Петрович усмехнулся и, сняв пиджак и штаны, долго ходил по комнате в одних подштанниках. Он соображал, где именно он был в семь часов вечера. И никак не мог решить.

Вдруг кровь ударила ему в голову. Он мысленно представил себе растерянное лицо девушки, ждущей его час и более.

Потом, снова усмехнувшись, Сергей Петрович лег на постель. Он спал беспокойно, часто мычал во сне и перекалывал подушку.

6

Сергей Петрович проснулся рано. Было семь часов утра.

Он сидел на постели в одних подштанниках и задумчиво зашнуровывал ботинок.

В этот момент постучали в дверь, и в комнату тихо вошла младшая старуха Белоусова.

Сергей Петрович страшно побледнел и встал с постели. Он дрожал, и зубы его отбивали барабанную дробь. Старуха замахала на него руками, заявив, что пусть он зря не стыдится своего вида, он вполне ей годится в правнуки, и что она на своем веку много перевидала мужчин в самых разнообразных подштанниках.

Старуха, присев на табурет, скорбно высморкалась в головной платок и торжественно сказала, что сегодня под утро померла его тетка, Наталия Ивановна Тупицына.

Сергей Петрович сперва просто не понял, о чем идет речь. Он предполагал услышать от старухи кое-какие намеки и подозрения относительно вчерашнего происшествия, однако старуха говорила о другом.

Но вот гостя, выждав для приличия несколько минут и безутешно всплакнув о безвременно погибшей тетке, принялась длинно и подробно рассказывать об ужасах вчерашнего налета.

Сергей Петрович снисходительно слушал, потом стал думать о своем.

Конечно, думал Сергей, можно бы пойти сейчас к Катюше и объяснить — вот, мол, вчера померла тетка. Так сказать, семейные обстоятельства не позволили вчера провести прилично время. Он, мол, сидел у постели умирающей родственницы.

Конечно, это можно сделать. Но вчерашнее волнение, вчерашние ужасные потрясения несколько притупили охоту Сергея Петровича. Он снова стал слушать старухину речь.

Старуха длинно нахально врала о вчерашнем бандитском нападении, совершенно не предполагая, что перед ней сидит человек, кое-что знавший об этом деле. Старуха уверяла, что налетчиков было трое и ими командовала одна женщина. И что, кроме этих четырех, был еще пятый — наводчик — совершенно безусый парень.

Тут Сергей Петрович несколько не выдержал и высказал предположение, что старуха, видимо, с перепугу, обмишурилась и приняла своего белоусовского родственника за безусого наводчика, а свою многоуважаемую сестрицу за атамана.

На что старуха с обидой заявила, что пушай он при себе оставит свои лишние сентенции и что только ее находчивость и смелость не допустили разбойников разграбить имущество их, а также Сергея Петровича.

Тут старуха подошла вплотную к наиболее острому и занимательному вопросу. Она деликатно повела речь об оставшемся наследстве.

Ах, да! Сергей Петрович с этими волнениями вовсе позабыл об этом наследстве. Это же прямо великолепно!

Снова бодрость и счастье охватили Сергея Петровича. Снова радужные перспективы и счастливые горизонты открылись перед ним. Он мысленно примерял теткины костюмы и жилеты. Он мысленно шел в новеньком пиджаке под руку с Катюшей Червяковой. Он мысленно торговался с татаринном, загоня ему всякое ненужное теткино барахло.

Долой уныние и долой меланхолию! Да здравствуют бодрые слова, бодрые мысли и прекрасные желания! Как хорошо и отлично жить на свете. Как хорошо и какое счастье чувствовать жизнь такой, какая она есть, а не такой, как иной раз кажется.

Сергей Петрович чувствовал себя семнадцатилетним мальчиком. Он пустился бы в пляс, он пошел бы отплясывать фокстрот с младшей Белоусовой, если бы было прилично танцевать сразу после смерти родственников.

Сергей Петрович вежливо попрощался со старухой, великосветски заявил, что он непременно будет сегодня на панихиде. Он не пойдет на службу. Он, конечно, сейчас же смотается до Катюши Червяковой и оставит ей прискорбное письмо с наилучшими извинениями. И потом пойдет отдать последний долг родственнице.

Сергей Петрович несколько даже заволновался. Он забоялся, как бы в последний момент старухи не почистили его наследство.

Он быстро присел к столу и, барабанив пальцами, стал обдумывать текст письма.

Радость и счастье давили грудь и мешали сосредоточиться.

Сергей Петрович взглянул в окно и замер в полном восхищении. Вставало прелестное утро. Голубое небо и спокойные верхушки деревьев предвещали отличный день.

— Как хорошо жить, — бормотал Сергей, открывая форточку. — Как хорошо дышать утренней прохладой. Как хорошо любить какую-нибудь миловидную барышню.

Сергей Петрович решительно присел к столу. Он написал несколько слов Катюше с объяснениями и просьбой непременно придти сегодня, в семь часов, в назначенное место. Он запечатал конверт, оделся и вышел на улицу.

Он шел с гордо поднятой головой. Вчерашний ужас и волнения отошли куда-то в вечность. Вчерашний маленький страх перед жизнью исчез и сменился энергичным мужеством.

И в чем, собственно, дело? Да, действительно, вчера он немножко как будто сдал. Вчера он слегка поволновался. Но все остается по-прежнему. Прекрасная жизнь продолжается. И продолжается его веселое любовное приключение. За ним идут счастье и удача.

Сергей Петрович отдал письмо дворнику для передачи Катюше Червяковой и сам, глубоко вдыхая утреннюю прохладу, пошел легкой танцующей походкой к бывшей своей тетке.

Сергей пришел к самой панихиде. Старый батюшка тянул свою канитель. Старухи Белоусовы тихонько хрюкали,

оплакивая свою последнюю жилищу. Но, вместе с тем, все это веяло яркой бодростью и повседневной жизнью.

Сама покойная тетка удобно расположилась на столе, на лучших кружевных наволочках. Спокойствие и счастье лежали на ее добродушном лице. Старуха была как живая. Некоторый даже румянец пробивался сквозь ее желтую кожу. Казалось, как будто она, устав, на минуту прилегла на столе и вот-вот сейчас, отдохнув, встанет и скажет: «А вот и я, братцы мои». Сергей Петрович долго смотрел на нее добрыми глазами.

«Тетка, тетка, — думал он. — Экая ты, брат, тетка. Подохла-таки...»

Сергей Петрович стоял неподвижно, склонив голову. Он думал о кратковременной жизни и о непрочности человеческого организма и о том, что надо эту жизнь заполнять погуще всякими отличными делами и веселыми приключениями. И эти мысли не горем и меланхолией наполняли его сердце — на сердце его были мир и тишина.

И Сергей Петрович, не дождавшись конца панихиды, тихо поклонился неподвижной тетке и вышел из помещения.

Он пошел по коридору в комнату своей тетки. Там было все аккуратно прибрано. И ничто не говорило о смерти.

Сергей Петрович беглым взглядом оглядел комнату, прикинул на глаз стоимость каждой вещицы. И, насчитав до кругленькой суммы — сто рублей, тихонько улыбнулся, вышел из комнаты и, закрыв дверь на ключ, пошел на улицу.

Он шел по улице и радостно смеялся. Солнце, несмотря на осень и несмотря на свои все растущие пятна, обжигало его всем своим стремительным пылом. Ветра никакого не было.

7

Вечером, в тот же день, Сергей Петрович встретился со своей дочкой.

Она пришла несколько позже его. Он, волнуясь и подыскивая приличные слова, взял ее руки и тут же, на углу, стал объяснять причины вчерашнего отсутствия.

Да, он ни на минуту не мог уйти. Его родная тетка предпочитала помирать на его руках.

Он в сильных красках описывал теткину смерть. Засим перешел на описание оставленного имущества.

Девушка мило моргала ресницами и, добродушно усмехаясь, говорила, что вчера, действительно, она сильно разобиделась, но сегодня не высказывает никаких претензий.

Они, мило обнявшись, сидели в зрительном зале. И под стрекот аппарата Сергей Петрович шептал ей всякие порядочные слова о своих чувствах и намерениях. Девушка благодарно пожимала ему руку и говорила, что он с первого взгляда ей приглянулся своей внешностью.

После кино Сергей Петрович со своей мамзелью долго шлифовал тротуары. А немного попозже она посетила его скромное жилище.

В половине двенадцатого ночи Сергей Петрович выпускал ее от себя. Это видел гражданский инвалид Жуков. Он в это

время искал свою кошку на лестнице и слышал, как Сергей Петрович сказал: «В крайнем случае можно и записаться».

Через две недели они записались.

А через полгода Сергей Петрович с молодой своей супругой выиграли пятьдесят рублей по Крестьянскому займу, доставшемуся им от бывшей тетки. Радости их не было границ.

СИРЕНЬ ЦВЕТЕТ

1

Вот опять будут упрекать автора за это новое художественное произведение.

Опять, скажут, грубая клевета на человека, отрыв от масс и так далее.

И, дескать, скажут, идеи взяты, безусловно, не так уж особенно крупные.

И герои не горазд такие значительные, как, конечно, хотелось бы. Социальной значимости в них, скажут, чего-то мало заметно. И вообще ихние поступки не вызовут такой, что ли, горячей симпатии со стороны трудящихся масс, которые, дескать, не пойдут безоговорочно за такими персонажами.

Конечно, об чем говорить — персонажи, действительно, взяты не высокого полета. Не вожди, безусловно. Это просто, так сказать, прочие, незначительные граждане с ихними житейскими поступками и беспокойством. Что же касается

клеветы на человечество, то этого здесь определенно и решительно нету.

Это раньше можно было упрекать автора, если и не за клевету, то за некоторый, что ли, излишек меланхолии и за желание видеть разные темные и грубые стороны в природе и людях. Это раньше, действительно, автор горячо заблуждался в некоторых основных вопросах и доходил до форменного мракобесия.

Еще какие-нибудь два года назад автору и то не нравилось и это. Все он подвергал самой отчаянной критике и разрушительной фантазии. Теперь, конечно, неловко сознаться перед лицом читателя, но автор в своих воззрениях докатился до того, что начал обижаться на непрочность и недолговечность человеческого организма и на то, что человек, например, состоит главным образом из воды, из влаги.

— Да что это, помилуйте, гриб или ягода! — восклицал автор. — Ну зачем же столько воды? Это ну прямо оскорбительно знать, из чего человек состоит. Вода, труха, глина и еще что-то такое в высшей степени посредственное. Уголь, кажется. И вдобавок в этом прахе еще чуть что микробы заводятся. Ну что это такое! — восклицал в те годы автор не без огорчения.

Даже в таком святом деле — во внешнем человеческом облике — автор и то стал видеть только грубое и нехорошее.

— Только что мы привыкли к человеку, — бывало, говорил автор своим близким родственникам, — а если чуть отвлечься или, к примеру, не видеть человека пять-шесть лет, то прямо удивиться можно, какое безобразие наблюдается в

нашей наружности. Ну рот — какая-то небрежная дыра в морде. Оттуда зубы веером выступают. Уши с боков висят. Нос — какая-то загогулина, то есть как нарочно посреди самой морды. Ну некрасиво! Неинтересно глядеть.

Вот, примерно, до таких глупых и вредных для здоровья идей доходил автор, находясь в те годы в черной меланхолии. Даже такую несомненную и фундаментальную вещь, как ум, автор и то подвергал самой отчаянной критике.

— Ну ум, — говорил автор, — предположим. Действительно, спору нет, много чего любопытного и занимательного изобрели люди благодаря уму: микроскоп, бритва «Жиллет», фотография и так далее, и так далее. Но чтоб, значит, такое изобрести, чтоб каждому человеку жилось бы совершенно припеваючи, — этого еще окончательно нету. А столетия, промежду прочим, идут, века идут. Солнце уж пятнами стало покрываться. Остывает, видите ли. Год-то у нас, скажем, одна тысяча девятьсот двадцать девятый. Эвон сколько времени уже промигали.

Вот, примерно такие недостойные мысли мелькали у автора.

Но эти мысли мелькали, без сомнения, по случаю болезни автора.

Его острая меланхолия и раздражение к людям доводили его форменно до ручки, заслоняли горизонты и закрывали глаза на многие прекрасные вещи и на то, что у нас сейчас кругом происходит.

И теперь автор бесконечно рад и доволен, что ему не пришлось писать повести в эти два или три прискорбные года. Иначе большой позор лег бы на его плечи. Вот это был бы

действительно злостный поклеп, это была бы действительно грубая и хамская клевета на мировое устройство и человеческий распорядок.

Но теперь вся эта меланхолия прошла, и автор снова видит своими глазами все, как оно есть.

Причем, хвораая, автор отнюдь не отрывался от масс. Напротив того, он живет и хворает в самой, можно сказать, человеческой гуще. И описывает события не с планеты Марс, а с нашей уважаемой Земли, с нашего восточного полушария, где как раз и находится в одном из домов коммунальная квартирка, в которой жительствоует автор и в которой он, так сказать, воочию видит людей, без всяких прикрас, нарядов и драпировок.

И по роду такой жизни автор замечает, что к чему и почему. И сейчас упрекать автора в клевете и в оскорблении людей словами просто не приходится. Тем более, автор последнее время особенно горячо полюбил людей со всеми ихними пороками, недостатками и прочими вышеуказанными особенностями.

Конечно, другие интеллигенты, действительно, верно, иной раз произносят разные слова. И, дескать, люди определенно еще дрянь. И, дескать, их надо еще подровнять, привести в порядок. Надо из них вытряхнуть всякие грубые элементы. Надо их подутьюжить. Только тогда жизнь может засиять в полном своем дивном блеске. Остановка, так сказать, за небольшим. Но автор как раз не имеет такого мнения. Он решительно отмежевывается от таких взглядов. Конечно, безусловно надо изжить такие печальные

недостатки механизма, как бюрократизм, мещанство, канцелярская волокита, чубаровщина и так далее. Но все остальное, пока что, более или менее стоит на месте и не мешает постепенному улучшению жизни.

И если б автора спросили:

— Чего ты хочешь? Чего бы ты хотел, например, в ударном порядке изменить в своих близких людях, кроме этих вышеуказанных недостатков?

Автор затруднился бы сразу ответить.

Нет, кроме этого он ничего не хочет изменять. Так, разве самую малость. В смысле, что ли, корысти. В смысле повседневной грубости материального расчета.

Ну, чтобы люди в гости стали ходить, что ли, так, для приятного душевного общения, не имея при этом никаких задних мыслей и расчетов. Конечно, все это блажь, пустая фантазия, и автор, вероятно, с жиру бесится. Но такая уж сентиментальная у него натура — ему желательно, чтоб фиалки прямо на тротуарах росли.

2

Конечно, все, что сейчас говорилось, может, и не имеет прямого отношения к нашему художественному произведению, но уж очень, знаете, все это наболевшие, актуальные вопросы. И такой уж каторжный характер у автора — покуда он не выскажется перед читателем — прямо, знаете ли, не до повестушки.

Хотя как раз в данном случае эти слова отчасти все же имеют некоторое отношение к нашей повести. Тем более,

мы беседовали тут про разные корыстные расчеты. И в повести как раз выведен такой герой, который столкнулся лицом к лицу с такими же обстоятельствами и прямо рот раскрыл, утомленный целым вихрем событий, которые разыгрались на этой почве.

В молодые, прекрасные годы, когда жизнь казалась утренней прогулкой, вроде как по бульвару, автор не видел многих теневых сторон. Он просто не замечал этого. Не на то глядели его глаза. Его глаза глядели на разные веселые вещицы, на разные красивые предметы и переживания. И на то, как цветки растут и бутончики распускаются, и как облака плавают, и как люди друг дружку взаимно горячо любят.

А как все это происходит, и что чем движется и чем толкается, автор не видел по молодости лет, по глупости характера и по наивности своего зрения.

А после, конечно, стал себе автор приглядываться. И вдруг видит разные вещи.

Вот он видит — седовласый человек жмет другому ручку, и в глаза ему глядит, и слова произносит. Вот раньше поглядел бы на это автор — душевно бы порадовался. «Эвон, — подумал бы, — какие все милые, особенные, до чего любят друг друга и до чего жизнь прелестно складывается».

Ну, а сейчас не доверяет автор галлюцинации своего зрения. Автора гложут сомнения. Он беспокоится — а может, это седовласая борода ручку жмет и в глаза глядит, чтоб поправить пошатнувшееся свое служебное положение или чтоб занять кафедру и читать с этой кафедры лекции о красоте и искусстве.

Автор запомнил на всю жизнь одно небольшое событие, случившееся совсем недавно. И это событие буквально режет автора без ножа. Вот один милый дом. Гости туда шляются. Днюют и ночуют. В картишки играют. И кофе со сливками жрут. И за молодой хозяйкой почтительно ухаживают и ручки ей лобызают. И вот, конечно, арестовывают хозяина-инженера. Жена хворает и чуть, конечно, с голоду не околеваает. И ни одна сволочь не заявляется. И никто ручку не лобызает. И вообще пугаются, как бы это бывшее знакомство не кинуло на них тень.

Но вот после инженера освободили — никакой особой вины за ним не нашли. И все снова опять завертелось. Хотя инженер стал грустный и к гостям не всегда выходил, а если и выходил, то глядел на них с некоторым испугом и удивлением.

Ну, что? Может быть, это клевета? Может быть, это есть злобное измышление? Нет, это именно так и наблюдается в каждую минуту нашей жизни. И пора об этом говорить в глаза. А то все, знаете, красота да величие, да звучит гордо. А как до дела дойдет, так просто, ну пустяки получают.

Но автор не поддается унынию. Тем более иногда, раз в пять лет, он и встречает чудаков, которые резко отличаются от всех прочих граждан.

Но все это есть теоретическое размышление, а то, что автор хочет рассказать, есть подлинная история, взятая из самого источника жизни.

Но прежде чем приступить к описанию событий, автор хочет поделиться еще некоторыми сомнениями.

Дело в том, что по ходу сюжета в повести имеются две-три дамы, которые выведены не так чтоб слишком симпатично.

Автор не жалел на них никаких красок и старался придать им свеженький актуальный вид, тем не менее не получилось того, что хотелось бы. И по этой причине женские фигуры получились одна другой хуже.

И многие, в особенности читательницы, могут вполне оскорбиться за эти женские типы и постараются уличить автора в нехорошем подходе к женщинам и в нежелании, чтоб женщины сравнивались в своих законных правах с мужчинами. Тем более, что некоторые знакомые женщины уже обижаются: да уж, говорят, у вас всегда дамские типы малосимпатичные.

Но автор горячо просит за это его не бранить. Автор и сам диву дается, чего это у него из-под пера такие малоинтересные дамочки определяются.

И это тем более странно, что автор, может, всю жизнь видел, главным образом, только довольно хороших, добродушных и не злых дам.

И вообще на этот вопрос автор так глядит, что женщины, пожалуй, даже лучше, нежели мужчины. Что ли они как-то сердечней, мягче, отзывчивей и приятней.

И в силу таких взглядов автор никогда не позволит себе оскорблять женщину. А если в повести другой раз и получаются неясности по этому вопросу, то это просто недоразумение, и автор умоляет на это не обращать внимания и тем более не расстраиваться по пустякам.

Для автора безусловно все равны.

Другое дело, если взять, любопытства и смеха ради, мир животных.

Там бывает разница. Там даже птицы имеют свою разницу. Там самец всегда как-то несколько дороже стоит, чем самка.

Там, для примеру, чижик стоит два целковых по теперешней калькуляции, а чижиха в том же магазине — копеек пятьдесят, сорок, а то и двугривенный. А по виду птички — как две капли воды. То есть буквально не разобрать, которая что, которая ничего.

И вот сели эти птички в клетку. Они зернышки жуют, водичку пьют, на палочках прыгают и так далее. Но вот чижик перестал водичку пить. Он сел поплотней, устремил свой птичий взор в высоту и запел.

И за это такая дороговизна. За это гони монету.

За пение и за исполнение.

Но что в птичьем мире прилично, то среди людей не полагается. И дамы у нас в одной цене находятся, как и мужчины. Тем более, у нас и дамы поют, и мужчины поют. Так что все вопросы и все сомнения в этом отпадают.

А кроме того, в нашей повести все грубые нападки на женщину и подозрения относительно ее корысти идут со стороны нашего самого главного героя — человека определенно мнительного и больного. Бывшего прапорщика царской армии, к тому же слегка контуженного в голову и потрепанного революцией. В девятнадцатом году он в камышах сколько раз ночевал — боялся, что его коммунисты арестуют, схватят и разменяют.

И эти все страхи печальным образом отразились на его характере.

И в двадцатых годах он был нервный и раздражительный субъект. У него тряслись руки.

И даже стакана он не мог поставить на стол, не кокнув его своей дрожащей ручкой.

Тем не менее, в житейской борьбе руки его не дрожали.

По этой самой причине он не погиб, а с честью выжил.

3

Безусловно, человеку не так-то легко погибнуть. То есть автор думает, что не так-то просто человек может с голоду помереть, находясь даже в самых крайних условиях. И если есть некоторая сознательность, если есть руки и нога и башка на плечах, то, безусловно, как-нибудь можно расстараться и найти себе пропитание, хотя бы, в крайнем случае, милостыней.

Но тут до милостыни не дошло, хотя у Володина и было довольно пиковое положение в первые годы революции.

Тем более, он много лет провел на военном фронте, совершенно, так сказать, оторвался от жизни, ничего такого особенно полезного делать не умел, кроме стрельбы в цель и по людям. Так что он еще не понимал — какое найти себе применение.

И конечно, родственников у него не было. И квартиры у него не имелось. Буквально ничего.

Была у него одна мамаша, и та в военные годы скончалась. Квартирка ее, по случаю смерти, перешла в другие

быстрые руки. И остался наш бывший военный гражданин по приезду совершенно не у дел и, как бы сказать, без портфеля. Тем более, революция выбила его из седла, и он остался, так сказать, в стороне и даже как бы лишний и вредный элемент.

Однако он не допустил слишком большой паники в этот ответственный момент своей жизни. Он поглядел своими ясными глазами, что к чему и почему. Видит — расположен город. Он окинул город своим орлиным взором. И видит — идет вращение жизни тем же почти манером, как и всегда. По улицам народ ходит. Граждане спешат туда и сюда. Девушки ходят с зонтиками.

Он поглядел, что к чему и что чем движется и толкается. И видит, что революция хотя и многое изменила, но не настолько, чтоб поддаться панике.

«Что ж, — думает, — кидаться в озеро не приходится, а надо без сомнения в ударном порядке что-нибудь придумать. Можно, в крайнем случае, дрова грузить или какую-нибудь хрупкую мебель перевозить или, для примера, мелкой торговлишкой заниматься. Или же, наконец, можно жениться не без выгоды».

И вот от этих мыслей он даже повеселел.

«То есть особой выгоды, — думает, — в этом последнем случае сейчас, конечно, не найти, но, скажем, помещение, отопление и себе пища — это, безусловно, можно».

И, конечно, не такой он отпетый человек, чтобы дама его содержала, но подать первую помощь в минуту жизни трудную — это не порок.

Тем более он был молодой и не старый. Ему было тридцать с небольшим лет.

И хотя его центральная нервная система была довольно потрепана бурями и житейскими тревожностями, однако он был мужчина еще ничего себе. Причем, у него была выгодная и приятная наружность. И хотя он был блондин, но блондин все-таки довольно мужественного вида.

К тому же он носил на щеках небольшие итальянские бачки. И от этого его лицо еще более выигрывало и давало что-то демоническое и смелое, что заставляло женщин вздрагивать всем корпусом, опускать глаза долу и быстро одергивать свои юбки на коленях.

Вот какие блага и преимущества имел он, когда начал завоевывать свою жизнь.

Он приехал после военной службы в город и временно поселился в проходной комнате у своего знакомого фотографа Патрикеева, который пустил его, хотя и по доброте сердечной, однако рассчитывал снять кое-какие пенки с этого дела. Он записал на него часть квартирной площади и, кроме того, ожидал, что Володин иной раз, из чувства живейшей благодарности, будет принимать посетителей — будет открывать им двери и записывать ихние фамилии. Однако Володин не подтвердил этих хозяйственных надежд — он мотался целые дни напролет невесть где и даже сам в ночное время иной раз трезвонил и тем самым вносил в дом полное беспокойство и дезорганизацию.

Фотограф Патрикеев очень от этих дел грустил и растривал свое здоровье, и даже, иной раз, вскакивая ночью

в кальсонах, ужасно как ругался, называя его прохвостом, золотопогонником и бывшим беспорточным барином.

Однако Володин, не более как через полгода, начал все-таки приносить явную выгоду своему патрону. Правда, под конец, когда он уже съехал с его квартиры и благополучно женился.

Дело в том, что еще в мелком своем возрасте он имел некоторую склонность и любовь к художественному рисованию. И, будучи абсолютно крошкой, он любил марать карандашом и красками разные картинки и рисуночки.

И в настоящее время это художественное дарование ему неожиданно пригодилось.

Сначала шутя, а после более серьезно он стал помогать фотографу Патрикееву, ретушируя ему снимки и пластинки.

Разные приходящие барышни обязательно требовали прилично заснятого лица, без складок, морщин, угрей и прочих досадных особенностей, которые, к сожалению, имелись в натуральном человеческом виде.

Эти угри и бутоны Володин зарисовывал карандашом, ловко кладя тени и просветы на заснятые личности.

В короткое время Володин сделал в этой области изрядный успех и даже стал подрабатывать себе деньги, сердечно радуясь такому обороту дела.

4

И, научившись этому хитрому искусству, он понял, что занял в жизни определенную позицию и что с этой позиции его выбить довольно затруднительно и даже почти что не-

возможно. Ибо для этого потребуется уничтожение всех фотографий, категорическое запрещение жителям сниматься на карточку или же полное отсутствие фотографической бумаги на рынке.

Но, к сожалению, жизнь обернулась так выгодно только после того, как Володин сделал решительный шаг — он женился на одной гражданке, никак еще не предполагая, что его искусство даст полную возможность стать на ноги самостоятельно.

И, живя у фотографа и не имея пока никаких особых перспектив, он, естественным образом, кидал взоры на окружающих людей, и в особенности, конечно, на дам и на женщин, которые могли бы подать ему руку помощи, дружбы и участия.

И такая дама нашлась и откликнулась на призыв гибнущего человека.

Это была жилица из соседнего дома, Маргарита Васильевна Гопкис.

Она занимала целую квартиру, проживая там совместно со своей младшей сестрицей Лелей, которая, в свою очередь, была замужем за братом милосердия товарищем Сыпуновым.

Эти две сестрицы были довольно еще молоденькие и занимались они пошивкой рубашек, кальсон и прочих гражданских предметов.

Они этим занимались в силу необходимости. И не на такую ничтожную судьбу они рассчитывали, заканчивая до революции свое высшее образование в женской гимназии.

Получив такое приличное образование, они, естественно, мечтали зажить достойным образом, выйдя замуж за исключительных мужчин или за профессоров, которые окружили бы ихнюю жизнь роскошью, баловством и красивыми привычками.

Но жизнь, между тем, проходила. Бурные годы нэпа и революции не позволяли подолгу осматриваться и кидать якорь в том месте, в котором желательно.

И вот младшая сестрица Леля, погоревав о превратностях судьбы, выходит поскорее замуж за Сыпунова, совершенно грубого, небритого субъекта — брата милосердия, вернее санитара из городской больницы.

А старшая сестрица, Маргариточка, вздыхая о невозможном, прогоревала все сроки и к тридцати годам, спохватившись, начала метаться туда и назад, желая заполучить в мужья хотя бы какого-нибудь завалывшегося человека.

И вот как раз в ее расставленные сети попадает наш приятель Володин.

Он давно мечтал о более подходящей жизни, о некотором семейном уюте, о непроходной комнате, о кипящем самоваре и о всех таких житейских вещичках, которые, безусловно, украшают жизнь и дают тихую прелесть мелкобуржуазного существования.

И вот тут имелось все это налицо плюс прочное положение и самостоятельный заработок, что было как бы приданным и несомненно оживляло сделку, придавая ей определенный живой интерес.

Конечно, будь это знакомство позже, Володин, имея свои заработки, не пошел бы так стремительно на этот шаг. Тем более, ему совершенно не нравилась Маргарита Гопкис с ее тусклым, однообразным лицом.

Володину нравились и влекли девицы другого порядка — такие с темненькими усиками на верхней губе. Очень такие веселые, бравурные, быстрые в своих движениях, умеющие танцевать, плавать, нырять и болтать всякую чепуху. А его Маргариточка была, благодаря профессии, малоподвижная и слишком скромная в своих движениях и действиях.

Но жребий был брошен, и пружина разворачивалась без остановки.

И, проходя теперь мимо соседнего дома, Володин всякий раз останавливался подле ее окон и подолгу разговаривал, беседуя о том, о сем. И, стоя перед ней в профиль или в три четверти и теребя бачки, Володин говорил разные иносказательные вещи о приличной жизни и о хорошей судьбе. И из разговоров с ней он определенно понял, что комната в ее квартире к его услугам, если, конечно, он не остановится на своих намеках.

И он, быстро обмозговав все дело и оглядев более внимательным и требовательным взором свою даму, с победным криком ринулся в бой.

Так состоялся этот знаменитый брак.

И Володин перебрался в квартиру Гопкис, внося туда, в общий котел, свою скромную одинокую подушку и другой жидковатый скарб.

Фотограф Патрикеев провожал Володина, тряс ему руку и советовал не кидать только что начатого познания в ретушерском деле.

Маргарита Гопкис с досадой махала руками, говоря, что навряд ли Володину понадобится такое кропотливое занятие.

Итак, Володин вошел в новую жизнь, считая, что произошла довольно выгодная комбинация, построенная на точном и правильном расчете.

И он бодро потирал свои руки и мысленно хлопал себя по плечу, говоря:

— Ничего, брат Володин, жизнь и тебе, кажись, начинает улыбаться.

Но это была улыбка не так чтобы слишком веселая.

5

Слов нет, жизнь нашего Володина переменялась к лучшему. Из проходной, неудобной комнаты он переехал в дивную спальню с разными этажерками, подушками и статуэтками.

Кроме того, питаюсь раньше плохо и скромно всякими огрызками и требухой, он и тут остался в крупном выигрыше. Он кушал теперь разные порядочные блюда — супы, мясо, фрикадельки, помидоры и так далее. Кроме того, раз в неделю, вместе со всей семьей, он пил какао, удивляясь и восторгаясь этому жирному напитку, вкус которого он позабыл за восемь — девять лет своей походной и неудобной жизни. Однако Володин не был на содержании у своей законной жены.

Не переставая работать на поприще фотографии, он сделал крупные успехи и стал получать за свою работу не только благодарность, но и, так сказать, живые деньги.

Хорошая свежая пища позволяла Володину с особенным вдохновением кидаться на работу. И, не имея особого счастья со своей молодой супругой, он уходил в силу этого в работу. И эту работу исполнял до того тонко и художественно, что все снятые физиономии выходили у него теперь совершенно ангельскими, и ихние живые владельцы искренно удивлялись такой счастливой неожиданности и снимались все более и более охотно, не жалея никаких денег и засылая, кроме того, в фотографию все новых и новых клиентов.

Фотограф Патрикеев чрезвычайно дорожил теперь своим работником и делал ему надбавку всякий раз, когда клиенты особенно восторгались художественным исполнением.

Вот тут Володин и почувствовал под ногами почву и понял, что теперь его немислимо согнать с занятой позиции.

И он начал полнеть, округляться и приобретать спокойно-независимый вид. Его не стало развозить, а просто его организм начал мудро запасаться жирами и витаминами на черный день и на всякий случай.

Конечно, особого спокойствия и довольствия Володин не имел.

Покушав вволю и побеседовав с женой на хозяйственные темы и заказав ей обед на завтра, он оставался в печальном одиночестве, искренне горюя, что у него нету особой нежной привязанности к молодой супруге, той привязанности,

которая достойно украшает жизнь и делает всякую обыденную собачью ерунду — событием и красивой подробностью счастливой жизни. И, имея такие мысли, Володин надевал свою шляпу и выходил на улицу, конечно предварительно побрившись, попудрив свой элегантный нос и подравняв свои итальянские бачки.

Он шел по улицам и посматривал на проходящих женщин, живо интересуясь, какие они, как они ходят и какие у них лица и мордочки. Он останавливался, смотрел вслед и насвистывал какой-нибудь особенный мотивчик. Так незаметно проходило время. Проходили дни, недели, месяцы. Так незаметно прошло три года. Молодая супруга, Маргарита Гопкис, буквально не могла налюбоваться на своего выдающегося супруга.

Она работала все равно, как слон, буквально не разгибая спины, желая предоставить своему хозяину наибольшие выгоды. Она, желая скрасить его существование, покупала всякие приличные и забавные мелочишки, красивые подтяжки, ремешки для часов и прочие вещицы семейного обихода. Но он глядел хмуро и скупно подставлял свои щеки под обильные поцелуи своей сожительницы. Иногда он просто грубо огрызался и отгонял ее, как назойливую муху.

Он начал ясно и открыто грустить, задумываться и проклипать свою жизнь.

— Нет, не удалась жизнь, — бормотал наш Володин, стараясь понять, какую ошибку он сделал в своей жизни и в своих планах.

Но вот весной, если не изменяет нам память, 1925 года произошли крупные события в жизни нашего друга, Николая Петровича Володина. Ухаживая за одной довольно милой девушкой, он горячо влюбился, или, скажем более просто, — вторгнулся в нее и даже стал подумывать о коренной перемене своей жизни. Имея теперь приличный заработок, он уже мог думать о новой, более счастливой жизни.

Все ему было мило и прелестно в этой молодой девице. Она, одним словом, вполне отвечала его духовным запросам, имея именно такую внешность, о которой он мечтал всю свою жизнь. Она была худенькая поэтическая особа с темными волосами и с блестящими, как звезды, глазами. Ее небольшие крошечные усики особенно приводили в восторг Володина и заставляли его более серьезно обдумывать создавшееся положение.

Но разные семейные подробности и предчувствия громких скандалов и, пожалуй, даже мордобоя заставляли его холодеть и отгонять решительные мысли прочь.

Он стал на всякий случай несколько даже приветливей со своей супругой и, уходя из дому, вкручивал ей что-то отнительно своих знакомых друзей, к которым он спешит, и, похлопывая ее по спине, говорил ей разные приветливые и неоскорбительные слова.

И мадам Володина, понимая, что происходит что-то такое исключительное по своей важности, хлопала глазами и

не знала, как ей вести себя — то ли ей кричать и скандалить, то ли несколько обождать, собрав предварительно обличительный материал и улики.

Володин уходил из дому и, встречаясь со своей малюткой, вел ее торжественно по улицам, полный остроумных фраз, вдохновения и бурной, кипящей жизни.

Девушка висла на его ручке, щебеча про свои невинные мелкие делишки и про то, что многие женатые кавалеры вообще стремятся к разным несбыточным фантазиям, но что она, несмотря на теперешнюю полную распущенность, глядит все же совершенно иначе. И только серьезные обстоятельства могут склонить ее к более определенным фактам. Или уж, конечно, слишком сильная любовь сможет тоже, пожалуй, поколебать ее принципы. Чувствуя в этих словах любовное признание, Володин особенно энергично волок свою даму, бормоча разные безответственные мысли и пожелания.

Они уходили по вечерам на озеро и там, на высоком берегу, на скамейке, а то и просто на траве под сиренью сидели, нежно обнявшись, переживая каждую секунду свое счастье.

Был май месяц, и это дивное время года особенно вдохновляло их своей красотой, свежими красками и легким, упоительным воздухом.

Автор, к сожалению, не имеет крупного поэтического дарования, и он не в силах с легкостью владеть поэтическим лексиконом. Автор искренно горюет, что у него мало способностей к художественному описанию и вообще к художественной прозе.

Иначе величественные картины создал бы автор, описывая эти свежие чувства двух влюбленных сердец на чудном фоне весеннего пейзажа, наших природных богатств и душистой сирени.

Автор признается, что он не раз пробовал проникать в секрет художественного описания, в тот секрет, которым с такой завидной легкостью владеют наши современные гиганты литературы.

Однако бледность слов и нерешительность мыслей не дозволяли автору слишком углубляться в девственные дебри русской художественной прозы.

Описывая волшебные картины свидания наших друзей, полные поэтической грусти и трепета, автор все же не может побороть в себе искушение окунуться в запретные и сладкие воды художественного мастерства.

И несколько строк описания ночной панорамы автор с любовью посвящает нашим влюбленным.

Только пушай опытные литераторы-художники не будут слишком строги в оценке этих скромных упражнений. Это нелегкое занятие. Это тяжелый труд.

Однако автор все же попробует окунуться в высокую художественную литературу.

Море булькотело... Вдруг кругом чего-то закурчавилось, затыркало, заколожило. Это молодой человек рассупонил свои плечи и засупонил руку в боковой карман.

В мире была скамейка. И вдруг в мир неожиданно вошла папироска. Это закурил молодой человек, любовно взглянув на девушку.

Море булькотело... Трава немолчно шебуршала. Суглинки и супеси дивно осыпались под ногами влюбленных.

Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень*. Кругом опять чего-то художественно заколужило, запыркало, закурчавилось. И спектральный анализ озарил вдруг своим дивным несказанным блеском холмистую местность...

А ну его к черту! Не выходит. Автор имеет мужество сознаться, что у него нету дарования к так называемой художественной литературе. Кому что дано. Одному господь бог дал простой грубоватый язык, а у другого язык способен каждую минуту проделывать всякие тонкие художественные ритурытели.

Но автор и не задается на крупное мастерство и снова со своим суконым языком приступает к описанию событий.

Одним словом, не вдаваясь в искусство речи, скажем, что наши влюбленные сидели над озером и вели длинные и нескончаемые любовные беседы, время от времени вздыхая и молча слушая, как булькотело море и шебуршала растительность.

Автор очень всегда удивляется, когда люди говорят о предметах, не задумываясь об их сущности и причинах.

Многие наши видные литераторы и даже крепкие сатирики обычно с легкостью пишут такие, например, слова: «Влюбленные вздыхали».

---

* Девушка шаловливо и весело улыбнулась, нюхая сирень.

А почему вздыхали? Отчего они вздыхали? По какой причине влюбленные имеют такую определенную привычку вздыхать?

Объясни, растолкуй неискушенному читателю, если ты носишь звание писателя. Так этого нет. Сказал, и до свиданья — отошел к другому предмету с преступной небрежностью.

Автор попробует встрять и в это не его дело. По популярному описанию одного германского зубного врача вздох есть не что иное как задержка. То есть он говорит, в вашем организме происходит, говорит, такое, как бы сказать, торможение, задержка каких-то сил, которым мешают пойти по ихнему прямому пути и назначению, и вот происходит вздох.

Человек вздохнул — значит, человеку мешают выполнить его желания. И раньше, когда любовь не была слишком доступна, влюбленным приходилось пружестосто вздыхать. Но, впрочем, и теперь это иногда случается.

Так просто и славно происходит течение нашей жизни и так ведется скромная, незаметная, героическая работа нашего организма.

Но автору все это не мешает с любовью относиться ко многим превосходным вещам и желаниям.

Итак, наша молодая парочка беседовала и вздыхала. Но уже в июне месяце, когда над озером зацвела сирень — они вздыхали все реже и реже и, наконец, совершенно перестали вздыхать и сидели на скамье, склонившись друг к другу, счастливые и упоенные.

Море булькотело. Суглинки и супеси...

А ну его к черту...

В одну из таких славных сердечных встреч, когда Володин сидел с барышней и говорил ей разные поэтические сравнения и рифмы, он обмолвился довольно красивой фразой, которую, без всякого сомнения, он спер откуда-нибудь из хрестоматии, хоть и уверял в противном.

Однако навряд ли он мог бы так сформулировать такую причудливую и поэтическую фразу, достойную разве пера крупного мастера прежней формации.

Наклонившись к барышне и одновременно нюхая с ней ветку сирени, он сказал: «Сирень цветет неделю и отцветает. Так и ваша любовь».

Барышня замерла в совершенном восторге, требуя повторить еще и еще раз эти дивные музыкальные слова.

И он повторял цельный вечер, читая в промежутках стихи Пушкина — «Птичка прыгает на ветке», Блока и других ответственных поэтов.

7

Вернувшись после этого возвышенного вечера домой, Володин был встречен дикими криками, воплями, грубыми словами.

Вся семья Гопкис, совместно с пресловутым братом милосердия Сыпуновым, накинулась на Володина и честила его почем зря, называя его жуликом, прохвостом и бабником.

Брат милосердия Сыпунов ходил буквально колесом по квартире, крича, что если женщина слабая, так он вместо

нее очень свободно может проломить голову, если понадобится и если такая неблагодарная тварь, как Володин, будет мотаться по ночам, задерживая хвост, и будет разрушать семейную слаженную идиллию.

Сама Маргарита, чувствуя неминуемую беду, пронзительно, как свисток, орала и сквозь свист и стонания кричала, что такую бесчувственную и безобразную скотину надо было бы попросту выгнать и что только любовь, а главное, затраченная молодость удерживает ее от такого поступка.

Володина особенно неприятно поразило, что ревела младшая сестрица, Леля, которая, казалось, никакой корысти от него не имела. И своим ревом она только создавала тревожную атмосферу и увеличивала беду до большого семейного скандала.

Эта грубая и некультурная сценка убивала в Володине все возвышенные мысли. Вернувшись домой полный самых глубоких элегантных переживаний, благородных чувств и запаха сирени, он хватался теперь за голову и мысленно проклинал свой опрометчивый шаг в смысле женитьбы на этой оголтелой бабе, которая теперь губит его молодость. И, не повышая голоса, в ответ на скандалы и крики он, послав к черту всю семью, заперся в своей комнате. И наутро, чуть свет, тихо сложив свои вещицы и гардероб, приготовился к отбытию.

И когда брат милосердия ушел на службу, Володин, забыв свои узлы, покинул квартиру, несмотря на стонания и поминутные истерические и обморочные припадки своей дражайшей половины.

Он ушел к своему фотографу, который встретил его с распростертыми объятиями и с неподдельной радостью, предполагая, что Володин начнет ему теперь ретушировать если не даром, то на более экономных основаниях.

Взволнованный собственным своим поступком, Володин наобещал разных дружеских и даровых услуг, не задумываясь о своих словах. Он горел одним желанием поскорей увидеть свою малютку, чтобы поделиться с ней новым и счастливым оборотом дела.

И в два часа дня он встретился с ней, как всегда, у озера, у часовенки.

И, схватив свою крошку за руки, он стал взволнованно рассказывать ей, украшая свой поступок героическими подробностями и мелочами. Да, он ушел из дому, порвав ненавистные цепи и набив морду брату милосердия.

Барышня была до чрезвычайности обрадована таким сообщением. Она говорила, что вот, наконец-то, он свободный гражданин и наконец-то он сможет назвать свою рыбку фактической женой.

И как все будет очаровательно, когда они заживут вместе, в одной квартире, под одной кровлей — он — работая, как слон, не покладая рук, она — в хлопотах по хозяйству, за шитьем, за уборкой мусора и так далее и тому подобное.

Володина неприятно вдруг поразило такое слишком нескрываемое желание заполучить его в мужья и оседлать его, сделав добытчиком до конца дней.

Он несколько хмуро поглядел на барышню и стал говорить, что все это очень мило, однако еще требуется всесто-

ронне рассмотреть все вопросы, так как он не привык, чтобы любимый человек подвергался лишениям и бедности.

Собственно говоря, это он сказал просто так, желая одернуть барышню в ее материальных расчетах и перевести ее на более возвышенный лад. Ему показалось оскорбительным, что барышня может рассматривать его именно с этой практической корыстной стороны.

И, в одно мгновение вспомнив свой брак и свои расчетливые построения, Володин стал испытующе глядеть на девицу, желая проникнуть в ее мысли и в ее сердце, чтоб узнать, нет ли у нее таких же мыслей, какие в свое время были у него.

И Володину показалось, что в глазах девицы горели алчный расчет, выгода и желание поскорей устроить свою судьбу.

— И потом я просто не имею денег, чтобы сейчас жениться, — сказал он. И вдруг, мгновенно обдумав план действия, он решил выдать себя за бедняка и безработного.

— Да, — повторил он уже более твердо и даже, как бы сказать, торжественно, — я не имею денег, у меня нету денег, и я, к сожалению, не могу обеспечить вас своей работой и своими достатками.

Это было, конечно, неправда, он жил хорошо и работа у него была, но ему захотелось услышать из уст девушки прелестные и бескорыстные слова — мол, ну как-нибудь, что за счеты, и так далее, и зачем, мол, деньги, когда на сердце такое чувство.

А Оленька Сисяева, как назло, пораженная не столько уверениями, сколько его тоном, зашмыгала носиком и

забормотала какие-то несложные слова, которые можно было, скорее всего, принять за досаду и сорвавшиеся мечты.

— Как же, — молвила она наконец, — давеча вы говорили как раз совершенно другие вещи и, напротив того, рисовали разные планы, а сейчас выходит другое. Ну, как же это так?

— А очень просто, — грубо сказал он, — у меня, знаете, уважаемый товарищ, не государственное учреждение, у меня, знаете, положение слишком шаткое и одинокое. И, может, в настоящее время у меня почти что нету работы. Я почти что нуждаюсь в работе. И в дальнейшем сам не знаю, как и чем я буду сводить концы с концами. Возможно даже, что мне придется босиком ходить по дорогам и просить себе пропитание, уважаемый товарищ.

Барышня глядела на него выпуклыми стеклянными глазами, туго соображая, что происходит.

А он нес околесицу и закидывал свою даму картинами бедности, неуютности и предстоящей нужды.

После, перед прощанием, они оба старались смягчить эту небольшую грубую сценку и, гуляя минут десять, беседовали о самых посторонних и даже поэтических вещах. Однако беседа у них не клеилась. И они расстались, она — удивленная и непонимающая, а он — все более и более уверенный в ее тонких расчетах и соображениях.

И, вернувшись в свою пустую проходную комнату, Володин лег на диван и старался разобраться в чувствах и пожеланиях барышни. «Ловко сработано, — думал он, — поддела карася! Небось, удивилась, когда про бедность услышала».

Нет, он еще поглядит, какая такая ее любовь. Может быть, просто расчет.

И, хотя у него не было точной и полной уверенности в ее расчетах, однако он думал так, желая поскорей услышать ее слова и уверения в обратном. Настоящая любовь не останавливается при виде бедности и нищеты. И если она его любит, она возьмет его за руку и скажет ему разные слова, — мол, об чем речь, об чем беспокойство? Ваша бедность не пугает меня, будем работать и к чему-нибудь стремиться.

Так раздумывая, он лежал в беспокойстве и нерешимости. Как вдруг на лестнице позвонили. Это звонил брат милосердия Сыпунов, который суровым тоном попросил его следовать за собой на нейтральное место, во двор, чтобы там, на свободе, побеседовать о происшедших делах и поступках.

Беспокоясь и не смея отказаться, Володин надел шляпу и спустился во двор.

Там уже стояла вся семья, оживленно беседа и горячась.

Не теряя драгоценного времени и слов, брат милосердия Сыпунов подошел к Володину и ударил его бульжником, весом, вероятно, побольше фунта.

Володин не успел отдернуть голову, он только мотнулся в сторону и тем самым несколько ослабил удар. Бульжник, скользнув по шляпе, слегка рассек ухо и кожу щеки.

Володин, закрыв руками лицо, бросился назад. И тотчас ему вдогонку полетело еще два-три камня, пущенных энергичной рукой защитника слабых женщин. Володин одним духом взмахнул по лестнице и поспешно закрыл за собой дверь.

Брат милосердия кинулся за ним и некоторое время, из хулиганских побуждений, бил ногами в дверь, приглашая Володина выйти и поговорить еще раз, но уже более спокойно и без мордобития.

Володин, зажав рукой раненое ухо, стоял за дверью, удерживая дыхание. Сердце его отчаянно колотилось. Испуг сковал ему ноги.

Брат милосердия, поколотив еще в дверь, сказал, что если так пойдет, то его, подлеца, схватят всей семьей и обольют серной кислотой. Если, конечно, он не одумается и не вернется к исполнению своих обязанностей.

Побитый и потрясенный, Володин лежал на диване, думая, что все рухнуло и все погибло.

Он не видел никакого утешения. Даже любовь была теперь под сомнением. Его чувство было обмануто и оскорблено грубым расчетом и соображением.

И, подумав об этом, Володин снова стал сомневаться, так ли это.

Ну, а если это не так, то он пойдет к ней и целиком убедится.

Да, он пойдет к ней и все скажет. Он скажет, что жизнь обостряется, что он с опасностью для своей жизни идет к намеченным идеалам, но зато она должна знать, окончательно и раз навсегда, что он ничего буквально не имеет. Он нищий, без куска хлеба и без всякой работы. Хочет она — пушай на риск выходит замуж за такого. Не хочет — пожмем друг другу ручки и разойдемся, как в море корабли.

Он хотел было тотчас побежать к ней, чтоб доложить ей эти последние слова, но было уже поздно, и он, сняв окровавленный пиджак, промыл под краном свое разорванное ухо и, обвязав голову полотенцем, лег спать.

Он плохо спал, ворочался и громко мычал во сне, так что фотограф принужден был дважды окликать его, чтоб перебить ему мычание.

8

Брат милосердия Сыпунов — этот грубый и некультурный субъект — действительно припер откуда-то бутылку с серной кислотой.

Он поставил ее на окно и прочел обеим сестрицам краткую лекцию о пользе этой жидкости.

— Маленько плеснуть никогда не мешает, — говорил он сестрам, картинно изображая в лицах момент облития. — Особенно, конечно, глаза не надо вытрявлять, но нос и другие предметы безусловно можно потревожить. Тем более, имея после того красную морду, пострадавший не будет слишком привлекательный господин, и девицы, без всякого сомнения, перестанут на него кидаться, и он тогда, как маленький, снова вернется в свое стойло. А суд, конечно, найдет разные обстоятельства и даст условное покаяние.

Маргарита Гопкис ахала, вздыхала и заламывала свои руки, говоря, что если это так нужно, то она предпочла бы плеснуть в лицо этой усатой черномазой бабенке, которая испортила ее счастье.

Однако, считая, что вернуть его обратно с неиспорченной личностью нету возможности, она снова, ахая, соглашалась, говоря, что надо бы слегка, из гуманных соображений, разбавить эту ядовитую жидкость.

Брат милосердия гремел своим голосом и стучал бутылкой о подоконник, говоря, что в крайнем случае, если на то пошло, можно, конечно, и двоих облить к чертовой матери, что оба они два весьма ему примелькались и беспокоят его характер. И что он еще бы и третьего кого-нибудь облил, хотя бы, для примера, ту же мать этой чернявой девчонки — зачем она настолько распускает свою дочку, позволяет трепаться с уже занятым человеком.

Что же касается до разбавления жидкости, то это ни к чему не приведет, так как химия есть точная наука и она требует определенный состав. И не с ихним образованием менять научные формулы.

Всю эту семейную сцену покрывала своим рыданием младшая сестрица Леля, которая предчувствовала новые крупные потрясения.

Автор спешит успокоить уважаемых читателей, что особо серьезного дела не вышло из этого. И все окончилось, если и не совсем благополучно, то приблизительно. Но испуг был громадный. И много горя в связи с этим потрясением пришлось хлебнуть нашему другу Володину.

На другой день, побрившись и попудрив свое поврежденное ухо, Володин вышел на улицу, спеша к своей крошке.

Он шел по улице и бурно жестикулировал, беседа вслух с самим собой.

Он придумывал всякие каверзные вопросы, которые он задаст ей и которые должны вскрыть подпольную и корыстную игру молодой девушки.

Она находится в бедности, она висит на своей мамаше, она желает устроить свою судьбу. Но она жестоко ошибается. Да, он, пусть она знает, ничего не имеет. Он весь тут. Вот один галстук и одни штаны. И к тому же он безработный, без всяких надежд на будущее. А его фотографическое дело ничего ему не дает. И, кроме непосильных расходов на карандаши и резинки, он ничего не видит. И если он этим занимается, то исключительно из любезности и дружбы к фотографу Патрикееву, уступившему ему свой диван и комнату.

Так он ей скажет и посмотрит, в чем дело. Он шел торопливо, не замечая никого и ничего не слыша.

На углу у пустыря навстречу шла его бывшая супруга, Маргариточка Гопкис.

Увидав ее, Володин смертельно побледнел и, как зачарованный, не сводя с нее глаз, медленно пошел к ней.

На расстоянии трех шагов Маргарита, тихо что-то закричав, взмахнула рукой и, снизу вверх, плеснула в Володина кислотой.

Было большое расстояние, и пузырек был с узким горлышком, так что только несколько капель попало Володину на костюм.

Володин побежал в сторону, пронзительно визжа и хлопая себя ладонями по лицу, желая удостовериться, цела ли его физиономия.

И, уверившись в благополучном исходе, он снова повернулся и бросился на Маргариту Гопкис, которая, как тень, стояла подле забора. Володин схватил ее за горло и начал трясти, ударяя ее головой об забор, крича какие-то несвязные фразы.

Это все происходило на пустынной и глухой улице, по которой Володин имел обыкновение ходить на свидание к своей крошке.

Но, несмотря на это, народ стал подходить с других улиц, с любопытством всматриваясь, какое зрелище им предстоит увидеть.

Но зрелище подходило к концу. Беспokoясь, что его поволокут в часть, Володин перестал трясти свою мадам и быстро, не оглядываясь, пошел домой.

Он был потрясен и взволнован. Зубы его били барабанную дробь.

Почти бегом он вернулся домой и заперся в квартире.

Конечно, он не мог теперь, в таком виде, пойти к своей крошке.

Его била лихорадка. Его ноги дрожали и зубы лязгали.

Володин полежал некоторое время на диване. Потом стал ходить по комнате, с испугом поглядывая в окно и прислушиваясь к шуму.

И он не выходил весь день, боясь, что брат милосердия прикончит его во дворе или сделает его калеккой, переломав ему руки и ребра.

Он провел день в смертельной тоске, без всякой пищи. Он только пил воду в неимоверном количестве, охлаждая и заливая внутренний жар.

И целую ночь, не сомкнув глаз, он обдумывал создавшееся положение, стараясь найти какой-нибудь приличный и неоскорбительный выход. И такой выход он нашел, придя к мысли, что необходимо заключить перемирие с бывшей женой и ее ангелом-хранителем, товарищем Сыпуновым. Он не подаст на них в суд за покушение на убийство, а за это пусть они его не добивают до смерти.

Успокоившись на этом, он мысленно перекинулся на другой не менее важный фронт и стал думать в сотый раз, как и какие новые решительные слова он скажет своей малютке для того, чтобы получить настоящего человека с бескорыстным чувством, а не хитрую бабу с ее практическими штучками. И для достижения этой цели он не остановится ни перед какими трудностями и затратами. Да, он объявит себя безработным человеком и первое время будет тайком от нее работать у своего фотографа, с тем чтобы окончательно убедиться, что барышня не имеет никаких расчетов и внутренних соображений.

И Володину уже мысленно рисовались сцены, когда он, подняв воротничок своего пиджачка и тщательно занавесив окна, тайком работает, не покладая рук, день и ночь ретушируя фотографические снимки. Он работает так цельный месяц, или два месяца, или даже год и откладывает деньги, абсолютно не тратя их. И, наконец, убедившись в своей крошке, он приносит к ее ногам груды денег и умоляет простить его за такой поступок и проверку.

И барышня, со слезами на глазах, отстранит, возможно что, его деньги, — мол, что вы, к чему это, зачем столько много, это, мол, портит отношения.

И тут наступит безоблачное счастье, и наступит дивная, неповторимая жизнь.

Слезы радости показывались на глазах Володина, когда он думал о таком исходе дела. И он энергично вращался на своем диване, скрипя всеми пружинами и вытирая глаза рукавом рубашки.

Но потом он снова думал о своих горестях, о мордобое и о всех последних мрачных делах.

И тогда он буквально холодел и, пугаясь задним числом за свою нетронутую наружность, вскакивал со своего дивана и снова подбегал то к зеркалу, чтоб еще раз удостовериться в сохранности лица, то к костюму, разглядывая прожженную ткань.

Так беспокойно и тяжело он провел целую ночь, слегка вздремнув только под самое утро.

А утром, с серым лицом и с мутными глазами, он стал торопливо собираться по своим делам, решив в первую очередь навестить свою барышню, чтобы приступить поскорей к выполнению своего плана. После того он выкинет белый флаг и войдет в переговоры со своими родственничками.

И, выйдя на лестницу, Володин стал, по своей привычке, чистить сапоги, лакируя их бархаткой до ослепительного блеска.

Он уже вычистил один сапог, как вдруг, вероятно от холода лестницы, икнул. Он икнул раз, потом еще раз, потом, через несколько секунд, еще несколько раз.

Откашлявшись и сделав тут же небольшую зарядовую гимнастику, Володин принялся энергично тереть другой са-

пог. Но так как икота не проходила, он пошел на кухню и, взяв там кусочек сахара, принялся сосать его, находя совершенно неловким разговаривать с любимым человеком, имея такой дефект речи.

Однако икота все еще не проходила. И он икал теперь правильно, как машина, через определенный промежуток времени в полминуты.

Слегка взволнованный новым неожиданным препятствием, мешающим увидеть дорогого человека, он принялся ходить по комнате, распевая полным голосом веселые и комические песенки, чтобы не поддаться внутренней тревоге и тоске.

Походив так около часу, он присел на край дивана и вдруг с ужасом убедился, что его икота не только не уменьшилась, но, наоборот, стала гуще и звучней, и только промежутки между двумя схватками увеличились почти до двух минут.

И эти промежутки Володин сидел неподвижно, почти затаив дыхание, со страхом поджидая новой горловой судороги. И, икнув, он вскакивал, взмахнув руками, и убитым, потусторонним взглядом смотрел вперед, ничего не видя.

Промаявшись так до двух часов дня, он поделился этой бедой со своим сожителем фотографом. Фотограф Патрикеев легкомысленно засмеялся и назвал это сущим пустяком и вздором, который с ним случается почти что всякий день. Тогда Володин, собрав остатки своего мужества, отправился к своей Оленьке Сисяевой.

Он икал всю дорогу, вздрагивая всем телом и махнув рукой на всякие приличия.

И, подходя к дому девушки, он, как назло, стал икать до того часто и энергично, что прохожие оборачивались и ругали его ослом и другими словами.

И, вызвав девушку стуком в окно, Володин приготовился к решительному объяснению, перезабыв, правда, по случаю новой беды, все свои каверзные вопросы.

Извинившись за свою чисто нервную икоту, которая вызвана, видимо, простудой и малокровием, Володин элегантно поцеловал ручку Оленьке, икнув пару раз при этом несложном процессе.

Думая, что он выпил с горя, Оленька Сисяева заморгала ресницами, приготовившись дать ему суровую отповедь. Но он, думая больше о своей болезни, несвязным языком залепетал слова о том, что он безработный, у которого только и капитала, что один галстук и штаны. И что пусть Оленька по этой причине скажет лучше сейчас, согласна ли она пойти за такого, которого ждет жалкая судьба и с которым, может, придется ходить по миру, как со слепцом, и просить на пропитание. Или она действительно его любит, несмотря ни на что.

Оленька Сисяева, слегка покраснев, сказала, что, к сожалению, довольно поздно сейчас задавать тому подобные вопросы. Тем более она, как выяснилось вчера, находится в положении, и довольно странно и глупо в ее положении слышать подобные речи. И что муж — это есть муж, и его долг как-нибудь кормить свою будущую семью.

Пораженный новым открытием и не получив решительного ответа на свои мысли и сомнения, Володин, сбитый с

толку, окончательно потерял нить своего плана и изумленно глядел теперь на барышню, икая при этом время от времени.

Затем он, схватив ее за руки, сказал, что пусть она хотя бы в таком случае скажет — любит ли она его и охотно ли идет на такой шаг.

И девушка, мило улыбнувшись, сказала, что, конечно, без сомнения, она его любит, но только ему необходимо серьезно полечиться от его нервной икоты и что она не мыслит себе мужа с подобным странным дефектом.

И здесь, распрощавшись, они расстались, она — уверенная в себе, он — полный нерешимости и даже отчаяния оттого, что ему так и не удалось достоверно узнать про чувство барышни.

9

Это было очень странно и удивительно, но икота у Володина не проходила.

Вернувшись домой, он пораньше лег спать с тайной надеждой, что утром все пройдет и снова наступит простая великолепная человеческая жизнь. Однако, проснувшись, он убедился, что беда не проходит. Правда, он икал теперь редко, примерно один раз в три минуты, но все же икал и не видел никаких признаков облегчения.

И, не вставая со своего дивана и холодея от мысли, что это недомогание останется у него на веки веков, Володин пролежал целый день и ночь, изредка выбегая на кухню попить холодной водички.

Наутро, снова подняв голову с подушки и убедившись, что икота продолжается, Володин совершенно упал духом. Он перестал сопротивляться природе и, покорно отдавшись судьбе, лежал, как покойник, время от времени вздрагивая телом под бременем своей нервной икоты.

Фотограф Патрикеев, обеспокоенный странным положением своего жильца, начал всерьез пугаться, как бы на его шее не остался инвалид, который будет круглые сутки икать и тем самым отпугивать его клиентов и посетителей.

И, ничего не сказав Володину, он побежал до этой роковой Оленьки Сисяевой, чтобы пригласить ее к кровати больного, желая тем самым поскорей снять с себя всякую моральную и материальную ответственность и заботы по уходу.

Он пришел к ней и стал умолять ее прийти, говоря, что ее дружок если и не совсем плох, то находится в крайне странном положении. И что ему необходима помощь.

Девушка, сконфуженная такой исключительной болезнью своего жениха, не могла особенно высказывать свою печаль и тревогу. Тем не менее она тотчас согласилась навестить больного.

Несколько взволнованная бедным и неудобным видом комнаты и скудостью имущества, барышня остановилась на пороге, не решаясь сразу подойти к больному.

При виде барышни больной вскочил с дивана, потом снова лег, поскорее прикрывая свой растерзанный туалет.

Барышня, придвинув к дивану табурет, присела, с тоской глядя, как ее жениха дергала болезнь.

Весть о больном, который икает трое суток, несколько взбудоражила местное население ближайших домов. Слухи о любовной драме усилили любопытство граждан. И в квартире началось буквально паломничество, которое невозможно было остановить силами одного фотографа. Все хотели поглядеть, как невеста относится к жениху и чего она ему говорит, и как он, при своей икоте, ей отвечает.

Тут же, среди других граждан, колбасился и наш брат милосердия Сыпунов, не рискуя, впрочем, входить в комнату, чтобы не напугать больного.

Как ближайший родственник и медработник, он, окруженный толпой любопытных, авторитетно говорил о состоянии больного, объясняя, что к чему и в чем дело.

Безусловно, он не предполагал такого исхода. Он попугал человека, слов нет, но его двигало чувство справедливости, а также родственные связи с Маргаритой Гопкис, которая на склоне лет остается как-никак без человека.

Однако печальные картины болезненного состояния очень его растрогали, тем более он совершенно считается с чувством любви и, безусловно, никому теперь не позволит пальцем тронуть его бывшего родственника, Николая Петровича Володина. А Маргариточка, в крайнем случае, пуцай сама как-нибудь проведет свою жизнь. Что же касается болезни, то это, скорей всего, чисто нервное заболевание на простудной почве. И что у них в больнице на простудной почве черт знает какие болезни происходят — и ничего, многие остаются живы.

Фотограф Патрикеев, боясь, что в толкотне и сумятице разворуют его фотографические принадлежности, поднял крик, убеждая публику разойтись, иначе он вызовет милицию и силой прекратит безобразие.

Брат милосердия, получив директивы от фотографа, стал выпирать назойливую публику, махая треножником и оттесняя посетителей на кухню и лестницу. Он чеством просил расхотиться и не вызывать его на более решительные действия.

Увидев такое безобразие, полную огласку дела и открытый срам, барышня Оленька Сисяева стала лепетать, что надо бы больного отвезти в больницу или же, в крайнем случае, хотя бы пригласить коммунального врача, который может удалить лишнюю публику.

Среди посетителей находился, между прочим, один такой бывший интеллигент, некто Абрамов, который заявил, что врач тут, безусловно, ни при чем, что врач сорвет тройка и наделает таких делов, после которых уже больного навряд ли можно поправить.

И что лучше пущай дозволят ему произвести опыт, который в самом корне подорвет это заболевание.

Этот некто Абрамов не носил звания врача или ученого, но он глубоко понимал многие вопросы и любил лечить граждан от всяких болезней и страданий своими домашними средствами.

Так и тут он сказал, что картина заболевания ему слишком ясна. Что это есть неправильное движение организма. И что надо поскорее перебить это движение. Тем более, ор-

ганизм имеет, так сказать, свою инерцию и как заладит на одно, так прямо нет спасения. От этого, дескать, происходят почти что все наши болезни и недомогания. И это, дескать, необходимо лечить энергично, давая сильную встряску и другой, обратный толчок всему организму, который, дескать, слепо работает, не разбираясь, куда его колесья крутятся и что из его работы выйдет.

Он велел посадить больного на стул, а сам, грубо насмехаясь над врачами и медициной, вышел на кухню, чтобы там начать свои научные приготовления.

Там он, с помощью брата милосердия, нацедил полное ведро холодной воды и, выбежав осторожно, на цыпочках из-за двери, вдруг с криком опрокинул всю эту воду на голову больному, который, мало чего соображая, беспечно сидел до этого на стуле, как мешок с картофелем.

Позабыв про свою болезнь, Володин полез было драться и вообще стал после этой процедуры буйствовать, выгоняя народ из помещения и порываясь побить своего доморощенного лекаря.

Но вскоре Володин утих и, переменяв платье, задремал, положив голову на колени своей малютки.

На другое утро он встал совершенно здоровый и, побрившись и приведя себя в порядок, стал жить как обычно.

Конечно, автор не собирается утверждать, что это домашнее лечение подействовало исцеляюще. Скорей всего, болезнь сама по себе прошла. Тем более, что три-четыре дня — срок изрядный, хотя, конечно, медицина знает и более длительные сроки для этой болезни. Так что прохладная

водица могла все же доброкачественно подействовать на замороженные мозги нашего больного и тем самым ускорила исцеление.

10

Через несколько дней Володин записался со своей малюткой и перебрался на жительство в ее скромные апартаменты.

Ихний медовый месяц прошел тихо и вполне безмятежно.

Брат милосердия окончательно сменил гнев на милость и даже два заходил к молодым с визитом — причем один раз милостиво занял трешку, не обещая, впрочем, ее вернуть. Зато он дал торжественное обещание не убивать и не трогать больше Володина ни при каких обстоятельствах.

Что касается заработка и вообще содержания, то Володину пришлось сознаться в своей клевете. Ну да, он немного приврал, желая испытать ее любовь. В этом нет ничего оскорбительного.

И, говоря об этом, он умолял ее еще раз сказать, знала ли она, что он нарочно соврал, или же она не знала и пошла за него по бескорыстному чувству.

И дамочка, задумчиво смеясь, уверяла его в последнем, говоря, что она сначала, конечно, не знала о его вранье и боялась, что он, действительно, ничего за душой не имеет. Но потом-то она определенно догадалась о его прозрачных действиях. Ну, да она не имеет на него претензий — это его законное право узнать про свою будущую супругу.

И, слушая эти дамские речи, Володин мысленно сердился и называл себя ослом и бараном за то, что не смог досконально подловить и проверить барышню.

Впрочем, конечно, что ж он мог сделать? Тем более, его злокачественная болезнь подкузьмила — она лишила его энергии и воли и окончательно заморочила ему голову. И в силу этого он не мог решить задачу достойным образом. Тем более, барышня запросто обыграла его, козырнув с туза своим положением. Но в дальнейшем как-нибудь все само выяснится.

Что же касается Маргариточки Гопкис, то она продолжала сердиться и однажды, встретившись с Володиным на улице, не ответила на его сдержанный поклон, отвернув в сторону свой профиль.

Это мелкое событие тяжело, тем не менее, отразилось на Володине, который последнее время хотел, чтобы в жизни все было гладко и мило и чтоб голуби по воздуху порхали.

В тот день он снова несколько заволновался, вспоминая последние события своей жизни.

Ночью ему не спалось. Он ворочался в кровати и хмуро, испытующе смотрел на свою супругу.

Молодая дама спала, распустив свои губы, причмокивая и всхлипывая.

«У нее был расчет, — думал Володин. — Она, безусловно, все знала. И, конечно, не пошла бы за него, если б он ничего не имел». И в своей тоске и беспокойстве Володин поднялся с кровати, походил по комнате, подошел к окну. И, прижав пылающий лоб к стеклу, долго глядел, как в темном саду от ветра покачивались деревья.

Потом, беспокоясь, что ночная прохлада может снова вызвать заболевание, Володин заспешил к кровати. И долго лежал с открытыми глазами, водя пальцем по рисунку обоев.

«Да, без сомнения, она знала, что я приврал», — снова подумал Володин, засыпая.

А наутро он встал веселый и спокойный и о грубых вещах старался больше не думать. А если и думал, то вздыхал и махал ручкой, предполагая, что без корысти никто, никогда и ничего не делает.

Первые повести

МУДРОСТЬ

1

Одиннадцать лет подряд незадолго до революции жил мой родственник Иван Алексеевич Зошенко уединенно и замкнуто. Он никуда не ходил, он совершенно перестал бывать в обществе и даже категорически порвал все прежние короткие отношения со своими приятелями.

И, живя на одной из улиц Петербургской стороны, он казался каким-то чудаком — отшельником, случайно и на время поселившимся среди людей. Он все меньше и меньше стал разговаривать с людьми, а если и говорил, то брезгливая болезненная гримаса раздражения не сходила с его лица. Казалось, что человеку было невыносимо трудно всякое общение с людьми. И это была правда.

Кое-кто из прежних его приятелей говорил, будто Иван Алексеевич страдает хроническим катаром кишечника и нервными коликами, и будто бы болезнь эта наложила на него неизгладимый скучный след. Другие приятели, знавшие Ивана Алексеевича еще короче и настроенные слегка романтически, уверяли, что, напротив, он здоров, как бык, но в жизни его произошла не то какая-то тайна, не то какая-то

любовная интрига, которая скомкала и изменила ровное течение его жизни.

Впрочем, неизвестно, кто был прав. Может быть, были правы обе стороны, тем более что врач, пользовавший одно время Ивана Алексеевича, с улыбкой отговаривался незнанием, но категорически болезни не отрицал и при этом отделялся двусмысленными шуточками. А что касается до любовной стороны, то любовная сторона жизни Ивана Алексеевича не только была известна в области шуток, но и вполне достоверна.

В молодые годы был Иван Алексеевич красивый, полный брюнет с определенно ярким южным темпераментом. При этом некоторая независимость в средствах позволяла Ивану Алексеевичу в достаточной мере пользоваться прелестью и утехами жизни.

И в разгульной своей жизни он сошелся по пьяной лавочке с одной пустынькой драматической актрисой, но связь эта, длившаяся с полгода, была несчастлива. Повздорив из-за своей дамы с одним лицеистом, который при многочисленных свидетелях обозвал ее шкурой, Иван Алексеевич ударил его по морде в фойе академического театра, при этом сбил с носа пенсне и разбил ухо. Результатом была дуэль, которая и состоялась на пулях вблизи Комендантского аэродрома. Раненый слегка в мякоть левой ноги, Иван Алексеевич уехал из Петербурга на несколько лет. Потом вернулся. Год или два жил чрезвычайно разгульно, предаваясь по временам нестерпимому пьянству и разврату. И, наконец, стих. И, поселившись на Петербургской стороне, с дальней

своей родственницей, старушкой Капитолиной Георгиевной Шнель, перестал показываться.

Но зачем это он сделал, почему, кому было нужно его уединение — никто не знал. Знали только, что жил человек, и вдруг все в жизни показалось ему жалким и ненужным. Все лучшие человеческие качества, как, например, благородство, гордость, тщеславие, показались смешной забавой и бирюльками. А вся прелесть прежнего существования — любовь, нежность, вино — стала смешной и даже оскорбительной.

Но было ли это на почве физиологической, так сказать, от пресыщения, или же было это в связи с душевными отклонениями — никто не знал и не мог знать, ибо с каждым годом разрыв его с людьми увеличивался.

Его квартира, уставленная различной мебелью, увешанная люстрами и всевозможными дорогими безделушками, вскоре затянулась паутиной и пылью. И цветы, некогда поставленные на окнах, — завяли. И огромные мозерские часы остановили свое движение. Даже полуопущенная штора в столовой так и оставалась полуопущенной в течение нескольких лет.

Какое-то веяние смерти сообщалось всем вещам. На всех предметах, даже самых пустяковых и незначительных, лежали тление и смерть, и только хозяин квартиры по временам подавал признаки жизни. Он вставал со своего ложа, ходил из угла в угол, сося папироску, или, согнувшись и покачивая левой ногой, сидел перед толстенной книгой, или, наконец, открыв форточку и не боясь простудиться и

схватить воспаление легких, смотрел на звездное небо, держа перед собой карту небесного свода.

И так тянулось почти одиннадцать лет.

2

Но однажды, без всякой видимой причины, в жизни Ивана Алексеевича произошли чрезвычайные перемены.

Однажды, проснувшись поутру, он почувствовал в себе какой-то прилив необыкновенной свежести и здоровья. Он с удивлением и недоверчивостью отнесся к этому и, наскоро одевшись и зашнуровав ботинки, вышел на улицу, сохраняя по старой привычке прежнее брезгливое выражение лица.

И странное дело: все на улице показалось ему приветливым и умилительным. Недоумевая, Иван Алексеевич вернулся домой. Доброе состояние не покидало его и дома.

Привыкнув думать и анализировать свои поступки и движения, Иван Алексеевич, еще не изменяя на лице гримасы, принялся решать, что в сущности произошло. Но не знал.

Тогда, цинически смеясь, он пытался уверить себя в каком-то физическом перерождении, тем более, что условия к тому были благоприятны — в течение одиннадцати лет, после разгула и пьянства, он вел спокойную размеренную жизнь.

Но это было не совсем так. Вернее, это было именно так, но, наряду с этим, было нечто иное.

Тогда, обдумывая и поражаясь, Иван Алексеевич вдруг понял, что совершенно помимо его воли вместе с бодростью к нему вернулась та прелесть существования, которую он потерял одиннадцать лет назад.

Раньше он с горечью стал бы обдумывать, как, в сущности, унизительна для человека такая анатомическая зависимость, но теперь ему было все равно. Он чувствовал в себе радость; ему были приятны и серое тусклое небо, и дым из трубы, и кошка на крыше, и мухи, назойливо присаживающиеся то на его лоб, то на нос. Он не сгонял их даже и, в добром состоянии духа, весело подсмеивался и хлопал себя по коленям. Все, что раздражало его, — исчезло.

В несколько дней Иван Алексеевич совершенно переродился. Он просыпался теперь с улыбкой, шутил сам с собой и, надевая костюм или зашнуровывая ботинки, пел вполголоса, стыдясь и радуясь своему оживлению.

А однажды, позвав к себе в комнату дальнюю родственницу, старушку Капитолину Георгиевну Шнель, он принялся ей говорить о том, как, в сущности, хороша и прекрасна жизнь и как он был нестерпимо глуп, что ханжески потратил одиннадцать лет неизвестно на что.

И, говоря об этом, он жестикулировал руками, подходил к зеркалу и, причесывая свои давно нетронутые волосы, смеялся.

— Ах, — говорил он, — как я был глуп! Как глуп! Ну, кому радость от того, что я небрит, и волосы мои до плеч? Кому это нужно, чтоб я презирал людей, и весь мир, и все существование? Да никому не нужно. Но я теперь знаю, как жить. Я сумею теперь жить. Мудрость не в том, чтобы людей презирать, а в том, чтобы делать такие же пустяки, как и они: ходить к парикмахеру, суетиться, целовать женщин, пить, покупать сахар. Вот мудрость!

Дальняя родственница, ничего не поняв на старости лет, сморкаясь в платок, ушла из комнаты, не зная, плакать ли ей или радоваться.

Но Иван Алексеевич не оставил ее в неведении. Он снова и за руку привел ее в комнату и стал умолять ее, чтобы она, несмотря на дальнейшее родство, честно и открыто сказала бы ему, как он выглядит, не очень ли он осунулся и похудел, не очень ли стал безобразен, и может ли снова, как равный, войти в общество. При этом, страшно конфузясь, он широко открывал рот, показывая указательным пальцем на недостающий зуб.

Слегка развеселившаяся старушка утешала его, чем могла, говоря, что вид вполне еще бодрый и свежий, а что отсутствие зуба вовсе даже и совершенно незаметно, если не открывать рта.

Тогда Иван Алексеевич принялся хохотать, потирая свои руки и вспоминая, как и он был молодцом и задирой в свое время, как лихо он дрался на дуэли и сколько имел любовниц.

Старушка, не желая нарушать его доброго настроения, принялась также рассказывать приключения о любви из собственной жизни, но, вспомнив начало, она никак не могла восстановить конца и, спутавшись окончательно, обиженно замолчала, стараясь больше ничем не раздражать Ивана Алексеевича.

Но Иван Алексеевич не оставил ее в покое. Он стал вместе с ней вспоминать о своих знакомых, оставшихся в живых. Ему хотелось немедленно, в ближайшее же время позвать их

всех к себе, устроить маленькую веселую пирушку, перецеловать всех и сказать, что он их, как и раньше, что он по-прежнему всех любит и хочет жить, потому что он знает теперь, что такое жизнь, и как нужно жить.

И, взяв дальнюю родственницу за руки, Иван Алексеевич категорически сказал ей, что он в ближайшие же дни устроит эту пирушку — праздник своего обновления.

С трудом понимая, что он ей говорит, старушка хитро трясла головой, говоря, что, несмотря на дальнюю кровь и родство, он все же весь пошел в нее.

Иван Алексеевич тихо и благодарно смеялся.

3

В тот же день вечером Иван Алексеевич принялся составлять список своих знакомых, смеясь и добродушно издеваясь над ними.

Наконец список был составлен. Было записано пятнадцать человек, о которых Иван Алексеевич знал, что они живы и по-прежнему благополучно здравствуют в городе.

Тогда Иван Алексеевич, имея перед собой список, стал писать в витиеватых, смешливых тонах пригласительные записки, которые, на другой же день, он лично повез развозить по своим приятелям.

Приятели встречали его крайне удивленно и холодно, а некоторые даже враждебно, не приглашая его в комнаты и держа дверь на цепочке.приятели предполагали, что он, обнищав, явился к ним за денежным пособием или вспоможением, кто чем может, но, узнав истинную причину,

делали круглые глаза и дьявольски хохотали, и иные весело подмигивали, теребили его за плечи и обещали непременно быть.

Иван Алексеевич сам хохотал, стараясь при этом не слишком открывать рот, дабы пока никто не заметил в нем отсутствие зуба. Но друзья не замечали. Они рассказывали всякие веселые сплетни и новости, веселились над тем или иным лицом, а Иван Алексеевич поддакивал, кивал головой и всячески иронизировал над собой, желая этим показать, что он попрежнему молодец и веселый парень.

И в самом деле: ему казалось, что он искренно весел и радостен, и что одиннадцать лет — это какой-то нелепый и ненужный сон, о котором просто-напросто не нужно думать.

От приятелей Иван Алексеевич пошел домой совершенно радушный и помолодевший. Он несколько раз по дороге заходил к парикмахеру, требуя устроить ему то одну, то другую прическу, категорически приказывая одеколону и туалетных вод не жалеть.

И, вернувшись домой, он тотчас же, слегка покушав, облачился в старый костюм, снял паутину и пыль со всех углов, вытер полусырой тряпкой все карнизы, а также и двери и этажерки, и повесил в спальней зеленоватый фонарь.

Несмотря на это, работы предстояло еще много. Нужно было перебрать все книги, убрать с окна сухие цветы и придать всей квартире жилой и уютный вид.

Чуть не падая от усталости, Иван Алексеевич бросался в кресло, потом снова вскакивал, хватаясь то за то, то за другое, время от времени восклицая:

— Ах, как я был глуп! Как глуп!

И, перетаскивая с места на место то или иное кресло и поправляя без нужды скатерть на столе или перебирая книги, Иван Алексеевич тихонько смеялся и потирал руки, говоря:

— Такова жизнь!

Потом снова бросался в кресло и снова звал старушку, тербил ее и почти торжественно рассказывал, как он заживет в дальнейшем, умудренный жизненным опытом.

Дальняя родственница тоже не отставала от него. Она помогала ему перетаскивать мебель; она доставала посуду и в сотый раз спрашивала:

— Когда же? — подразумевая под этим — вечер.

Иван Алексеевич, гордый и утомленный, отвечал:

— Завтра! Завтра, многоуважаемая Капитолина Георгиевна.

4

И вот пришло завтра — торжественный день вечеринки, праздник обновления.

Еще с утра, тщательно побрившись, Иван Алексеевич молтался из угла в угол, наводя последний, ослепительный лоск на каждый предмет.

И к полдню все было готово.

Дальняя родственница Ивана Алексеевича, старушка Шнель, достала для себя из сундука слежавшееся от времени, но еще вполне пристойное, темное шанженевое платье, со старинными рюшками и многочисленными фестонами, и надела его. Острый запах нафталина и давно не тронутой материи наполнил всю квартиру. Старушка, поминутно чихая и дергая головой, переходила из комнаты в комнату, наполняя нестерпимым зловонием небольшую квартиру.

У старушки мелькала мысль, что неплохо было бы снять это торжественное платье, но она не хотела огорчить Ивана Алексеевича, которому к тому же было не до запаха.

В самом деле: ни минуты не оставаясь спокойным, Иван Алексеевич бегал из прихожей в столовую, из столовой в кухню и обратно. Он даже самолично и несколько раз спустился на улицу, ходил по магазинам и покупал все новые и новые вещи, прося отпустить самого лучшего качества, намекая, что у него предстоит торжественная вечеринка. А еще недавно, заходя в тот же магазин и покупая что-либо, он скупно бросал несколько слов и, взяв покупки, молча уходил, высоко подняв воротник. Теперь же, напротив, он медлил в магазине, разговаривая и смеясь с любимым, невзрачным на вид, продавцом. Ему хотелось, чтобы каждый, даже посторонний гражданин, знал бы о его торжестве.

Весь день проходил в невероятной суете и оживлении. А к вечеру, когда сумерки наполнили комнату, Иван Алексеевич зажег свет и принялся убирать стол. Раздвинув его на двенадцать персон и постелив белоснежную скатерть, он

стал украшать и раздраконивать его, вспоминая, как это делалось раньше.

И вскоре чисто вымытые тарелки, ножи, рюмки и всевозможные изысканные блюда давили своей тяжестью стол.

Тут была и икра всех сортов, и малосольная семга, и сижки копченые, и английские паштеты из дичи, и прочая снедь. И среди всего этого, гордо оттеснив закуску, стояли бутылки разных вин.

Когда все это было готово, Иван Алексеевич, утомленный и вспотевший, присел к столу, придвинув для этой цели стул.

Руки Ивана Алексеевича дрожали, и грудь вздымалась высоко и порывисто. Он хотел слегка отдохнуть за полчаса до гостей, но ему не сиделось. Ему казалось, что не все еще сделано. Ребяческая улыбка не сходила с его лица. Тогда, смеясь и кривляясь, он достал из ящика письменного стола цветную тонкую бумагу, из которой некогда делались цветы, взял ножницы и стал вырезать ровные полосы, делая из них нечто вроде цветов.

Потом, свернув их вместе пушистым букетом, он стал прилаживать к хвосту жареной тетерки. Получилось, действительно, крайне эффектно, и стол от этого только выиграл.

Тогда, взяв еще лист розовой бумаги, Иван Алексеевич хотел то же самое проделать и с окороком ветчины и уже стал вырезать, как вдруг неосторожным движением руки обронил ножницы на пол. Нагнувшись моментально за ними и коснувшись уже пальцами холодной стали, он почувствовал, как какая-то тяжелая, густая волна крови прилила ему к лицу. Тряхнув слегка го-

ловой, он хотел выпрямиться, но захрипел и ничком свалился на пол, зацепив ногой за стул, далеко и гулко отодвинув его.

Странная, ровная синева прошла откуда-то снизу и спокойно покрыла его лицо.

Вбежавшая на шум дальняя родственница, старушка Шнель, констатировала смерть, последовавшую от удара.

Потрясенная, с дрожащими руками, старушка метнулась к столу, потом к умершему и, не зная, что ей предпринять, замерла в одной позе.

И вот — ярко освещенная комната, стол, уставленный всевозможными яствами, и у стола, лицом в пол, у самых ножиц, Иван Алексеевич. На это невозможно было долго смотреть, и, нечеловеческим усилием воли взяв умершего за плечи, старушка поволокла его в соседнюю комнату. Цепляя ногами за стулья и странно раскидывая руками и стуча головой об пол, Иван Алексеевич с трудом поддавался усилиям старухи.

И, наконец, втащив его в спальню и прикрыв простыней, старушка, накинув на плечи черную косынку, вышла в столовую. И в столовой снова замерла в неподвижной позе, дожидаясь гостей.

И вот, ровно в восемь, раздался звонок. Старуха не двигалась. И тогда, открыв незапертую дверь, в комнату вошли, подталкивая друг друга, два приятеля, страшно хохоча и гремя сапогами. И, увидев странную старуху, поклонились ей и, морщась от нестерпимого запаха нафталина, спросили, где же хозяин и как он здравствует.

На что старуха, как-то конфузясь и почти не открывая рта, отвечала:

— Он умер.

— Как? — вскричали они в один голос.

Тогда старуха пальцем показала им на запертую дверь в соседнюю комнату. И они поняли.

Они, тихо поохав и потолкавшись у стола, ушли на цыпочках, съев по куску семги.

Старуха оставалась почти неподвижной.

Вслед за ними от восьми до девяти приходили все приглашенные. Они входили в столовую, радостно потирая руки, но, узнав о смерти, тихонько ахали, поднимая удивленно плечи, и уходили, стараясь негромко стучать ногами. При этом, проходя мимо стола, дамы брали по одной груше или по яблоку, а мужчины кушали по куску семги или выпивали по рюмке малаги.

И только один из старых приятелей и ближайший друг Ивана Алексеевича, странно заморгав глазами, спросил:

— Позвольте, как же так? Я нарочно не пошел в театр, чтобы не обидеть своего друга, и — вот... К чему же тогда звать? Позвольте, как же так?

Он ковырнул вилкой в тарелку с семгой, но, поднеся ко рту кусок, отложил его обратно и, не прощаясь со старухой, вышел, бормоча что-то под нос.

И, когда ушел пятнадцатый гость, старуха вошла в соседнюю комнату и, достав из комода простыню, завесила ею зеркало. Потом, достав с полки Евангелие, принялась вслух читать, покачиваясь всем корпусом, как от зубной боли.

И голос ее, негромкий и глухой, прерывался и дрожал.

КОЗА

1

Без пяти четыре Забежкин сморкался до того громко, что нос у него гудел, как труба иерихонская, а бухгалтер Иван Нажмудинович от испуга вздрагивал, ронял ручку на пол и говорил:

— Ох, Забежкин, Забежкин, нынче сокращение штатов идет, как бы тебе, Забежкин, тово, — под сокращение не попасть... Ну, куда ты торопишься?

Забежкин прятал платок в карман и тряпочкой начинал обтирать стол и чернильницу.

Двенадцать лет сидел Забежкин за этим столом. Двенадцать лет! Подумать даже страшно, какой это срок немаленький. Ведь если за двенадцать лет пыль, скажем, ни разу со стола не стереть, так, наверное, и чернильницы не видно будет?

В четыре ровно Забежкин двигал нарочно стулом, громко говорил: «Четыре», четыре костяшки отбрасывал на счетах и шел домой. А шел Забежкин всегда по Невскому, хоть там и крюк ему был. И не потому он шел по Невскому, что на какую-нибудь встречу рассчитывал, а так — любопытства ради: все-таки людей разнообразие, и магазины черт знает какие, да и прочесть смешно, что в каком ресторане люди кушают.

А что до встреч, то бывает, конечно, всякое... Ведь вот, скажем, дойдет Забежкин сейчас до Садовой, а на Садовой,

вот там, где черная личность сапоги гуталином чистит, — дама вдруг... Черное платье, вуалька, глаза... И побежит эта дама к Забежкину... «Ох, — скажет, — молодой человек, спасите меня, если можете... Ко мне пристают, оскорбляют меня вульгарными словами и даже гнусные предложения делают»... И возьмет Забежкин даму эту под руку, так, касаясь едва, и вместе с тем с необыкновенным рыцарством, и пройдут они мимо оскорбителей презрительно и гордо... А она, оказывается, дочь директора какого-нибудь там треста.

Или еще того проще — старичок. Старичок в высшей степени интеллигентный идет. И падает вдруг. Вообще, головокружение. Забежкин к нему... «Ах, ах, где вы живете?»... Извозчик... Под ручку... А старичок, комар ему в нос, — американский подданный... «Вот, — скажет, — вам, Забежкин, триллион рублей...»

Конечно, все это так, вздор, романтизм, бессмысленное мечтание. Да и какой это человек может подойти к Забежкину? Какой это человек может иметь что-либо вообще с Забежкиным? Тоже ведь и наружность многое значит. А у Забежкина и шея тонкая, и все-таки прически никакой нет, и нос загогулиной. Ну, еще нос и шея куда ни шло — природа, а вот прически, верно, — никакой нету. Надо будет отрастить в срочном порядке. А то прямо никакого виду.

И будь у Забежкина общественное положение значительное, то и делу был бы оборот иной. Будь Забежкин квартальным надзирателем, что ли, или хотя бы агрономом, то и помириться можно бы с наружностью. Но общественное

положение у Забежкина не ахти было какое. Впрочем, даже скверное. Да вот, если сделать смешное сравнение, при этом смеясь невинно, если бухгалтера Ивана Нажмудиновича приравнять щуке, а рассыльного Мишку — из Союза молодежи — сравнить с ершом, то Забежкин, даром что коллежский регистратор бывший, а будет никак не больше уклеи или даже колюшки крошечной.

Так вот, при таких-то грустных обстоятельствах, мог ли Забежкин на какой-нибудь романтизм надеяться?

2

Но однажды приключилось событие. Однажды Забежкин захворал. То есть не то чтобы слишком захворал, а так, виски заломило это ужасно как.

Забежкин и линейку к вискам тискал, и слюнями лоб мазал — не помогает. Пробовал Забежкин в канцелярские дела углубиться.

Какие это штаны? Почему две пары? Не есть ли это превышение власти? Почему бухгалтеру Ивану Нажмудиновичу сверх комплекта шинелька отпущена, и куда это он, собачий нос, позадевал шинельку эту? Не загнал ли, подлая личность, на сторону казенное имущество?

Виски заломило еще пуще.

И вот попросил Забежкин у Ивана Нажмудиновича домой пораньше уйти.

— Иди, Забежкин, — сказал Иван Нажмудинович и таким печальным тоном, что и сам чуть не прослезился. — Иди, Забежкин, но помни — нынче сокращение штатов...

Взял Забежкин фуражку и вышел.

И вышел Забежкин по привычке на Невский, а на Невском, на углу Садовой, помутилось у него в глазах, покачнулся он, поскреб воздух руками и от слабости необыкновенной к дверям магазина прислонился. А из магазина в это время вышел человек (так, обыкновенного вида человек, в шляпе и в пальто коротеньком) и, задев Забежкина локтем, приподнял шляпу и сказал:

— Извиняюсь.

— Господи! — сказал Забежкин. — Да что вы? Да пожалуйста...

Но прохожий был далеко.

«Что это? — подумал Забежкин. — Чудной какой прохожий. Извиняюсь, говорит... Да разве я сказал что-нибудь против? Да разве он пихнул меня? Это же моль, мошкара, мошка крылами задела. ...И кто ж это? Писатель, может быть, или какой-нибудь всемирный ученый... Извиняюсь, говорит. Ах ты, штука какая! И ведь лица даже не рассмотрел у него...»

— Ах! — громко сказал Забежкин и вдруг быстро пошел за прохожим.

И шел Забежкин долго за ним — весь Невский и по набережной. А на Троицком мосту вдруг потерял его из виду. Две дамы шли — шляпки с перьями — заслонили, и как в Неву сгинул необыкновенный прохожий.

А Забежкин все шел вперед, махал руками, сиял носом, просил извинения у встречных и после неизвестно кому подмигивал.

«Ого, — вдруг подумал Забежкин, — куда же это такое я зашел? Каменноостровский... Карповка... Сверну», — подумал Забежкин. И свернул по Карповке.

И вот — трава. Петух. Коза пасется. Лавчонки у ворот. Деревня, совсем деревня!

«Присяду», — подумал Забежкин и присел у ворот на лавочке.

И стал свертывать папиросу. А когда свертывал папиросу, увидел на калитке объявление:

«Сдается комната для одинокого. Женскому полу не тревожиться».

Три раза кряду читал Забежкин объявление это и хотел в четвертый раз читать, но сердце вдруг забилося слишком, и Забежкин снова сел на лавку.

«Что ж это, — подумал Забежкин, — странное какое объявление? И ведь не зря же сказано: одинокому. Ведь это что же? Ведь это, значит, намек. Это, дескать, в мужчине нуждаются... Это мужчина требуется, хозяин. Господи, твоя воля, так ведь это же хозяин требуется!»

Забежкин в волнении прошелся по улице и вдруг заглянул в калитку. И отошел.

— Коза! — сказал Забежкин. — Ей-богу, правда, коза стоит... Дай бог, чтоб коза ее была, хозяйкина... Коза! Ведь так, при таком намеке, тут и жениться можно. И женюсь. Ей-богу, женюсь. Ежели, скажем, есть коза — женюсь. Баста. Десять лет ждал — и вот. Судьба... Ведь ежели рассуждать строго, ежели комната внаймы сдается, — значит, квартира есть. А квартира — хозяйство, значит, полная чаша... Поддерж-

ка... Фикус на окне. Занавески из тюля. Занавесочки тюлевые. Покой... Ведь это же ботвинья по праздникам!.. А жена, скажем, дама солидная, порядок обожает, порядком интересуется. И сама в сатиновом капоте павлином по комнате ходит. И все так великолепно, все так благородно, и все только и спрашивает: «Не хочешь ли, Петечка, покушать?» Ах ты, штука какая! Хозяйство ведь. Корова, возможно, или коза дойная. Пускай коза лучше — жрет меньше.

Забежкин открыл калитку.

— Коза! — сказал он, задыхаясь. — У забора коза. Да ведь ежели коза, так и жить нетрудно, ежели коза, то смешно даже... Пускай Иван Нажмуудинович завтра скажет: «Вот, дескать, слишком мне тебя жаль, Забежкин, но уволен ты по сокращению штатов»... Хе-хе, ей-богу смешно... Удивится, сукин сын, поразится до чего, ежели после слов таких в ножки не упаду, просить не буду... Пожалуйста. Коза есть. Коза, черт меня раздери совсем! Ах ты, вредная штука! Ах ты, смех какой!.. А женскому-то полу плюха какая, женский-то пол до чего дожил — не тревожиться. Не лезь, дескать, комар тебе в нос, здесь его величество, мужчина, требуется...

Тут Забежкин еще раз прочел объявление и, выпятив грудь горой, с необыкновенной радостью вошел во двор.

3

У помойной ямы стояла коза. Была она безрогая, и вымя у ней висело до земли.

«Жаль, — с грустью подумал Забежкин, — старая коза, дай бог ей здорovia».

Во дворе мальчишки в чижика играли. А у крыльца девка какая-то столовые ножи чистила. И до того она с остервенением чистила, что Забежкин, забыв про козу, остановился в изумлении.

Девка яростно плевала на ножи, изрыгала слюну прямо-таки, втыкала ножи в землю и, втыкая, сама качалась на корточках и хрипела даже.

«Вот дура-то», — подумал Забежкин.

Девка изнемогала.

— Эй, тетушка, — сказал Забежкин громко, — где же это тут комната внаймы сдается?

Но вдруг открылось окно над Забежкиным, и чья-то бабья голова с флюсом, в платке вязаном, выглянула во двор.

— Товарищ, — спросила голова, — вам не ученого или агронома Пампушкина нужно будет?

— Нет, — ответил Забежкин, снимая фуражку, — не имею чести... я насчет, как бы сказать, комнаты, которая внаймы.

— А если ученого агронома Пампушкина, — продолжала голова, — так вы не ждите зря, он нынче принять никак не может, он ученый труд пишет про что-то.

Голова обернулась назад и через минуту снова выглянула.

— «Несколько слов в защиту огородных вредителей»...

— Чего-с? — спросил Забежкин.

— А это кто спрашивает? — сказал агроном, сам подходя к окну. — Здравствуйте, товарищ!.. Это, видите ли, статья: «Несколько слов в защиту огородных вредителей»... Да вы поднимитесь наверх.

— Нет, — сказал Забежкин, пугаясь, — я комнату, которая внаймы...

— Комнату? — спросил агроном с явной грустью. — Ну, так вы после комнаты... Да вы не стесняйтесь... Третий номер, ученый агроном Пампушкин... Каждая собака знает...

Забежкин кивнул головой и подошел к девке.

— Тетушка, — спросил Забежкин, — это чья же, например, коза будет?

— Коза-то? — спросила девка. — Коза эта из четвертого номера.

— Из четвертого? — охнул Забежкин. — Да это не там ли, извиняюсь, комната сдается?

— Там, — сказала девка. — Только сдана комната.

— Как же так? — испугался Забежкин. — Не может того быть. Да ты что, опупела, что ли? Как же так — сдана комната, ежели я и время потратил, проезд, хлопоты...

— А не знаю, — ответила девка, — может, и не сдана.

— Ну, то-то — не знаю, дура такая. Не знаешь, так лучше и не говори. Не извращай событий. Ты вот про кур лучше скажи — чьи куры ходят?

— Куры-то? Куры Домны Павловны.

— Это какая же Домна Павловна? Не комнату ли она сдает?

— Сдана комната! — с сердцем сказала девка, в подол собирая ножи.

— Врешь. Ей-богу, врешь. Объявление есть. Ежели бы объявления не было, тогда иное дело, — я бы не сопротивлялся. А тут — объявление. Колом не вышибешь... Заладила

сорока Якова: «Сдана, сдана...» Дура такая. Ты лучше скажи: индейский петух — наверное уже не ее?

— Ее.

— Ай-я-яй! — удивился Забежкин. — Так ведь она же богатая дама?

Девка ничего не ответила, икнула в ладонь и ушла.

Забежкин подошел к козе и пальцем потрогал ей морду.

«Вот, — подумал Забежкин, — ежели сейчас лизнет в руку — счастье: моя коза».

Коза понюхала руку и шершавым тонким языком лизнула Забежкина.

— Ну, ну, дура! — сказал, задыхаясь, Забежкин. — Корку хочешь? Эх, была давеча в кармане корка, да не найду что-то... Вспомнил: съел я ее, Машка. Съел, извиняюсь... Ну, ну, после дам...

Забежкин в необыкновенном волнении нашел четвертую квартиру и постучал в зеленую рваную клеенку.

— Вам чего? — спросил кто-то, открывая дверь.

— Комната...

— Сдана комната! — сказал кто-то басом, пытаясь закрыть дверь. Забежкин крепко ее держал руками.

— Позвольте, — сказал Забежкин, пугаясь, — как же так? Позвольте же войти, уважаемый товарищ... Как же так? Я время потратил... Проезд... Объявление ведь...

— Объявление? Иван Кириллыч! Ты что ж это объявление-то не снял?

Тут Забежкин поднял глаза и увидел, что разговаривает он с дамой, и что дама — размеров огромных. И нос у ней

никак не меньше забежкинского носа, а корпус такой обильный, что из него смело можно двух Забежкиных выкроить, да еще кой-что останется.

— Сударыня, уважаемая мадам, — сказал Забежкин, снимая фуражку и для чего-то приседая, — мне бы хоть чуланчик какой-нибудь отвратительный, конурку, конуренушку...

— А вы из каких будете? — спросила изрядным басом Домна Павловна.

— Служащий...

— Ну, что ж, — сказала Домна Павловна, вздыхая, — пушай тогда. Есть у меня еще одна комнатуха. Не обижайтесь только — подле кухни...

Тут Домна Павловна по неизвестной причине еще раз грустно вздохнула и повела Забежкина в комнаты.

— Вот, — сказала она, — смотрите. Скажу прямо: дрянь комната. И окно — дрянь. И вид никакой, а в стену. А вот с хорошей комнатой опоздали, батюшка. Сдана хорошая комната. Военному телеграфисту сдана.

— Прекрасная комната! — воскликнул Забежкин. — Мне очень нравятся такие комнаты подле кухни... Разрешите — я и перееду завтра...

— Ну, что ж, — сказала Домна Павловна. — Пушай тогда. Переезжайте.

Забежкин низенько поклонился и вышел. Он подошел к воротам, еще раз, с грустью, прочел объявление, сложил его и спрятал в карман.

«Да-с, — подумал Забежкин, — с трудом, с трудом счастье дается... Вот иные в Америку и в Индию очень просто ездят

и комнаты снимают, а тут... Да еще телеграфист... Какой это телеграфист? А ежели, скажем, этот телеграфист да помешает? С трудом, с трудом счастье дается!»

4

Забежкин переехал. Это было утром. Забежкин вкатил тележку во двор, и тотчас все окна в доме открылись, и бабья голова с флюсом, высунувшись из окна на этот раз по пояс, сказала: «Ага!» И ученый агроном Пампушкин, оставив ученую статью «Несколько слов в защиту вредителей», подошел к окну.

И сама Домна Павловна милостиво сошла вниз.

Забежкин развязывал свое добро.

— Подушки! — сказали зрители.

И точно: две подушки, одна розовая с рыжим пятном, другая синенькая в полоску, были отнесены наверх.

— Сапоги! — вскричали все в один голос.

Перед глазами изумленных зрителей предстали четыре пары сапог. Сапоги были новенькие, и сияли они носками, и с каждой пары бантиком свешивались шнурки. И бабья голова с флюсом сказала с уважением: «Ого!» И Домна Павловна милостиво потеряла полные свои руки. И сам ученый агроном прищурил свои ученые глаза и велел мальчишкам отойти от тележки, чтобы видней было.

— Книги... — конфузаясь, сказал Забежкин, вытаскивая три запыленные книжки.

— Книги?

И ученый агроном счел необходимым спуститься вниз.

— Очень приятно познакомиться с интеллигентным человеком, — сказал агроном, с любопытством рассматривая сапоги. — Это что же, — продолжал он, — это не по ученому ли пайку вы изволили получить сапоги эти?

— Нету, — сказал Забежкин, сияя, — это в некотором роде частное приобретение и, так сказать, подвижность. Иные, знаете ли, деньги предпочитают в брильянтах держать... а, извиняюсь, что такое брильянты? Только что блеск да бессмысленная игра огней...

— М-м, — сказал агроном с явным сожалением, — то-то я и смотрю — что такое? — будто бы и не такие давали по ученому. Цвет, что ли, не такой?

— Цвет! — сказал Забежкин в восторге. — Это цвет, наверное, не такой. Такой цвет — раз, два и обчелся...

— Катюшечка! — крикнул агроном голове с флюсом. — Вынеси-ка, голубчик, сапоги, что давеча по ученому пайку получали.

Сожительница агронома вынесла необыкновенных размеров рыжие сапоги. Вместе с сожительницей во двор вышли все жильцы дома. Вышла даже какая-то, очень древнего вида, старушка, думая, что раздают сапоги бесплатно. Вышел и телеграфист, ковыряя в зубах спичкой.

— Вот! — закричал агроном, обильно брызгая в Забежкина слюной. — Вот, милостивый государь, обратите ваше внимание!

Агроном пальцем стучал в подметку, пробовал ее зубами, подбрасывал сапоги вверх, бросал их наземь, — они падали как поленья.

— Необыкновенные сапоги! — орал агроном на Забежкина таким голосом, точно Забежкин вел агронома расстреливать, а тот упирался. — Умоляю вас, взгляните! Натe! Бросайте их на землю, бросайте — я отвечаю!

Забежкин сказал:

— Да. Очень необыкновенные сапоги. Но ежели их на камни бросать, то они могут не выдержать...

— Не выдержат? Эти-то сапоги не выдержат? Да чувствуете ли вы, милостивый государь, какие говорите явные пустяки? Знаете ли, что вы меня даже оскорбляете этим. Не выдержат! — горько усмехнулся агроном, наседа на Забежкина.

— На камни безусловно выдержат, — с апломбом сказал вдруг телеграфист, вылезая вперед, — а что касается... Под тележку, если, например, и тележку накатить враз — нипочем не выдержат.

— Катите! — захрюкал агроном, бросая сапоги. — Катите, на мою голову!

Забежкин налег на тележку и двинул ее. Сапоги помаялись и у носка лопнули.

— Лопнули! — закричал телеграфист, бросая фуражку наземь и топча ее от восторга.

— Извиняюсь, — сказал агроном Забежкину, — это нечестно и нетактично, милостивый государь! Порядочные люди прямо наезжают, а вы боком... Это подло даже, боком наезжать. Нетактично и по-хамски с вашей стороны!

— Пускай он отвечает, — сказала сожительница агроному. — Он тележку катил, он и отвечает. Это каждый человек начнет на сапоги тележку катить — сапог не напасешься.

— Да, да, — сказал агроном Забежкину, — извольте теперь отвечать полностью.

— Хорошо, — ответил печально Забежкин, интересуясь телеграфистом, — возьмите мою пару.

Телеграфист, выплюнув изо рта спичку и склонившись над сапогами, хохотал тоненько с привизгиваньем, будто его щекотали под мышками.

«Красавец! — с грустью думал Забежкин. — И шея хороша, и нос нормальный, и веселиться может...»

Так переехал Забежкин.

5

На другой день все стало ясно: телеграфист Забежкину мешал.

Не Забежкину несла Домна Павловна козье молоко, не Забежкину пеклось и варилось на кухне, и не для Забежкина Домна Павловна надела чудный сиреневый капот. Все это пеклось, варилось и делалось для военного телеграфиста, Ивана Кирилловича.

Телеграфист лежал на койке, тренькал на гитаре и пел нахальным басом. В песнях ничего смешного не было, но Домна Павловна смеялась.

«Смеется, — думал Забежкин, слушая, — и, наверное, сидит в ногах телеграфистовых. Смеется... Значит, ей, дуре, весело, а весело, значит, ощущает что-нибудь. Так ведь и опоздать можно».

Целый день Забежкин провел в тоске. Наутро пошел в канцелярию. Работать не мог. И какая, к чертовой матери,

работа, ежели, скажем, такое беспокойство. Мало того, что о телеграфисте беспокойство, так и хозяйство все-таки. Тоже вот домой нужно придти. Там на двор. Кур проверить. Узнать — мальчишки не гоняли ли, а если, скажем, гонял кто — вздрючить того. Козе тоже корку отнести нужно... Хозяйство...

«А хоть и хозяйство, — мучился Забежкин, — да чужое хозяйство. И надежда малюсенькая. Малюсенькая, оттого что телеграфист мешает».

Придя домой, Забежкин прежде всего зашел в сарай.

— Вот, Машка, — сказал Забежкин козе, — кушай, дура. Ну, что смотришь? Грустно? Грустно, Машка. Телеграфист мешает... Убрать его, Машка, требуется. Ежели не убрать — любовь корни пустит.

Коза съела хлеб и обнюхивала теперь Забежкину руку.

— А как убрать его, Машка? Он, Машка, спортсмен, крепкий человек, не поддастся на пустяки. Он, сукин сын, давеча в трусиках бегал. Закаленный. А я, Машка, человек ослабший, на меня революция подействовала... И как убрать, ежели он и сам заметно хозяйством интересуется. Чего это он, скажи, пожалуйста, заходил в сарай давеча?

Коза тупо смотрела на Забежкина.

— Ну, пойду, Машка, пойду, может, и выйдет что. Тут с телеграфиста начать надо. Телеграфист — главная запятая. Не будь его, я бы, Машка, вчера еще с Домной Павловной кофей бы пил... Ну, пойду...

И Забежкин пошел домой. Он долго ходил по своей узкой комнате, бубнил под нос невнятное, размахивая руками, по-

том вынул из комода сапоги и, грустно покачивая головой, завернул одну пару в бумагу. И пошел к телеграфисту.

В комнату Забежкин вошел не сразу. Он постоял у двери Ивана Кирилловича, послушал. Телеграфист кричал, ворочался по комнате, двигал стулом.

«Сапоги чистит», — подумал Забежкин и постучал.

Точно: телеграфист чистил сапоги. Он дышал на них, внимательно обводил суконкой и ставил на стул то одну, то другую ногу.

— Пардон, — сказал телеграфист, — я уйду, извиняюсь, скоро.

— А ничего, — сказал Забежкин, — я на секундочку... Я, как сосед ваш по комнате, и, так сказать, под одним уважаемым крылом Домны Павловны, почел долгом представиться: сосед и бывший коллежский регистратор Петр Забежкин.

— Ага, — сказал телеграфист, — ладно. Пожалуйста.

— И, как сосед, — продолжал Забежкин, — считаю своим долгом, по кавказскому обычаю, подарок преподнести — сапожки.

— Сапоги? За что же, помилуйте, сапоги? — спросил телеграфист, любуясь сапогами. — Мне даже, напротив того, неловко, уважаемый сосед... Я не могу так, знаете ли.

— Ей-богу, возьмите...

— Разве что по кавказскому обычаю, — сказал телеграфист, примеряя сапоги. — А вы что же, позвольте узнать, уважаемый сосед, извиняюсь, на Кавказ путешествовали?... Горы, наверное? Эльбрус, черт его знает какой? Нравы...

Туда, уважаемый сосед, и депеши на другой день только доходят... Чересчур отдаленная страна...

— Нет, — сказал Забежкин, — это не я. Это Иван Нажмудинович на Кавказ ездил. Он даже в Нахичевани был...

Еще Забежкин хотел рассказать про кавказские нравы, но вдруг сказал:

— Батюшка, уважаемый сосед, молодой человек! Вот я сейчас на колени опущусь...

И Забежкин встал на колени. Телеграфист испугался и закрыл рот.

— Батюшка, уважаемый товарищ, бейте меня, уничтожайте! До боли бейте.

Телеграфист, думая, что Забежкин начнет его сейчас бить, размахнулся и ударил Забежкина.

— Ну, так! — сказал Забежкин, падая и вставая снова. — Так. Спасибо! Осчастливили. Слезы у меня текут... Дрожу и решенья жду — съезжайте с квартиры, голубчик, уважаемый товарищ.

— Как же так? — спросил телеграфист, закрывая рот. — Странные ваши шутки.

— Шутки! Драгоценное слово — шутки! Батюшка сосед, Иван Кириллович, вам с Домной Павловной баловство и шутки, а мне — настоящая жизнь. Вот весь перед вами заголился... Съезжайте с квартиры, в четверг же съезжайте... Остатний раз прошу. Плохо будет.

— Чего? — спросил телеграфист. — Плохо? Мне до самой смерти плохо не будет... А если приспичило вам... да нет, странные шутки... Не могу-с.

— Батюшка, я еще чем-нибудь попрошу...

— Не могу-с... Да и за что же мне с квартиры съезжать? Мне нравится эта квартира. Да вы, впрочем, хорошенько попросите... Расход ведь в переездах, и, вообще, вы попросите. Я люблю, когда меня просят.

Забежкин бросился в свою комнату и через минуту вернулся.

— Вот! — сказал он задыхаясь. — Вот сапожки и шнурки вот запасные.

Телеграфист примерил сапоги и сказал:

— Жмут. Ну, ладно. Дайте срок — съеду. Только странные ваши шутки...

Забежкин ушел в свою комнату и тихонько сел у окна.

6

Забежкин на службу не пошел. С куском хлеба он пробрался в сарай и сел перед козой на корячки.

— Готово, Машка. Шабаш. Убрал вчера телеграфиста. Кобенился и сопротивлялся, ну, да ничего — свалил... Сапоги ему, Машка, отдал... Теперь что же, Машка? Теперь Домна Павловна осталась. Тут, главное, на чувства рассчитывать нужно. На эстетику, Машка. Розу сейчас пойду куплю. Вот, скажу, вам роза — нюхайте... Завтра куплю, а нынче запарился я, Машка... Ну, ну, нету больше. Хватит.

Забежкин прошел в свою комнату и лег на кровать. Розу он купить не успел. Домна Павловна пришла к нему раньше.

Она сказала:

— Ты что ж это сапогами-то даришься? Ты к чему это сапоги телеграфисту отдал?

— Подарил я, Домна Павловна. Хороший он очень человек. Чего ж, думаю, ему не подарить? Подарил, Домна Павловна.

— Это Иван Кириллыч-то хороший человек? — спросила Домна Павловна. — Неделю, подлец, не живет, и до свиданья. С квартиры съезжает... Это он-то хороший человек? Отвечай, если спрашиваю!?

— А я, Домна Павловна, думал...

— Чего ты думал? Чего ты, раззява, думал?

— Я думал, Домна Павловна, — он и вам нравится. Вы завсегда с ним хохочете...

— Это он-то мне нравится? — Домна Павловна всплеснула руками. — Да он цельные дни бильярды гоняет, а после с девчонками... Чего я в нем не видала? Да он и вниманья-то своего на меня не обратит... Ну, и врать же ты... Да он, прохвост ты человек, при наружности своей любую тонконогую возьмет, а не меня. Ну, и дурак же ты...

— Домна Павловна, — сказал Забежкин, — про тонконогую это до чего верно вы сказали — слов нет. Это такой человек. Домна Павловна... Он заврался давеча: люблю, говорит, тонконогих, а на полненькую и внимания не обращаю. Ведь это он, Домна Павловна, про вас намекал.

— Ну? — спросила Домна Павловна.

— Ей-богу, Домна Павловна... Он тонкую возьмет, ей-богу, правда — уколоться об локоть можно, а он и рад, гадина. А вот я, Домна Павловна, я на крупную фигуру всегда обращаю свое вниманье. Я, Домна Павловна, такими, как вы, увлекаюсь.

— Ври еще!

— Нет, Домна Павловна, мне нельзя врать. Вы для меня это очень превосходная дама... И для многих тоже... Ко мне, помните, Домна Павловна, человек заходил — тоже заинтересовался. Это, спрашивает, кто же такая гранд-дам интереснейшая?

— Ну? — спросила Домна Павловна. — Так и сказал?

— Так и сказал, дай бог ему здоровья. Это, говорит, не актриса ли Люком?

Домна Павловна села рядом с Забежкиным.

— Да это какой же, не помню чего-то? Это не тот ли — рыжеватый будто и угри на носу?

— Тот, Домна Павловна. Тот самый, и угри на носу, дай бог ему здоровья!

— А я думала, он к Ивану Кириллычу прошел... Так ты бы его к столу пригласил. Сказал бы: вот, мол, Домна Павловна кофею просит выкушать... Ну, а что он еще такое говорил? Про глаза ничего не говорил?

— Нет, — сказал Забежкин, задыхаясь, — нет, Домна Павловна, про глаза это я говорил. Я говорил: люблю такие превосходные глаза, млею даже, как посмотрю... Вообще, многоуважаемые глаза...

— Ну, ну, уж и любишь? — удивилась Домна Павловна. — Поел, может, чего лишнего, — вот и любишь.

— Поел! — вскричал Забежкин. — Это я-то поел, Домна Павловна! Нет, Домна Павловна, раньше это точно я превосходно кушал, рвало даже, а нынче я, Домна Павловна, на хлебце больше.

— Глупенький, — сказала Домна Павловна, — ты бы ко мне пришел. Вот, сказал бы...

— А я вас, Домна Павловна, совершенно люблю! — вскричал Забежкин. — Скажите: упади, Забежкин, из окна — упаду, Домна Павловна! Как стелечка на камни лягу и имя еще прославлять буду!

— Ну, ну, — сказала Домна Павловна, конфузясь.

И ушла вдруг из комнаты. И только Забежкин хотел к козе пройти, как Домна Павловна снова вернулась.

— Побожись, — сказала она строго, — побожись, что верно сказал про чувства...

— Вот вам крест и икона святая...

— Ну, ладно. Не божись зря. Кольца купить нужно... Чтоб венчанье и певчие.

— И певчие! — закричал Забежкин. — И певчие, Домна Павловна. И все так великолепно, все так благородно... Дозвольте же в ручку поцеловать. Домна Павловна! Вот-с... А я-то, Домна Павловна, думал — чего это мне не по себе все? На службе невтерпех даже, домой рвусь... А это чувство...

Домна Павловна стояла торжественно посреди комнаты. Вокруг нее ходил Забежкин и говорил:

— Да-с, Домна Павловна, чувство... Давеча я, Домна Павловна, опоздал на службу — размечтался на разные разности, а когда пришел, Иван Нажмуудинович ужасно так строго на меня посмотрел. Я сел и работать не могу. Сажу и на книжке «де» и «пе» рисую. А Иван Нажмуудинович галочки сосчитал (у нас, Домна Павловна, всегда, кто опоздал, галочки насупротив фамилии пишут), так Иван Нажмуудинович и

говорит: «Шесть галочек насупротив фамилии Забежкин... Это не поперли бы его по сокращению штатов»...

— А пуцай! — сказала Домна Павловна. — И так хватит. Венчанье Домна Павловна назначила через неделю.

7

В тот день, когда телеграфист собрал в узлы свои вещи и сказал: «Не поминайте лихом, Домна Павловна, завтра я съеду», — в тот день все погибло.

Ночью Забежкин сидел на кровати перед Домной Павловной и говорил:

— Мне, Домна Павловна, счастье с трудом дается. Иные очень просто и в Америку ездят, и комнаты внаймы берут, а я, Домна Павловна... Да вот, не пойдя я тогда за прохожим, ничего бы и не было. И вас бы, Домна Павловна, не видеть мне, как ушей своих... А тут прохожий. Объявление. Девицам не тревожиться. Хе-хе, плюха-то какая девицам. Домна Павловна!

— Ну, спи, спи! — строго сказала Домна Павловна. — Поговорил и спи.

— Нет, — сказал Забежкин, поднимаясь, — не могу я спать, у меня, Домна Павловна, грудь рвет. Порыв... Вот я, Домна Павловна, мысль думаю... Вот коза, скажем, Домна Павловна, такого счастья не может чувствовать...

— А?

— Коза, я говорю, Домна Павловна, не может ощущать такого счастья. Что ж коза? Коза — дура. Коза и есть коза. Ей бы, дуре, только траву жрать. У ней и запросов никаких нету. Ну, пусть ее на Невский — срамота выйдет, недоразумение...

А человек, Домна Павловна, все-таки запросы имеет. Вот, скажем, меня взять. Давеча иду по Невскому — тыква в окне. Зайду, думаю, узнаю, какая цена той тыкве. И зашел. И все-таки человеком себя чувствуешь. А что ж коза, Домна Павловна? Вот хоть бы и Машку нашу взять — дура, дура и есть. Человек и ударить козу может, и бить даже может, и перед законом ответственности не несет — чист, как стеклышко.

Домна Павловна села.

— Какая коза, — сказала она, — иная коза при случае и забодать может человека.

— А человек, Домна Павловна, козу палкой, палкой по башке по козлиной.

— Ну и коза, коза может молока не дать, как телеграфисту давеча.

— Как телеграфисту? — испугался Забежкин. — Да чего ж он ходит туда? Да как же это коза может молока не дать, ежели она дойная?

— А так и не даст!

— Ну, уж это пустяки, Домна Павловна, — сказал Забежкин, расхаживая по комнате. — Это уж... Что ж это? Это бунт выходит.

Домна Павловна тоже встала.

— Что ж это? — сказал Забежкин. — Да ведь это же, Домна Павловна, вы про революцию говорите... А вдруг да когда-нибудь, Домна Павловна, животные революцию объявят. Козы, например, или коровы, которые дойные. А? Ведь может же такое быть когда-нибудь? Начнешь их доить, а они бодаются, копытами по животам бьют. И Машка наша мо-

жет копытами... А ведь Машка наша, Домна Павловна, забодать, например, Иван Нажмудиныча может?

— И очень просто, — сказала Домна Павловна.

— А ежели, Домна Павловна, не Иван Нажмудиныча забодает Машка, а комиссара, товарища Нюшкина? Товарищ Нюшкин из мотора выходит, Арсений дверку перед ним — пожалуйста, дескать, товарищ Нюшкин, а коза Машка спрятавшись за дверкой стоит. Товарищ Нюшкин — шаг, и она подойдет, да и тырк его в живот, по глупости.

— Очень просто, — сказала Домна Павловна.

— Ну, тут народ стекается. Конторщики. А товарищ Нюшкин очень даже рассердится. «Чья, — скажет, — это коза меня забодала?» А Иван Нажмудиныч уж тут, задом вертит. «Это коза, — скажет, — Забежкина. У него, — скажет, — кроме того насупротив фамилии шесть галочек». — «А, Забежкина, — скажет товарищ комиссар, — ну, так уволен он по сокращению штатов». И баста.

— Да что ты все про козу-то врешь? — спросила Домна Павловна. — Откуда это твоя коза?

— Как откуда? — сказал Забежкин. — Коза, конечно, Домна Павловна, не моя, коза ваша, но ежели брак, хотя бы даже гражданский, и как муж, в некотором роде...

— Да ты про какую козу брендишь-то? — рассердилась Домна Павловна. — Ты что, у телеграфиста купил ее?

— Как у телеграфиста? — испугался Забежкин. — Ваша коза, Домна Павловна.

— Нету, не моя коза... Коза телеграфистова. Да ты, прохвост этакий, идол собачий, не на козу ли нацелился?

— Как же, — бормотал Забежкин, — ваша коза. Ей-богу, ваша коза, Домна Павловна.

— Да ты что, опупел? Да ты на козу рассчитывал? Я сию минуту тебя наскрозь вижу. Все твои кишки вижу...

В необыкновенном гневе встала с кровати Домна Павловна и, покрыв одеялом обильные свои плечи, вышла из комнаты. А Забежкин прилег на кровать да так и пролежал до утра не двигаясь.

8

Утром пришел к Забежкину телеграфист.

— Вот, — сказал телеграфист, не здороваясь, — Домна Павловна приказала, чтобы в двадцать четыре часа, иначе — судом и следствием.

— А я, — закричала из кухни Домна Павловна, — а я, так и передай ему, Иван Кириллыч, скотине этому, я и видеть его не желаю.

— А Домна Павловна, — сказал телеграфист, — и видеть вас не желает.

Домна Павловна кричала из кухни:

— Да посмотри, Иван Кириллыч, не прожег ли он матрац, сукин сын. Курил давеча. Был у меня один такой субчик — прожег. И перевернул подлец — не замечу, думает. Я у них, у подлецов, все кишки наскрозь вижу. Сво-лочь!..

— Извиняюсь, — сказал телеграфист Забежкину, — пере-сядьте на стул.

Забежкин печально пересел с кровати на стул.

— Куда же я перееду? — сказал Забежкин. — Мне и переехать-то некуда...

— Он, Домна Павловна, говорит, что ему и переехать некуда, — сказал телеграфист, осматривая матрац.

— А пущай, куда хочет, хоть кошке под хвост! Я в его жизнь не касаюсь.

Телеграфист Иван Кириллыч осмотрел матрац, заглянул, без всякой на то нужды, под кровать и, подмигнув Забежкину глазом, ушел.

Вечером Забежкин нагрузил тележку и выехал неизвестно куда.

А когда выезжал из ворот, то встретил агронома Пампушкина. Агроном спросил:

— Куда? Куда это вы, молодой человек?

Забежкин тихо улыбнулся и сказал:

— Так, знаете ли... прогуляться...

Ученый агроном долго смотрел ему вслед. На тележке поверх добра на синей подушке стояла одна пара сапог.

9

Так погиб Забежкин.

Когда против его фамилии значилось восемь галок, бухгалтер Иван Нажмудинович сказал:

— Шабаш. Уволен ты, Забежкин, по сокращению штатов.

Забежкин записался на биржу безработных, но работы не искал. А как жил — неизвестно.

Однажды Домна Павловна встретила его на Дерябкинском рынке. На толчке. Забежкин продавал пальто.

Был Забежкин в рваных сапогах и в бабьей кацавейке. Был он не брит, и борода у него росла почему-то рыжая. Узнать его было трудно!

Домна Павловна подошла к нему, потрогала пальто и спросила:

— Чего за пальто хочешь?

И вдруг узнала — это Забежкин.

Забежкин потупился и сказал:

— Возьмите так, Домна Павловна.

— Нет, — ответила Домна Павловна, хмурясь, — мне не для себя нужно. Мне Иван Кириллычу нужно. У Ивана Кириллыча пальто зимнего нету... Так я не хочу, а вот что: денег я тебе, это верно, не дам, а вот приходи — будешь обедать по праздникам.

Пальто накинула на плечи и ушла.

В воскресенье Забежкин пришел. Обедать ему дали на кухне. Забежкин конфузился, подбирал грязные ноги под стул, качал головой и ел молча.

— Ну, как, брат Забежкин? — спросил телеграфист.

— Ничего-с, Иван Кириллыч, терплю, — сказал Забежкин.

— Ну, терпи, терпи. Русскому человеку невозможно, чтобы не терпеть. Терпи, брат Забежкин.

Забежкин съел обед и хлеб спрятал в карман.

— А я-то думал, — сказал телеграфист, смеясь и подмигивая, — я-то, Домна Павловна, думал — чего это он, сукин сын, икру передо мной мечет? А он вот куда сети закинул — коза.

Когда Забежкин уходил, Домна Павловна спросила тихо:

— Ну, а сознайся, соврал ведь ты насчет глаз вообще?

— Соврал, Домна Павловна, соврал, — сказал Забежкин, вздыхая.

— Н-ну, иди, иди, — нахмурилась Домна Павловна, — не путайся тут!

Забежкин ушел.

И каждый праздник приходил Забежкин обедать. Телеграфист Иван Кириллович хохотал, подмигивал, хлопал Забежкина по животу и спрашивал:

— И как же это, брат Забежкин, ошибся ты?

— Ошибся, Иван Кириллыч...

Домна Павловна строго говорила:

— Оставь, Иван Кириллыч! Пущай ест. Пальто тоже денег стоит.

После обеда Забежкин шел к козе. Он давал ей корку и говорил:

— Нынче был суп с луком и турнепс на второе...

Коза тупо смотрела Забежкину в глаза и жевала хлеб. А после облизывала Забежкину руку.

Однажды, когда Забежкин съел обед и корку спрятал в карман, телеграфист сказал:

— Положь корку назад. Так! Пожрал, и до свиданья. К козе нечего шляться!

— Пущай, — сказала Домна Павловна.

— Нет, Домна Павловна, моя коза! — ответил телеграфист. — Не позволю... Может, он мне козу испортит по злобе. Чего это он там с ней колдует?

Больше Забежкин обедать не приходил.

М. П. Сиягин
1916

М. П. Сиягин
(Воспоминания о Мишеле Сиягине)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга есть воспоминание об одном человеке, об одном, что ли, малоизвестном небольшом поэте, с которым автор сталкивался в течение целого ряда лет.

Судьба этого человека автора чрезвычайно поразила и в силу этого автор решил написать такие, что ли, о нем воспоминания, такую, что ли, биографическую повесть, не в назидание потомству, а просто так.

Не все же писать биографии и мемуары о замечательных и великих людях, об их поучительной жизни и об их гениальных мыслях и достижениях. Кому-нибудь надо откликнуться и на переживания других, скажем, более средних людей, так сказать, не записанных в бархатную книгу жизни.

Причем жизнь таких людей, по мнению автора, тоже в достаточной мере бывает поучительна и любопытна. Все ошибки, промахи, страдания и радости ничуть не уменьшаются в своем размере от того, что человек, ну, скажем, не нарисовал на полотне какой-нибудь прелестный шедевр — «Девушка с кувшином», или не научился быстро ударять по рояльным клавишам, или, скажем, не отыскал для блага и спокойствия человечества какую-нибудь лишнюю звезду или комету на небосводе.

Напротив, жизнь таких обыкновенных людей еще более понятна, еще более достойна удивления, чем, скажем, какие-нибудь исключительные и необыкновенные поступки и чудачества гениального художника, пианиста или настройщика. Жизнь таких простых людей еще более интересна и еще более доступна пониманию.

Автор не хочет этим сказать, что вот сейчас вы увидите что-то такое исключительно интересное, поразительное по силе переживаний и страстям. Нет, это будет скромно прожитая жизнь, описанная к тому же несколько торопливо, небрежно и со многими погрешностями. Конечно, сколько возможно, автор старался, но для полного блеска описания не было у него такого, что ли, нужного спокойствия духа и любви к разным мелким предметам и переживаниям. Тут не будет спокойного дыхания человека уверенного и развязного, дыхания автора, судьба которого оберегается и лелеется золотым веком.

Тут не будет красоты фраз, смелости оборотов и восхищения перед величием природы.

Тут будет просто правдиво изложенная жизнь. К тому же, несколько суетливый характер автора, его беспокойство и внимание к другим мелочам заставляют его иной раз пренебречь плавным повествованием для того, чтобы разрешить тот или иной злободневный вопрос или то или иное сомнение.

Что касается заглавия книги, то автор согласен признать, что заглавие сухое и академическое — мало чего-нибудь дает уму и сердцу. Но автор оставляет это заглавие временно.

Автор хотел назвать эту книгу иначе, как-нибудь, например: «У жизни в лапах» или «Жизнь начинается послезавтра». Но и для этого у него не хватило уверенности и нахальства. К тому же, эти заглавия, вероятно, уже были в литературном обиходе, а для нового заглавия у автора не нашлось особого остроумия и изобретательности.

Сентябрь 1930 г.

М. П. СИНЯГИН
(Воспоминания о Мишеле Синягине)

*Через сто лет. О нашем времени.
О приспособляемости. О дуэлях.
О чулках. Пролог истории*

Вот в дальнейшем, лет этак, скажем, через сто или там немного меньше, когда все окончательно утрясется, установится, когда жизнь засияет несказанным блеском, какой-нибудь гражданин, какой-нибудь этакий гражданин с усиками, в этакое, что ли, замшевом песочном костюмчике или там, скажем, в вечерней шелковой пижаме, возьмет, предположим, нашу скромную книжку и приляжет с ней на кушетку. Он приляжет на сафьяновую кушетку или там, скажем, на какой-нибудь мягкий пуфик или козетку, обопрет свою душистую голову на чистые руки и, слегка задумавшись о прекрасных вещах, раскроет книгу.

— Интересно, — скажет он, кушая конфетки, — как это они там жили в свое время.

А его красивая молодая супруга — или там, скажем, подруга его жизни — тут же рядом сидит в своем каком-нибудь исключительном пеньюаре.

— Андреус (или там Теодор), — скажет она, запахивая свой пеньюар, — охота тебе, — скажет, — читать разную мургу? Только, — скажет, — нервы себе треплешь на ночь глядя.

И сама, может, возьмет с полки какой-нибудь томик в пестром атласном переплете — стихи какого-нибудь там знаменитого поэта — и начнет читать:

В моем окне качалась лилия.
Я весь в бреду..
Любовь, любовь, моя Идиллия,
Я к вам приду..

Вот как представит себе автор на минутку такую акварельную картину, так и перо у него валится из рук — неохота писать да и только.

Конечно, автор не утверждает, что именно такие сценки будут наблюдаться в будущей жизни. Нет, это как раз мало вероятно. Это только минутное предположение. На это только полпроцента можно положить. А скорее всего, напротив того, будет очень такое, что ли, здоровое, сочное поколение. Этакое будут загорелые здоровяки, одевающиеся скромно, но просто, без особой претензии на роскошь и щегольство.

К тому же, может, такие паршивые лирические стишки они и читать-то вовсе не будут или будут их читать в исключительных случаях, предпочитая им наши прозаические книжки, которые будут брать в руки с полным душевным трепетом и с полным почтением к их авторам.

Однако, как подумает автор о таких настоящих читателях, так опять появляются затруднения, и снова перо вываливается из рук.

Ну, что автор может дать таким прекрасным читателям?

Сердечно признавая все величие нашего времени, автор, тем не менее, не в силах дать соответствующее произведение, полностью рисующее нашу эпоху. Может быть, автор растратил свои мозги на мелкие повседневные мещанские дела, на разные личные огорчения и заботы, но только ему не по силам такое обширное произведение, которое сколько-нибудь заинтересует будущих уважаемых читателей. Нет, уж лучше закрыть глаза на будущее и не думать о новых грядущих поколениях. Лучше уж писать для наших испытанных читателей.

Но тут опять являются сомнения, и перо валится из рук. В настоящее время, когда самая острая, нужная и даже необходимая тема — это колхоз, или там, скажем, отсутствие тары, или устройство силосов, — возможно, что просто не тактично писать так себе, вообще, о переживаниях людей, которые, в сущности говоря, даже и не играют роли в сложном механизме наших дней. Читатель может просто обругать автора свиньей.

— Эва, — скажет, — глядите, чего еще один пишет. Описывает, холера, переживания. Глядите, — скажет, — сейчас чего доброго начнет про цветки поэмы наворачивать.

Нет, про цветки автор писать не станет. Автор напишет повесть, по его мнению даже весьма необходимую повесть, так сказать, подводящую итоги прошлой жизни, — повесть про одного не значительного поэта, который жил в наше время. Конечно, автор предвидит жесткую критику в этом смысле со стороны молодых и легкомысленных критиков, поверхностно глядящих на такие литературные факты.

Однако совесть у автора чиста. Автор не забывает и другой фронт и не гнушается писать о прогулах, о силосовании и о ликвидации неграмотности. И даже, напротив, такая скромная работа как раз по его плечу.

Но наряду с этим у автора имеется чрезвычайное стремление как можно скорей написать свои воспоминания об этом человеке, ибо в дальнейшем жизнь перешагнет его, и все забудется, и травой зарастет та тропинка, по которой прошел наш скромный герой, наш знакомый и, прямо скажем, наш родственник, М. П. Синягин.

И это последнее обстоятельство позволило автору видеть всю его жизнь, все мелочи его жизни и все события, развернувшиеся в последние годы. Вся личная его жизнь прошла, как на сцене, перед глазами автора.

Вот тут, который с усиками и в замшевом костюмчике, если не дай бог он проскользнет в будущее столетие, наврное, слегка удивится и заполощется на своей сафьяновой козетке.

— Милуша, — скажет он, поглаживая свои усишки, — интересно, — скажет. — У них, — скажет, — какая-то личная жизнь была.

— Андреус, — скажет она грудным голосом, — не мешай, — скажет, — за ради бога, я стихи читаю...

А в самом деле, читатель, какой-нибудь этакий с усиками в его спокойное время прямо нипочем правильно не представит нашей жизни. Он, наверно, будет думать, что мы все время в землянках сидели, воробьев кушали и вели какую-нибудь немыслимую, дикую жизнь, полную ежедневных катастроф и ужасов.

Правда, надо прямо сказать, что многие и не имели так называемой личной жизни — они отдавали все силы и всю волю для ради своих идей и для стремления к цели.

Ну, а которые помельче, те, безусловно, ловчились, приспособлялись и старались попасть в ногу со временем для того, чтобы прилично прожить и поплотнее покушать.

И жизнь шла своим чередом. Происходили любовь и ревность, и деторождение, и разные великие материнские чувства, и разные тому подобные прекрасные переживания. И мы ходили с девушками в кино. И катались на лодках. И пели под гитару. И кушали вафли с кремом. И носили модные носочки в полоску. И танцевали фокстрот под домашний рояль...

Нет, так называемая личная жизнь шла понемножку, как она всегда и при всех любых обстоятельствах идет.

И любители такой жизни по мере своих сил приспособлялись и принаравливались.

Так сказать, каждая эпоха имеет свою психику. И в каждую эпоху, пока что, было одинаково легко и одинаково трудно жить.

Для примера, на что уж беспокойный век, ну, скажем, шестнадцатый. Нам издали поглядеть — так прямо невыносимым кажется. Чуть не каждый день в то время на дуэлях дрались. Гостей с башен сбрасывали. И ничего. Все в порядке вещей было.

Нам-то, с нашей психикой, прямо боязно представить себе подобную ихнюю жизнь. Для примера, какой-нибудь там ихний феодальный сукин сын, какой-нибудь там виконт или там бывший граф, идет, для примера, погулять.

Вот идет он погулять и, значит, шпагу сбоку прищипливает: мало ли, кто-нибудь его сейчас, боже сохрани, плечом пихнет или обругает трехэтажно — сразу надо драться. И ничего.

Идет на прогулку, и даже на морде никакой грусти или паники не написано. Напротив того, идет и даже, может быть, улыбается и насвистывает. Ну, жену небрежно на прощанье поцелует.

— Ну, — скажет, — машер, я того... пошел прогуляться.

И та — хоть бы хны.

— Ладно, — скажет, — не опоздай, — скажет, — к обеду.

Да в наше время жена бы рыдала и за ноги бы цеплялась, умоляя не выходить на улицу, или, в крайнем случае, просила бы обеспечить ей безбедное существование. А тут просто и безмятежно. Взял шпажонку, поточил ее, если она затупи-

лась от прежней стычки, и пошел побродить до обеда, имея почти все шансы на дуэль или столкновение.

Надо сказать, если б автор жил в ту эпоху, его бы силой из дому не выкурили. Так бы всю жизнь и прожил бы взаперти вплоть до нашего времени.

Да, с нашей точки зрения неинтересная была жизнь. А там этого не замечали и жили поплеывая. И даже ездили в гости к имеющим башни.

Так что в этом смысле человек очень великолепно устроен. Какая жизнь идет — в той он и прелестно живет. А которые не могут, те, безусловно, отходят в сторону и не путаются под ногами. В этом смысле жизнь имеет очень строгие законы, и не всякий может поперек пути ложиться и иметь разногласия.

Так вот, сейчас перейдем к главному описанию, из-за чего, собственно, и началась эта книга. Автор извиняется, если он чего-нибудь лишнее сболтнул, не идущее к делу. Уж очень все такие нужные моменты и вопросы, требующие немедленного разрешения.

А что до психики, так это очень верно. Это вполне историей проверено.

Так вот, сейчас со спокойной совестью мы перейдем к воспоминаниям о человеке, который жил в начале двадцатого века.

По ходу повествования автор принужден будет касаться многих тяжелых вещей, грустных переживаний, лишений и нужды.

Но автор просит не выносить об этом поспешного заключения.

Некоторые нытики способны будут все невзгоды приписать только революции, которая происходила в то время.

Очень, знаете, странно, но тут дело не только в революции. Правда, революция сбила этого человека с позиции. Но тут, как бы сказать, во все времена возможна и вероятна такая жизнь. Автор подозревает, что такие именно воспоминания могли быть написаны о каком-нибудь другом человеке, жившем в другую эпоху.

Автор просит отметить это обстоятельство.

Вот у автора был сосед по комнате. Бывший учитель рисования. Он спился. И влачил жалкую и неподобающую жизнь. Так этот учитель всегда любил говорить:

— Меня, — говорит, — не революция подпилила. Если б и не было революции, я бы все равно спился или бы проворачивался, или бы меня на войне подстрелили, или бы в плену морду свернули на сторону. Я, — говорит, — заранее знал, на что иду и какая мне жизнь предстоит.

И это были золотые слова.

Автор не делает из этого мелодрамы. Нет, автор уверен в победном шествии жизни, вполне годной для того, чтобы прожить припеваючи. Уж очень много людей об этом думает и ломает себе головы, стараясь потрафить человеку в этом смысле.

Конечно, еще, так сказать, пролог истории. Еще жизнь не утряслась. Говорят, люди двести лет назад чулки-то только стали впервые носить.

Так что все в порядке. Хорошая жизнь приближается.

*Рождение героя. Молодость.
Созерцательное настроение. Любовь к красоте.
О нежных душах. Об Эрмитаже
и о замечательной скифской вазе*

Михаил Поликарпович Синягин родился в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году в имении Паньково Смоленской губернии.

Мать его была дворянка, а отец почетный гражданин.

Но поскольку автор был моложе М. П. Синягина лет на десять, то ничего такого путного автор и не может сказать об его молодых годах, вплоть до тысяча девятьсот шестнадцатого года.

Но поскольку его всегда — и даже в сорок лет — называли Мишелем, было видно, что он имел нежное детство, внимание, любовь и душевную ласку. Его называли Мишелем — и верно, его нельзя было назвать иначе. Все другие грубые наименования мало шли к его лицу, к его тонкой фигуре и к его изящным движениям, исполненным грации, достоинства и чувства ритма.

Кажется, что он окончил гимназию и, кажется, два или три года он еще где-то такое проучился. Образование у него было во всяком случае самое незаурядное.

В тысяча девятьсот шестнадцатом году автор, с высоты своих восемнадцати лет, находясь с ним в одном и том же городе, невольно наблюдал его жизнь и был, так сказать, очевидцем многих важных и значительных перемен и событий.

М. П. Синягин не был на фронте по случаю ущемления грыжи. И в конце Европейской войны он слонялся по городу в своем штатском макинтоше, имея цветок в петлице и изящный, со слоновой ручкой, стек в руках.

Он ходил по улицам всегда несколько печальный и томный, в полном одиночестве, бормоча про себя стишки, которые он в изобилии сочинял, имея все же порядочное дарование, вкус и тонкое чутье ко всему красивому и изящному.

Его восхищали картины печальной и однообразной псковской природы, березки, речки и разные мошки, кружащиеся над цветочными клумбами.

Он уходил за город и, сняв шляпу, с тонкой и понимающей улыбкой следил за игрой птичек и комариков.

Или глядел на движущиеся тучные облака и, закинув голову, тут же сочинял на них соответствующие рифмы и стихи.

В те годы было еще порядочное количество людей высокообразованных и интеллигентных, с тонкой душевной организацией и нежной любовью к красоте и к разным изобразительным искусствам.

Надо прямо сказать, что в нашей стране всегда была исключительная интеллигентская прослойка, к которой охотно прислушивалась вся Европа и даже весь мир.

И верно, это были очень такие тонкие ценители искусства и балета, и авторы многих замечательных произведений, и вдохновители многих отличных дел и великих учений.

Это не были спецы с точки зрения нашего понимания.

Это были просто интеллигентные, возвышенные люди. Многие из них имели нежные души. А некоторые просто даже плакали при виде лишнего цветка на клумбе или прыгающего на навозной куче воробышка.

Дело прошлое, но, конечно, надо сказать, что в этом была даже некоторая какая-то такая ненормальность. И такой пышный расцвет, безусловно, был за счет чего-то такого другого.

Автор не владеет искусством диалектики и незнаком с разными научными теориями и течениями, так что не берется в этом смысле отыскивать причины и следствия. Но, грубо рассуждая, можно, конечно, кое до чего докопаться.

Если, предположим, в одной семье три сына. И если, предположим, одного сына обучать, кормить бутербродами с маслом, давать какао, мыть ежедневно в ванне и бриолином голову причесывать, а другим братьям давать пустяки и урезывать их во всех ихних потребностях, то первый сын очень свободно может далеко шагнуть и в своем образовании, и в своих душевных качествах. Он и стишки начнет загибать, и перед воробушками умиляться, и говорить о разных возвышенных предметах.

Вот автор недавно был в Эрмитаже. Глядел скифский отдел. И там есть одна такая замечательная, прочная ваза. И лет ей, говорят, этой вазе, чего-то такое, если не врут, больше как две тысячи. Такая шикарная золотая ваза. Очень исключительной тонкой скифской работы. Неизвестно, собственно, для чего ее скифы изготовили. Может, там для молока или полевые цветы туда ставить, чтоб скифский король

нюхал. Неизвестно, ученые не выяснили. А нашли эту вазу в кургане.

Так вот, на этой вазе автор вдруг увидел рисунки — сидят скифские мужики. Один мужичонка-средняк сидит, другой ему зуб пальцами выковыривает, третий лаптишки себе поправляет. Автор поглядел поближе — батюшки светы! Ну, прямо наши дореволюционные мужики. Ну, скажем, тысяча девятьсот тринадцатого года. Даже костюмы те же — такие широкие рубахи, подпояски. Длинные спутанные бороды.

Автору даже как-то не по себе стало. Что за черт. Смотрит в каталог — вазе две тысячи лет. На рисунки поглядишь — лет на полторы тысячи поменьше. Либо, значит, сплошное жульничество со стороны научных работников Эрмитажа, либо такие костюмчики и лапти так и сохранились вплоть до нашей революции.

Всеми этими разговорами автор, конечно, нисколько не хочет унижить бывшую интеллигентскую прослойку, о которой шла речь. Нет, тут просто выяснить хочется, как и чего, и на чьей совести камень лежит.

А прослойка, надо сознаться, была просто хороша, ничего против не скажешь.

Что касается М. П. Синягина, то автор, конечно, и не хочет его равнять с теми, о ком говорилось. Но все-таки это был человек тоже в достаточной степени интеллигентный и возвышенный. Он многое понимал, любил красивые безделушки и поминутно восторгался художественным словом. Он сильно любил таких прекрасных, отличных поэтов и прозаиков, как Фет, Блок, Надсон и Есенин.

И в своем собственном творчестве, не отличаясь исключительной оригинальностью, он был под сильным влиянием этих славных поэтов. И в особенности, конечно, под влиянием исключительно гениального поэта тех лет А. А. Блока.

*Мать и тетка М. П. Синягина. Ихнее прошлое.
Покупка имения. Жизнь в Пскове. Тучи собираются.
Характер и склонности тетки М. А. Ар-вой.
Встреча с Л. Н. Толстым. Стихи поэта.
Его душевное настроение. Увлечение*

Мишель Синягин жил со своей мамашей, Анной Аркадьевной Синягиной, и с ее сестрицей, Марьей Аркадьевной, о которой в дальнейшем будет особая речь, особое описание и характеристика, в силу того, что эта почтенная дама и вдова генерала Ар-ва играет немаловажную роль в нашем повествовании.

Итак, в тысяча девятьсот семнадцатом году они втроем проживали в Пскове как случайные гости, застрявшие в этом небольшом славном городишке по причинам, не от них зависящим.

Во время войны они приехали сюда для того, чтобы поселиться у своей сестры и тетки, Марьи Аркадьевны, которая по случаю приобрела неподалеку от Пскова небольшое имение.

В этом имении обе старушки и хотели скоротать свой век вблизи с природой, в полной тишине и покое, после довольно бурно и весело проведенной жизни.

Это злополучное имя и было названо соответствующим образом — Затишье.

А Мишель, этот довольно грустноватый молодой человек, склонный к неопределенной меланхолии и несколько утомленный своей поэтической работой и шумом столичной жизни, с ее ресторанами и певицами и мордобоем, также хотел некоторое время спокойно пожить в тиши, для того чтоб набраться сил и снова пуститься во все тяжкие.

Все, однако, сложилось иначе, чем было задумано.

Затишье было куплено перед самой революцией, что-то месяца за два, так что семейство не успело даже туда перебраться со своими вещами и сундуками. И эти сундуки, перины, диваны и кровати временно и наспех были сложены на городской квартире у псковских знакомых. И именно в этой квартире в дальнейшем и пришлось прожить несколько лет Мишелю со своей престарелой мамашей и теткой.

Отличаясь свободомыслием и имея некоторую, что ли, тенденцию и любовь к революциям, обе старушки не очень обезумели по случаю революционного переворота и изъятия имений от помещиков. Однако младшая сестрица, Марья Аркадьевна, всадившая в это дело около шестидесяти тысяч капитала, все же иной раз охала и приседала, и говорила, что это черт знает что такое, поскольку нельзя въехать в имение, купленное на собственные кровные деньги.

Анна Аркадьевна, мать Мишеля, была довольно незаметная дама. Она ничем таким особенным не проявила себя в своей жизни, исключая рождения поэта.

Это была довольно тихая, малосварливая старушка, любящая сидеть у самовара и кушать кофе со сливками.

Что касается Марьи Аркадьевны, то эта дама была уже в другом роде.

Автор не имел удовольствия видеть ее в молодые годы, однако было известно, что она была до чрезвычайности милая и симпатичная девица, полная жизни, огня и темперамента.

Но в те годы, о которых идет речь, это была уже бесформенная старушка, скорей безобразная, чем красивая, однако еще очень подвижная и энергичная.

В этом смысле на ней сказалась ее бывшая профессия. В молодые годы она была балериной и работала в кордебалете Мариинского театра.

Она была в некотором роде даже знаменитостью, поскольку ею увлекался бывший великий князь Николай Николаевич. Правда, он вскоре ее оставил, подарив ей какой-то особый кротовый палантин, бусы и еще чего-то такое. Но начатая карьера ее была сделана.

Обе эти старушки в дальнейшем будут играть довольно видную роль в жизни Мишеля Синягина, так что пуцай читатель не принимает близко к сердцу и не сердится, что автор останавливается на описании таких, что ли, дряхловатых и отцветших героинь.

Поэтическая атмосфера в доме, благодаря Мишелю, несколько отозвалась и на наших дамах. И Марья Аркадьевна любила говорить, что она вскоре приступит к своим мемуарам.

Ее бурная жизнь и встреча со многими известными людьми стоила того. Она самолично будто бы два раза видела Л. Н. Толстого, Надсона, Кони, Переверзева и других знаменитых людей, о которых она и хотела поведать миру свои соображения.

Итак, перед началом революции семья приехала в Псков и там застряла на три года. М. П. Синягин всякий день говорил, что он ни за что не намерен торчать здесь и что при первой возможности он уедет в Москву или Ленинград. Однако последующие события и перемены жизни значительно отдалили этот отъезд.

И наш Мишель Синягин продолжал свою жизнь под псковским небом, занимаясь пока что своими стихами и своим временным увлечением одной местной девушкой, которой он в изобилии посвящал свои стихи.

Конечно, эти стихи не были отмечены гениальностью, они не были даже в достаточной мере оригинальны, но свежесть чувства и бесхитростный несложный стиль делали их заметными в общем котле стихов того времени.

Автор не помнит этих стихов. Жизнь, заботы и огорчения изгнали из памяти изящные строчки и поэтические рифмы, но какие-то отрывки и отдельные строфы запомнились в силу их неподдельного чувства.

Лепестки и незабудки
Осыпались за окном...

Автор не запомнил всего этого стихотворения «Осень», но помнится, что конец его был полон гражданской грусти:

Ах, скажите же, зачем,
Отчего в природе
Так устроено? И тем
Счастья в жизни нет совсем...

Другое стихотворение Мишеля говорило о его любви к природе и ее бурным стихийным проявлениям:

Г р о з а

Гроза прошла,
И ветки белых роз
В окно мне дышат
Дивным ароматом.
Еще трава полна
Прозрачных слез,
А гром гремит вдали
Раскатом.

Это стихотворение было разучено всей семьей, и старые дамы ежедневно нараспев повторяли его автору.

А когда приходили гости, Анна Аркадьевна Синягина волокла их в комнату Мишеля и там, показывая на письменный

стол карельской березы, вздыхала и с увлажненными глазами говорила:

— Вот за этим столом Мишель написал свои лучшие вещи: «Гроза», «Лепестки и незабудки» и «Дамы, дамы».

— Мамаша, — говорил вспыхивая Мишель, — бросьте.

Гости покачивали головами и, не то одобряя, не то огорчаясь, трогали пальцами стол и неопределенно говорили: «Н-да, ничего себе».

Некоторые же меркантильные души тут же спрашивали, за сколько куплен этот стол, и тем самым переводили разговор на другие рельсы, менее приятные для матери и Мишеля.

Поэт отдавал внимание и женщинам, однако, находясь под сильным влиянием знаменитых поэтов того времени, он не бросал свои чувства какой-нибудь отдельной женщине. Он любил нереально какую-то неизвестную женщину, блестящую в своей красоте и таинственности.

Одно прелестное стихотворение «Дамы, дамы, отчего мне на вас глядеть приятно» отлично раскрывало это отношение. Это стихотворение заканчивалось так:

Оттого-то незнакомкой я люблюсь. А когда
Эта наша незнакомка познакомится со мной,
Неохота мне глядеть на знакомое лицо,
Неохота ей давать обручальное кольцо...

Тем не менее, поэт увлекся одной определенной девушкой, и в этом смысле его поэтический гений шел несколько вразрез с его житейскими потребностями.

Однако справедливость требует отметить, что Мишель тяготился своим земным увлечением, находя его несколько вульгарным и мелким. Его главным образом пугало, как бы его не окрутили и как бы его не заставили жениться, и тем самым не снизили бы его до простых, повседневных поступков.

Мишель рассчитывал на другую, более исключительную судьбу. И о своей будущей жене он мечтал как о какой-то удивительной даме, вовсе не похожей на псковских девушек.

Он не представлял в точности, какая у него будет жена, но, думая об этом, он мысленно видел каких-то собачек, какие-то меха, сбруи и экипажи. Она выходит из экипажа, и лакей, почтительно кланяясь, открывает дверцы.

Девушка же, которой он увлекся, была более простенькая девушка. Это была Симочка М., окончившая в тот год псковскую гимназию.

*Увлечение. Короткое счастье.
Страстная любовь к поэту.
Вдова и ее характеристика.
Неожиданный визит. Некрасивая сцена.
Согласие на брак*

Относясь несколько небрежно к Симочке, Мишель все же порядочно был увлечен ею, ни на минуту, впрочем, не допуская мысли, что он может жениться на ней.

Это было простое увлечение, это была несерьезная и, так сказать, черновая любовь, которой и не следовало бы забивать своего сердца.

**Симочка М. в год окончания гимназии
1916 г.**

Симочка была миленькая и даже славненькая девушка, личико которой, к сожалению, чрезмерно было осыпано веснушками.

Но, поскольку она не входила глубоко в жизнь Мишеля, он и не протестовал против этого и даже находил это весьма милым и нелишним.

Они оба уходили в лес или в поле и там нараспев читали стихи или бегали взапуски, как дети, резвясь и восторгаясь солнцем и ароматом.

Тем не менее, в одно прекрасное время Симочка почувствовала себя матерью, о чем и сообщила своему другу. Она любила его первым девичьим чувством и даже могла подолгу глядеть на его лицо не отрываясь.

Она страстно и трогательно любила его, отлично понимая, что он ей, провинциальной девушке, не пара.

Известие, сообщенное Симочкой, глубоко ошеломило и даже напугало Мишеля. Он не столько боялся Симочки, сколько он боялся ее матери, известной в городе гр. М., очень энергичной живой вдовы, отягченной большой семьей. У нее было что-то около шести дочерей, которых она довольно успешно и энергично устраивала замуж, идя ради этого на всевозможные хитрости, угрозы и даже оскорбления действием.

Это была очень такая смуглая, несколько рябая дама. Несмотря на это, все девочки у нее были белокурые и даже скорей белобрысенькие, похожие, вероятно, на отца, умершего два года назад от сапа.

В то время не было еще алиментов и брачных льгот, и Мишель с ужасом думал о возможных последствиях.

Он решительно не мог жениться на ней. Он не о такой мечтал жене и не на такую провинциальную жизнь он рассчитывал.

Ему казалось все это временным, случайным и проходящим. И что вскоре начнется другая жизнь, полная славных радостей, восторгов, подвигов и начинаний.

И, глядя на свою подругу, он думал, что она ни в каком случае не должна быть его женой — эта белобрысенькая девушка с веснушками. Кроме того, он знал ее старших сестер — все они, выходя замуж, быстро увядали и старели, и это также было не по душе поэту.

Он уже хотел смотать удочки и выехать в Ленинград, но последующие события задержали его в Пскове.

Смуглая и рябая дама, вдова М., пришла к нему на квартиру и потребовала, чтоб он женился на ее дочери.

Она пришла в тот день и в тот час, когда в квартире никого не было, и Мишель волей-неволей должен был единолично принять на себя весь удар.

Она пришла к нему в комнату и сначала даже несколько сконфуженно и робко поведала о цели своего посещения.

Скромный, мечтательный и деликатный поэт сначала также вежливо пытался возражать ей, но все слова его были малоубедительны и не доходили до сознания энергичной дамы.

Вскоре вежливый тон сменился на более энергичный. Последовали жесты и даже безобразные слова и крики. Оба кричали одновременно, стараясь заглушить друг друга и тем самым морально подавить волю и энергию.

Вдова М. сидела в кресле, но, разгорячившись, начала крупно шагать по комнате, двигая для большей убедительности стулья, этажерки и даже тяжелые сундуки. Мишель, как утопающий, старался выбраться из пучины и, не сдаваясь, орал и старался даже физически оттеснить вдову в другую комнату и в прихожую.

Но вдова и любящая, энергичная мать неожиданно вдруг вскочила на подоконник и торжественным голосом сказала, что вот сейчас она выпрыгнет из окна на Соборную улицу и погибнет как собака, если он не даст своего согласия на этот брак. И, раскрыв окно, она моталась на подоконнике, рискуя каждую минуту свалиться вниз.

Мишель стоял ошеломленный и, не зная что делать, то подбегал к ней, то к столу, то бросался, схватившись за голову, в коридор, чтоб позвать на помощь.

Уже внизу, на улице, стали собираться люди, показывая пальцами и высказывая самые смелые предположения по поводу кричащей и прыгающей на окне дамы.

Гнев, оскорбление, страх скандала и ужас сковали Мишеля, и он стоял теперь, подавленный столь энергическим характером этой дамы.

Он стоял у стола и с ужасом наблюдал за своей гостьей, которая пронзительно, как торговка, визжала и требовала положительного ответа.

Ее ноги скользили по подоконнику, и каждое неосторожное движение могло вызвать ее падение со второго этажа.

Была чудная августовская погода. Солнце блестело с синего неба. Зайчик на стене прыгал от раскрытого окна. Все

было знакомо и прекрасно в своей милой повседневности, и только кричащая и визжащая дама нарушала обычный ход вещей. И, волнуясь и умоляя прекратить выкрики, Мишель дал свое согласие на брак с Симочкой.

Мадам немедленно и охотно сошла тогда с окна и тихим голосом просила его извинить за ее несколько, может быть, шумное поведение, говоря при этом о своих материнских чувствах и ощущениях.

Она поцеловала Мишеля в щеку и, назвав его своим сыном, всхлинула при этом от неподдельности своих чувств.

Мишель стоял как в воду опущенный, не зная что сказать и что сделать и как выпутаться из беды. Он проводил вдову до дверей и, подавленный ее волей, поцеловал даже неожиданно для себя ее руку и, окончательно смешавшись, попрощался до скорого свидания, лепеча какие-то отдельные слова, мало идущие к делу.

Вдова молча, торжественно и сияя покинула дом, предварительно попудрившись и подрисовав сбитые на сторону брови.

*Нервное потрясение. Литературное наследство.
Свидание. Свадьба. Отъезд тетки Марьи.
Кончина матери. Рождение ребенка.
Отъезд Мишеля*

В тот злосчастный день вечером, после ухода незваной гостьи, Мишель написал свое известное стихотворение, впоследствии переложенное на музыку: «Сосны, сосны, ответьте мне...»

Это его несколько успокоило, однако потрясение было настолько значительное и серьезное, что ночью Мишель почувствовал сильное сердцебиение, безотчетный страх, тошноту и головокружение.

Думая, что помирает, с трясущимися руками, в одних подштанниках, поэт вскочил с кровати и, хватаясь за сердце, с тоской и страхом разбудил свою мамашу и тетку, которые не были еще посвящены в эту историю. И, ничего не объясняя, он начал лепетать о смерти и о том, что он хочет отдать свои последние распоряжения по поводу рукописей. Он, качаясь, подошел к столу и начал вытаскивать груды рукописей, перебирая их, сортируя и указывая, что, по его мнению, следовало бы издать и что следует отложить на будущие времена.

Обе немолодые дамы, отвыкшие от ночных походов, в нижних юбках и с распущенными волосами, с тоской мотались по комнате и, заламывая руки, пытались уговорить и даже силой уложить Мишеля в постель, считая нужным поставить ему компресс на сердце или смазать йодом бок и тем самым оттянуть кровь, бросившуюся в голову. Но Мишель, прося не тревожиться за свою, в сущности, ничтожную жизнь, велел лучше запоминать то, что он говорит по поводу своего литературного наследства.

Разобрав рукописи, Мишель, бегая по комнате в своих подштанниках, начал диктовать тетке Марье Аркадьевне новый вариант «Лепестков и незабудок», который он не успел еще переложить на бумагу.

Плача и захлебываясь слезами, тетка Марья, при свете свечи, марала бумагу, путая и перевирая строфы и рифмы.

Анна Аркадьевна Синягина
1908 г.

Лихорадочная работа несколько отвлекла Мишеля от его заболевания. Сердцебиение продолжалось, но было более умеренно, и головокружение сменилось полной сонливостью и апатией. И Мишель, неожиданно для всех, тихо заснул, прикорнув в кресле.

Прикрыв его пледом и перекрестив, старые дамы удалились, страшась за столь нервный организм и неуравновешенную психику поэта.

На другой день Мишель встал освеженный и бодрый. Но вчерашний страх не покидал его, и он поведал о своих потрясениях своим родственницам.

Драмы и слезы были в полном разгаре, когда пришла записка от Симочки, умолявшей его о свидании.

Он пошел на это свидание, надменный и сдержанный, не думая, впрочем, в силу некоторой своей порядочности, ловчиться и отлынивать от обещаний.

Влюбленная женщина умоляла его простить недостойное поведение ее матери, говоря, что она лично, хотя и мечтала связать свою жизнь с ним, но никогда не рискнула бы пойти на такие нахальные требования.

Мишель сдержанно сказал, что он сделает то, что обещано, но что на дальнейшую совместную жизнь он не дает гарантии. Может, он проживет в Пскове год или два, но в конце концов он, скорей всего, уедет в Москву или Ленинград, где он и намерен продолжать свою карьеру, или, во всяком случае, будет там искать соответствующей жизни, удовлетворяющей его потребностям.

Не оскорбляя девушку словами, Мишель все же дал ей понять разницу в их, если и не положении, которое уравнилось революцией, то, во всяком случае, назначении жизни.

Влюбленная молодая дама, соглашаясь во всем, восторженно глядела на его лицо и говорила, что она ничем не хочет связывать его жизни, что он волен поступать так, как ему заблагорассудится. Несколько успокоенный в этом смысле, Мишель сам даже стал говорить, что брак этот — решенное дело, но что когда он произойдет, он еще не может сказать.

Они расстались, как и прежде, скорее дружески, чем враждебно. И Мишель спокойным шагом побрел домой несмотря на то, что рана в его душе не могла зажить так скоро.

Мишель женился на Симочке М. примерно через полгода, зимой, в январе.

Предстоящий брак чрезвычайно подействовал на здоровье матери Мишеля. Она начала жаловаться на скуку жизни и пустоту и на глазах чахла и хирела, почти не вставая из-за самовара. Понятие о браке было в то время несколько иное, чем теперь, и это был шаг, по мнению старых женщин, единственный, решительный и освященный таинством.

Тетка Марья также была потрясена. Причем она как-то даже оскорбилась подобным ходом дела и уже все более часто говорила, что ей здесь не место, что она в ближайшее время поедет в Ленинград, где и приступит к своим мемуарам и описаниям встреч.

Мишель, несколько сконфуженный всеми делами, угрюмый ходил по комнатам, говоря, что если б не данное слово, он наплевал бы на все и уехал бы куда глаза глядят. Но во

всяком случае пусть все знают, что этот брак не связывает его: он хозяин своей жизни, он не отступает от своих планов и, вероятно, через полгода или год поедет вслед за теткой.

Свадьба была сыграна скромно и просто.

Они записались в комиссариате, после чего в церкви Преображения было устроено скромное венчание. Все родственники с обеих сторон ходили сдержанные и как бы по-разному оскорбленные в своих чувствах. И только вдова М., напудренная и подкрашенная, колбасилась в своей вуали по церкви и по квартире Мишеля, в которой и был устроен свадебный ужин.

Вдова одна за всех говорила за столом, провозглашала тосты и спичи и осыпала старух комплиментами, всячески поддерживая этим веселое расположение духа и приличный тон свадьбы.

Молодая краснела за свою мать — и за ее рябоватое лицо, и за ее пронзительный, не дававший никому спуска голос, и, опустив голову, сидела за своим прибором.

Мишель за весь вечер не терял своей сдержанности, однако его точили тоска и мысли о том, что его все же, чего бы там ни говорили, опутали как сукинова сына. И что эта арапская женщина взяла его на испуг, тем более что навряд ли она кинулась бы из окна.

И в конце ужина, криво усмехаясь, он, после поздравлений и любезностей, спросил вдову об этом, наклонившись к ее уху:

— А ведь вы бы не прыгнули из окна, Елена Борисовна, — сказал он.

Вдова успокаивала его, как могла, говоря и давая торжественные клятвы в том, что она несомненно и скорей всего прыгнула бы, если б он не дал своего согласия. Но под конец, разозленная его кривыми улыбочками, сердито сказала, что у ней шесть дочерей и если из-за каждой она начнет из окон прыгать, то и окон для этого не хватит в помещении.

Мишель пугливо смотрел на ее злое, оскорбленное лицо и, смешавшись, отошел в сторону.

— Все ложь, форменный эгоизм и обман, — бормотал Мишель, с краской в лице вспоминая подробности.

Вечер все же прошел прилично и не оскорбительно для гостей, и началась повседневная жизнь с разговорами об отъезде, о лучшей жизни и о том, что в этом городе невозможно сколько-нибудь прилично устроить свою судьбу, принимая во внимание революционную грозу, которая все более и более разгоралась.

В ту весну, наконец, собравшись, уехала в Ленинград тетка Марья Аркадьевна и вскоре оттуда прислала отчаянное письмо, в котором извещала, что в дороге ее обокрали, унеся ее саквояж с частью драгоценностей.

Письмо было несвязное и запутанное — видимо, это потрясение сильно подействовало на немолодую даму.

К этому времени тихо и неожиданно скончалась мать Мишеля, не успев даже ни с кем проститься и отдать свои последние распоряжения.

Все это сильно подействовало на Мишеля, который стал какой-то тихий, робкий и даже пугливый. Были пролиты слезы, но это событие вскоре заслонилось другим.

У Симочки родился щупленький, но милый ребенок, и новое, неиспытанное отцовское чувство несколько захватило Мишеля.

Однако это недолго продолжалось, и он снова начал поговаривать об отъезде, уже более реально и решительно.

И осенью, получив от тетки Марьи новое письмо, которое он никому не показал, Мишель быстро стал собираться, говоря, что он обеспечивает свою жену и ребенка всем движимым имуществом, оставляя его в их полную собственность.

Молодая дама по-прежнему, а может даже и более, влюбленная в своего супруга, с ужасом слушала его слова, но не смела его удерживать, говоря, что он волен поступать, как ему хочется.

Она его любит по-прежнему и несмотря ни на что, и пусть он знает, что тут, в Пскове, остается верный ему человек, готовый следовать за ним по пятам и в Ленинград и в ссылку.

Пугаясь, как бы она не увязалась за ним в Ленинград, Мишель переводил разговор на другие темы, но молодая дама, рыдая, продолжала говорить о своей любви и самопожертвовании.

Да, она ему не пара, она всегда это знала, но если когда-нибудь он будет старый, безногий, если когда-нибудь он ослепнет или будет сослан в Сибирь, — тогда он может позвать ее, и она с радостью отзовется на его приглашение.

Да, она даже хотела бы для него беды и несчастья — это их уравнило бы в жизни.

Мучаясь от жалости и проклиная себя за малодушие и такие разговоры, Мишель стал поторапливаться с отъездом.

В эту пору объяснений и слез Мишель написал новое стихотворение «Нет, не удерживай меня, младая дева» и стал быстро и торопливо укладывать свои чемоданы.

Он недолго вкушал семейное счастье и в одно прекрасное утро, достав разрешение на выезд, отбыл в Ленинград с двумя небольшими чемоданами и корзинкой.

*Новые планы. Несчастье тетки Марьи.
Мишель поступает на службу. Новая комната.
Новая любовь. Неожиданная катастрофа.
Серьезная болезнь тетки*

Мишель приехал в Ленинград и поселился на Фонтанке, угол Невского.

Он временно поселился в теткиной комнате за ширмой. Однако ему твердо была обещана отдельная комната, как только кто-нибудь из жильцов помрет.

Но Мишель и не очень торопился с этим. Другие идеи и планы теснились в его голове.

Он приехал в Ленинград примерно за год или за два до нэпа. Революция была в полном разгаре. Голод и разруха, так сказать, сжимали город в своих цепких объятиях. И, казалось, было странным приезжать в эту пору и искать лучшей жизни и карьеры. Но на это были свои причины.

В присланном письме тетка Марья со своей беспечно-стью извещала Мишеля, что, вероятно, в ближайшие месяцы город Ленинград отойдет к Финляндии или к Англии и будет объявлен вольным городом. В ту пору такие слухи ходили среди населения, и Мишель, взволнованный этим извещением, поторопился приехать.

Тетка, кроме того, извещала, что она отнюдь не переменила своих либеральных убеждений и не идет против революции, но поскольку революция продолжается так долго, и вот уже третий год, как ей не отдают имения, то это просто ни на что не похоже, и в таком случае им самим необходимо предпринять решительные шаги.

Итак, в силу этого, Мишель прибыл в Ленинград и поселился на Фонтанке.

Он нашел тетку чрезвычайно изменившейся. Он просто не узнал ее.

Это была весьма похудевшая старуха с отвисшей челюстью и блуждающим взором.

Тетка поведала ему, что ее за это время дважды обчистили. Первый раз в поезде и второй раз здесь на квартире. К ней под видом обыска пришли просто какие-то мазурики и, предъявив фальшивый мандат, унесли почти все оставшиеся драгоценности.

Когда-то веселая и живая дама, стала тихой, дрябловатой и нелюбопытной старухой. Она по большей части лежала теперь на своей кровати и неохотно вступала в разговор даже с Мишелем. А если и начинала говорить, то сводила разговор,

главным образом, на свои кражи, волнуясь при этом и неся какую-то явную околесицу.

Однако тетка не была в нужде. На ее шее была прекрасная массивная цепь с золотым лорнетом. На пальцах ее были нанизаны разные кольца и караты, и имущества в комнате было слишком достаточно.

Время от времени тетка Марья продавала на базаре ту или иную вещь и жила довольно прекрасно, помогая при этом Мишелю, который ничего не имел и не предполагал иметь.

Слухи о вольном городе оставались ни на чем не обоснованными слухами. И в силу этого приходилось подумать о более оседлой жизни и о будущей судьбе.

И Мишель, записавшись ни биржу труда, вскоре получил назначение на работу.

Он получил назначение во Дворец Труда. И в силу того, что он не имел никакой специальности и, в сущности, не умел ничего делать, ему дали мелкую bestолковую работу в справочном отделении.

Такая работа, конечно, не могла удовлетворить духовных и поэтических запросов Мишеля. Больше того: он был несколько даже сконфужен и даже обижен такой работой, более пригодной для молодой беспечной девицы. Давать справки и указания, где какая комната расположена и где какой работает товарищ, — это было просто смешно, несерьезно и даже форменным образом оскорбительно для его мужского достоинства.

Однако в ту пору нельзя было быть слишком разборчивым, и Мишель нес свои обязанности, неясно надеясь на ка-

кие-то перемены и улучшения. К этому времени Мишель получил в квартире комнату, которая неожиданно очистилась благодаря отъезду за границу одного известного поэта Х.

Это была прелестная небольшая комната, тоже с видом на Фонтанку и Невский.

Это обстоятельство окрылило Мишеля, и поэт сделал даже несколько стихотворных набросков, освежив этим свое угасавшее творчество.

Получая паек и небольшую помощь от тетки, он уже довольно прилично себя чувствовал и стал ходить по гостям, найдя в городе кое-каких бывших своих знакомых и товарищей.

В эту зиму было получено два письмеца от Симочки.

Эти письма взволновали Мишеля, но, мучась от жалости к ней, он все же решил не отвечать на них, находя более правильным не морочить голову молодой женщине и не давать ей неопределенных надежд.

И он продолжал свою жизнь, отыскивая в ней новые радости.

В ту пору он сошелся с очень такой исключительной, красивой женщиной, несколько, правда, развязной в своих движениях и поступках.

Это была некая Изабелла Ефремовна Крюкова — очень красивая, элегантная женщина, совершенно неопределенной профессии и даже, кажется, не член профсоюза.

Эта связь доставила Мишелю много новых беспокойств и тревог.

Не имея средств для приличной жизни, Мишель сколько возможно тянул со своей теткой, которая с каждым днем

делалась все более угрюмой, нелюбезной и неохотно пускала в комнату Мишеля. И всякий раз беспокойно следила за его движениями во время визита, видимо побаиваясь, как бы он чего не спер.

Она давала ему незначительные подачки, и Мишелю приходилось убеждать, кричать, даже ругать тетку, обзывая ее скупердядькой, держимордой и сволочью.

Около года продолжалась такая беспокойная жизнь.

Красивая возлюбленная приходила к Мишелю на своих французских каблучках и требовала все новых и новых расходов. Поэту приходилось изворачиваться и ломать себе голову в поисках доходов.

Мишель продолжал нести свою службу, к которой он относился все более небрежно и халатно. Он неохотно давал теперь справки, кричал на посетителей и даже в раздражении иной раз топал на них ногами, посылая более назойливых к чертям собачьим и дальше.

Он особенно не любил грязных и неуклюжих мужиков, которые приходили за справками, путая, перевирая и неточно излагая свои мысли.

Мишель грубо орал на них, называя их сиволапыми олухами, и морщился от запаха нищеты, некрасивых лиц и грубой одежды.

Конечно, так не могло долго продолжаться, и после целого ряда жалоб Мишель потерял службу, лишившись пайка и кое-каких доходов.

Это был, в сущности говоря, серьезный удар и форменная катастрофа, но влюбленный поэт не замечал, что тучи над его головой сгущаются.

Изабелла Ефремовна приходила к нему почти что всякий день и пела грудным низким голосом разные цыганские романсы, притопывая при этом ногами и аккомпанируя себе на гитаре.

Это была прелестная молодая дама, рожденная для лучшей судьбы и беспечной жизни. Она презирала бедность и нищету и мечтала уехать за границу, подбивая на это и Мишеля, с которым она мечтала перейти персидскую границу.

И в силу этого Мишель не искал работы и жил, надеясь на какие-то неожиданные обстоятельства. И эти обстоятельства вскоре последовали.

В одно ненастное утро, придя в комнату тетки для того, чтобы попросить у нее необходимых ему денег, и приготовившись к стычке, Мишель был поражен беспорядком и сдвинутыми с места вещами. Тетка Марья сидела в кресле, перебирая в руках какие-то бутылки, пузырьки и коробочки.

Она взволновалась, когда Мишель вошел в комнату, и, пряча под платок свои склянки, начала визжать и бросать в Мишеля что попадет под руку.

Мишель стоял остолбеневший около двери, не смея шагнуть дальше и не понимая, чего, собственно, тут происходит.

Через несколько секунд тетка, позабыв о Мишеле, начала кружиться по комнате, напевая при этом шансонетки и вскидывая ногами.

Тогда Мишель понял, что тетка Марья свихнулась в своем уме.

И, пугаясь ее, взволнованный и потрясенный, он прикрыл дверь и в шелку начал следить за безумной старухой.

У нее появились совершенно необычайные молодые движения. Ее обычная за последний год неподвижность сменилась каким-то бурным весельем, движениями и суетой.

Тетка буквально порхала по комнате и, подбегая к зеркалу, гримасничала и кривлялась, посылая неизвестно кому воздушные поцелуи.

Мишель, пораженный, стоял за дверью, прикидывая в уме, как ему поступить и что делать и какие, собственно говоря, выгоды он может снять с этого дела.

Затем, прикрыв плотно дверь, Мишель кинулся к уполномоченному квартирой, чтоб сообщить о несчастье.

Тетку отправляют в лечебницу. Желтый дом.

Веселая жизнь. Свидание с теткой.

Окончательная распродажа имущества

Квартира, в которой проживал Мишель, была коммунальная. В ней было десять комнат с тридцатью с лишком жильцами. Мишель не имел отношения к этим людям, он даже чуждался их и не заводил знакомств.

Тут, между прочим, жил портной Елкин со своей супругой и ребенком, фабричная работница, бухгалтер Госцветмета Р. и почтовый служащий Н. С., который и являлся уполномоченным квартиры.

Было воскресенье, и все жильцы находились дома в своих комнатах.

Стараясь не шуметь и говоря взволнованным шепотом, Мишель предупредил уполномоченного о буйном сумасшествии своей тетки. Было решено вызвать карету скорой помощи и поскорей сплавить старуху в сумасшедший дом, поскольку это представляло значительную опасность для жильцов.

Мишель, ахая, бросился в нижнюю квартиру и по телефону вызвал карету скорой помощи, которая и прибыла незамедлительно.

Два человека в белых балахонах в сопровождении Мишель вошли в комнату старухи.

Тетка Марья, забившись в угол, не подпускала к себе никого, бросаясь вещами и ругаясь как мужчина.

Позади раскрытых дверей теснились жильцы, помогая советами и планами захвата старухи.

Все говорили шепотом и с нескрываемым диким любопытством следили за движениями безумной старухи.

Братья милосердия в своих халатах, как более опытные, одновременно шагнули к больной и, схватив ее за руки, сжали ее в своих объятиях. Старуха старалась укунить их за руки, но, как это и всегда бывает, бурная энергия сменилась спокойствием и даже безжизненной апатией.

Старуха позволила надеть на себя ватерпруф. Голову ей обвязали платком и, подталкиваемая сзади Мишелем, она была благополучно под руки спущена вниз и посажена в автомобиль, в который уместился и Мишель, со страхом поглядывая на свою обезумевшую родственницу.

Всю дорогу тетка почти не проявляла признаков жизни, и только когда автомобиль приехал на Пряжку и остановился у желтого дома, тетка Марья снова проявила буйство и, сопротивляясь, долго не хотела вылезать из автомобиля, снова ругаясь безобразными словами.

Однако ее благополучно вывели и под руки через сад повели в подъезд.

Сторож у ворот, привыкший к таким делам, без любопытства наблюдал за этой сценой и, привстав со своей скамейки, молча пальцем указал, куда двигаться.

Старуху провели через темный коридор и сдали в распределитель.

Мишель заполнил анкету и, получив на руки тетчины драгоценности — ее золотую цепочку с лорнетом, кольца и брошь, вышел взволнованный из приемной комнаты.

Он прошел сад и, очутившись на улице, остановился в нерешительности. Потом долго ходил по улице и со страхом и даже с ужасом поглядывал на желтый дом, прислушиваясь к крикам и воплям, доносившимся из открытых окон.

Он пошел было домой, но, остановившись на деревянном мосту через Пряжку, обернулся назад.

Желтый дом с облезлой, грязной штукатуркой был теперь весь на виду. В окнах за решетками мелькали белые фигуры. Некоторые неподвижно стояли у окон и смотрели на улицу. Другие, ухватившись за решетки, старались сдвинуть их с места.

Внизу на улице, на берегу Пряжки, стояли нормальные люди и с нескрываемым любопытством глядели на сумасшедших, задрав кверху свои головы.

Мишель быстро и не оглядываясь пошел домой, неся в своих руках тетчины драгоценности.

Первые дни потрясения прошли, все улеглось, и жизнь, как обычно, пошла дальше.

Не имея службы и не ища ее, Мишель продолжал беспечно существовать и, встречаясь со своей возлюбленной, жил на теткино имущество, которое так неожиданно досталось ему.

В то время был уже нэп во всем своем разгаре. Снова были открыты магазины, театры и кино. Появились извозчики и лихачи. И Мишель со своей дамой окупился в водоворот жизни.

Они под руку появлялись во всех ресторанах и кабачках. Танцевали фокстрот и утомленные, почти счастливые, возвращались на лихаче домой, с тем, чтобы заснуть крепким сном и утром снова начать веселое, беспечное существование. Но иной раз, вспоминая про свою тетку и тратя ее имущество, Мишель чувствовал угрызения совести и тогда, всякий раз, давал себе слово навестить больную, для того чтоб снести ей кой-каких конфет и гостинцев и тем самым сделать ее участницей в расходах.

Но дни шли за днями, и Мишель откладывал свое посещение.

В эту зиму веселья и танцев Мишель получил извещение из Пскова от своего владельца дома и теперь арендатора о том, что его жена, потеряв ребенка и выйдя замуж, уехала из квартиры, задолжав ему значительную сумму. Она оставила ему кое-какую мебель, которую арендатор и сосчитает своей, если Мишель не пришлет ему денег в ближайший месяц.

Прочтя это письмо утром, после попойки, Мишель сердито скомкал его и бросил под кровать, с тем чтобы не вспоминать о своей прошлой жизни.

Так проходила зима, и в один из февральских дней, после того как были проданы последние драгоценности, Мишель отправился к тетке на свидание.

Он купил разной снеди и, с тяжелым сердцем и неопределенным страхом, отправился на Пряжку. Тетку привели в приемную комнату и оставили ее вместе с Мишелем.

Буйное сумасшествие сменилось тихой меланхолией, и теперь тетка Марья, в своей белой полотняной кофте, стояла перед Мишелем и, странно и хитро поглядывая на него, не узнавала своего племянника.

Он сказал несколько неопределенных слов и стал делать руками энергичные жесты, понятные сумасшедшим. Потом Мишель молча поклонился и вышел из помещения, с тем чтобы сюда никогда не возвращаться.

С легким сердцем Мишель вернулся домой и уже со спокойной совестью стал распоряжаться своим наследством.

Изабелла Ефремовна ревностно помогала ему в этом, уговаривая его поменьше церемониться и стесняться в смысле окончательной распродажи всего имущества.

*Неожиданная беда. Ужасный скандал.
Нервная болезнь Мишеля.
Ссора с возлюбленной. Падение*

В апреле тысяча девятьсот двадцать пятого года стояла исключительно хорошая и ясная погода.

Мишель в легком своем пальто, под руку с Изабеллой Ефремовной, выходил из своей комнаты, желая пойти погулять по набережной и посмотреть на ледоход.

И, закрывая дверь на ключ и напевая «Бананы, бананы», он поглядывал на свою даму.

Она тут же колбасилась в коридоре, делая своими стройными ножками разные па и танцуя чарльстон.

Она была чудесно хороша в своем светлом весеннем костюме, со своим прелестным профилем и завитушками из-под шляпы.

Мишель любовно глядел на нее, восхищаясь ее красотой, молодостью и беспечностью.

Да, конечно, она не была слишком ученая девица, способная с легкостью поговорить о Канте, или Бабеле, или о теории вероятности и относительности. Безусловно, она этого ничего не знала и не имела склонности к умозрительным наукам, предпочитая им легкую, простую жизнь. Морщины раздумья не бороздили ее лба.

Мишель любил ее со всей страстью и, мысленно сравнивая ее со своей бывшей Симочкой, приходил в ужас — как он мог так низко пасть, женившись на такой провинциальной курочке.

**Изабелла Ефремовна Крюкова
1924 г.**

Итак, танцую чарльстон и дурачась, и взявшись за руки, они пошли по коридору и, выйдя в прихожую, остановились, чтоб пропустить вошедшую пару.

Это был рассыльный с книжкой и рядом с ним старая женщина, завернутая в зимний ватерпруф, с головой, повязанной шерстяным платком.

Это была не кто иная, как тетка Марья.

Грубым, шутливым тоном рассыльный спросил, здесь ли проживала выздоровевшая гражданка А., и если здесь, то вот, неужгодно ли принять кого следует.

Все помутилось в глазах Мишеля. Ноги приросли к полу, и страх отнял у него дар речи.

Кое-как поставив небольшую каракулю в рассыльной книге, Мишель перевел глаза на тетку, которая, сконфуженно улыбаясь, ручкой приветствовала своего племянника.

Мишель начал лепетать непонятные слова и, пятась к двери, старался заслонить проход, не желая тем самым пропустить тетку дальше.

Тетка Марья шагнула к нему и начала довольно понятно изъясняться, говоря, что она сильно прихворнула, но теперь почти что оправилась и в дальнейшем нуждается только в полной тишине и спокойствии.

Понимая всю серьезность дела и не желая мешать объяснению родственников, Изабелла Ефремовна, сказав, что она пойдет завтра, как птичка, выпорхнула на лестницу и исчезла.

А тетка Марья в сопровождении Мишеля пошла по коридору, направляясь к своей двери.

Мишель, взяв тетку под руку и стараясь не допустить ее в комнату, в которой оставалась лишь какая-то жалкая дребедень, тянул ее к себе, говоря, что, ну вот и отлично, и прекрасно, вот сейчас они присядут у Мишеля на диване и выпьют чайку.

Однако тетка, не пожелав чаю, настойчиво шла к своей комнате, твердо сохранив в своем непрочном уме расположение комнат.

Она вошла в комнату и остановилась, пораженная и полная гнева.

Автор, щадя нервы читателей, не считает возможным продолжать свое описание скандала и драматических сцен, происшедших в первые полчаса. Оголенная комната зияла своей пустотой. В углу стоял нетронутый мраморный умывальник и несколько стульев, не проданных в силу значительной изношенности.

По прошествии получаса тетка набросилась на Мишеля, снова по-мужски ругаясь и выкрикивая такие слова, от которых шарахались в сторону выдавшие виды жильцы.

Нервный подъем сменился тихими слезами, чем воспользовался Мишель. Он проскользнул в свою комнату и, обессиленный, рухнул на кровать. К вечеру стало известно, что тетка вновь свихнулась в своем уме и вновь делает по своей комнате какие-то прыжки и движения.

Еле волоча ноги, Мишель убедился в этом и, сделав соответствующие распоряжения, вернулся к себе.

К ночи тетку Марью вновь отвезли в психиатрическую лечебницу.

Жильцы судачили о всяких превратностях судьбы и говорили о необходимости показательного суда над Мишелем, который обратно свел тетку с ума, решив воспользоваться ее последними креслами.

Однако Мишель на другой день слег в постель в нервной горячке и этим прекратил пересуды.

Три недели он пролежал, думая, что пришел ему конец и расплата, но молодость и цветущее здоровье сохранили ему жизнь.

Изабелла Ефремовна изредка посещала его. Ее веселость сменилась натянутостью, и она еле разговаривала с больным, пикируясь и капризная. Болезнь значительно изменила Мишеля. Вся его беспечность ушла, и он снова был таким же, как в Пскове, — меланхоличным и созерцательным субъектом.

Вновь приходилось подумать о существовании и о куске насущного хлеба.

М. П. Синягин принялся хлопотать и несколько раз ходил на биржу труда, регистрируясь и отмечаясь.

Не умея ничего делать и не зная никакой специальности, он имел, конечно, мало шансов получить приличную работу.

Правда, ему сразу предложили поехать на торфяные разработки, говоря, что, не имея специальности, он вряд

ли получит сейчас что-либо другое. Это предложение страшно поразило Мишеля и даже напугало. Как, он должен поехать куда-то там такое за шестьдесят верст и там копать лопатой разную дрянь и глину. Это никак не укладывалось в его голове, и он, сердито обругав барышню свиньей, ушел домой.

Он стал продавать свои вещи, приобретенные за время своего благополучия, и полгода жил довольно прилично, не имея сильной нужды.

Но так, конечно, не могло вечно продолжаться, и надо было подумать о чем-то существенном.

И, понимая, что он катится под гору, Мишель старался все же не думать об этом и, сколько возможно, оттягивать решительный момент.

К этому времени он поругался с Изабеллой Ефремовной, которая все еще иногда заходила к нему, и, хмуря носик, спрашивала, что он намерен делать. Он поссорился с ней, назвав ее гадиной и корыстной канальей, и этот разрыв несколько даже облегчил его существование.

Изабелла Ефремовна охотно пошла на ссору и, хлопнув дверью, упорхнула, предварительно, конечно, поскандалив и поругавшись на разные темы.

Мишель понимал свое критическое положение, и ему временами казалось, что всюду жизнь и, может, действительно стоит ему поехать на разработки. Однако, поругавшись на бирже и порвав свой листок, Мишель уже не имел мужества пойти туда вновь.

*Приятная встреча. Новая работа.
Мрачные мысли. Нищета. Душевное спокойствие.
Благотворительная природа. Помощь автора.
Кража пальто с обезьянковым воротником*

Оставив себе серый пиджачок и осеннее пальто, Мишель без жалости расстался почти со всем своим имуществом.

Но оставленные вещи чрезвычайно быстро приходили в ветхость, и это обстоятельство только усиливало падение.

Понимая, что ему не выбраться из создавшегося положения, Мишель вдруг успокоился и поплыл по течению, мало заботясь о том, что будет.

Однажды, встретив одного знакомого нэпмана и владельца маленькой фабрички минеральных и фруктовых вод, Мишель шутливо попросил каким-нибудь образом помочь ему. Тот обещал устроить его на свою фабрику, однако предупредил, что работа будет не слишком подходящая для поэта и вряд ли Мишель на нее согласится. Надо было мыть бутылки, которые во множестве с разных сторон и даже из помоек поступали на фабрику, где их и приводили в христианский вид, полоща и моя с песком и еще с какой-то дрянью.

Мишель взял эту работу и несколько месяцев ходил в Апраксин рынок на производство, пока не прогорел зарвавшийся нэпман.

Спокойствие и ровное душевное состояние не покидали Мишеля. Он как бы потерял старое представление о себе. И, приходя домой, ложился спать, не думая ни о чем и ни о

чем не вспоминая. Когда нэпман прогорел и заработок был потерян, Мишель и тут не почувствовал большой беды.

Правда, временами — очень редко — находило на него раздумье, и тогда Мишель, как волк, бегал по своей комнате, кусая и грызя свои ногти, к чему он получил привычку за последний год. Но это, собственно, были последние волнения, после чего жизнь потекла по-прежнему ровно, легко и бездумно.

Уже все жильцы в квартире видели и знали, как обстоят дела Мишеля, и сторонились его, побаиваясь, как бы он не сел им на шею.

И, незаметно для себя, Мишель из владельца комнаты стал угловым жильцом, поскольку в его комнату вселился один безработный, который по временам ходил торговать семечками.

Так прошел почти год, и жизнь увлекала Мишеля все глубже и глубже.

Уже портной Егор Елкин, заходя в комнату Мишеля, пьяным голосом иной раз просил его присмотреть за своим младенцем, так как надо было портному отлучиться, а супруга невесть где бродит по случаю своей красоты и молодости.

И Мишель заходил в комнату к портному и без интереса глядел, как полуголый ребенок скользит по полу, шаяля, забавляясь и поедая тараканов.

Дни шли за днями, и Мишель ничего не предпринимал. Он стал иногда просить милостыню. И, выходя на улицу, иной раз останавливался на углу Невского и Фонтанки и стоял там, спокойно поджидая подаяния.

И, глядя на его лицо и на бывший приличный костюм, прохожие довольно охотно подавали ему гривенники и даже двугривенные.

При этом Мишель низко кланялся, и приветливая улыбка растягивала его лицо. И, низко кланяясь, он следил глазами за монетой, стараясь поскорей угадать ее достоинство.

Он не замечал в себе перемены, его душа была по-прежнему спокойна, и никакого горя он более не ощущал в себе.

Автору кажется, что это форменная брехня и вздор, когда многие и даже знаменитые писатели описывают разные трогательные мучения и переживания отдельных граждан, попавших в беду, или, скажем, не жалея никаких красок, сильными мазками описывают душевное состояние уличной женщины, накручивая на нее черт знает чего, и сами удивляются тому, чего у них получается.

Автор думает, что ничего этого по большей части не бывает.

Жизнь устроена гораздо, как бы сказать, проще, лучше и пригодней. И беллетристам от нее совершенно мало проку.

Нищий перестает беспокоиться, как только он становится нищим. Миллионер, привыкнув к своим миллионам, также не думает о том, что он миллионер. И крыса, по мнению автора, не слишком страдает от того, что она крыса.

Ну, насчет миллионера автор, возможно, что и прихватил лишнее. Насчет миллионера автор не утверждает, тем более что жизнь миллионеров проходит для автора как в тумане.

Но это дела не меняет, и величественная картина нашей жизни остается в силе.

Вот тут-то и приходит на ум то обстоятельство, о котором автор уже имел удовольствие сообщить в своем предисловии. Человек очень даже великолепно устроен и охотно живет такой жизнью, какой живется. Ну, а которые не согласны, те, безусловно, идут на борьбу, и ихнее мужество и смелость всегда вызывали у автора изумление и чувство неподдельного восторга.

Конечно, автор не хочет сказать, что человек — и в данном случае М. П. Синягин — стал деревянным и перестал иметь чувства, желания, любовь хорошо покушать и так далее.

Нет, это все у него было, но это было уже в другом виде и, так сказать, в другом масштабе, вровень с его возможностями.

Чувства автора перед величием природы не поддаются описанию!

Автор должен еще сказать, что он сам находился в те годы в сильной нужде, и помощь с его стороны родственнику была незначительная. Однако автор много раз давал ему, сколько было возможно.

Но однажды, в отсутствие автора, Мишель снял с вешалки чужое пальто с обезьянковым воротником и загнал его буквально за гроши. После чего он вовсе перестал ходить и даже перестал раскланиваться с автором.

Конечно, автор понимал его грустноватое положение и даже одним словом не заикнулся о краже, но Мишель, чувствуя свою вину, попросту отворачивался от автора и не хотел вступать с ним ни в какие разговоры.

Об этом автору приходится говорить с чрезвычайно, так сказать, стесненным чувством и даже с сознанием какой-то своей вины, в то время как никакой вины, в сущности, не было.

*Жизнь начинается завтра. Выручка за день.
Ночлежный дом. Сорок лет.
Неожиданные мысли. Новое решение*

Автор считает нужным предупредить читателя о том, что наше повествование окончится благополучно и в конце концов счастье вновь коснется крыльями нашего друга Мишеля Синягина.

Но пока что нам придется еще немного коснуться кое-каких неприятных переживаний.

Так проходили месяцы и годы. Мишель Синягин побирался и почти всякий день отправлялся на эту свою работу либо к Гостиному Двору, либо к Пассажу.

Он становился к стенке и стоял, прямой и неподвижный, не протягивая руки, но кланяясь по мере того, как проходили подходящие для него люди. Он собирал около трех рублей за день, а иногда и больше, и вел сносную и даже сытную жизнь, кушая иной раз колбасу, студень и другие товары. Однако он задолжал за квартиру, не платя за нее почти два года, и этот долг висел теперь над ним как Дамоклов меч.

Уже к нему в комнату заходили люди и откровенно спрашивали об его отъезде.

Мишель говорил какие-то неопределенные вещи и давал какие-то неясные обещания и сроки.

Но однажды вечером, не желая новых объяснений и новых натисков, он не вернулся домой, а пошел ночевать в ночлежку, или, как еще иначе говорят, на гопу, на Литейный проспект. В ту пору на Литейном, недалеко от Кирочной, был ночлежный дом, где за двадцать пять копеек давали отдельную койку, кружку чаю и мыло для умывания. Мишель несколько раз оставался здесь ночевать и в конце концов вовсе сюда перебрался со своим небольшим скарбом.

И тогда началась совсем размеренная и спокойная жизнь, без ожидания каких-то чудес и возможностей.

Конечно, собирать деньги не было занятием слишком легким. Надо было стоять на улице и в любую погоду поминутно снимать шапку, застуживая этим свою голову и простужаясь.

Но другого ничего пока не было и другого выхода Мишель не искал.

Ночлежка с ее грубоватыми обитателями и резкими нравами однако значительно изменила скромный характер Мишеля.

Здесь тихий характер и робость не представляли никакой ценности и были даже, как бы сказать, ни к чему.

Грубые и крикливые голоса, ругань, кражи и мордобой выживали тихих людей или заставляли их соответственным образом менять свое поведение. И Мишель стал говорить грубоватые фразы своим сильным голосом и, защищаясь от

ругани и насмешек, нападал в свою очередь сам, безобразно ругаясь и даже участвуя в драках.

Утром Мишель убирал свою койку, пил чай и, часто не мывшись, торопливо шел на работу, иногда беря с собой замызганный парусиновый портфель, который, как бы сказать, придавал ему особенно четкий интеллигентный вид и указывал на его происхождение и возможности.

Дурная привычка последних лет — грызть свои ногти — стала совершенно неотвязчивой, и Мишель обкусывал свои ногти до крови, не замечая этого и не стараясь от этого отвыкнуть.

Так прошел еще год, итого почти девять лет со дня приезда в Ленинград. Мишелю было 42 года, но длинные и седоватые волосы придавали ему еще более старый и опустившийся вид. В мае тысяча девятьсот двадцать девятого года, сидя на скамейке Летнего сада и греясь на весеннем солнце, Мишель незаметно и неожиданно для себя, с каким-то даже страхом и торопливостью, стал думать о своей прошлой жизни: о Пскове, о жене Симочке и о тех прошлых днях, которые казались ему теперь удивительными и даже сказочными.

Он стал думать об этом в первый раз за несколько лет. И, думая об этом, почувствовал тот старый нервный озноб и волнение, которое давно оставило его и которое бывало, когда он сочинял стихи или думал о возвышенных предметах.

И та жизнь, которая ему казалась унижительной для его достоинства, теперь сияла своей небесной чистотой. Та жизнь,

от которой он ушел, казалась ему теперь наилучшей жизнью за все время его существования.

Страшно взволнованный, Мишель стал мотаться по саду, махая руками и бегая по дорожкам.

И вдруг ясная и понятная мысль заставила его задрожать всем телом.

Да, вот сейчас и сию минуту он поедет в Псков, там встретит свою бывшую жену, свою любящую Симочку, с ее миленькими веснушками. Он встретит свою жену и проведет с ней остаток своей жизни в полном согласии, любви и нежной дружбе.

И, думая об этом, он вдруг заплакал от всевозможных чувств и восторга, охватившего его.

И, вспоминая те жалкие и счастливые слова, которые она ему говорила девять лет назад, Мишель поражался теперь, как он мог ею пренебречь и как он мог учинить такое явное сукинсыство — бросить такую исключительную и достойную даму.

Он вспоминал теперь каждое слово, сказанное ею. Да, это она ему сказала, и она молила судьбу, чтоб он был больной, старый и хромой, предполагая, что тогда он вернется к ней.

И, еще более взволновавшись от этих мыслей, Мишель побежал сам не зная куда.

Быстрая ходьба несколько утихомирила его волнение, и тогда, торопясь и не желая терять ни одной минуты, Мишель отправился на вокзал и там начал расспрашивать, когда и с какой платформы отправляется поезд.

Но, вспомнив, что у него было не больше одного рубля денег, Мишель снова задрожал и стал спрашивать о цене билета.

Проезд до Пскова стоил дороже, и Мишель, взяв билет до Луги, решил оттуда как-нибудь добраться до своего сказочного города.

Он приехал в Лугу ночью и крепко заснул на сложенных возле полотна шпалах.

А чуть свет, дрожа всем телом от утренней прохлады и волнения, Мишель вскочил на ноги и, покушав хлеба, пошел в сторону Пскова.

*Возвращение. Родные места. Свидание с женой.
Обед. Новые друзья. Служба. Новые мечты.
Неожиданная болезнь*

Мишель пошел по тропинке вдоль полотна железной дороги, шагая сначала в какой-то нерешительности и неуверенности. Потом он прибавил шаг и несколько часов подряд шел, не останавливаясь и ни о чем не думая.

Вчерашнее его волнение и радость сменились тупым безразличием и даже апатией. И он шел теперь, двигаясь по инерции, не имея на это ни воли, ни особой охоты.

Было прелестное майское утро. Птички чирикали, с шумом вылетая из кустов, около которых проходил Мишель.

Солнце все больше и больше пекло ему плечи, и ноги, обутые в галоши, стерлись и устали от непривычной ходьбы.

В полдень Мишель, утомившись, присел на край канавы и, обняв свои колени, долго сидел, не двигаясь и не меняя позы.

Белые неподвижные облака на горизонте, молодые листочки деревьев, первые желтые цветы одуванчика напомнили Мишелю его лучшие дни и снова заставили его на минуту взволноваться о тех возможностях, которым он шел навстречу.

Мишель растянулся на траве и, глядя в синеву неба, снова почувствовал какую-то радость успокоения.

Но эта радость была умеренная. Это не была та радость и тот восторг, которые охватывали Мишеля в дни его молодости.

Нет, он был другим человеком, с другим сердцем и с другими мыслями.

Неизвестно, правда ли это, но автору одна девушка, окончившая в прошлом году стенографические курсы, рассказала, что будто в Африке есть какие-то животные, вроде ящериц, которые при нападении более крупного существа выбрасывают часть своих внутренностей и убегают, с тем чтобы в безопасном месте свалиться в бессознательном состоянии и лежать на солнце, пока не нарастут новые органы. А нападающий зверек прекращает погоню, довольствуясь тем, что ему дали.

Если это так, то восхищение автора перед явлением природы наполняет его новым трепетом и жаждой жить.

Мишель не был похож на такую ящерицу: он сам нападал и сам хватал своих врагов за загривок, но в схватке он, види-

мо, тоже растерял часть своего добра и сейчас лежал пустой и почти безразличный, не зная, собственно, зачем он пошел и хорошо ли это он сделал.

Через два дня, отдыхая почти каждый час и ночуя в кустах, Мишель пришел в Псков, вид которого заставил забиться его сердце.

Мишель прошел по знакомым улицам и вдруг очутился у своего дома, с тоской заглядывая в его окна и до боли сжимая свои руки.

И, открыв плечом калитку ворот, он вошел в сад, в тот небольшой, тенистый сад, в котором когда-то писались стихи и в котором когда-то сидели тетка Марья, мамаша и Симочка.

Все было так же, как и девять лет назад, только дорожки сада были запущены и заросли травой.

Те же две высокие ели росли у заднего крыльца, и та же собачья будка без собаки стояла возле сарайчика.

Несколько минут стоял Мишель неподвижно как изваяние, созерцая эти старые и милые вещи. Но вдруг чей-то голос вернул его к действительности. Старая, завернутая в белую косынку, старуха, беспокойно глядя на него, спросила, зачем он сюда пришел и что ему нужно.

Путаясь в словах и со страхом называя фамилии, Мишель стал расспрашивать о бывших жильцах, об арендаторе дома и о Серафиме Павловне, его бывшей жене.

Старуха, приехавшая сюда недавно, не могла удовлетворить его любопытство, однако указала адрес, где теперь проживала Симочка.

Через полчаса Мишель, унимая сердцебиение, стоял у дома на Басманной улице.

Он постучал и, не дожидаясь ответа, открыл дверь и шагнул на порог кухни.

Молодая женщина в переднике стояла у плиты, держа в одной руке тарелку, другой рукой, вооруженной вилкой, она доставала вареное мясо из кипящей кастрюльки.

Женщина сердито посмотрела и, нахмурившись, готовилась закричать на вошедшего, но вдруг слова замерли на ее губах.

Это была Серафима Павловна, это была Симочка, сильно изменившаяся и постаревшая.

Ах, она очень похудела. Когда-то полненький ее стан и круглое личико были неузнаваемые и чужие.

У нее было желтоватое, увядшее лицо и короткие, обстриженные волосы.

— Серафима Павловна, — тихо сказал Мишель и шагнул к ней.

Она страшно закричала, металлическая тарелка выпала из ее рук и со звоном и грохотом покатилась по полу. И вареное мясо упало в кастрюлю, разбрызгивая кипящий суп.

— Боже мой, — сказала она, не зная что сделать и что сказать.

Она подняла тарелку и, пробормотав: «сейчас», — скрылась за дверью.

Через минуту она снова вернулась в кухню и, робко протянув руку, попросила Мишеля есть. Не смея к ней подойти и страшась своего вида, Мишель сел на табурет и сказал, что

вот он, наконец, пришел и что вот у него какое печальное положение.

Он говорил тихим голосом и, разводя руками, вздыхал и конфузился.

— Боже мой, боже мой, — бормотала молодая женщина, с тоской ломая свои руки.

Она смотрела на его одутловатое лицо и на грязное тряпье его костюма и беззвучно плакала, не соображая, что делать.

Но вдруг из комнаты вышел муж Серафимы Павловны и, видимо уже зная в чем дело, молча пожал Мишелю руку и, отойдя в сторону, присел на другую табуретку возле окна.

Это был гр. Н., заведывающий кооперативом, немолодой уже — и скорей пожилой — человек, толстоватый и бледный.

Сразу поняв в чем дело и сразу оценив положение и своего неожиданного соперника, он стал говорить веским и вразумительным тоном, советуя Серафиме Павловне позаботиться о Мишеле и принять в нем участие.

Он предложил Мишелю временно поселиться у них в доме, в верхней летней комнатке, поскольку уже в достаточной мере тепло.

Они обедали втроем за столом и, кушая вареное мясо с хреном, изредка перекидывались словами относительно дальнейших шагов.

Муж Серафимы Павловны сказал, что службу сейчас найти крайне легко и что безработных сейчас все меньше и меньше на бирже труда, так что в этом он не видит никакого

затруднения. И это обстоятельство позволит, вероятно, Мишелю даже выбирать себе службу из нескольких предложений. Во всяком случае, об этом тревожиться не надо. Временно он будет проживать у них, а там, в дальнейшем, будет видно. Мишель, не смея поднять глаз на Симочку, благодарила и жадно пожирала мясо и хлеб, запихивая в рот большие куски.

Симочка также не смела на него смотреть и только изредка бросала взгляды, по временам бормоча: «боже мой, боже мой».

Мишелю устроили верхнюю комнату, поставив туда парусиновую кушетку и небольшой туалетный стол.

Мишель получил кое-какое белье и старый люстриновый пиджак и, умывшись и побрив свои щеки, с какой-то радостью облачился во все свежее и с радостью долго разглядывал себя в зеркало, поминутно благодаря своего благодетеля.

Сильные треволения и ходьба страшно его утомили, и он, как камень, заснул у себя наверху.

Ночью, часов в одиннадцать, ничего не понимая и не соображая, где он находится, Мишель проснулся и вскочил со своего ложа.

Потом, вспомнив о случившемся, он присел у окна и стал вспоминать о всех словах, сказанных за день.

И, просидев около часу, он вдруг почувствовал голод.

Вспоминая сытный, питательный обед, который он жадно и без разбора проглотил, Мишель тихой и вороватой походкой спустился вниз, в кухню, с тем, чтобы пошарить там и снова подкрепить свои силы.

Он осторожно по скрипучим половицам вошел в кухню и, не зажигая света, стал шарить рукой по плите, отыскивая какую-нибудь еду.

Серафима Павловна вышла на кухню, дрожа всем телом и думая, что Мишель пришел с ней поговорить, объяснить и сказать то, чего не было сказано, подошла к нему, взяла его за руку и начала что-то лепетать взволнованным шепотом.

Сначала страшно испугавшись, Мишель понял в чем дело и, держа в руке кусок хлеба, безмолвно слушал слова своей бывшей возлюбленной.

Она говорила ему, что все изменилось и все прошло, что, вспоминая о нем, она, правда, продолжала его любить, но что сейчас ей кажутся ненужными и лишними какие-либо новые шаги и перемены. Она нашла свою тихую пристань и больше ничего не ищет.

Мишель, по простоте душевной, тотчас ответил, что этих перемен он и не ожидает, но что он будет рад и счастлив, если она позволит ему временно проживать в ихнем доме.

И, жуя хлеб, Мишель благодарно пожимал ее ручки, прося не очень за него беспокоиться и не очень волноваться.

Через несколько дней, отъевшись и приведя себя в порядок, Мишель получил работу в управлении кооперативов.

Угасавшая жизнь снова вернулась к Мишелю, и, сидя за обедом, он делился своими впечатлениями за день и строил разные планы о будущих возможностях, говоря, что теперь он начал новую жизнь, и что теперь он понял все свои ошибки и все свои наивные фантазии, и что он хочет работать, бороться и делать новую жизнь.

Серафима Павловна с мужем дружески беседовали с ним, сердечно радуясь его успехам и возрождению.

Так проходили дни и месяцы, и ничто не омрачало жизнь Мишеля.

Но в феврале тысяча девятьсот тридцатого года Мишель, неожиданно заболев гриппом, который осложнился воспалением легких, умер почти на руках у своих друзей и благодетелей.

Симочка страшно плакала и долго не находила себе места, проклиная себя за то, что она не сказала Мишелю всего, что хотела и что думала.

Мишель был похоронен на б. монастырском кладбище. Могила его и посейчас убирается живыми цветами.

Письма к писателю

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Последние два-три года я получаю от читателей много писем.

Письма идут, главным образом, из провинции.

Меня запрашивают, как жить, как писать стихи и что читать.

Мне предлагают сюжеты, критикуют меня, одобряют и поругивают.

Видимо, читатель меня воспринимает не совсем так, как критика.

Я решил опубликовать эти письма.

Я больше года сомневался, стоит ли мне это делать. Может, это не совсем этично. Может, наши молодые начинающие критики захотят уличить меня в низкой саморекламе. Может быть, наконец, это покажется обидным моим корреспондентам, и они перестанут мне писать. А я привык к этим письмам. И полюбил получать их.

Но я решил пострадать на этом деле. Пусть каждый думает, как умеет. Мне реклама не нужна. Корреспондентов я не обидел. Я скрыл их фамилии. Но я не могу и не имею права держать в своем письменном столе такой исключительный материал.

Я не хочу сказать, что в этой моей книге можно увидеть настоящее лицо читателя. Это не совсем так. Эти письма,

главным образом, написаны особой категорией читателя. Это, по большей части, читатель, желающий влиться в «великую русскую литературу». Это сознательные граждане, которые задумались о жизни, о своей судьбе, о деньгах и о литературе.

Здесь, так сказать, дыхание нашей жизни.

Дыхание тех людей, которых мы, писатели, стараемся изобразить в так называемых «художественных» произведениях.

Здесь, в этой книге, собраны самые различные письма и страсти.

Здесь, в этой книге, можно видеть настоящую трагедию, незаурядный ум, наивное добродушие, жалкий лепет, глупость, энтузиазм, мещанство, жульничество и ужасающую неграмотность.

У меня не было, конечно, ни малейшего желания поиздеваться над неграмотностью моих читателей. Я не ради смеха собрал эту книгу. Я эту книгу собрал для того, чтобы показать подлинную и неприкрытую жизнь, подлинных живых людей с их желаниями, вкусом, мыслями.

Конечно, у какого-нибудь критика или жуликоватого читателя непременно мелькнет мысль о деньгах.

Знаем, скажет, денежки в карман сунул — вот вам и вся философия этой книги. Сколотил, скажет, из чужого добра книженицию, а после базу подводит. Народец, скажет, пошел — из баракла и то монету гонит.

Спокойно!

Денег я себе не возьму. В самом деле — имею ли я право на эти деньги? В чем тут моя работа? Разве только в том, что я вскакивал по утрам с кровати и открывал почтальону двери.

Конечно, если подумать глубже — кой-какая работишка все же была проделана.

Я внимательно читал эти письма. Я отвечал почти всем корреспондентам. Одних рукописей я прочел не менее как тысячу.

А мои нервы? А бессонные ночи, в которые я обдумывал эту книгу? А сама работа над книгой? Я два года изо дня в день подбирал и перебирал эти письма, думал о них, об их авторах. И эти авторы побывали у меня в мозгу, как и все герои моих книг. Черт побери! Нету денег, которыми можно оплатить мне эту работу.

Каюсь: некоторым читателям я отвечал небрежно. Может быть, иной раз там, где надо было пожалеть или успокоить, — я этого не сделал. А как правило — все почти искали поддержки, похвалы, успокоения и какого-то чуда.

Я не мог и не сумел быть добрым и внимательным ко всем. Я не мог заняться гуманными идейками. Это помешало бы моей литературе.

Но не в этом дело.

Пусть читатель безмятежно перелистывает эту мою книгу. Пусть не прикидывает в своем беспокойном мозгу — а сколько заработал предприимчивый автор на явном барахле.

Автор ничего не заработал.

Часть денег с этого издания я отдам своим родным. Половину я дам тем знакомым и тем писателям и поэтам, которые, как мне известно, находятся сейчас в крайней нужде.

Кроме того, я, конечно, оплачу по рыночной цене стихи, помещенные в этой книге.

(Тем авторам, которым я еще не уплатил, — обращаться письменно: Ленинград. Главный почтамт. До востребования. Мих. Мих. Зоценко.)

В заключение я должен сказать, что книгу эту собрать было чертовски тяжело. Из груды скучных и тупых писем я отобрал те, которые показались мне наиболее характерны. По этой причине в книге имеется мое лицо, мои мысли и мои желания. Книга сделана как роман.

Еще я должен добавить следующее: много интересных писем я не печатаю. Сплетня, непристойность и клевета не попали в эту книгу*.

Во всех напечатанных письмах я частью убрал настоящие фамилии, частью заменил новыми для того, чтобы не кинуть тени на живых героев. Что касается самих писем, то некоторые письма мне пришлось несколько сократить, чтобы читатель и покупатель не задремал на них. Все остальные остались нетронутыми. И подлинники хранятся у меня.

Я выпускаю эту книгу с некоторой грустью и беспокойством.

Я жалею, что ее выпускаю. Я предпочел бы прочесть такую книгу, собранную другим писателем.

*Мих. Зоценко
Апрель 1929*

---

* Кроме того, сюда не вошли письма, полученные мною до двадцать шестого года. Эти письма, к моему великому сожалению, не сохранились. В те годы я находился в болезненном, неврастеническом раздражении и уничтожал все письма, не отвечая.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

В ответ на эту книгу я получил от читателей громадное количество писем. Однако нового они мне почти ничего не дали. Больше того — половина писем, как ни странно, чрезвычайно похожи на помещенные здесь. Повторяются фразы, отдельные словечки, просьбы и пожелания.

Правда, несколько десятков писем представляют чрезвычайно большой интерес, но я не предполагаю их сейчас печатать. За исключением, впрочем, пяти-шести писем. Эти письма я печатаю взамен убранных мной.

Дело в следующем. После того, как первое издание вышло в свет — ко мне стали приходить авторы этих писем. Моя книга, так сказать, ожила. Живые герои стали как бы сходить со страниц.

Некоторые явились из любопытства. Другие — в надежде перехватить немного денег. Третьи ужасно ругали меня за то, что я напечатал ихнее творчество. Были обиды и огорчения. И в силу этого мне пришлось убрать несколько писем.

Так вот, взамен их я и помещаю несколько новых. Эти письма датированы 1930 годом.

*М. Зоценко
Февраль 1931*

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Этому письму принадлежит честь открыть мою книгу. Это классическое письмо. Оно неизвестно для чего написано. Просто так.

Автор письма и сам несколько удивлен и сконфужен этим обстоятельством. Автор письма и сам не знает, зачем он взялся за это дело.

Но письмо написано. Отправлено. И вот — нашло свое применение.

17 мая 1928

Слыхали ли вы о таком виде сумасшествия, как мания писать письма и знакомым и незнакомым?

По правде сказать, это опасное времяпровождение, особенно когда подписываешься. Какой-нибудь чудака примет слишком близко к сердцу, сочтет за хулиганство и пожалуется кому следует. В результате — длинная неприятность. Вам же писать особенно страшно, потому что, говорят, вы очень нервный. Зимой мне надо было оппонировать по докладу «Серапионовы братья, как общество».

Мы с докладчиком решили пойти к вам за материалом, но нас отговорили. Сказали, что вы способны спустить с лестницы, а такой результат нашей любознательности нас не привлекал. Что вы сделаете с письмом, мне безразлично, но все-таки не нервничайте: это вредно.

Переписка у меня обширная. Моя аккуратность заслуживает похвалы. Письма все разложены по большим конвертам,

причем на каждом конверте написана фамилия лица, чьи письма. Есть даже конверт «Разные лица и учреждения» (показывает влияние бухгалтерского уклона школы); впрочем, в этом конверте лежит только одно письмо из Ак. Филармонии.

Зачем это я пишу? Не знаю.

Во всяком случае, не сердитесь.

Как писателю добавлю: мне нравятся ваши технические приемы.

Остаюсь с почтением А. П.

Если у вас большие глаза, то им повредят мои красные чернила, которые, между прочим, имеют историческое значение: куплены в довоенное время и удивительно, что до сих пор не испортились.

Извините за беспокойство. А. П.

БАРЫШНЯ ИЗ КРОНШТАДТА

Это письмо я получил из Кронштадта.

Тамошняя девица пожелала иметь мою фотографическую карточку.

Вот как она пишет об этом желании, абсолютно не теряя чувства собственного достоинства.

Кронштадт, 30 июля 1927

Многоуважаемый Зощенко!

(Простите, не знаю Вашего имя отчества.) Я представляю себе Ваше удивление при получении сего послания.

Дело в том, что я возгорелась желанием иметь Вашу карточку. Я преклоняюсь перед Вами, т. е. перед Вашими фельетонами, ибо я слишком горда, чтобы преклоняться пред мужчиной. Ну, вполне понятно, что возгорелось желание взглянуть на их, т. е. Ваших рассказов, создателя.

Правда, Вы можете сказать, что Ваши портреты имеются на обложках книг, но тут-то и получается недоумение, я видела три Ваших портрета, и все страшно противоречат друг другу. Остается предполагать, что либо художники рисовали, не видя оригинала, или Вы изменчивы, подобно хамелеону.

Ну, вот я набралась храбрости и решила просить у Вас карточки, если у Вас нет ревнивой супруги, которая следит за Вашими портретами, то я думаю, что Вам будет не трудно исполнить мою скромную просьбу.

Передайте от меня привет Мазовскому, я им тоже очень увлекаюсь, т. е. не им, а его сочинениями.

Не думайте, что я пишу Вам с целью пофлиртовать, боже упаси! Хотя пофлиртовать я люблю, но у меня и так довольно объектов для этого.

Итак, мой адрес: гор. Кронштадт...

Конверт грубоватый, вульгарного тона. Вы не сердитесь?

Я не хочу, чтобы Вы на меня сердились! К.

Если жалко дать карточку на совсем, то пришлите на время, я верну ее Вам с благодарностью, разумеется, которая не больше конверта. Пришлите карточку, я хочу иметь ее!

Слышите? К.

Извините, что пишу не на почтовом листе, лень дотянуться до бювара.

БЕСПРИЗОРНЫЙ ГЕНИЙ

Письмо получено из Бухары в 1928 году. Я печатаю его с точным сохранением орфографии. Иначе не видать лица автора.

3 мая 1928

Мой Лучший Привет Михаилу Зощенко.

Я для вас не известный Но будущий беспризорный гений — юморист Сцены хочу поставить себя в известность и доказать от Всех беспризорных что значит дитя с улицы а по Этому хочу попросить вас О сочинении для меня Репертуара чтонибудь из сатиры и юмера так как у меня Репертуар хромает старыми Вещами.

А для того чтобы доказать Современностью я обращаюсь К вам как к Спецу Вашего дела и на деюсь вы охотно приметесь за работу Как Помочь мне А также заработать Себе.

А теперь я хочу кое что на писать о себе я два года тому назад Пел и ценители моего Искуства слушая Меня В лохмотьях и со взерошаноми Волосами говорили только: на ять.

А теперь я немного мозмужал и голос уменя стал довольно солидной и выступая на все возможных Вечерах я делаюсь как кто любимцем Публики и теперь я призываю Вас как можно поскорейи по остроумнее и вы окромя платы после некторых выступлениях получаете от мене в о з н а г р а ж д е н и е .

Что я хотел иметь В репертуаре чтобы кончялось на припевы — «обидно и досадно» и попури из опер и кокиянибудь Аникдоты, монолог чтонибудь из современности Вопщем сообщайте чтонибудь по остро умнее —

С приветом...

Если Возьметесь то соопщите по адресу Г. Н. Бухара... и я высылаю задаток А также соопщите сколько вещь будет стоит.

В ответ на это письмо я послал будущему гению Сцены свою книгу «Уважаемые граждане».

Что я мог еще сделать? Я бы охотно ему чего-нибудь сочинил, но боялся не справиться с припевом «Обидно, досадно».

КОМБИНАЦИЯ

Это довольно смелое письмо я получил в двадцать шестом году. Письмо я печатаю полностью.

Что же касается рассказов, то печатать их невозможно. Во-первых, они скучноваты, во-вторых, возможно, что рассказы кому-нибудь известны, а по этой причине станет известно и имя автора. А я бы не хотел моих здешних горемычных друзей конфузить перед их знакомыми.

Письмо такое:

20 октября 1926

Товарищ Зоценко!

Я обращаюсь к Вам с большой просьбой. Дело в том, что я военный моряк Черноморского Флота и в минуты досуга царяю стихотворения и рассказы.

Я сам Москвич. Не так давно я был в Москве и заходил в ВАПП, где меня приняли очень радушно, взяли мои труды... и до сих пор ничего оттуда не слышу, несмотря на то, что обещали дать мне свой отзыв.

Чувствуя, что как раньше, так и сейчас очень трудно завоевать себе место в литературном мире, я посылаю Вам один и другой из своих рассказов и прошу Вас сообщить мне, заслуживает ли мое творчество внимания и есть ли у меня способности.

В случае благоприятного заключения, чувствуя, что самому мне не выбраться на дорогу, я прошу Вас протолкнуть его либо, или же в крайнем случае, самим купить у меня или рассказ целиком или тему его.

Я очень нуждаюсь в монете, и если Вы мне поможете, то я буду крайне благодарен Вам, так как знаю, что с Вашей подписью этот рассказ появится в печати. В дальнейшем, если эта комбинация подойдет Вам, я вышлю Вам остальные свои вещи, которых у меня довольно много.

Короче говоря, я Вам рассказы или темы их, Вы разрабатываете их — Ваша подпись, а мне часть гонорара.

Известность и имя мне не нужны — нужны только деньги.

Прошу Вас сообщить мне ответ по адресу: гор. Севастополь...

Надеюсь, Вы меня поймете и поможете мне.

С морским приветом...

На это письмо я ответил довольно резко. Я написал, что литература не парусина и не мармелад и нельзя так ею

торговать, и что я, несмотря на заманчивое предложение, решительно отказываюсь от подобной комбинации.

Это не помешало автору через полгода снова обратиться ко мне примерно с такой же просьбой.

И возможно, что в настоящее время человек, в силу своего энергичного характера, уже выбился в люди.

ПРОСТИТЕ ЛЬ ВЫ МЕНЯ ЗА ТО...

Лирические стихи получены от неизвестной женщины. Сначала она писала мне прозаические письма, но потом ударилась в поэзию. А еще А. С. Пушкин про поэзию сказал довольно определенно: «Поэзия, прости господи, должна быть глуповата».

И действительно.

30 октября

Простите ль Вы меня за то,
Что часто так я Вам надоедаю...
Но разрешите ль мне сказать одно,
Что день и ночь о Вас мечтаю.

С тех пор как я читаю Вас,
Спокойствие души я потеряла,
Все только лишь о Вас мечтала,
И видеть Вас — Мечта моя.

Простите ль Вы меня за то,
Что обращаюсь к Вам стихами,
Но только в них сказать могу я,
Что на душе... а впрочем, нет...
Поймите сами...

Меня Вы строго не судите...
Стихи сама я сочиняла...
2-го на спектакль придите...
Об этом дне — давно мечтала.

Простите за мое стихоплетство, но иногда на меня находит такое состояние, что мне обязательно надо что-нибудь сочинять... Я знаю, что мои стихи недостойны, может быть, Вашего внимания, но я ужасно хочу, чтобы Вы их прочитали.

Я их писала даже без черновика и прямо экспромтом.

Зина.

P. S. Я южанка, а потому...

ЭМОРИСТ

Письмо это было послано на имя редактора «Красной газеты». Но так как письмо касается, главным образом, меня, то мне его и передали с просьбой ответить автору.

Однако я не ответил, имея в виду параграф 14-й этого письма.

*Гор. Сталинград на Волге
1927 года июня 25 дня*

Уважаемый товарищ редактор!

При этом письме я очень в застенчивом состоянии, в смущении и в неловкости вздумал Вас «посмешить», посылая свои «произведения», и этим самым услышать критику Вашего слова по этому вопросу.

Что делать, товарищ, как сказать, с чем черт не шутит, а иногда и взаправду в натуре выходит.

Так вот и я в этом смысле тоже вляпался, вздумал ни с того, ни с сего сделаться «писателем» (скорее всего, думаю, бумаго-марателем) и к своему не то удовольствию, не то курам на смех написал эти 4 рассказика, но как они сами по себе построены, т. е. написаны, я и не могу себе представить, так как около меня такого человека, который мог бы раскритиковать мои начинания в писательстве, — нет, да и к тому же я только что начинаю в этой отрасли проявлять свою работу.

Нужно и даже считаю необходимым указать на то, что я журналистикой и вообще как и газетной работой очень интересуюсь и желаю всеми силами, какие у меня имеются, тоже встать в ряды работников газетного и журнального дела, в частности, эмористиков, но, к величайшему сожалению, нет около меня (хотя не около меня непосредственно), но даже и вообще такого человека, который мог бы дать свои конкретные советы, направления и товарищеские серьезные указания в той отрасли работы, в которой я желаю работать и уложить в нее имеющиеся у меня силы, желания и немногие познания и т. д.

Итак, уважаемый товарищ редактор, дальше считаю смелость сказать о том, что я много и много задумывался над тем, как и почему и с чего пишутся большие и маленькие рассказы того или иного направления, в частности, эмористические, и я долго не мог этого понять, хотя много раз старался писать и в результате ничего не получалось, и перо снова ложилось обратно на свое место.

И только случайно приобретя у киосника книжку Михаила Зощенко, я очень много смеялся, но не только смеялся сам, но и заражал смехом и многих других слушателей, которым я читал рассказы Мих. Зощенко вслух, я все же не мог понять того, откуда же именно берется материал для рассказа, и все-таки я сам решил так, что это делается при наличии имеющегося материала какого-либо или личного наблюдения.

Так это предположение как раз к моему великому удовольствию и подтвердилось следующим образом.

Купив однажды следующий выпуск книжки Мих. Зощенко (я читаю исключительно все произведения Мих. Зощенко), я вычитал на первых страницах предисловие самого автора, где он пишет, что все появившиеся его рассказы основаны на газетных заметках, письмах рабкоров и документах. Вот тут только я в полной детали смог вполне понять всю сущность писательского навыка и, самое главное, искусства.

И в конце концов я решил попытаться удачи в этом деле, т. е. в работе моего желанья, и избрал пока что руководством для моих рассказов «Рабочую газету», личные наблюдения и различные случаи, случившиеся со мной. При этом избрав технику писательского искусства Михаила Зощенко, так как читавший

других подобных эмористов, таковые меня не удовлетворили несмотря на то, что у меня в наличии имеется смех, вызываемый при одном странном слове у Мих. Зощенко.

И я решил остановиться на технике Мих. Зощенко, при этом скупая все его книжки, прочитывая их и вникая в его технику писательства и построение рассказа, стараюсь не подражать повторителности слов, а стараюсь таким же простым языком выражаться так, как и Мих. Зощенко.

Итак, уважаемый товарищ редактор, конечно, много здесь не стоит по-моему распространяться, да и не к чему, но только прошу Вас быть добрым по отношению ко мне в даче разъяснений и советов по вопросам, которые я Вам здесь приведу.

1. Можно ли учиться по книгам других авторов рассказов, в частности у Мих. Зощенко, его технике писательского искусства и чего можно и чего не позволяется допускать в этих случаях.

2. Можно ли писать рассказы на основании случаев, происшедших с автором рассказа (т. е. со мной) или нельзя; или можно при известных условиях и каких именно.

3. Можно ли использовать газетный материал, в частности «Рабочей газеты», и нужны ли для этого какие-либо согласия для разрешения и существуют ли по этому вопросу условия.

4. Если у меня будут показания очевидцев, граждан-жалобщиков, будут документы и если все это будет хотя бы в малейшей степени мне ясно и очевидно, могу ли я писать по этому вопросу рассказы.

5. Могу ли я использовать газеты: «Безбожник», «Кино газету», «Красную газету», местные газеты своего города и т. д. и при каких условиях.

6. Строго ли требуется знание правильности изложения письма с грамматическими правильностями, так как я вижу в изложениях своих рассказов упущения логического и расстановочного смысла, которые я, как ни старался, устранить не мог, но в дальнейшем постараюсь натренироваться.

7. Можно ли продолжать писать рассказы, руководствуясь пока исключительно «Рабочей газетой» и случаями, случившимися со мной.

8. Можно ли при удаче своего замысла помещать свои рассказы не под фамилией, а под псевдонимом «Незощенко» и не будет ли против Мих. Зощенко на такое сходство.

9. Каким образом можно снестись с Мих. Зощенко и можно ли, а то еще, может, и нельзя, если он не сердитый (по рассказам его видно человек добрый и веселый), то укажите мне, как их отыскать (так как в его рассказах его адреса нигде нет), и можно ли с ним письменно по-товарищески поговорить и познакомиться, если это все осуществимо; и только если возможно вышлите адрес Мих. Зощенко, но имейте в виду согласие самого М. Зощенко на высылку адреса.

10. Можете ли Вы передать привет Михаилу Зощенко и сказать, что читатель его произведений Михаил... также желает идти по той дороге, по которой идут и они.

11. При известных достоинствах и недостатках можете ли Вы мне выслать: указания, советы и т. п. начинающему и желающему работать в той отрасли, в которой я указал выше.

12. Как находите мои рассказы, могут ли они что-нибудь дать в смысле их использования, если нет, то пожалуйста укажите почему.

13. Могу ли я писать, и находите ли Вы в моих рассказах, что нужно самое главное для человека, занимающегося этим вопросом.

14. Если не могу — то лучше ответьте нет, и на остальные вопросы ответа не давайте, а то и совсем в отрицательном случае не отвечать.

15. Самое главное прошу постарайтесь дать адрес Мих. Зощенко.

16. В случае удачи в моих работах сообщите условия приема для использования, норму, т. е. количество рассказов, и кроме того промежуток, устанавливаемый редакцией для подачи свежих; или совсем не устанавливается.

Вот и все, товарищ редактор, и за все прошу извинить, но просьбу мою исполнить и доброй волей обратить внимание советами и указаниями.

Пока остаюсь в ожидании.

С товарищеским приветом...

Однако примерно через полгода (а может быть, несколько и больше) я снова перечел это длинное письмо и пожалел автора. Я написал ему несколько слов привета. Пожелал ему учиться и не бросать журнальной работы. Однако ответа почему-то не получил. Я искренно этим огорчаюсь.

СТИХИ

Стихотворение «Старуха и ее дочь» было прислано с просьбой напечатать.

Печатаю с сохранением орфографии:

Старуха и ее дочь

Худая ветхая избушка
И как тюрьма темна
Слепа мать старушка
Как полотно бледна.

Бедняжка потеряла
Своих глаз и ух
Прожила не мало
И чуть переводит дух.

Прожила уже много 65 лет
Потеряла силу, а счастья нет
А у ней девченка там в углу сидить
Бедная рыдает, в холоду дрожить

Голод донимает
Есть она хочет
Руки не согреет
И дрожа сидит

Но темно в избушке
Не с кем ей играть
И осталось к подушке
Припасть и зарыдать

Бедная девченка
Рано она встает
И дрожа по улече
Бедная снует

Каждой избушке
Под окно стучит
Сердце ее тревожит
Есть она хочет

Наберет немного фунта 1 1/2-ра
И бежит домой бистрая она
Чтобы не прозябнуть
Чтобы не простыть
Чтобы не остатся
И как мать не быт.

ЧЕЛОВЕК ОБИДЕЛСЯ

За все годы своей литературной работы я ни разу не получил очень ругательного письма. Вот, впрочем, единственное

письмо, в котором автор довольно резко выражает свое негодование.

Орфографию сохраняю.

Тов. М. Зощенко!

Д а й т е р а з њ я с н е н и е .

Вот на что следует обратить внимание. Издателя и Писателя. В библиотечке: Бегемота за № 14/47. 1927 года. Из-во Красной Газеты, Книжечка под названием: Социальная грусть, в рассказе: Гибель строителей, написано так что я и процетирую выдержку из нескольких строк:

«На какой кляп нам строители».

Что такое слов кляп?

Тов. Зощенко может быть знает и разъяснит многоуважаемым его читателям Всего СССР которых это слово интересует.

Это слово ругательское и какое которым ругаются из Чубаровского переулка что в Ленинграде.

Может тов. Мих. Зощенко по иному его разъяснит?

Зачем нам в книгах учиться ругаться, когда и так умеют.

Следовало бы тов. Зощенко себе подумать чем писать это.

А Главлиту и ГИЗ не выпускать такую рухлядь в количестве, 60 000 тысяч экземпляров.

С е р г е й А л е к с . . .

Даю разъяснение. В этом слове нет ничего оскорбительного. Это слово происходит от — клепать, заклепка. На воровском жаргоне кляпом называется платок или тряпка,

засунутые в рот для того, чтобы ограбленный человек не кричал во время «профессиональной работы».

Причем выражение «кляп с ним» совершенно недвусмысленно и отлично определяет положение.

Возможно, конечно, что Лиговский район пытался еще как-нибудь обломать это слово на свой вкус, однако литература тут ни при чем.

Все спокойно, дорогой товарищ! Никто никого не оскорбил. Литература продолжается.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Старая пожелтевшая открытка, засиженная мухами. Наверное, много лет эта открытка висела в избе под иконой. Имеется прокол от булавки.

На открытке какой-то член первой Государственной думы. На другой стороне довольно четким почерком написано:

Тов. Зоценко Михаил.

Моя просьба к вам тов. Зоценко дайте мне советы или указания или посоветуйте выписать книгу-учебник, как легче научиться писать стихи и рассказы будучи крестьянином я очень жажду этому, будћи товарищем добрым напишите мне несколько строк совету по Адресу: ...

Пишите доплатное я уплачу пожалуйста.

Остаюсь...

Открытка была послана в двадцать седьмом году на адрес «Красной газеты».

Я послал автору открытки письмо, в котором я объяснил все, что знал по этому поводу. Причем посоветовал ему побольше читать и посерьезней заняться грамматикой, прежде чем приступить к стихам и рассказам. И дал совет, какие выписывать книги.

Письмо свое я послал с маркой, не воспользовавшись любезным и трогательным предложением — писать доплатное.

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

Пролетарская революция подняла целый и громадный пласт новых, «неописуемых» людей. Эти люди до революции жили, как ходячие растения. А сейчас они, худо ли, хорошо, — умеют писать и даже сочиняют стихи. И в этом самая большая и торжественная заслуга нашей эпохи.

Вот в чем у меня никогда не было сомнения! В этих стихах есть энтузиазм.

Учитель Ленин

Я пишу О вас тов. Ленин
Что ты родной отец мой,
Что ты дал большое знанье
И научил читать меня.

Я неграмотный мальчишка
До семнадцать лет ходил
И не знал я первой буквы
И не видел даже книг.

А теперь счастливый
Я читаю и пишу
И О вас товарищ Ленин
Я сечинения пишу.

ВОЕННЫЕ СТИХИ

Я получаю изрядное количество стихов. Многие авторы просят оценить ихний поэтический дар. Некоторые требуют напечатать, предполагая, что мне известны какие-то необыкновенные ходы для этого дела.

На первый взгляд довольно трудно понять, почему именно мне присылают на отзыв стихи. Я прозаик. Известен читателям, главным образом, как автор юмористических рассказов. И вдруг мне стихи... В чем дело?

А дело в том, что нету другого «товара».

Стихи оказались более доступны, чем проза. Стихи легче складываются. Это почти песня.

Дети, как известно, начинают писать именно со стихов. Со стихов начали свою литературную судьбу почти все писатели. И всякая молодая, так называемая «варварская», литература тоже начинается с песен и со стихов. Мне некоторые

авторы так и пишут: «Стихи на мотив “Светит месяц” или “За что он полюбил меня”».

Эти мои соображения мало подходят к этому письму и к этим ниженапечатанным стихам. Стихи эти сравнительно грамотные.

19 марта 1926

Уважаемый т. Зощенко.

Читая Ваш юмористический рассказ «Самородок из деревни» мне пришла такая же мысль, может быть и я стану темой для нового рассказа, но тогда прошу не называть мою фамилию. Если Вы бегали в редакцию два месяца со стихами, то в двух словах пришлите мне свое мнение о моих стихах, здесь я напишу одно, чтобы не затруднить Вас чтением.

Я сам из Башкирии, кончил сельскую школу. Жил в горах на хуторе, теперь нахожусь в армии. Нахожусь в г. Житомире в артиллерии.

Посылать куда-нибудь в редакции я из дому не решался, потому что не знал, как это делается. В армии мне ребята посоветовали послать один с них в журнал «Красноармеец». Я послал туда «Памяти Ильича». Но что его постигло, я не знаю — вестей об этом нет.

Слушая политграмоту о Красной Армии, я ко дню 8-й годовщины написал один стих, но уже послать его никуда не решался.

Напишу его Вам:

Уж восемь лет с тех пор минуло,
Как наша армия растет,
В свои ряды неколебимы
Бойцов трудящихся зовет.

Шли восемь лет дорогой славы
Окружены врагов кольцом,
Но враг не видел наши спины
Наш строй встречал его лицом.

Ты создавалась под ударом
Врагов свободной стороны,
А закаляло тебя пламя
Освободительной войны.

Разбиты банды, Скоропадский,
Поляки, немцы и Краснов,
Побеждены чехословаки,
Каледин и опять Краснов.

Колчак с востока двинул войско,
Надеясь быть у нас царем,
Но наша армия встречала
Пришельца дерзкого свинцом.

Пришлось ему проститься с мыслью
Увидеть красную Москву.
К востоку шли остатки войска
Через Урал и по току.

Деникин с юга двинул силы
Надеясь сердце страны взять.

Но под напором нашей силы
Ему пришлось на юг бежать.

Был сброшен Врангель в Черноморье
И север весь освобожден...
Вот при каких трудах и битвах
Дух красной Армии рожден.

По одному Вы будете судить о всех. Какие нехватки, я знаю,
что страдаю от нехватки образования.

Напишите, бросать или нет мне это (как многие говорят)
баловство. Пишите прямо, обижаться не буду.

Уважающий Вас...

Адрес: УССР, г. Житомир...

Пишите без марки.

Недавно послал в журнал «Безбожник». Что будет?

К сожалению, мне не пришлось ответить на это письмо.
Письмо было послано по какому-то запутанному адресу и
пришло ко мне чуть не через полгода.

Такой большой промежуток времени отбил у меня охоту
сразу отвечать. Я отложил письмо, чтоб ответить после (все
равно уж!). Так оно и завалялось. Прошу прощения у автора.

Если не поздно — могу посоветовать: «баловство» не бро-
сайте. Пишите. И одновременно ликвидируйте нехватки
своего образования.

Еще раз прошу извинить за мою небрежность.

ДЕЛЬНАЯ КРИТИКА

Это интересное письмо получено мною от рабочих
М. Б.-Б. ж. д.

Москва, 2 января 1928

Дорогой т. Зоценко!

Простите, пожалуйста, нас, что надоедаем вам этим письмом, но просим не смотреть на него как на обычное письмо какого-нибудь поклонника (а они у вас, конечно, есть), расхваливающее ваши произведения и оканчивающееся слезной просьбой «пристроить рассказик». Этого вы здесь не встретите.

Вам пишут простые рабочие люди (не в смысле «мы, рабочие»), интересующиеся вашими рассказами, как рассказами совсем другого рода, чем юмористические рассказы других авторов, а именно: краткими, общепонятными, без размазывания и присюсюкивания, без подделыванья под чужой язык, и дающими здоровое развлечение, но, вместе с тем, обрисовывая живых типов из стоячего болота обывательщины.

В 1924 году один из наших товарищей по общежитию купил сборник ваших рассказов издательства «Огонек» («Искусство Мельпомены», «Баня» и проч.).

С первых же строк слушатели хохотали: рассказы были поняты, а затем мы не пропускали ни одного номера «Бегемота» и ни одного сборника ваших рассказов разных изданий.

Некоторая заминка произошла с «Веселым приключением» («Прожектор») и сборником «О чем пел соловей», но потом стало очевидным, что там очень тонко, сквозь общий язык сенти-

ментальных повестей, сквозит то же презрение к мещанской тине и остро высмеивается заезженный шаблон «изящной литературы».

«Сентиментальные повести» были поняты, и теперь, читая какой-нибудь роман, поневоле замечаешь эти шаблоны, выведенные вами.

Почему ваше имя знакомо всем, даже в среде с низким культурным уровнем, не говоря уже про более развитых рабочих и интеллигенцию?

Почему даже меланхолический человек при упоминании имени Зоценко оживляется? Почему на человека, не слышавшего о вас, смотрят с сожалением?

Объясняется это тем же простым стилем, общепонятностью и вообще тем, чего безуспешно добиваются современные авторы юмористических рассказов. Ведь иногда, читая ваш рассказ, смеешься не всему рассказу в целом, а одному удачно подобранному слову или фразе.

В этом-то и сила, это-то и заставляет внимательнейшим образом, следя за каждым словом, читать ваши рассказы. Это не хвала вашему достижению, это подтверждение факта.

Смешно читать некоторых авторов, вроде... и некоторых других, которые, рабски копируя вас, не замечают того, что получается сплошная ерунда и сюсюканье, или же замечают, но думают, что «публика — дура, не поймет» — выражаясь вашей фразой. Но публика понимает, и каждый читавший вас определенно заявляет, что написано «под Зоценко».

Так же обидно становится, когда выступающий артист коверкает ваши рассказы, руководясь тем же непониманием

публики-дуры, делая их топорными и лишая тончайшего юмора пошлой отсебятиной. Единственный хороший исполнитель ваших рассказов — это Ильинский: этот передает их слово в слово. Мы ни за что не будем слушать их в исполнении Вл. Хенкина и других, которые перевирают текст и допускают отсебятину*.

Это в Москве. А что делает из ваших рассказов провинциальная халтура! Искренне приходится сожалеть, что нельзя им запретить делать это.

Дорогой товарищ Зоценко! Разрешите попросить вас ответить на такой пустяковый по виду, но очень взволновавший нас вопрос: с целью ли было вставлено вами слово «зануда» в рассказе «Каторга» или же вы не совсем понимаете это слово. Оно уличное, позорное для женщины и звучит так же, как и проститутка.

Мы по этому поводу много спорили, среди нас есть несколько рабкоров, которые утверждают, что это недоразумение и что у вас раньше подобного нигде не встречалось, даже в таком рассказе, как «Лялька Пятьдесят», где другой бы автор насажал черт знает сколько разной похабщины.

Другие же уверяют, что вы это сделали с целью, следуя примеру некоторых своих собратьев по перу.

Мы очень просим ответить на этот вопрос.

Еще просим: нельзя ли как-нибудь устроить хотя бы в центре, чтобы ваши рассказы не подвергались извращению при исполнении их некоторыми московскими артистами.

---

* Хенкин отлично читает мои рассказы, однако к тексту он, действительно, относится несколько небрежно. — М. З.

Мы назовем вам их имена, и вы подействуйте на них письмом, как автор.

Ей-богу, уж очень обидно становится, когда знаешь каждый ваш рассказ почти наизусть и вдруг слышишь, как его коверкают.

Не подумайте, прочитав наше письмо, что это простой грошовый интерес вами. Это не так! Вами интересуются люди из среды массового читателя и, надеемся, не чуждые вам.

Сообщите также, пожалуйста, ваше отчество и домашний адрес.

Ждем ответа.

Наш адрес: Москва. Курбатовский пер., д. № 28. Общежитие рабочих М. Б.-Б. ж. д.

Это исключительно неглупое и интересное письмо. Правда, оно мне льстит. Но я стараюсь быть выше каких-то своих корыстных ощущений и оцениваю это письмо беспристрастно.

Письмо замечательно интересное. Я несколько раз читал его и только диву давался — откуда взялись такие наблюдательные критики.

Я послал им обширное письмо, в котором, кроме всего прочего, написал о происхождении злополучного слова «зануда».

Прежде всего я коснулся ругани вообще. Я написал, что нельзя абсолютно изгонять бранные слова из литературы. Надо прежде изменить быт. Надо перестать ругаться. И тогда литература сама выкинет все прискорбные слова. А иначе получится сильное несоответствие между литературой и бытом.

Волей-неволей иногда приходится допускать в рассказах бранные и грубые слова. Лично я делаю это в самом крайнем случае.

Что же касается нашего злополучного слова, то оно как раз не имеет особо бранного значения. Слово «зануда», несомненно, происходит от слов — нуда, нудный, нудить. Так что оно имеет более обширное значение, чем предполагают мои корреспонденты.

В частности же, этим словом называется также и проститутка, та женщина, которая пристаёт, надоедает, нудит. Только зазорного в этом слове ничего нету.

Слово совершенно литературное.

ЗОЛОТАЯ ЧЕЛЮСТЬ

Многие корреспонденты по доброте сердечной предлагают мне сюжеты для рассказов.

Конечно, никогда ни одним любительским сюжетом мне не пришлось воспользоваться. По большей части эти сюжеты «краденые» или «ходячие». Или до того глупые, что неловко за автора.

Или, наконец, такие:

Уважаемый тов. Зощенко.

Зная Вашу исключительную способность передавать бытовые картинки, предлагаю Вам подслушанный в вагоне разговор, который было бы весьма интересно прочесть в Вашей передаче.

Беседуют в вагоне о вставных зубах. Один из собеседников, рассказывая о вставленных им недавно и дешево обошедшихся

зубах, говорит, что его приятель тоже недавно вставил себе зубы, но не пожелал вставлять по дешевке через страхкассу, а решил сделать как следует — у частного. Вставленная золотая челюсть обошлась в 150 рублей.

Но, по вставлении зубов, произошел следующий казус: вставивший решил вспрыснуть вновь вставленную челюсть с приятелями. Вспрыснули где-то около Финляндского вокзала; при возвращении зашли на вокзал в уборную, где виновника торжества от обильных возлияний начало мутить, и как он лишь потом сообразил, вновь вставленная челюсть отправилась вместе с прочим в вазу св. Лаврентия, причем он собственноручно и аккуратно спустил воду. *Е. С.*

ЧАСЫ

У Лескова есть прекрасный рассказ о том, как один купчик случайно украл часы у прохожего. Рассказ называется, кажется, «Часы».

Этот лесковский сюжет за последние годы почему-то обошел многие наши журналы. По крайней мере, я читал три рассказа на эту тему.

Этот заманчивый сюжет предлагают и мне.

20 февраля 1927

Уважаемый Михаил Михайлович!

Знакома с вами по вашим рассказам. Они доставляют нам (мне и «папмаме») истинное наслаждение, за что вас благодарим. Хочется мне, набравшись смелости и по совету «папмамы»,

предложить вам сюжет для смешного рассказа. Из-под веселого пера, мы уверены, выйдет хорошенький рассказец.

Вот тема: наш знакомый Пал Палыч... как-то раз поздно вечером шел домой по глухому и темному переулку.

Он был в хорошем настроении, но чувствовал и ждал, что его должны ограбить. И вот, как бы в подтверждение его мыслей, к нему подходит какой-то человек, шедший навстречу. Подходит и просит прикурить.

Прикурили. Только разошлись, Пал Палыч хлоп, хлоп себя по жилетке — часов нет, пропали. Не иначе как прохожий упер.

Возмутился Пал Палыч...

Не будучи трусом, храбрый Пал Палыч мигом нагнал жулика.

— Стой, мерзавец! Давай часы, коли жив остаться хочешь!

Испугался жулик, вынул и отдал часы Пал Палычу, а последний, на высоте своего положения, отругал жулика как подобает и отпустил с чертом.

Придя домой, П. П. гордо рассказывает жене о случившемся, а она ему:

— Какие часы? Свои ты забыл дома; вон на комодке лежат...

П. П. вытаскивает часы из кармана, глядь — они чужие. Выходит — ограбил мирного гражданина. И совестно ему, и не знает, как же часы вернуть хозяину, хоть объявление в газете давай...

Если воспользуетесь моим сюжетом, беру с Вас слово, что первое издание рассказа пришлете Вашей поклоннице.

Моя анкета: Елена..., 15 лет, пола — женского, русская, беспартийная, под судом не была и не хочу. Страдаю «киноманией», особых примет не имеется.

Живу в столице Дагестана...

Остаюсь читающая и почитающая Вас Елена...

ЕЩЕ ЧАСЫ

Дорогой и многоуважаемый М. Зощенко!

Читая и любя ваши произведения, хотел бы поделиться с вами одним сюжетом, случившимся со мной летом этого года.

Возвращаясь ночью от своих знакомых через Троицкий мост и проходя через Марсово поле, я встретил на пути одного гражданина, который попросил у меня прикурить. Я дал ему прикурить. Он прикурил и быстро пошел вперед.

Желая поглядеть, который час, я хватился за карман, но часов, к своему ужасу, не нашел. Тогда, считая, что этот гражданин снял у меня часы, когда прикуривал, я бросился за ним и велел отдать ему часы, иначе я поташу его куда следует.

Он отдал мне часы и пошел еще быстрее.

Через полчаса, придя домой, я убедился, что это были не мои часы, а того самого гражданина, собственные. А свои часы я позабыл у знакомых в уборной, которые мне и вернули на другой день.

Новые же «краденые» часы остались у меня.

С приветом и пожеланием увидеть рассказ в печати.

Если хотите — посвященное С. Л. Л-ву.

ПАСТУШЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Революция не всех сделала суровыми бойцами. Не из всех выколотила изящные чувства.

В природе остались весьма нежные голубые души, которые могут «переживать» при виде птички или пастушка.

Честь и место нежному поэту!

Г о л у б о к

Вчера я долго провозился,
Смотря, как белый голубок
Летал на солнышке, носился
Со стены на чердачок.

Белый цвет его менялся
Часто предо мной:
Разной тенью отливался,
То темно-нежной голубой.

Я камушек в него; а он быстрее
Летает и кружит.
У себя я вижу вдруг на шее
Неподвижный он сидит.

Я хватать его, а он вертлявый
Дрожит в моих руках.

Исчез блеск его румяный,
Краски нет, а есть пятна на крылах*.

Теперь уж каждый день
Я в комнате своей
Часто с ним играюсь,
Голубочком забавляюсь.

П а с т у ш о к

Пастушок коровок гнал
Поздно — вечером —
За коровками бежал
Со своим кнутом.

Пригнал коров домой
Пастушок-малютка
И довольный он собой
Гулять бежит Васютка.

На зелененьком лугу
Ночью при луне
Играли дети в чехарду,
Крик их слышен на селе.

---

* Прямо хоть руки мой! — М. З.

Детский праздничек пришел,
Радость для детей.
Вася-пастушок пошел
Гулять играть скорей.

Не любили Васюка,
Грязного мальчишку,
Мальчики всего села
Пастуха сынишку.

И завидя издали,
Прогнать они его решили.
Васеньку не приняли
И камнями побили.

С тех пор он не ходил
Гулять играть к мальчишкам.
А он азбуку учил,
Интерес был у него к книжкам.

Уважаемый товарищ, я ваш будущий и новый корреспондент — остаюсь с почтением и уважением *Н. И.*

ДРАМА НА ВОЛГЕ

Осенью 1926 года я получил странное и непонятное письмо. Я прочел его два раза подряд и ничего не понял.

И только читая в третий раз, я стал более или менее понимать все события, которые развернулись на Волге.

Какой-то жуликоватый человек, какой-то проходимец, неизвестно из каких соображений, выдал себя за Зощенко и в таком положении «прокатился» по Волге, срывая славу и светские удовольствия.

Этот человек имел, судя по письму, некоторый успех и среди женщин.

Вот письмо от одной из его героинь.

Добрый день, Михаил Зощенко!

Шлю Вам свой искренний привет.

Вчера, разбирая хлам в ящиках письменного стола, я натолкнулась на открытки с видами тех мест, где мне пришлось побывать за время моего учительства.

Виды волжского побережья и Жигулевские горы навеяли на меня воспоминанья и вот результаты — письмо к Вам.

Дорогой Михаил Зощенко, мне так бесконечно жаль, что пришлось встретиться с Вами в такой пошлой обстановке. Именно из-за этого я не могла быть с Вами такой, как мне этого хотелось. Я боялась, что Вы примете меня за искательницу приключений.

Кроме того, на меня подействовали слова профессора, что мое «дурное поведение» может отразиться нежелательным образом и на Вас, таком известном писателе.

Поэтому уйти из их общества я решила еще в Вашей каюте.

Этим и объясняется, что я под конец стала холодной к Вам относиться, но я решила, что так лучше будет для всех.

Разбирая открытки с видами Волги, я снова вспомнила Вас, я снова мысленно рисую Ваше лицо, Ваши умные глаза, полные грусти и затаенного смеха. Дорогой Михаил Зоценко, простите меня за эти строки. Я должна Вам сказать — у меня было мало хорошего в жизни. Главное — чем больше я сталкиваюсь с людьми, тем больше и больше я разочаровываюсь в них.

Но вместе с тем мне их становится как-то жалко. Я отыскиваю всякие причины, экономические и социальные и др., которые могут их оправдать, и пришла к выводу, если принять во внимание совокупность всех причин, то все люди должны получить оправдательный приговор. Нет плохих людей на земле. Всякие действия их оправдываются.

Но почему же, в таком случае, есть какое-то мерило хороших и плохих людей?

Я рассуждаю об этом и снова запутываюсь в неразберихе происходящего.

Много времени я трачу на чтение литературных произведений. Жаль, что не могу до сих пор прочесть Ваши «Сентиментальные повести». В нашей жалкой библиотеке их еще нету, заметку же о них я прочла.

Мне кажется, там верно подмечено Ваше разочарование, Ваш пессимизм. Я, говоря с Вами, подметила это. В тоне Ваших слов сквозило какое-то равнодушие к своей жизни, какое-то разочарование в ней, да и Ваши ежедневные попойки, эти 8–9 рюмочек, я думаю, сами говорят за себя.

Мне бы очень хотелось знать, какой из своих рассказов Вы считаете самым удачным. Жалею, что не пришлось слышать

чтение Ваших рассказов в Вашем исполнении. Вы так отказывались. И я понимаю, что Вам не хотелось забавлять этих веселящихся людей.

Кажется, я наговорила много лишнего. Простите. Ставлю точку. А если Вы вспомните хоть немного обо мне, о Волге и о нашей встрече, то напишите. Я буду бесконечно рада.

Жму крепко Вашу руку.

Мой адрес...

Я хотел было сначала оставить бедную разочарованную женщину в неведении, но потом обозлился на своего развязного и счастливого двойника. А главное — мне захотелось узнать все подробности.

Я написал ей письмо, приложил свою фотографическую карточку и попросил поподробней описать замечательную встречу. Вот что ответила мне доверчивая женщина.

4 февраля 1927

Следуя Вашему совету «быть более осторожной», боюсь начать письмо с пожелания доброго дня М. М. Зощенко, так как не уверена, к кому именно обращаюсь. Ваше письмо с фотографией я получила. Хохотала много над своим глупым положением, в которое я попала благодаря тому, что в общезитии не принято требовать документы, удостоверяющие личность человека, с которым приходится знакомиться.

Фотография и оригинал мне знакомого Зощенко, конечно, различны между собой. По Вашей просьбе приступаю к описанию

времени, места и обстоятельств знакомства с злополучным «Зощенко». Приступаю.

Из Нижнего в обратный рейс до Сталинграда я с другой учительницей из нашего города, мало знакомой мне, выехала приблизительно, точно не помню, 15 июля на пароходе «Дзержинский». Во время обеда в салоне мы познакомилась с профессором К... и его женой (мнимыми или настоящими?). Профессор, по его словам, читает в ...вском университете судебную медицину, гигиену, а в педвузе основные методы психологии. Жена — очень яркая, интересная блондинка лет двадцати восьми, бросающаяся в глаза. Милые, славные люди показали нам.

Каюты наши оказались по соседству, и мы быстро сдружались. На палубе к профессорше подсади два каких-то «типа», познакомилась. Один из них понравился ей, другой — моей попутчице. Я же в то время была не с ними. Подъезжали к Самарской Луке. Жигулевские горы должны были проезжать в три часа ночи. Хотелось не проспать. В салоне вечером организовался целый концерт. Там были и мы с профессоршей и одним из «типов». Иван Васильевич Васильев, работающий в издательстве «Прибой», — как он отрекомендовал себя. Чтобы прогнать сон, Васильев предложил выпить в его каюте по кружке пива. Было около десяти часов вечера. Я вообще терпеть не могу никаких напитков, но против того, чтобы посидеть в компании таких «симпатичных» людей, не имела ничего против.

В каюте мы усадились и начали пить пиво. Каюта была трехместная. Стук в дверь. Вошли два — один из «типов», другой —

выдававший себя за Зоценко. Моим соседом оказался Зоценко. Это был субъект высокого роста, мускулистый, загорелый, здоровый, с рыжеватой волнистой шевелюрой и серо-голубыми глазами, в которых светился ум и по временам искрился затаенный смех*. Одет он был в чесучовую рубашку, вобранную в брюки, с расстегнутым воротом и засученными рукавами. Говорили кой о чем. Заказали «типы» ужин. Выпить первую рюмку предложили на брудершафт каждому со своей дамой. Меня покорило такое быстрое сближение. Я запротестовала. Остальные пары быстро пошли к сближению. Поцелуи, объятия. На моем лице ужас и отвращение.

Вам, может быть, это тоже покажется смешным, как и им, но я была жестоко разочарована — такое быстрое сближение пятнадцать минут тому назад познакомившихся людей на меня произвело отвратительное впечатление. Надо мной начали смеяться, объяснять мое негодование мещанством и провинциализмом. Мой сосед вел себя по отношению ко мне довольно корректно, повторяя, что он не циник и понял меня. Я почувствовала, что я мешаю моим «плохим» поведением, как выразилась одна из наших спутниц, им разойтись как следует. И тогда я ушла.

Попозже «Зоценко» встретил меня на палубе и завел разговор о себе, о своей жизни, работе и поездке в Германию. Я узнала, что он партиец с 1918 года, работал до войны на Сормовском заводе (так, по крайней мере, он говорил), затем ушел на

---

* Я невысокого роста. У меня черные волосы. Английская прическа. — М. З.

войну, потом с 1917 года начал писать. Зарабатывает в месяц 225 рублей, 100 проживает, а остальные — на приобретение книг для своей библиотеки, которая состоит из книг русских и иностранных писателей; его снова посылают в Германию учиться и совершенствоваться в стиле. Вообще его поведение все время по отношению ко мне было безукоризненно. Вообще он очень редко показывался на палубе днем, объясняя, что он едет инкогнито*. Он уходил в четвертый класс собирать материал, всегда был выпивши и всем раздавал мелкие книжки с рассказами Зощенко на память, вечерами сидел на носу и задумчиво глядел вдаль**.

Вот и все. Писала откровенно, ничего не прикрашивала. Простите, что мое первое письмо было не по адресу, но, как видите, я здесь совершенно ни при чем.

Между первым и вторым письмом есть, конечно, существенные противоречия. Но это весьма понятно.

Автор письма, несомненно, хотел сгладить какие-то углы. И хотел, видимо, рассеять мои сомнения о любовном приключении. Но я на это и не имею претензий.

Я допускаю, конечно, что мой двойник не слишком постарался использовать свою вывеску. Тем не менее я не верю в его сплошную корректность. Не такой это человек, чтоб он только «сидел на носу и задумчиво глядел вдаль».

---

* Ах, сукин сын! — М. З.

** Еще бы! — М. З.

А, впрочем, черт его знает!
Во всяком случае, я рад, если этот развязный гражданин не причинил кому-нибудь из пассажиров серьезного вреда.

ВАЛЬКА С НЮРКОЙ

Уважаемый Миша!

Дело в сорте такого!

Нас двое. Мы любим Вас! Вернее, любим читать только Ваши произведения. Они пленили, но не вполне очаровали нас, так как мы убеждены в том, что, кроме рассказов, которые пропущены цензурой, у Вас еще имеются и другие, а запретный плод сладок и нам очень желается почитать их.

Мы просим прислать нам свои нецензурные (неизданные) произведения.

Очень просим не отказать нам в нашей просьбе. Вас побеспокоит наше письмо. Очень извиняемся.

Стоимость Ваших произведений мы оплатим, хотя мы студентки. Адрес: Москва...

А просто — *Валька с Нюжкой*.

Этим милым и развязным студенткам я ответил, что неизданных и запрещенных цензурой рассказов у меня не имеется.

И в самом деле, у меня не было таких рассказов. Цензура мне все пропускала. Крайне признательный за это, я и сам в дальнейшем вел себя добропорядочно и не писал рассказов, которые могли бы не пойти.

ЛЯЛЕЧКА И ТАМОЧКА

Сейчас редко какой человек берет на себя ответственность за свои действия.

Магазины открываются сообща. Пьесы и романы пишут также не менее двух авторов.

Я видел стихи, подписанные двумя скромными фамилиями. Один поэт, небось, рифмы подбирал, а другой перо в чернильницу макал.

И даже письма пишутся на пару.

Ну что ж! Вдвоем больше мужества, наглости, развязности и успеха.

Ленинград, 24 апреля 1928

«Я» — это одна из Ваших читательниц и которой безумно нравятся Ваши юмористические рассказы и очень хотела бы с Вами познакомиться. Может быть, у Вас нет ни малейшего желания к увеличению своих поклонниц, таких назойливых, как я.

У моей приятельницы тоже желание не меньше моего с Вами познакомиться и поболтать.

Если захотите нам ответить, то 25-ое почтовое отделение «до востребования»...

Не подумайте, что мы письмо Вам посылаем без марки, она быть может отклеилась по дороге.

Можете и позвонить... (Ляля). Нечего разыгрывать барина!

Будем ждать Вашего ответа с нетерпением.

Лялечка и Тамочка.

ПРИГОДИЛОСЬ

Обычно думают, что я искажаю «прекрасный русский язык», что я ради смеха беру слова не в том значении, какое им отпущено жизнью, что я нарочно пишу ломаным языком для того, чтобы посмешить почтеннейшую публику.

Это неверно. Я почти ничего не искажаю. Я пишу на том языке, на котором сейчас говорит и думает улица.

Я сделал это (в маленьких рассказах) не ради курьезов и не для того, чтобы точнее копировать нашу жизнь. Я сделал это для того, чтобы заполнить хотя бы временно тот колоссальный разрыв, который произошел между литературой и улицей.

Я говорю — временно, так как я и в самом деле пишу так временно и пародийно.

А уж дело других (пролетарских) писателей в дальнейшем приблизить литературу к читателям, сделать ее удобочитаемой и понятной массам.

И как бы судьба нашей страны ни обернулась, все равно поправка на легкий «народный» язык уже будет. Уже никогда не будут писать и говорить тем невыносимым суконным интеллигентским языком, на котором многие еще пишут, вернее, дописывают. Дописывают так, как будто бы в стране ничего не случилось. Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать!

А как говорит и думает улица, я, пожалуй, не ошибся. Это видно из этой моей книги, из этих писем, которые я ежедневно получаю.

Вот любопытное письмо. Оно написано, как будто бы я его писал. Оно несомненно написано «моим героем».

Я получил это письмо по почте от неизвестного человека.

Дорогой Зоценко!

Мне случайно попало в руки «любовное» письмо, которое получила одна моя знакомая.

Не пригодится ли оно Вам? Оно очень напоминает Ваш стиль и Ваших героев.

С приветом *К. Л.*

18 октября 1928

Уважаемая гражданка, зачитайте это письмо и примите от заинтересованного вами это подношение. Не побрезгуйте, не погнушайтесь.

Желательно с вами познакомиться всурьез. Не покажется это вам за предмет любопытства, а желательно с целью сердечной, потому что с каких пор вас увидел, то сгораю любовью.

Замечательный ваш талант, а пуще всего игривость забрали меня за живое и как слышал, что вы лицо, причастное к медицине, то понять должны, что кровь во мне играет и весь я не в себе.

Если вам не противно, то буду ждать Вас у входу в буфет.

В военном обмундировании, росту как обыкновенно, собою видный, волосом русый, а на груди пять всесоюзных значков.

Остаюсь в ожидании *С. С.*

Имя скажу при свидании.

Так называемый «народный» язык стоит того, чтоб к нему приглядеться.

Какие прекрасные, замечательные слова: «Зачитайте письмо». Не прочитайте, а зачитайте. То есть «пробежите, просмотрите». Как уличный торговец яблоками говорит: «Вы закусайте этот товар». Не кушайте (т. е. целиком), не откусите (т. е. кусочек), а именно закусайте, то есть запробуйте, откусите только раз, сколько нужно для того, чтобы почувствовать прелестные качества товара.

Язык стоит того, чтобы его изучать!

ПЛОХИЕ НЕРВЫ

У меня была легкая и удачная литературная судьба. Мне не пришлось мотаться по редакциям. И не пришлось вкручивать свою продукцию.

Я начал работать в двадцатом — двадцать первом годах.

В те счастливые годы ответственные редакторы сами приходили за рукописями на квартиру и несли в зубах деньги.

Молодые писатели работали тогда почти вне конкуренции. И от хорошей молодости все они впоследствии стали классиками.

Но я представляю, как трудно ходить по редакциям и как много надо молодому писателю энергии для того, чтобы начать печататься, не будучи хотя бы Достоевским.

Вот письмо от начинающего автора.

Уважаемый тов. Зощенко.

Осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой. Не откажите просмотреть и дать свое заключение о трех рассказах, которые прилагаю к сему письму.

Если Вы не всегда были известным юмористом Зощенко (пишу без лести), Вам должно быть известно, какие мытарства приходится испытывать начинающему человеку. Вам должны быть известны те придирки и оскорбительные отказы, которые получает молодой человек от «человеколюбивых» редакторов.

Я имел счастье уже (мне всего 19 лет) получить несколько таких ответов. Глубоко возмущенный ответом: «нет, и не будет», я думал бросить свои работы.

Вам должны быть известны результаты разговоров с редакторами. Чувствуешь какую-то подавленность, разуверяешься в своих силах, разочаровываешься в своих мечтах, и все твои мысли покрываются толстой коркой человеконенавистничества и пессимизма. Признаюсь: мне несколько раз пришлось испытать такие чувства, и под их влиянием я написал маленькое стихотворение, которое (хотя это и глупо) кончается так:

И счастлив тот лишь человек,
Который, жизни не бросая
Идет, руки не подавая
Тому, кто в тине утопая
Его на помощь позовет.

Вас, может быть, удивит подобное послание, но как человек Вы поймете, чем веет от таких слов и такого письма. Я не дол-

жен Вам говорить, что делать с этими тремя рассказами, Вы сами найдете им применение.

Не удивляйтесь, что я (неизвестный Вам человек) изливаю свои чувства перед Вами (неизвестным мне человеком). После основательного раздумья я решил, что меня поймет только Зощенко, так как он сам, вероятно (я в этом уверен), испытал то, что я сейчас испытываю.

Должен сказать, что один из тех рассказов пошел на растопку печки прямо из редакционной корзинки «Бегемота». И именно поэтому я обращаюсь к Вам.

Я знаю, что Вы имеете связи в литературном мире Ленинграда, а в частности в «Бегемоте», и хочу, чтобы Зощенко осрамил своего редактора за его небрежное отношение к работе. Я знаю, что редакторская работа требует много нервов, но это не значит, что журнал может и хочет печатать только произведения известных писателей и поэтов.

В «Бегемоте» работают многие товарищи, я их не упрекаю в халатности и нечеловечности, но все-таки им не мешает прочесть то пятистишие, которое я Вам написал.

Я ни к кому до сих пор не обращался с такой просьбой, как обращаюсь к Вам. В Москве есть много литературных известностей, но если Вы бывали в Москве, то знаете, что значит московская жизнь.

Москва — это базар. А на базаре всякий ищет своей выгоды. Я не упрекаю литературных работников в том, что они любят деньгу, но многие из них страдают болезнью, состоящей из правила: не подавать руки тому, кто на помощь позовет.

Я обращаюсь к юмористу, осмеивающему все человеческие недостатки, и надеюсь, что он не страдает болезнью, о которой я только что сказал.

Тов. Зоценко!

Не откажите внимательно прочесть это послание и прилагаемые рассказы. Полагаюсь на Вас во всем. Если хорошо, просите напечатать в «Бегемоте» и сообщите результаты. Если плохо, все же сообщите Ваше заключение. Объясните все недостатки и укажите, как их исправить.

Во всяком случае, не откажите черкнуть пару слов в ответ по адресу:

Москва, 19 почт. отд., до востребования...

Мой адрес: Москва...

Но по моему адресу неудобно писать. Мои родные совсем не понимают меня, и мне было бы неприятно, если бы они узнали об этом письме.

Простите меня, бедного, за беспокойство, причину которого Вы поймете из этого письма.

Заранее благодарный Вам...

Не могу не послать Вам сценку, написанную мною недавно. В ней мои взгляды перемешиваются в устах обоих действующих лиц.

Рассказы этого молодого автора были не слишком плохие, но любительские, и печатать их, конечно, было нельзя. Однако литературные способности у автора несомненно имелись. Об этом я ему и сообщил письмом до востребования.

НАХОДКА

15 февраля 1927

Дорогой Михаил Михайлович, посылаю Вам письмо, случайно найденное мною в книге, взятой в библиотеке в Крыму. Это — курьезный «человеческий документ», в котором неизвестная Тамара пылко объясняется неизвестной Натусе в своей пылкой ненависти к Зоценко. Это Вам для коллекции «критических отзывов» о Вас.

Всего доброго!

Ваш Н. Энгельгардт.

14 июля

Дорогая Натуся!

Ты сделала меня без вины виноватой: я ответила тебе длинным-предлинным письмом на бабушкин адрес. Но, вероятно, ты уехала раньше, чем оно получилось.

На этот раз много не пишу, т. к. не знаю, получишь ли ты это письмо.

Я очень буду рада тебя видеть, мне давно хочется посмотреть на тебя. Интересно, насколько ты изменилась с тех пор. За привет от «Инны» я тебе очень благодарна, хотя не думаю, чтобы она в твоей жизни играла прежнюю роль. Ната, ведь мы уже взрослые люди, нам по 15 лет. Мне очень интересно, какой длины твои волосы. Удивительно глупо, но интересно. Я коротко, по моде острижена. Начала было отпускать, но потом надоело...

Я тебе ничего не пишу, надеясь на то, что бабушка перешлет тебе мое первое письмо.

Привет от мамы и папы, передай мой привет своим дражайшим родителям. Сколько теперь весит дядя Жорж? Пиши почаще. Когда вы собираетесь приехать? Предупреди меня письмом об этом, весьма значительном, хотя и не имеющем влияния на революцию события.

Пока всего хорошего.

Твоя кузина Тамара.

Напиши, каким автором увлекаешься? Любишь ли Зоценко и Маяковского? Я их ненавижу.

ПОЭТ И ЛОШАДЬ

Это письмо мне послужило темой для небольшого рассказа-фельетона «Поэт и лошадь».

Рассказ помещен в сборнике «Над кем смеетесь».

Должен сказать, что письмо написано страшно безграмотно и неуклюже, хотя автор письма — «старый газетный работник» — так подписана жалоба.

Письмо несомненно написано в минуту сильного душевного волнения.

14 июня 1927

Не зная, как обратиться к тов. Зоценко, беру на себя решимость беспокоить Вас, тов. редактор, с тем, что если материал подходящий — Вы дадите ему данную тему, явившуюся из жизни.

Проходя 14/6–27 в Детском Селе по улице Белобородова уг. Колпинской, мимо дома, где жил А. С. Пушкин, о чем гласит и прибитая к дому надпись, — я неоднократно наблюдала в небольшом палисадничке с зеленью, окружающем этот прелестный домик, — рабочую лошадь, которая не будучи даже стреножена, бродила под окнами и ломала и объедала всю молоденькую зелень распускающихся кустов жимолости и сирени, между тем, как позади домика имеется зеленая лужайка и даже деревья, к которым можно было бы привязать эту лошадь, предоставив ей траву, вместо веток сирени и вламывания в кусты.

В означенный день 14/6 — с. г. я проходила с представителями музыкального мира опять мимо этого дома, и мы решили узнать, почему такая заброшенность в памятнике старины, которую теперь чтит вся Россия. Оказалось, что дома был даже сам заведующий домиком и на мой вопрос о лошади сказал, что кусты выросли после А. С. Пушкина и что лошадь дом не ест. А если ломает кусты и грязнит перед окнами (из которых тысячи экскурсантов любят-ся теми видами, которыми любовался и А. С. Пушкин), то это ничего не значит; ибо лошадь животное очень полезное, а на следующее возражение, что полезное животное можно привязать на втором плане к дереву, на траву, начал сыпать отборными выражениями до тех пор, пока я заявила, что я представитель литературы, т. е. прессы, — он тогда сказал, что много, мол, их тут шляется, а я благодарность имею за сохранение дома.

Тогда я сказала, что я не знаю, что он будет иметь в будущем, если я напишу в журнал с соответствующим рисунком о его сох-

ранении памятников старины, на что живущие в нижнем этаже рабочие и сам он громко захохотали, а завед. домом даже плюнул из второго этажа.

Сердце кипело выкинуть таких держи-морд, не смыслящих ничего в чем суть старины и полагающих, что довольно того, что лошадь не ест дома, а кусты не при Пушкине выросли — и назначить на их место таких, которые бы берегли все, что создавало бы полное для памяти впечатление для ума и сердца.

С совершенным уважением...

ПИСЬМО ОТ ЖЕНЩИНЫ

Читателя, небось, разбирает любопытство.

Позвольте, думает читатель, а где же тут любовные письма? Где красивые и молодые дамы предлагают писателю свою дружбу и благосклонность?

Увы! Жизнь мне не удалась! Таких любовных писем у меня не было, за исключением, впрочем, двух стихотворений, которые и печатаю в этой книге, и одной записки: «Приехала из Москвы. Остановилась в Европейской гостинице. Очень хотела бы с вами познакомиться. Зайдите поболтать».

Так вот, к великому, небось, огорчению читателей, таких писем у меня не было. От знакомых девушек, ничего не скажу, — были. А у незнакомых моя фамилия не вызывала, видимо, романтических представлений. И действительно, я — не укротитель зверей и не тенор.

Но таких писем — хотя бы на меня поглядеть — было не-
сколькo. Вот одно из них.

4 июля

Сейчас ехала из Лесного в трамвае № 9. Рядом со мной си-
дел человек, именно такой, каким в течение трех лет я предста-
вляла себе Вас. Может быть, это были даже Вы.

Пришла домой и среди своих бумаг отыскала черновик год
тому назад написанного и изорванного письма. Почему изорва-
ла, не помню — был ли то страх или самолюбие, но послать его
я не решилась.

Но сегодня меня снова потянуло к Вам.

Милый Михаил Михайлович, хороший Зоценко, если бы я
ходила в брюках и имела звероподобную физиономию, я бы
просто пришла к Вам и «сказал» — так и так. Но, к сожалению,
имея ординарнейшую внешность и будучи в общем отврати-
тельнейшей двадцатидвухлетней женщиной, я не рискую этого
сделать.

Вы подумаете еще, что я одна из рода особо пылких поклон-
ниц, и так меня обложите, что я уйду от Вас качаясь. Прямо не
знаю, что делать.

Михаил Михайлович, ей-богу, я только посмотрю на Вас и
говорить даже с Вами не буду. Хотя, говоря откровенно, мне хо-
чется с Вами поговорить. Ну скажите, неужели за три года моих
«литературных мечтаний» Вы не сможете (вернее, не захотите)
уделить мне пять, десять минут?

Мой телефон...

И зовут меня...

Я буду ждать Вашего звонка, и если Вы мне не позвоните, то это будет очень-очень нехорошо, ведь за Вами еще остается право позвонить и сказать: «Не хочу показываться», или — «Ах, оставьте».

Вот я сейчас облекла свою просьбу в конкретные образы и разозлилась, т. к. чувствую, что Вы все равно не позвоните. Мне даже писать стало лень, так много в моей душе злости и безнадежности. Знаю, знаю, что не позвоните. Злюсь, главным образом, потому, что Вы, наверное, отнесли меня к своим поклонницам. Клянусь Вам, я не умею и ненавижу это слово.

ВСТРЕЧА В ТЕАТРЕ

Эти стихи я получил от неизвестной мне женщины. Стихи без подписи. И без адреса. Это почтенно!

Это, кажется, единственное письмо, в котором от меня абсолютно ничего не требуют.

Печатаю с признательностью.

Писателю Михаилу Михайловичу Зощенко

Простите Вы меня за то, что беспокою
(Конечно, Вам я не одна пишу),
И тайну Вам свою открою,
Молчать уж больше не могу.

О, это было так недавно!
В соседнем от меня сидели Вы рядом,

И лилась музыка пленительно и плавно.
Я про себя шептала: жду, жду, жду...

Ждала я взгляда Вашего лишь только,
Но отражались Вы в чужих глазах.
Ах!.. Если б знали Вы, как больно, горько,
Когда душа в слезах.

В антракте вышли Вы, а я осталась
В смятении чувства ревности... тоски,
Ведь раньше это все любовью называлось —
Теперь разбито все на мелкие куски.

Большого чувства никому не надо:
Оно, как камень, Вас, мужчин, гнетет,
Которое не купишь плиткой шоколада
И в темных улицах, конечно, не найдешь.

Привыкли к легким Вы, как фейерверк, победам,
Таким блестящим, кратким, как и он.
Но первый раз я видела Вас летом...
Тот миг, как милый, милый сон.

Не знаю почему Вы в сердце так запали,
Но с Вами я знакомства не ищу.
Быть может, ничего, быть может — поиграли б, —
А потому сейчас я ухожу...
И я ушла...

И.

Вы не поймете, почему Вам это написала. А просто потому, что легче стало мне. Открыла все, и тайны уж не стало, и позабудусь в будничном я сне. И.

ВСЕ В ПОРЯДКЕ

Москва, 17 мая 1928

Милый Зощенко, простите меня, пожалуйста, что я беспокою Вас своим письмом. Но мне совершенно не к кому обратиться. Вас я люблю как писателя и кроме того слышала, что Вы очень хороший человек. Поэтому я обращаюсь к Вам.

Видите ли в чем дело: я сейчас кончила школу, мне 17 лет, передо мной развернулся так называемый широкий путь, но я решительно не знаю, куда мне идти. Мать ставила меня на ноги со страшным трудом, п. ч. отец рано умер (мне было четыре года) и ей приходилось самой зарабатывать на меня. Теперь мой долг — постараться зарабатывать и содержать ее. Но что я могу сделать, если ни одно из учебных заведений, по выходе из которых можно получить заработок, меня не интересует? Когда я думаю о них, потом о службе, о всей этой монотонной жизни, которая мне предстоит, меня берет одурь и пропадает охота жить.

Вот если бы у меня был талант, я бы, кажется, могла вынести что угодно. Кем, кем я только не хотела бы быть: художницей, артисткой и т. д.

Особенно часто я возвращаюсь к мечте быть киноартисткой. Но способности у меня на этот счет более чем сомнитель-

ные, а потому оставим это. Если у меня есть к чему-нибудь способности, так это к литературе. Говорят, что у меня приличный слог (чего Вы, конечно, никак не заключите из моего письма), а главное — я пишу стихи. Посылаю Вам несколько образчиков моего творчества. Вы можете сказать, что глупо посылать стихи Вам, кажется, никогда не писавшему стихов. Но ведь, во всяком случае, Вы больше понимаете в этом, чем я, и можете мне сказать, есть ли у меня хоть капелька, ну не таланта, так хоть способностей.

Конечно, печатать такие стихи нельзя, помимо всего прочего, потому что уж очень они не подходят по своему настроению к современным требованиям. Это, наверно, зависит от окружающей среды. Я сочувствую революции, но проникнуться ею так, чтобы писать другие стихи, сейчас не могу. Но если бы Вы хоть немножко нашли во мне способностей, я стала бы работать и, может быть, потом научилась бы писать, как следует. Может быть, и даже наверно, глупо мне так носиться со своими стихами, такими плохими и незначительными, когда много людей пишут лучше меня и совершенно не обращают на это внимания.

Но если бы Вы знали, какая у меня отвратительная жизнь. Мать меня любит, но какой-то деспотической любовью. Ну, например, она сама будет изнуряться, работая, и будет ставить мне это на вид, а мне ничего не будет давать делать, хотя мне все это доставляет гораздо большее нравственное мученье, чем если бы я работала. И так во всем. Она ужасно мало дает мне свободы. Конечно, не мне ее судить, но мне очень бывает тяжело, совсем разные мы люди.

Кроме того, у меня масса неприятностей самого пошлого «романтического» свойства. Я не хочу Вам про них писать, но я пережила много такого, что совсем не полагается пережить в мои лета. Иногда пошлость совсем засасывает меня, я теряю вкус к жизни, уважение к себе, все теряю. Вы понимаете, конечно, каким утешением для меня являются стихи. Когда я не пишу, я чувствую, что во мне ничего нет, что лучше бы меня кто-нибудь убил, чем влачить такое существование. А если я напишу хоть самые плохонькие, то я сразу чувствую замечательный подъем и повышаюсь в своих глазах. Это смешно, но у меня ничего нет и мне не на что надеяться. Пожалуйста, ответьте мне, что Вы думаете насчет моих стихов, и вообще посоветуйте, что мне делать. Куда идти? Что представляет из себя литературный факультет университета? Что он дает? Если оттуда, как я слышала, выходят только преподаватели, то мне нечего и думать, меня не пустят туда идти дома. Что бы Вы посоветовали мне читать, чтобы хоть немножко развиться и не быть такой глупой? Я Вас очень, очень прошу, не сердитесь, что я к Вам пристаю, но ведь у меня никого нет. Все наиболее умные люди из моих знакомых, к которым я обращаюсь, считают меня глупой девчонкой, презирают меня и находят, что самое лучшее, что я могу сделать, это выйти замуж и родить детей. Иногда мне делается так тошно жить дома, что я думаю: не лучше ли, правда, скорей выйти замуж, все равно за кого, только уйти из этой обстановки. Это так ужасно! Неужели и Вы оттолкнете меня? Я знаю, что не заслуживаю никакого уважения или понимания. С общественной точки зрения я — пережиток дряблой интеллигентщины, с просто человеческой я — эгоистичная, безнрав-

ственная, глупая девчонка. Но если бы Вы просто пожалели меня и посоветовали хоть что-нибудь. Даже если Вы ничего не можете мне посоветовать, ответьте хоть что-нибудь, мне будет так приятно. Ну, дорогой, ну, милый!

Адрес мой такой: Москва...

Еще раз простите меня за беспокойство. И письмо-то я Вам написала ужасно грязное, п. ч. пишу в четвертом часу ночи и ужасно болит голова, а днем боюсь писать, п. ч. могут увидеть.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

Если Вы захотите, я могу прислать еще какие-нибудь стихи, но я думаю, что Вы не захотите.

Ответьте мне хоть что-нибудь, пожалуйста.

К сожалению, по просьбе автора, стихи мне пришлось вернуть. Это были, сколько я помню, неплохие стихи, но очень унылые и «трагические» по настроению. Семнадцатилетний автор, несомненно, имеет литературные способности, что вполне видно даже из писем.

Примерно в таком духе я написал свое мнение и вскоре получил еще одно письмо.

5 июня 1928

Простите меня, что я опять беспокою Вас своим письмом. Ради Бога, не называйте меня навязчивой, мне просто ужасно захотелось еще раз Вам написать, а Вы, конечно, можете мне даже и не отвечать. Я очень, очень благодарна Вам за Ваше письмо. Если бы Вы знали, как я счастлива, что Вам понравились мои стихи и что Вы находите их талантливыми. Я думаю, что из

меня ничего не выйдет, п. ч. настроение навряд ли изменится, но все-таки приятно думать, что хоть могло бы выйти при более благоприятных обстоятельствах.

У меня очень скверная, грязная жизнь. Чтобы объяснить всю ее грязь, достаточно того факта, что, когда мне было 14 лет, меня взял как женщину один женатый мужчина и я до сих пор с ним, потому что я его люблю. А сколько еще разных фактов!

Я хотела описать Вам свою жизнь, написала четыре страницы, но, дойдя до половины, не смогла продолжать — так стало стыдно и противно. Совершенно незачем Вам читать эту грязь. То, что я пережила, так подействовало на всю мою натуру, что мне кажется, я ничего не смогу, я — пропащий человек.

Я постараюсь последовать Вашему совету и сблизиться с жизнью, но, когда у меня жизнерадостное настроение, мне кажется, что я не имею на него права, что я ужасно пошлая. Мне кажется, что лучше бы я покончила с собой тогда, когда хотела, а теперь я ко всему привыкла и со всем примирилась. Достоверно одно, что я очень безнравственная, п. ч. я совсем не знаю, что худо и что хорошо. Если Вы все-таки будете мне писать (только не надо, если Вам не хочется), напишите, что Вы насчет этого думаете. Не сердитесь, что я к Вам так пристаю, но я ужасно одна. Вы не отвечайте, если Вам не хочется. Я опять пишу ночью, и поэтому опять очень грязное и нескладное письмо. Но я думаю, Вы не будете обращать внимания на эти глупости.

Прощайте. Еще раз очень, очень благодарю Вас за письмо. Я так рада, что и сказать нельзя. Можно, я буду Вам иногда писать, когда мне будет очень тяжело? Не сердитесь на мою навязчивость.

На это письмо я ничего не ответил и позабыл о существовании этой девушки. Через полгода я снова получил от нее письмо. Оно длинное, но я печатаю его полностью, так как считаю его любопытным по настроению.

Мне кажется, что какая-то часть (весьма небольшая) нашей интеллигентской молодежи находится именно в таком нерешительном состоянии, как автор этого письма.

23 января 1929

Извините, что я Вам опять надоедаю. Но, пожалуйста, не беспокойтесь мне отвечать, если Вы не захотите этого. Я знаю, что с моей стороны чересчур смело Вам надоедать, но и не надеюсь на Ваш ответ. Мне просто хочется выложить свою душу, а у меня решительно никого нет.

Скажите, пожалуйста, судя по моим письмам, я кажусь Вам очень ужасной дурой? Я сейчас расскажу Вам, в чем дело: мне кажется, что я в последнее время стала страшно глупеть и распускаться. Это приводит меня в отчаяние. Меня, кажется, никто никогда не считал особенно умной, но это мне было все равно, п. ч. я сама никого не ставила высоко в этом отношении, кроме трех людей: моей бывшей подруги, моего бывшего одноклассника и еще одного человека. Ну, конечно, были еще люди, которых я считала умными, но с ними мне близко сталкиваться не приходилось. Так вот, эти трое людей считали меня не только не умной, а просто каким-то жалким существом, созданным для серенького существования и очень односторонне-гадких вещей. Самое ужасное — это то, что все их мрачные предсказания насчет меня или исполнились, или исполняются. Я не могу

припомнить всего, но, например, моя подруга мне предсказывала еще очень давно: «Ну, ты еще, наверное, до шестнадцати лет с кем-нибудь спутаешься».

И, действительно, я «спуталась», когда мне было только 14 лет. Она же говорила, что я никогда не поступлю ни в какой вуз. И ведь правда же, я до сих пор никак не могу серьезно взять себя в руки и начать заниматься. Может быть, это происходит от того, что все никак, никак не могу решить, куда же мне поступить. Но факт тот, что в этом году я, наверное, не поступлю, а дальше, вероятно, совсем распушусь.

Так оно и будет. Дальше: и она и мой знакомый, особенно он, утверждают, что из меня никогда ничего не выйдет. Вы видите — стихов моих нельзя печатать из-за настроения, я сейчас и не хочу, они слишком слабы, но дело в том, что я ручаюсь, что настроение мое будет всегда такое же. И еще вот что (я начинаю писать «умные» вещи), мне кажется, что просто болезнью современной, мало-мальски развитой молодежи является обилие мелких способностей и стремление к самым разнородным искусствам. Причем ни за одно они, в конце концов, не принимают серьезно, рассуждая при этом, мне кажется, так: «А что, если я буду учиться, скажем, петь, и уложу на это все свои силы, а вдруг у меня больше способностей к рисованию или к литературе, а может быть, к танцам. А, в конце концов, ни одна из этих вещей не дает верного заработка. Поступлю-ка я в фармацевтический техникум или на курсы кройки и шитья».

Если бы у них был один талант, даже не очень большой, они отнесли бы к этому серьезно и из них что-нибудь вышло, а так это все безусловно обречено на гибель.

А за примерами ходить недалеко: один мой знакомый играет на рояли, великолепно декламирует, учится петь и пишет стихи; одна моя знакомая рисует, играет на рояли, раньше хорошо танцевала и пытается писать стихи; другая играет на рояли, мечтает о драме, хочет учиться петь и пишет стихи; я — мечтаю быть киноартисткой, очень прилично рисовала, учусь петь и пишу стихи. Положим, стихи мое главное, но ведь это не мешает мне думать так: «А ведь в стихах у меня неподобающее настроение, приналягу-ка я на пение. А, впрочем, ни то, ни другое не даст мне верного заработка» и т. д. и т. д. Вы заметили, что в приведенных мною примерах все пишут стихи, причем я прибавлю от себя, пишут хорошо и почти все с «неподобающим» настроением. Это ужасно. Ну, а теперь дальше, вернемся к старой теме. Самое главное предсказание не только этих троих умных людей, а и всех остальных, это то, что судьба моя — выйти замуж и как можно скорее.

Маме говорят: «Ну, вот, скоро Тоня, Бог даст, замуж выйдет, вам и полегче будет», а меня при встрече спрашивают: «Ну, что, замуж еще не собираешься?» Особенно теперь, когда за мной ухаживает один молодой врач, кажется, с «серьезными намерениями», все «чуют, что за ним-то мне и быть». Вы знаете, это действует как гипноз. Во мне начинает пробуждаться смутное чувство, что, действительно, это должно случиться. Между тем, я знаю, что это будет моей полнейшей нравственной гибелью. Я разжирею и оступею. Моими главными интересами будут наряды, мужчины, кино и паршивенькие книжонки. А когда мне надо будет как-то нравственно оправдаться, то я опозитизирую свое положение, знаете, этой песенкой: «Ты

едешь пьяная, ты едешь бледная, по темным улицам, совсем одна, тебе мерещится дощечка медная и штора синяя его окна. И на диване подушки алые, духи Дорсе, коньяк Мартель, его глаза, от ласк усталые, и губы, пьяные, как хмель. Пускай в гостиной муж равнодушный жену домой напрасно ждет, любовник знает — она, послушная, кляня и плача, к нему придет. Там на диване...» и т. д.

Правда, замечательно характерная песенка? Во время оно я ей очень увлекалась, да и сейчас она мне капельку нравится. Во всяком случае, замужем я буду прототипом особы, про которую здесь поется. А иногда мне кажется, что я и дома также опошлюсь, если что-нибудь не переменится в другую сторону, совсем в другую. А так как это немыслимо, то не лучше ли все-таки переменить обстановку, пусть будет хоть что-нибудь новенькое, хоть сдвинусь с мертвой точки. А главное, в чем мне стыднее всего признаться, не это: просто мне хочется пожить в нормальной, приличной обстановке, отдохнуть от унижительной бедности и зависимости. И даже не это: меня интересует вся эта процедура, свадьба, знакомство с его родными и т. д. Нет, я действительно или страшная дура, или мещанка, или маленькая девчонка. Вы видите, что это такое. Вам не кажется, что мне, действительно, одна дорога — замуж? Еще вот что меня угнетает: я могла попасть с биржи труда в фабзавуч и отказалась. Конечно, как-то не хотелось, кончив девятилетку, проходить то же сначала и поступать туда, где принимают с пятилеткой. Но у меня была бы специальность (правда, ох, какая), был бы самостоятельный заработок, я бы ближе подошла

к жизни, могла бы слиться с рабочей массой, может быть, это хорошо отразилось бы на моем «творчестве». И я этого ничего не сделала. Я, знаете ли, страшно слабохарактерная и нерешительная особа. Было как-то страшно сделать такой решительный шаг, как-то совсем изменить свою жизнь. (Ну, конечно, замуж выйти проще. Если бы Вы знали, как я презираю себя.) Я не знала, на что решиться. Мои «за» и «против» вполне уравновешивались. Мама, все родственники и тот, кого мне прочат в женихи, энергично восстали против моего поступления. А мне тогда, в сущности, только этого и надо было. Я проскулила целый день, не зная, на что решиться, и у меня было полусознательное желание, чтобы меня чуть не силой заставили сделать то или иное. Если бы мне с такой же энергией сказали, чтобы я шла, то я бы пошла, а так я осталась. Когда я еще не знала, на что решиться, я хотела написать Вам, но Вы все равно не успели бы мне ответить: мне надо было поступать на другой день, рано утром. Я бы очень хотела, чтобы Вы мне хоть теперь сказали, как я должна была поступить. Если Вы мне ответите, то напишите, пожалуйста, про это.

И потом, может быть, Вы скажете мне, что я должна делать, чтобы быть немножко умнее и развитее. Это замечательно наивный вопрос, я знаю, но вот, например, я люблю вечера и т. д. Может быть, чтобы быть умнее, надо искоренить это в себе. Я совершенно серьезно это спрашиваю, п. ч. моя бывшая подруга, которую я считаю умной, этого не любит, на свою наружность не обращает внимания и т. д. Неужели это так мешает умственному развитию? Если Вы скажете, что это так, то я постараюсь

исправиться. И что я должна читать, чтобы быть развитее? Я ведь, действительно, здорово не развита.

Если Вы будете так добры мне ответить, то ответьте на эти вопросы. Я бы так хотела, чтобы Вы мне ответили, но, конечно, не надо, если Вам не хочется. Простите за то, что я Вас заставила прочитать это колоссальное письмо. Я Вам посылаю еще несколько стихотворений, но Вы их прочтете, вероятно, уже завтра. До свиданья...

Москва...

В дальнейшем я получил еще несколько писем. В последнем письме было сказано:

Спасибо за советы и внимание. У меня нету воли и охоты бороться за свое существование — я вышла замуж за того «молодого врача», о котором я Вам писала. Прощайте.

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ СВИДАНИЕ

Михаил Михайлович!

Я скоро уезжаю из Ленинграда, но мне не хотелось бы уехать, не увидев Вас живым и настоящим. Бывает такой спортивный интерес. Но, уверяю Вас, я не собираюсь быть навязчивой и надоедать Вам. И вообще можете не относить меня к числу Ваших глубоко сентиментальных поклонниц. Я много проще и хуже. Я самый простой человек, который учится писать. Но, когда я в прошлом году приехала домой, мои литера-

турные товарищи закидали меня вопросами — кого я знаю. И кого я видела. Я назвала несколько имен, в том числе Вас, так как Ваши произведения у нас в большом ходу. Но относительно Вас я солгала, и у меня на душе было удивительно нехорошо. Такое чувство, будто бы я что-то украла.

А в этом году мне уехать, не увидев Вас, очень бы не хотелось. Ну, родной Михаил Михайлович, не откажите мне в этом. Придите в четверг в Михайловский садик. Там у пруда есть мраморная скамейка. Правда, это слишком поэтично звучит для такого прозаика, как Вы, но это единственное место в этом саду, которое имеет отличительные признаки. И если бы Вы в 6 часов были на ней с книгой или газетой, чтобы я могла не ошибиться, я бы на Вас крошечку поглядела издали.

Если вид у Вас будет не очень мрачный, то я бы подошла к Вам и немножко с Вами поговорила. Мне так хочется это. Михаил Михайлович, ну пожалуйста, сделайте это.

Я могла бы поговорить с Вами по телефону, но, откровенно говоря, это совсем не то. И потом я боюсь, что Вы просто пошлете меня к черту. Почему Вы знаете, как мне хочется Вас увидеть? Решите, что я одна из тех совбарышень, которые наверняка Вам надоедают. Честное слово, я не буду надоедать Вам. Я только немножко посмотрю на Вас и поговорю. Одну чуточку, пять, десять минут. Если Вы решите все-таки не идти или отсрочить мою просьбу, то позвоните по телефону.

Скажите мне об этом. Чтобы не нервничать и не ждать Вас с глупым видом.

Но только прошу Вас не отказывать мне. Если бы Вы знали, как давно и как сильно я хочу Вас увидеть.

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Уважаемый Михаил Зощенко.

Считая Вас лучшим юмористом, шлю Вам для оценки свой первый юмористический рассказ. Если годен, то поместите куда-либо, а на нет и спросу нет. Сообщите, если можете, стоит ли мне работать над этим.

ЧУДАК УХАЖИВАЕТ

Юмористический рассказ

Славный парень был этот Чудак... Днем это в лавке околачивался, а вечером тротуары утаптывал.

Хотя работал-то он в бакалейной лавочке, но наружность имел вполне галантерейную...

Хорошую наружность... Его только чуточку портило то, что природа, вместо лица, наградила его рожей. Ну да разве стоит обращать внимание на такие пустяки... И он не обращал.

Тонкое обращение изучил до тонкости. Пардон, мусью, и всякую такую штуку понимал. В старое время успех бы имел несомненный. Ну, а нынче разве понимают тонкое-то обращение? Можно сказать, он из-за этого и в тюрьму-то попал. Вы не верите?.. Так слушайте, я вам сейчас докажу.

Ухаживал за Лелей три недели. Пахло взаимностью. Как-то шли по улице, а на улице лужи. Вздумалось Чудаку деликатность свою показать. Выбрал лужу побольше, вперед забежал и, извиваясь всем телом, руку предложил. Обрадовавшись ей-

ному согласию, взволновался. Схватил только два пальца да дернул. В результате и пальцы ей вывихнул, и в лужу усадил.

Ухаживал за Галей. Успех был гарантирован. Как-то сидели в фойе. Видит Чудак, что мнетя она... Деликатно так ей намекнул:

— Что, дескать, с вами, дражайшая?

— Платочек забыла, а насморк, — потупясь ответила Галя.

Сжалился над нею Чудак и свой предложил. Получив ейное согласие, выгташил. Он оказался грязным и пахнул клопами. Соседи фыркнули. Окинув Чудака презрительным взглядом, Галя ушла.

Ухаживал за Дусей. Дело клеилось. Руки целовал уже выше локтя. Стихи погубили. Вздумал он эти стихи написать, да и сравни в них Дусю-то с холмогорской коровой. Обиделась. Объяснял ей потом, что холмогорская корова — корова не простая, а породистая.

Не поняла... И сквозь слезы ответила:

— Я, грит, белую косточку вообще презираю и поэтов также. Катитесь, грит, от меня подальше.

Смущенный рядом неудач, Чудак купил книгу «Искусство нравиться женщинам» и, вычитав в ней, что надо порочить соперников, быстро применил этот совет.

Встретив Зою с седым кавалером, он с пеной у рта стал доказывать ей порочность старческого возраста, призывая ее плюнуть в рожу этого сластолюбца, а так как она не шевелилась, то сделал это за нее сам.

Не дав сказать слова, обвинял, обвинял и обвинял. Собралась толпа.

Почувяв недоброе, Чудак благородно ретировался, то есть пустился наутек.

Седой мужчина оказался... ее папашей.

Нарсудья третьего участка в амурных делах оказался круглым невеждой, книгу «Искусство нравиться женщинам» не читал, счел все за хулиганство и припаял шесть месяцев.

Так печально кончились амурные похождения галантерейного кавалера из бакалейной лавочки.

ПИСЬМО И СТИХИ

Это письмо получено летом 1928 года.

Мне понравилось это скромное и вежливое письмо. И я очень внимательно отнесся к автору. Я прочел его стихи. Указал на все недочеты. И посоветовал ему, как работать в дальнейшем.

Здравствуйте, дорогой Михаил Михайлович!

Уже пятый раз начинаю письмо и все рву. Это происходит от волнения, мысль одна нагоняет другую, сбивает с пути, и получается чушь, нелепость. Явление вполне понятное, я ни разу не писал письма лицам образованным, кроме того к людям, награжденным талантом. Вам с первого взгляда бросится моя малограмотность — это объясняется тем, что я сын крестьянина, приехавший в город учиться и работать, а окончил лишь сельскую школу.

Впрочем, биография моя весьма интересная, но она Вас утомит, и что за интерес Вам слушать то, что будет говорить каждый (это мнение мое), поэтому прошу извинения, и прошу, если есть возможность, дать Ваше мнение об этих стихках. Не знаю, какая непостижимая сила влечет меня к искусству, а может быть, я ничтожный ремесленник, уродующий его. Вам, я думаю, этот вопрос разрешить легче. Прошу не отказать моей просьбе. Остаюсь верный Вам ученик...

Печатаю несколько его стихотворений:

От зари до темна
У станка я стою,
И из груды хлопка
Вату произвожу.
День мучителен мой,
Пыль столбом там стоит...
А идешь на покой,
Сердце ноет-болит.
Верно счастье мое
Век таким быть должно,
Что в цвету младых лет
Умереть суждено.

* * *

Слышу ль голос твой,
Нежный пламенный —

Сердце вмиг во мне
Заиграет.
В очи карие
Погляжу твои —
Из нутра душа к груди просится.
И легко тогда
С тобой, милая —
Обвить шею мне
Твою хочется.
Как прижму тебя
К сердцу, душенька,
Потечет во мне
Страсть лазурная.
И я все б отдал
За твой нежный взгляд,
За те белы груди-лебеди.

Г л а з а

И в глаза гляжу,
В глаза карие,
Словно солнце они
Сияют.

И смеются всегда,
Чуть прищурясь,
И зорки — далеки
Те глаза.

То глаза Ильича,
Вождя милого,
Не простые глаза,
А партийные.

Видит он далеко
И любимы они
Словно солнышко;
Лишь буржуи одни
Ненавидят их...

Посмотрю в глаза
На прищуренный взгляд,
И так радостно мне...
И тяжело душе.
Почему тяжело?

...Потому, что их нет,
И лишь сотни таких
Заменяли одни
Ильичевы глаза...

ЛЮБОПЫТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У меня есть небольшой рассказ-фельетон — «Встреча с Лениным» («Исторический рассказ»). Этим рассказом я пародирую некоторые неудачные воспоминания о В. И. Ленине.

Между прочим, в конце рассказа имеется шуточная фраза: «А некоторые хотят подробности узнать — пуцай прямо ко мне обращаются».

Нашелся человек, который обратился прямо ко мне.

Письмо написано на «казенной» бумаге.

С л у ж е б н а я   з а п и с к а

17 июня м-ца 1926 г.

Уважаемый товарищ Мих. Зощенко!

Прочтя Ваш прекрасный рассказик «Исторический рассказ», я получил большое удовольствие.

Рассказано все прекрасно. В конце рассказа Вы говорите, кто хочет узнать подробности, тот пусть прямо к Вам обращается, и вот я, как человек любопытный, попросил бы Вас затрудниться и ответить мне все подробно.

С коммунистическим приветом...

О ЧЕМ ПЕЛ СОЛОВЕЙ

Уважаемый тов. Зощенко!

Не откажите разрешить спор, возникший по поводу выпущенной Вами книги под заглавием «О чем пел соловей».

В предисловии к этой книге Вы упоминаете, что Вы только воспользовались трудами пожелавшего остаться в тени гр-на (фамилии не припомню). Как несколько знакомый с В/манерой писать, я утверждаю, что этот гражданин — личность вы-

мышленная и фактически несуществующая, а вся книга вместе с предисловием написана Вами единолично.

На этой почве и произошел спор, который может быть разрешен только Вами, почему и обращаюсь к Вам с просьбой, в которой прошу не отказать.

На ответ прилагаю марки.

Ответить прошу по следующему адресу: г. Кокчетав...

С товарищеским приветом В. Ш.

К сожалению, на это письмо мне не пришлось ответить. Письмо было адресовано в Москву, там долго валялось, потом было послано в Ленинград. В Ленинграде письмо чуть не полгода пролежало на старой моей квартире.

И мне просто было неловко отвечать через такой большой промежуток.

Во всяком случае сообщаю: автор письма прав. Книга написана мною «единолично».

ПОХВАЛЬНЫЙ ОТЗЫВ

3 марта 1929

Глубокоуважаемый Михаил Михайлович, передо мной лежит томик Ваших произведений, который я снимаю с полки всегда, когда мне бесконечно грустно, это мое лекарство.

В кратких описаниях чудесно восстают четкие фигуры в их повседневной жизни, великой, таинственной и важной в

мелких людских побуждениях, как и в больших человеческих деяниях.

В дышащем рельефе лиц Ваших рассказов я чувствую всю глубину проникновения автора и вижу, кроме острой и занимательной сатиры, трогательную жалость и доброту к изображаемым людям.

Ночь, я одна, часы бьют двенадцать, и этот звук, разрезающий тишину, заставляет почему-то меня затрепетать.

Сегодня мне грустно... Вновь воцарившаяся тишина кажется еще более глубокой, и меня окружают виденья прошлого, восставшего сейчас передо мной и превратившего мелкие движения и факты моей повседневной жизни в преступления против ближнего, и мне хочется поделиться размышлениями о том, как незаметные, казалось бы, ничтожные и неважные решения приводят часто к огромным, иногда фатальным и даже трагическим последствиям, и как надо суметь бережно относиться к чужим переживаниям и к словам тех, кто обращается к нам, часто скрывая сочащиеся раны под обыденной манерой речи.

Со страницы томика Ваших произведений смотрит прекрасное лицо с задумчивыми глазами, и я решаюсь набросать Вам сейчас несколько страниц о, в сущности, обыденных происшествиях моей жизни, которые в эту ночь особенно тревожат меня.

Я пишу Вам, кому дано лучше нас расшифровывать движения человеческой души; сама же я силюсь понять и не могу дать себе отчета, от меня ли зависело изменить данные события или же все до мелких деталей фатально предназначено в нашей жизни ее Великим Режиссером...

Далее на 34 страницах разворачиваются события из жизни автора этого письма.

Автор письма описывает все смерти, которые лежат на ее совести.

Несмотря на большие литературные достоинства этого письма, я не нашел возможным печатать его полностью, так как почти все эпизоды взяты из прошлой, старинной жизни и по этой причине не представляют большого интереса для современного читателя.

Кроме того, письмо проникнуто верой в судьбу, в рок. А я не слишком-то верю в «фатальное предназначение». Жизнь, на мой ничтожный взгляд, устроена проще, обидней и не для интеллигентов.

Однако, повторяю: письмо очень любопытное, и, если б не длинноты и мистика, я бы его напечатал до конца.

Во всяком случае, я признателен автору за столь приличные слова обо мне.

СТИХИ ИЗ НОЧЛЕЖНОГО ДОМА

Осенью двадцать восьмого года я получил через редакцию газеты тетрадку стихов. На тетрадке указаны фамилия автора и адрес — ночлежный дом.

Стихи были слабоваты и неграмотны, но несколько стихотворений были не так уж плохи. Хотя, конечно, печатать их было нельзя.

Об этом я написал автору и просил его зайти ко мне взять тетрадку. Однако за тетрадкой автор не пришел.

Через два-три месяца, разбирая свои бумаги, я снова натолкнулся на эту тетрадь. И снова послал автору заказное письмо с просьбой зайти ко мне, если ему нужна какая-нибудь помощь.

Однако, письмо вернулось нераспечатанным. На конверте было написано: «Выбыл, не дав сведений».

Вот два стихотворения из этой тетради:

К молодым стихотворцам
и писателям «Гопа»

Пусть первые стихи и слабоваты
И, может быть, нет рифмы, красоты,
Не падайте же духом вы, ребята,
И снова напишите-ка стихи.

Ведь для того, чтобы вышли вы в поэты,
Тернистый путь борьбы нужно пройти.
Тогда только внимания за это
Среди читателей вы можете найти.

Наш пионер, писатель Максим Горький,
Он так же жил, как мы сейчас живем,
Ночевал он много и на гопе,
И долго о нем память не умрет.

Пусть первые стихи и некрасивы,
Возможно, и в журнал не поместят.

Не будь горяч! Не будь очень спесивый,
А что полегче начинай писать.

Я сбился с дороги
(На мотив — «За что он полюбил меня»)

Давно ль я жил в семье родной
И жизнью мог быть доволен,
Теперь избрал я путь другой,
Неверный путь и самовольный.

Я в жизни счастья искал
И очутился в Ленинграде.
Расплатный час теперь настал,
Ночлежный дом вместо награды.

В ночлежном доме я живу,
Душой и сердцем изнываю
И жизнь печальную влачу,
Как выйти в люди сам не знаю.

Порой кусают меня вши,
Порой ложуся спать голодный.
Где ж вы, презренные гроши?
Найду ли в жизни путь свободный?

Ночлежный дом, ты школа жизни,
Ты отираешь нам бока,

Не попадайте в него извне,
А то сочтут за чудака.

Настанет утро, с ним заботы,
Как трудно мне на свете жить,
Давно уже я без работы,
А ведь хочется есть и пить.

И тут же мысли возникают:
«А не пойти ли воровать?»
В конце концов в тюрьму сажают
И срок пришлось отбывать.

Срок отбыл, опять ночлежка,
Как тяжело все вспоминать.
Спокинул я родимый край,
Своих родителей оставил,
И городскую жизнь познал,
Страдать себя этим заставил.

Судьба, судьба, ты так коварна,
Ты насмеялась надо мной.
До слез обидно и досадно,
Что несчастный я такой.

Фамилия автора — Аверкин, Яков.

И теперь прошу лиц, знающих его, сообщить мне его адрес. Или же передать автору лично, что у меня лежат для него деньги за эти напечатанные стихи.

Писать мне — в Ленинград. Главный почтамт. До востребования.

КОЛЬКА

Многоуважаемый Зощенко!

Ваши рассказы меня увлекают. Под их впечатлением я стал писать рассказы. Темы беру исключительно из жизни. Чувствую, что сюжет рассказов бледный, лексикон слов небогат, хотя пишу быстро, сразу за один присест. Когда переписываешь, многое выбрасываешь, изменяешь, выжимаешь и т. п.

Очень был бы Вами благодарен, если Вы дали мне характеристику и совет, что стоит ли мне продолжать писать. Рассказы свои никому не посылал. Товарищи натолкнули на мысль.

— Пиши, — говорят, — Зощенке, он мужик хороший — совет даст.

Таким образом, я решил черкнуть Вам и послать шесть пока рассказов. Есть у меня еще с дюжину. Но об этом после. Сейчас только остается просить Вас еще вот что: будьте любезны, пришлите мне рассказы обратно. Мой адрес будет такой: г. Алатырь, пом. машиниста...

Простите за мою неграмотность и нахальство просить переслать рассказы и не послать деньги на перевод. Но принимая во внимание (так всегда пишут в официальных бумагах) то, что я Вас этим не ограблю, надеюсь, не будет оскорбительно для Вас мое нахальство.

Остаюсь в ожидании Вашего ответа *Колька*.

Рассказы у него были неплохие, но грубоватые. Вообще я похвалил его. Указал недостатки. Он прислал мне восторженное письмо, говоря, что я этим поднял его на большую высоту и что он будет продолжать это благородное литературное дело. Под вторым письмом стояла подпись уже не «Колька», а «Николай Максимович Максимов»...

ВИРШИ

Дорогой Миша Зощенко!

При этом письме прилагаю Вашу книжку «Кризис». Что Вам нужно с ней сделать — это Вам будет видно, если Вы не поленились прочитать эти стихи.

В это самое мгновенье
Осенило вдохновенье —
И для Зощенки для Миши
Сочиняю эти вирши.
Над совершенством моей Музы
Не трудились наши вузы —

Не высокого полета
И недостойна «Бегемота».
Вообще сидеть бы ей в тиши
И не писать бы вовсе вирши.
Но настал, как видно, кризис —
Я прочла недавно «Кризис»
И при чтении этой книжки
Надорвала себе кишки.
И теперь вот за лечение
Неописуемых мучений
(Не боясь, что это — риск)
Предъявляю Вам я иск:
Заплатите-ка мне штраф,
Написав свой автограф.

ПОДРОСТОК

Уважаемый Михаил Михайлович.

Давно я хотел Вам написать письмо, но из-за того, что я не знал, где Вы живете, я не мог этого сделать. Наконец, я решил написать письмо в «Правду», в каком-то я просил сообщить мне Ваш адрес. Через некоторое время я получил ответное письмо с Вашим адресом, и теперь имею возможность написать Вам то, что меня волнует...

У нас Вы хорошо известны, как талантливый писатель-юморист, и даже мы, школьники, с большим вниманием и удовольствием читаем Ваши рассказы. Но дело не в этом.

Я никак не могу понять, чтобы нам, школьникам, запретили читать Ваши книги. В нашей городской библиотеке я узнал, что есть несколько Ваших книг и однажды попросил одну из них («Уважаемые граждане»).

— Нет, — ответила библиотечарша, — я вам не могу дать эту книгу... Вам вообще не рекомендуется читать книги Зоценко, потому что вы еще подросток...

Я очень удивился и решил об этом спросить заведующего библиотекой. Но заведующий не мог разрешить этот вопрос, и мне, таким образом, до сего дня осталось непонятным, почему Вас нельзя читать. В юмористических журналах (напр. «Чудак») я прочел много Ваших рассказов. Но мне хотелось бы прочесть хотя бы одну из Ваших книг, и поэтому, если для Вас не трудно, вышлите мне по почте Вашу книгу «Уважаемые граждане». Я бы ее купил здесь в городе, но она не для моего кармана — дорога очень.

Я также прошу Вас ответить мне на это письмо и разрешить волнующий меня вопрос. Буду рад и счастлив, если получу от Вас письмо и книгу. Вы только простите за некоторые небрежности.

Ну вот и все, что я хотел написать Вам. Будьте здоровы. Желаю Вам наилучших успехов в дальнейшей писательской деятельности.

С сердечным приветом.

Ваш читатель...

Пишите. Жду с нетерпением.

ПЛОХАЯ МОЛОДОСТЬ

17 января 1929 года

Дорогой Зощенко!

Прошу Вас о большом одолжении — прочитайте эти мои стихи и дайте мне совет, стоит ли мне работать.

Я, конечно, знаю, что Вы не поэт и стихов не пишете, но я, право, не знаю, к кому мне обратиться. И кроме того, я думаю, что Вы правильно оцените мои произведения.

Я должна сказать: мне 16 лет, я недавно кончила школу и решительно не знаю, что делать. Кроме стихов, я ничего не люблю, и никакая профессия меня не прельщает. Посоветуйте, что мне делать. Могут ли в дальнейшем мои стихи дать мне заработок? Или мне лучше поступить в какой-нибудь вуз?

Пожалуйста, ответьте мне.

А главное — оцените мои стихи. Я понимаю, что стихи мои слабы и детские, но, может быть, вы что-нибудь найдете.

С нетерпением жду Вашего ответа и своей судьбы.

Нина Д...

Небо осеннее хмурится,
Плачут гудки, замирая,
Двигается, движется улица —
Мать ты моя дорогая.

Улица, улица...
Я без тебя намаялась,
Снова к тебе потянулась,
Будто бы дочь раскаялась,
К матке своей вернулась...
Что ж, принимай!

Мне без тебя не жить...
В ритмах своих закачай,
Горе мое усыплай
Пестрым мельканием лиц...
Дай позабыть...

* * *

Средь всяких грез, тщеславием богатых,
Я ловлю сейчас мечту одну:
Я хотела б быть большущим псом лохматым
И сидеть и выть бы на луну.

На луну обрывки тучек набегают,
Ветер сильный из залива воду мчит,
В такт со мной гармошка подвывает,
От окошек в луже свет блестит,

Ругань чья-то льется густо, смачно...
Я сижу и слушаю свой вой,
Вою тупо, глухо, жадно, мрачно
Под животною отчаянной тоской...

Где-то поезда гудок заплакал,
Тянет, тянет за собою вдаль...
Завывай, заблудшая собака,
Поверь луне свою печаль.

* * *

...Будем жить мы грошовым уроком,
В воскресенье в киношку ходить,
И потянется строчка за строчкой
Нудной жизни угрюмая нить.

Там, глядишь, мы уж вставили зубы,
Скоро станем, родная, стареть,
Будем брови чернить, мазать губы
И романсики страстные петь.

Жизнь-то злая нас все ж пожалела:
Сбылся наш стародевичий сон,
И прекрасней всего света бела
Появляется дусинька — «он».

Будут страсти, кино, пиво, грезы,
Будет ревность, бульвары, мечты,
Алименты, гитара и слезы
И у каждой флакон кислоты.

Но умчится шпаненок крылатый —
Тот, чье громкое имя — любовь,

Съединёны растущей квартплатой
Мы с тобою подружимся вновь.

И появятся кошки, герани,
Кофе, сплетни, кастрюльки, жильцы,
Будем бегать мы в церковь поране,
Воровать для «буржуйки» торцы.

Ожиреем, как свиньи, друг милый,
Целый день кофеек будем пить,
И растущие юные силы
Будем нашей моралью душить.

Там денечек кончины настанет,
С чистым сердцем помрем я и ты,
И никто-то из нас не вспомнит
Про далекие детства мечты.

Это очень неплохие стихи. Правда, они не совсем самостоятельны, но ведь автору только 16 лет. Даже Пушкин не был в 16 лет абсолютно хорошим поэтом.

Конечно, я небольшой знаток стихов (могу сознаться под конец книжки), но считаю и уверен, что автор впоследствии будет отличным поэтом.

Я просил у автора согласия объявить фамилию, однако разрешения на это не получил.

Это подтвердило мое мнение и мою оценку — это скромность подлинного поэта.

Очень хорошие стихи!

ГРУСТНАЯ ЖИЗНЬ

В двадцать восьмом году я работал в одном из юмористических журналов под псевдонимом Гаврилыч.

Письма на этот псевдоним были, по большей части, шуточные и не стоящие внимания. Но одно письмо представляет, несомненно, большой интерес.

Я печатаю это письмо полностью и без исправлений. Мною только расставлены знаки препинания — их в письме (кроме тире) вовсе не было.

Автору письма 23 года.

18 мая, пятница, 1928 года

Здравствуйте. Слушайте, Гаврилыч, голубчик, я хочу Вам кое-что сказать. Помните, вы писали, что весна — это чепуха, ложь, нет, Гаврилыч, весна, солнце — это жизнь. Гаврилыч, вам много пишут писем — вам много говорят, но то, что я хочу сказать, будет не меньше.

Во-первых, мне тяжело, во-вторых, мне было тяжело, в третьих — мне будет еще тяжелее, если так будет продолжаться дело. Здесь, само собой разумеется, я плачу — нельзя не

упустить такой минуты, надо порисоваться — человеку свойственно фиглярство. Я плачу, Гаврилыч, ах, как тяжело.

Но чтобы вам яснее было, я расскажу о себе: дочь крестьянина, сначала зажиточного, теперь нет, училась — семилетка. Так. Страшная обжора, которая каждое движение мысли определяла: надо поесть. Сидячая, читала много романов, пустых, Дюма и т. д. То целыми днями сидела за книгой, то срывалась в работу в деревню — страшная переоценка.

Не имея мускулов груди и живота, я при помощи ног бегала верст по 14 в день — работала. При таком образе жизни тоска была незапиваемая, как я ни пила чаю — и еды, чтобы заесть, желудок такой же, как у свиньи, дыхание ртом, телом развалина, лицо — немного симпатичное, зубов — ни одного.

Утомляя себя днем, вечером я не могла уснуть, чего-то хотелось. Если бы кто сказал, что легкие особенно просят для себя пищи — не поверила бы. И так дожила я лет до девятнадцати. Потом мне стали приходить мысли о физкультуре. Здесь я попадаю в обстановку неблагоприятную: конюшня и помойка. Здесь же живу, не понимаю, что где нет солнца — много бактерий. Я делаюсь боязливой от этого. Мне же кажется: я боюсь идти на улицу. До девятнадцати лет я была в Туле.

Починив зубы и сознав, что я калека, — решаюсь кончить жизнь, но не хватает совсем безумия — живу и, приехав в Москву, начинаю ходить разувши. А так как ходить я не умела, а идти такой слабой по улице спокойно — страшно, я бегала. Живот и грудь приводили всех в смущение — кто она? Спортсменка, решали некоторые.

Стала заниматься физкультурой. От конюшни не уйдешь — нельзя, приедут братья, а кто дома? Я ходила по двору. «Сумасшедшая», решили все. Долго я мучилась, но, наконец, я нашла способ — чтобы дать легким кислород, нужно делать физкультуру, но только животную, а именно — валяться.

Но здесь опять слезы, это, в конце концов, неважно.

Сначала я валялась дома, потом мне пришло в голову — ведь здесь нет солнца. На дворе. Но у нас и кооператив, и мальчишки, которые просто боялись меня, — это хорошо. Но старшие видели во мне похотницу — да, валяться при всех неосторожно, животное — и то не при всяком-то это будет делать. Теперь дальше. Мне тяжело стирать, мыть полы. Наши же смотрят: она лентяйка, строит юродивую — жиреет, замуж надо, разве девка долго может сохраниться — замуж.

А там что — тоже. Идти замуж, не имея в мысли создать здоровое потомство, — лучше не надо. И в то же время — ведь мы живем, чтобы существовать. Но когда я иду гулять, мне говорят: думаешь только о себе — благодаря тому, что я была ниже среднего человека, который знает мерку — завтрак, обед, ужин. Я даже не понимала, что костюм — защитная окраска организма. Я надевала что придется. Теперь я сознаю это, но мне хочется сделать мое тело упругим, а тогда костюм. Но как же это? Надо организму быть в движении. Встав на рассвете — валяться, ходить, — устанешь — основательно поваляйся, опять ходи. Здесь, в Москве, идти куда-то в три, в четыре часа — куда? Хожу по улицам. Одна. В чулках (в башмаках вредно). Щенок — «Эй, гражданка, куда?» — Я не знаю, что сказать. Объясняю:

«Доктор велел». Пусть бы так, но меня это раздражает. Когда я вижу человека с бельмом, я говорю: «Одна часть легких не в порядке. Ах, ему бы валяться!» Но сама — ходить. Зачем? И в то же время, когда я валюсь, мою мысль не оставляет: «Вот Шурка идет». И я рисую фигуру с новыми, энергичными чертами лица, с выпуклой грудной клеткой, крепкими мышцами груди, с почти полным отсутствием желудка, талия, широкие бедра, мышцы живота, маленькая ножка — и все это я могу достигнуть, стоит только захотеть, но вот именно — есть желание спать и спать. Я пробовала. Проводила такие дни и как я была довольна! Я благодарна, но вот горе: неправильные условия создали такие уродливые понятия, и хотя я говорю: полезно ходить, но сама сижу — вот пишу. И долго я не хотела сознаться, что у меня такие понятия, и только к двадцати двум годам я сознала. И какой же слабой я себя увидела! Какими же слабыми показались мне черты лица! Что делать? Подруг у меня нет. Была одна, которая думала о своей пользе, но потом мы расстались. Напишу ей письмо, как она себя чувствует.

Ну и вот, Гаврилыч, запала мысль мне в голову — помолодеть, почувствовать себя в крепком теле — ведь даже в шестнадцать лет, когда грудь моя наливалась, желудок и живот, и лопатки — все было слабо, и легкие, и сердце, и все. И думаю я иногда: если ложь, что если человек за день будет меньше терять, а больше приобретать, то долго будет молодым, я жить такой клячей не стану. Но... дни идут. Жить так, чтобы весь день ходить под солнцем и отдыхать, не приходится. Иногда потому,

что люди мешают, иногда свои понятия — и человек старится. Знаете, Гаврилыч, это ужасно сознавать...

До 22 года у меня были желания — найти человека. Но, когда я говорила с «ним», я сказала ему, что я ищу не страстью опьяненного любовника, но человека. И когда он ушел, я скучала и думала, что не хватает человека. А Шурке не хватало солнца и кислороду. Теперь я это сознаю, но вместо того, чтобы встать утром в четыре часа, я сплю до восьми часов. Желала бы я, Гаврилыч, теперь испробовать, как живет человек в здоровых условиях. Но не придется мне, Гаврилыч. Здоров может быть каждый, независимо от климата. Если вы не знаете этого, попробуйте: встав от сна, валяйтесь. И вы почувствуете, Гаврилыч, сколько силы у вас и вместе с тем — сколько веры. Вам, Гаврилыч, это особенно нужно. Судя по тону ваших речей, вы человек невинный, вы не знаете, что когда мы сидим или кушаем, что и какие мысли в голове. Многое вы не знаете.

Уже вечер — начала днем, кончаю вечером. Встану ли завтра я в четыре часа — не знаю.

Еще вот что, Гаврилыч, — у меня есть дневник, и интересен он потому, что не скрывала я самых черных мыслей и дел. Голубчик: посоветуйте мне его разорвать. Он дорог мне, как дневник. Ну, дорого только то, как рос организм в нездоровых условиях и как он боролся и не мог с ними, но не могу я его разорвать. Никаких там гонораров мне не нужно, но ведь в этот век, век бумаги, пишут и читают все. Если интересно, я могу перебросить его вам. А если это не стоит, ничего не пишите мне.

Сосу конфеты по копейке, фруктовые, и думаю: завтра встать и ходить со щенком. Я не сплю теперь днем, а он глупый, не понимает — возьмет ляжет, слушается, а потом лежит без движения и уснет. И как я ни валяю Чарли, он не просыпается — бедное маленькое животное, мне жаль его, хоть бы прибор такой придумать, чтобы он не спал!

Нет, не могу.

Гаврилыч, не обращайтесь внимания на грязь — это от воды брызги. Можете не писать мне — хотя я не знаю, попадет ли письмо вам в руки. Дождусь воскресенья, почитаю ваших речей, Гаврилыч.

Если смотреть на человека, как на продукт условий — то есть сна, пищи и, главное, провозждения дня, то незавидные условия пишут вам — мало солнца в них, но все в них гнило. Ах, Гаврилыч, если бы мне пожить в таких условиях, но не могу я. Если дадут вам отдых на месяц, то пользуйтесь им, как я говорю, а там увидите, каковы результаты.

Пока все. До субботы. Спокойной ночи.

Человек, который пишет, значит, сидит много и этим близок мне по условиям провозждения дня.

19-го, суббота

Встала, ходила, сидела, лежала, все-таки жила. Была под солнцем, загар. Ах, ноги уют! Но если бы завтра так. А в лесу лежать я боюсь — жутко, чуть сегодня не искусилась. О, Гаврилыч, я верю, что вы сочувствуете мне, если поняли.

Спокойной ночи, человек, который много истратил в жизни — то есть пожилой. Я так думаю о вас, но ведь и я — «пожилая», а это ничему не мешает.

20 мая, воскресенье

Ах, Гаврилыч, что я переживаю. Кошмар. Я уничтожила переоценку мускулов ног, при помощи которых я бегала, я стала тихо ходить. Но сегодня, в воскресенье, я поздно встала, в девять часов, я думала — лучше так, но как я ошиблась. Я и так тихо ходила, а теперь этой спячкой и вчерашним сидением в цирюльне я ослабила их — и я хожу так неуверенно. А люди думают — я их боюсь, и им так неприятно смотреть, я это чувствую. И в то же время, если ходить — то я не пропала. Но если я останусь дома сидеть, я буду еще слабее.

Ах, уйти, уйти в лес — пусть там бродяги, порочные люди, но они не так осудят меня и не так страшно будет мне на солнце.

Ну, читаю ваш журнал, ваши слова. Идут пионеры, все чистенькие, хоть они и не так идут и не развиты, но они стремятся к чему-то, к новой жизни. А я лежу в сарае, вернее, встала и смотрю. Слезы, мне скучно, Гаврилыч, и вас нет в журналах, почему?

Идти одной, щенок спит, ах, Гаврилыч, это скучно, скучно!

Сестра уезжает в Тулу, я одна буду стирать, стряпать. Гуляю с Чарли. Дома пью, ем, лежу тихо, слезы. Валяться бы надо, но я не могу. Я сегодня говорила с одной деткой, ей шестнадцать лет, она тоже не знает, как жить. Здоровье потеряно в науке — и в то же время не совсем калека, как я, например.

Гаврилыч, почему вы не писали в № 21? Мне приходит в голову — отчего ты пишешь? В чем имеешь нужду? В деньгах? В климате? В чем же тогда? В понятиях, то есть в советах? А разве словами переделаешь твои понятия? Нет, создавай себе условия, меньше сиди, пиши и читай, меньше спи.

Ну, ладно, пусть не напишет письмо Гаврилыч, все-таки отрадно сознавать, что далеко, далеко живет Гаврилыч и что он слушает Шурку, хотя так много говорить очень вредно.

Пишу адрес — в ожидании ответа я буду больше ходить, а собака моя спит. Говорю: не спи. Машет хвостом — дескать, я сама понимаю, не тронь. Бедное животное!

Шурка.

СТИХИ, НЕСОЗВУЧНЫЕ ЭПОХЕ

Посвящается М. Зощенко

Быть может, я беден снаружи, —
Но сам я, как Бог и Царь,
И сонмы неземных оружий
Хранят мой престол и алтарь.
И тех, кого люблю я, —
Заклучу я в оковы темниц, —
И за восторг поцелуя, —
В пурпур и гордость цариц.

Но тот, кто в меня верит,
Должен пойти за мной,

И ему откроются двери
Для жизни иной.

Г.

Душа, верните этот подлинник.
Понимаете, захотел написать для Вас.

ЗАДУШЕВНАЯ ПЕРЕПИСКА

Однажды пришло письмо из Киева. В одном конверте было два листочка. Пишут две подружки. Письмо разукрашено цветочками и сердцем, пронзенным стрелой.

Вот это письмо:

Август 1930

Товаришу Зошченко.

Звините што я пишу до Вас. Я неписала бы до вас письма бо я есьт простой чиловек, а Вы есьт чиловек нетолька што нипростой а даже чиловек висций лытературы, а Все ж таки я сила и пишу До Вас. Дужи много я про Вас наслухалась, а що билше я Вас начиталась. Дужи харошо Вы розписуите усяки случай из-жизни чиловеческой.

Ищо напишу про сваю жисьть. Я служу у домашних работницах у Кайиве жисьть нелеккая потому-што я есьт пралитарский чиловек и нет у меня ничего и никого, а толькы одна людина ридна брат мой. Он служить рабочим и в ниго своя симя.

И прошу я Вас Товариш Зошченко напишите нам как Вы животе и напишите напамят, пісни а мы будемо их виспивувути и

згадувати Вас. А мы Вам отпишим наши пісни какіе ни ско-
ч и т е.

Мы Вас дужи полюбили и хочимо з Вами рознакомитца хоч на
писмах. Пришлите карточку Вашу нам наспоминь и мы сваи приш-
лем. Звиняйте за письмо, емеете сожаления до нашего чувства.

Жду писма как соловейко лета красного. Поклон Ваший Ма-
маше.

Катря...

Письмо писано увечери ішеснощотого августа 19030 году.

Любий Михайло Зощенко.

Дуже звиняюсь що турбую вас. Мине сказали шо вам можна
писати. Ото де килька разів у нас у клубі розказувели ваши роз-
казув ой і смішно було. Ми із Катською надумали писати. Ми хо-
чемо по бачите вас який ви чи такий. Чиво вы до нас не приезди-
ти? В нас дуже хорошо много кранормейців і міліцінерів грает
музика що вечера. Учора прочитала оповидания про що пел соло-
віі і бивает таке за комода счастье потераеца. В нас жизнь ничиво
себе только хліба мало. Ми ходим у гімназію до ніверсету вчиця.

Приижаите товарищ Зощенко. Пішіт до нас про себе. Ми бу-
димо читати ваши книжки як що достанемо.

Коли напишите післо напишіті конверті адресу Киев...

До побачения остаюся *Нина*.

Я, конечно, ответил на эти удивительно милые письма.
При всей неграмотности и ужасной наивности от них веет
какой-то необычайной чистотой и прелестью.

Переписка завязалась.

Следующее письмо опять было разукрашено цветочками и птичками.

Уважаемый товаришу Зоценко.

Как бы Вы знали как мы зрадили коли получили од Вас писмо. Ми із Нинкою спивали вдвох з радості как усе одно соловейкі у гаю. И я знала ото Вы з нас нинасмиетеса и окажете унимања по мере сил своих. И как мы рады то мы і сказать ни можем. Типер якбы нам мати Вашу карточку то мыб сидели співали и дожидали коли мы зустрінемся із Вами. Мы пидем зниматця на карточку і Вам одправим карточку.

Товарищ Зоценко а чі Вы Знакомые из Чехавым. Вин теж книжки пишить. Я узяла читати соби чехава так и его написано смишно и интересна. А у вас нам ще білше подобаетця. Я читала у чехова про сапожника як вин продав душу чорту так и я подумала што краще прожить вильно и дыхати як тоби схочется и любити як тоби схочется. Яе найкраще у жизни слобода товарищу Зоценко. Или тилки жалько робитця коли што я родилася у простому семействе и через це уся моя жисть нещасная. А як би я була людиною не простою я бы ни так жила на цим свите. Товаришу Зоценко пришлите мені книжку з Вашими рассказами и Отоб там було писано про таких людей як мы з Нинкою. А я радилася коло Киеву у сели Гнидын. А у Киеви дуже гарно приезжайте побачите. Пришлите мени писмецо на Нинкин адрест бо у мени хозяйка уредна хто зна яка і листи розкриваеть.

А типер до свиданя товаришу Зоценко и батаю Вам усего кращого.

Катря.

Письмо з Києва.

Драстуйте Михайло Михайлович.

Я їздила до дому і тільки учора приїхала знайшла вашого листа. Воно дуже довго лежало поки я була у дома. Ми були такі раді що їй нам написали що і гулять не пішли а все сиділи і про вас розговорювали. Як що пришлете книжку будемо дуже вдячні. Ми сильно любимо читати усілякі книжки, я прочитала книжку як кохалися красноармеець із туркенею, дуже цікаво — така вже наша доля, жіноча. Ото коли початаеш трохи то єдинственне вдоволення у нашій житті ще любимо ми ходити у кіно дуже це цікаво показує у кіно і театрі теж були дуже воно там дилікатно усе всі у якіхтос вбранях чудних жінки майже голі, а чоловіки у сподницях, і все співають і коли плачуть співають і коли вмирають і де то так люди живуть мабуть горя не знають. Прейжайти у Київ тут дуже добре із голоду не помрете, усе можна купити як єсть гроши, хоч Вам із вашою делікатією і невдобно на базар ходити та якось єже увстроїтис.

Пишіть нам ще, пишіть мені на той самий адрес Київ...

Ждемо книжок карточек та вас самих як ми і з Каткою знімемось удвох на постреті пришлемо вам на спомін. До побачення остаюся *Нина*...

Я послал карточку і книжку своїм землячкам. Повторю: при всій їх жахаючої дремучості я вижу в них прекрасне серце, настоящий чистый голос і ту прелесть женственности, которая почти потеряна у наших «интеллигентских» женщин.

Вот следующие письма.

Драстуге товарищ Зоценко.

Даждалиса ми Ваших карточок. Велика Вам подяка за те що сполнюете наши мичты. Мы були такие радые поглядетця на Вас, який Вы есть веселый чиловек и дуже Вы душевный видать чиловек. Оце нам радость велика из Ваших патретив. Ища хачу напisać Вам писню на спомін.

Ой та під грушою під зеленою
Там зустрілася пара голубив
Де ни узявся орел из хмары злетів
Разбив розраяв пару голубив.
Голубя убив голубку зловив
Тай узяв пид полу приніс до дому.
Насыпав пшинца аж поколінца
Наливав водиці аж по криліці.
Голубка не ист. Голубка не пье
Та все под грушу плакати іде.
Голубка моя сизокрилая
Чому ж ти смутна не веселая
Ой як же мені веселой бути
Кого любила треба забути.
Ой у мене есть сім пара голубив
Лети выбирай краший буде теий
Ой еже летала еже вибирала
Нема кращого як я втеряла.

Оцю писню ми з Ниноюю удвох співаємо и дуже вона нас у жалість кидает. Напишите чи Вам подобаетця ця писня.

Досвідания. Пишите скоріше.

Катря.

Драстуйте Михайло Михайлович.

Дужи ми Вам благодарствени за ваши картачки, дужи вони нам подобаюця. Мы еже снялися на партрет и пришломо вам. Коли це ви приїдете. Ми їздили працювати на бураки на село. У мене є один знайомий красноармеец він дуже добре пише стихи я вам напишу одну пісню шо він написав мені а ви напешіть чи вам подобаеця.

Уж давно еще девочкой
Вас я узнал и с тех пор
Вдарило сильно в упор
И душу готов я отдать.
Песнь я петь не умею
Но и писать не могу
Но и полюбить навряд сумею
Девочку милу другу...

Вин ще багато пише стіхів. Напішите коли ви приїдете. Спасіба вам за пожелания дуже вони нас втишили. Я ваш партрет повесю на стінку.

Пишіть ще нам.

До свидане остаюся *Нина*.

Посылаемо карточки.

Пришліт нам книжку вашу.

В одном из писем я получил фотографическую карточку. Обе подружки снялись вместе, обнявшись.

На карточке надпись: «Міхаїлу Зоценко від ево землячок на памнять. Катря и Нина».

Переписка продолжается.

ПОЕТ И ПИШЕТ

23 октября 1930

Здравствуйте, Мих. Мих. Зощенко.

Как здоровствует лучший из юмористов, мною обожаемый? Прошу большое извенение, что побеспокою ваши глаза с умным выражением. Надеюсь, они в очках.

Не делайте удивленного лица, не надо, не удивляйтесь, что прошу так просто, я не училась в гимназии и правела не знаю. Я хотя живу в С.С.С.Р., но ваша поклонница, т. е. рассказов ваших, веселых и простых слов. Правда, теперишнюю поэзию я презираю и не навиху слог, хотя напр. Маяковского — не в рифму, но ваши обожаю и читаю с большим интересом, хотя у ваших рассказов много слов, как сказать, вульгарных, но теперешняя молодежь это любит. Я, конечно не имею права писать, что плохо, что хорошо, но ничего, извените. Но увы, мое не счастье у нас в г. Сталино мало книжных магазинов и я не могу достать ваши книги библиотека у нас нищенская хорошего нет если хотишь познакомиться хорошо с литературой то нельзя. Но с большими трудами достала ваши 2-ое книг «Над кем смеетесь» и «Уважаемые граждане». Четая эти книги я убедилась, хотя вы человек и нервный но сдоброй душой.

Я незнаю почему пишу вам письмо не испытываю ни какого страха, не смотря что пишу известности поэту юмористу Зощенко и пишу так смело как будто пишу брату, но когда я писала Горькому я боялась испытывала страх. Я посылала ему нелепые рассказышки он их похвалил. Не думайте, что я хвалюсь.

Горькой писал мне, что нужно заняться литературой серьезно. Тогда я не знала ваши произведения и когда прочла ваши — «Баню», «Арестократку» — бросила всю эту скучную поэзию. Вы представить не можете как мне нравится ваш язык, ваши восклицания — «Вот, братцы мои». — Но беда в том, что вас я не где не видала ни фотографии, ни рисунка но ничего как не билась и не могла, чего вашего портрета нет в ваших книгах. Простите за нагальство, что взяв на себя прошу выслать мне хотя заваливший ваш портрет. Вы скажете: «Сколько их и каждая по портретику. Ого сколько!» — Но хотя не фотографию так не считайте за трут взять ножницы и вырезать из журнала хотя. Умоляю хочу видеть, с гораю от нетепрения не ужели вы такой веселый и интересный как ваши рассказы. Но не думайте, что я как лиса выманиваю сыр у вороны — нет просто я вас представляю толстеньким, в средний рост фигурой, с черной вьющейся с проседью шапкой волос с голубыми вечно смеющимися глазами и вообще с добрым нежным лицом. Наверно вашей супруге весело с вами — вечно шутите. Простите за нелепое письмо но я молода и поделится мне не с кем, хотя Горькой и писал мне, что нужно серьезно заняться литературой. Он мне преслал рассказы которые счел нужным для меня. Я послала благодарение, но их книги положила они не имеют веселья, а ваши веселы. И поэтому я стала писать маленькие рассказы на вашу тему. Меня среди моих друзей, которые очень вами увлечены, называют — подражатель Зоценко. Но дайте совет, что мне делать я обладаю хорошим голосом и учусь на курсах у нас в техникуме, которым очень мой голос

нравится и дают путевку в консерваторию. Но что мне делать? Кто даст совет. Быть мне поэтом или актрисой и я решила вам написать, как вы человек боле знающий. И то и другое мне нравится, но чем заняться серьезно не знаю. Пока и то и другое — и пою и пишу, но нужно чем то одним. Горькой мне иногда присылает тему и я должна ее обработать и ему послать, но не могу — сижу над ней уже 6 месяцев и мало, что сделала потаму не знаю что делать — за двумя зайцами погонишься но не одного не поймаешь. Кто советует одно, кто другое и я решила вам написать. Простите за все простите, что решилась вам писать длинное нелепое письмо, но вы не арестократ, а рабочего типа поэт, а посему прошу простить и не отказать моей прозьбе выслать фотографию и дать совет. Как я буду рада всему, что вы дадите ответ и я тогда верьте не буду вам надоедать, после совета пришлю вам свои рассказы-ки если вы разрешите, а как только достану денег то выпишу еще ваши книги для материала.

Но к сожалению они — т. е. деньги не скоро будут я живу у брата а он ужасно скуп насчет денег, но ничего может как улажу.

Простите и извините, что чувшь написала.

Если изволите писать ответ то мой адрес...

Ну что я мог ответить на это письмо? Я ничего не ответил. Иной раз лучше промолчать, чем ответить. Тем более в данном случае пришлось бы посоветовать — петь. Но если она так же поет, как и пишет, то уж лучше писать, чем петь.

ЛЕЛЬКА-БАНДИТ

1930 год

Дорогой Миша!

Сегодня целый день не отрывалась от Ваших произведений, читаю, читаю, читаю... без конца. Впрочем, дело-то вот в чем: я в Вас втрескалась (то есть, вернее, не в Вас, а в Ваши произведения). Пытаюсь рифмоплетничать, и мне папаша говорит, что нужно. Если Вы не имеете ничего против, то в следующем письме я напишу Вам несколько своих «произведений», а Вы приблизительно оцените, каков я «писатель». Я до того Вас полюбила (извиняюсь — Ваши произведения), что не замечаю, покупая по несколько одинаковых книг. Ну, не беда.

Хотела кое-что написать побольше, да некогда, надо бежать на собрание ячейки ВЛКСМ — я комсомолка. Если желаете — обрисую свою наружность: хожу в брюках, фуражке и плаще, потому что ненавижу эти всякие такие юбочки, платица и проч.

Ах, черт... писать-то некогда, а хочется побольше написать, ну да ладно, после напишу, посмотрю, как Вы ответите. А уж и напишу же: про все мои экскурсии по СССР и всякие проделки. Пока.

Жму Вашу лапу.

«Лелька-Бандит».

«Бандит» — мне дали прозвище за то, что часто я схватываюсь с ребятами, иному, бывает, так заедешь, что искры из глаз посыпятся.

Пишите.

Поговорим письменно о Маяковском, с которым я общалась письмами (когда была в Харькове).

Вам же пишу из одного фабричного местечка, Сред. Вол. Края.

Пишите все, не стесняйтесь, потому что я давно уже не считаю себя существом женского рода, а считаю — мужского.

Пишите, пишите, пишите.

Вашему ближайшему другу — привет, скажите, мол, какая-то Лелька завелась, привет, мол, велела передать. Вот.

Здесь очень красивая местность, думаю пожить здесь побольше.

Пишите скорее.

Если у Вас есть фотокарточка, то, пожалуйста, пришлите, я хоть посмотрю на Вашу физиономию.

А потом и я Вам пришлю, если хотите, только Вы-то уж пожалуйста-распожалуйста пришлите. Жду.

Тьфу! Я и забыла, что я с Вами уже простилась. Ну, пишите, а потом уж я Вам, эх и напишу. Простите, что я Вас не называю по имени и отчеству, но я к этому что-то не привыкла, впрочем, если желаете, то я Вам напишу: дорогой Михаил Михайлович... и т. д. Желаете?

Напишите, сколько Вам лет, и обязательно пришлите фотокарточку.

Ну, довольно. Еще раз жму лапу.

Лелька.

Простите, что пишу на таком обгрызышке бумаги.

АКРОСТИХ

Михаилу Михайловичу Зощенко

Много юмора в маленьких книжках,
И люблю я их очень читать,
Хотя в пошленьких этих людишках,
Ах, как грустно себя узнавать.
И из книжек живые лица,
Лицемерно смеясь, глядят.
Занесена на эти страницы
Обывательская среда.
Щетка буден усталую спину
Ежедневно без усталости трет...
Не хочу захлебнуться в тине,
К новой жизни, покончив с рутиной,
Обывательщина идет.

Милый Михаил Михайлович!

Я знаю, что стихотворение плохое, не выдержан размер, вообще слабо, но, знаете, акrostих очень трудно сочинять, тем более, что Ваша фамилия совсем не приспособлена для этой цели.

Мне очень хочется послать Вам одно или два моих стихотворения, но я боюсь, что Вы мне не ответите, и поэтому решила сначала немножко задобрить Вас акrostихом, а если Вы окажетесь таким милым, каким я Вас представляю себе, и ответите, тогда послать Вам мои «труды».

Боюсь, что я совсем не умею работать над своими стихами. Как-то я прочла статью Маяковского о том, как он работал над своим стихотворением на смерть Есенина. Прочтя ее, я заплакала, потому что никогда не сумею так работать. Михаил Михайлович! Если Вам скучно писать — не отвечайте. Я очень глупа, что надоедаю Вам, но я счастлива была бы получить от Вас ответ. Ведь Вам не так уж трудно черкнуть пару строк.

Поставьте себя на мое место — и Вы ответите.

С горячим приветом...

НЕЗНАКОМКА

Октябрь 1930

Уважаемый тов. Зощенко.

Пишет Вам незнакомка, не старайтесь припоминать, так как Вы меня абсолютно не знаете и никогда не видели. Очень увлекаюсь В/произведениями, у меня их целых два тома, кроме последнего, и на досуге после работы я люблю взбираться на кровать и смеяться от всей души от Ваших праведных трудов. Сегодня как-то стихийно пришла мне мысль написать Вам, не думайте, что отсюда я преследую какую-либо цель, авторскими способностями я не обладаю, а пишу «по простоте душевной». Видите ли, как фразы Ваши прививаются, я сейчас вспомнила эту фразу от «Негрооперетты». Я смело надеюсь, что не откажете в столь скромной просьбе, тем более чистокровной пролетарке. Я Вас прошу прислать мне Ваших несколько последних произведений, так как при всем желании не смогла попасть на

вечер литераторов, который не так давно состоялся в театре. Теперь Вас, конечно, интересует (а, может быть, и нет), что я из себя представляю. Самая обыкновенная работница с фабрики «Красное Знамя». Боюсь, этот материал послужит для Вас оживлением для Вашей пищи.

С тов. приветом...

Все-таки ожидаю положительного ответа.

Вас, наверное, интересует, откуда я знаю В/адрес, — это очень просто — в телефонной книжке.

ЧЕЛОВЕК НА УЛИЦЕ

В ноябре тридцатого года я получил удивительное письмо от незнакомой молодой женщины.

Как выяснилось, эта женщина три года назад приехала из провинции в Ленинград. Ей не повезло. Вместо ожидаемой прекрасной жизни она столкнулась с большой нуждой. Она не сумела найти ничего хорошего. Она не нашла себе даже пристанища.

Три года она проходила по улицам, ночуя то у знакомых, то в каком-нибудь учреждении, то просто у случайных встречных.

Повсюду, куда она приходила в поисках работы или ночлега, у нее требовали союзную книжку, паспорт, удостоверение, путевку, карточку с биржи труда и т. д.

Впоследствии, когда я встретился с этой женщиной, выяснилось, что, кроме метрики, у нее ничего не было. У нее не было даже хлебной карточки.

Женщина сконфуженно говорила об этом, утверждая, что ей просто непонятно, откуда это все берется.

Оказывается, не всем дано канцелярское умение управлять своей жизнью. И не все эти люди умеют набивать свои карманы удостоверениями. Такие люди престоко бывают наказаны. Но вот это письмо:

Михаилу Зощенко.

Вас никогда не приводила в холодное бешенство лампа на чужом столе...

Вам не приходилось ночами бродить по черным скользким камням и заглядывать в теплые пятна чужих окон, куда страшно хочется швырнуть камнем... У меня — девятнадцать лет и желтый чемоданчик. На плечах — что-то невесомое на шелковой подкладке. В голове — муть и иногда страх. Я одна насквозь. Приближение каждого вечера встречаю с болезненной гримасой: куда идти ночевать. И каждый новый рассвет жмет виски холодом неизбежности наступающего дня. Вот такое состояние с небольшими передышками (время от времени я выхожу замуж или приезжаю недельки на две домой) — продолжается уже три года. Вместо того, чтобы к этому привыкнуть, — я чувствую, что начинаю медленно сходить с ума. Как на салазках с невысокой горы. Людей люблю. Очень. Но их жизни ненавижу. Их чужие уютные жизни. Даже жизнь моего дома, моих родителей — для меня чужая. Я к ней никак не могу присосаться. Я там могу только отдыхать. И то недолго, после того, как меня побьет, пошвыряет и выпьет очередное полчище дураков и негодяев.

На этот раз я здорово устала, но на этот раз я не могу даже вернуться домой.

Отец сейчас в провинции преподавателем. Его тоже побило и швырнуло здорово, хоть в другом плане, чем меня. Ему живется туго и холодно.

Родители обо мне заботиться отвыкли, да и не могут. А я — здесь.

Ношу свои девятнадцать лет и свой желтый чемоданчик. Пробовала работать. Сняли. Я ничего не умею делать. На биржу не иду: предубеждение против этой, кишасей людьми громадины; не люблю затериваться.

Пишу стихи.

Ну их к черту. Ахматова под есенинским соусом.

Это все не то.

Знаете ли Вы холодный привкус одиночества на губах, зацелованных всеми. Приходилось ли Вам говорить с милыми людьми, улыбаться им, и думать в это время о том, что вот они уйдут в свои теплые повседневные жизни, а Вы останетесь с Вашей никем не тронутой заброшенностью на бульварной скамейке, с девятью копейками в кармане, с тяжелой головной болью и страхом.

Ах, эти чужие квартиры! Эта чужая домовитость чужими ногами зашарканных половичков.

Ведь я бываю везде. Меня берут ночевать и гладко-причесанные семьи, и взъерошенные холостяки со своими табачными ласками, и одинокие женщины с тихими чайничками по утрам... Я ко всем иду. Я ставлю свой чемоданчик у дверей, сажусь в глубокие кресла, или на шаткие стулья, или просто на подоконник и смотрю.

Как в кинематографе — все и всё.

Иногда зубами вцепишься в платочек, который очень хочется смочить не идущими из широко открытых глаз слезами.

Хочется иногда броситься к кому-нибудь, крепко обхватить руками, прижаться, и долго, сбивчиво, горячо — умолять о том, чтобы взяли меня, сделали своей, своей совсем, дали бы мне что-нибудь больше липких, мокрых поцелуев (со стороны мужчин) и тихих улыбочек, приправленных сытым сочувствием (со стороны женщин).

Но во мне — слишком мало крови для каких бы то ни было порывов.

Я — только усмехаюсь и чувствую, что мои глаза все глубже обводятся синими и немножко влажными кругами.

Что мне нужно от Вас.

Дайте мне возможность писать. Я хочу быть журналисткой, рецензенткой... Не знаю. У меня хватит наблюдательности, чувства слова и восприятия — на все.

В общем, мне кажется, я очень хочу поговорить с Вами.

Смотрите на меня как на душевнобольную, которая ходит, бродит, ласкается, наблюдает, мучается, носит на плечах неплохую башку, способную неплохо варить, и — ничего не делает для того, чтобы затормозить медленную ползучесть вниз.

Моя психика до того безобразно выросла и распухла, что я теряюсь.

Мне нужен кто-нибудь, кто сумеет осторожно и безболезненно сделать из меня что-то нужное. Это — много. Это — немислимо.

Сознаю, зря и пишу это. От Вас мне нужно только то, чтобы Вы захотели со мной поговорить.
Я Вам позвоню по телефону.

11 ноября 1930 года.

Она позвонила мне по телефону. Мы увиделись. Это была красивая, очень молодая женщина. Она говорила каким-то безразличным голосом. Все слова были сказаны ею на одной ноте, без интонации. Это было тяжело слушать.

Я, сколько мог, ободрил ее. Дал немного денег. Посоветовал запастись бумажками, чтобы поискать службу. И, в случае неудачи, посоветовал уехать к отцу, в деревню.

Несколько месяцев она ничего не предпринимала. Какое-то упрямство, а может быть, и безволие, оставляли ее в том же положении. Но в феврале этого года она все же уехала к отцу. Недавно я получил от нее письмо из деревни. Она пишет, что отдыхает в деревне и пока старается не думать о своей будущей жизни. Она никогда не предполагала, что так трудно и сложно жить на свете. Это верно.

ХОРОШИЙ КОНЕЦ

Это любопытное письмо получено из провинции.

17 декабря 1930

Товарищ Зошенко.

Простите, что беспокою, но нужда, честное слово, крайняя. Я нахожусь сейчас под давлением «великих проблем», а разо-

браться не с кем. Меня мучит целая уйма вопросов, которые не хватает храбрости разрешить самой и под давлением которых я нахожусь. Именно это заставляет меня спросить у Вас совет. По-моему, человек, описывающий духовные флюсы, должен иметь от них средство. Вот почему я выбрала своей «жертвой» именно Вас. Не знаю, удастся ли мне втиснуть свой «флюс» в более или менее конкретный образ. Во всяком случае постараюсь. Для большей ясности начну с начала: детство я провела на попечении немок, которые, кроме немецкой азбуки, пичкали меня «религиозным дурманом». Годам к девяти я была уже посвящена во все похождения Иисуса Христа и, в знак любви великой, называла его не иначе, чем Исуся-Христуся. В общем — в детстве у меня было довольно абстрактное понятие об окружающем.

Когда мне было одиннадцать лет, умерла моя мама, материальное наше положение больше чем пошатнулось, и немки улетели в трубу. Тут-то я стала «пролетаризироваться»: дни проводила во дворе, играла с разношерстнейшими ребятами и, конечно, читала Мопассана. Вот. Так отошли в предание бонны и «Исуся-Христуся». Годам к четырнадцати я знала наизусть добрую половину Есенина и не меньше Блока.

Позже пришли Маяковский, Асеев, Сельвинский — всех не счесть. О том, можно ли совмещать Блока и Маяковского, — я тогда не думала. Это теперь меня смущает то, что я в одинаковой степени увлекаюсь как «Прекрасной Дамой», так и Маяковским. Ведь это же разные полюсы — почему же я так. Сейчас мне 17 лет. Я поступила в этом году в фабзавуч. Тут-то самое главное: если на теории у меня почти никаких расхождений с

рабочим классом не было, то на практике оказалось, что ничего общего у меня с этими ребятами нету. (Под рабочим классом я подразумеваю одних рабочих.) Тут мне пришлось столкнуться с казусами, о которых ни Жаров, ни Безыменский не писали. Если даже предположить, что они описывали московские ФЗУ (детскость), то и тогда не думаю, что климат так разительно влияет на нравы. В нашем ФЗУ ребята сморкаются под ноги, носят под ногтями траур и такие вещи говорят, какие «приличные люди» лишь на стенах уборных пишут. Когда начинается урок, то я молю Бога (по инерции), чтоб он подольше продолжался, так как на переменке я себя совсем потерянной чувствую. И вот мне очень больно — я не привыкла себя чувствовать ижицей затерявшейся. Во-первых, получается, что у меня никогда спайки с рабочей средой не будет, а во-вторых, — ведь нам еще два года вместе — как же я смогу. Я и так иду на компромисс: если дома говорю — «девочки», то в ФЗУ — «девчата». Дома, когда ко мне цепляются, говорю — «как не стыдно», а в школе приходится говорить — «уйди, а то съешь по морде». Иначе не помогает. Возможно, что это просто условности — у каждой среды свой прием изъяснения, во всяком разе мне мой больше нравится. Меня эта имитация, подделыванье под кого-то здорово мучит. Такое впечатление, будто я примазываюсь к ребятам, а уж это — ни за какие коврижки. Или в самом деле соединиться, или удалиться восвоеси. Но в том-то и дело, что я не могу решить — кто же подлежит переделке: я или они. Я не говорю, что я святая, — у каждой, конечно, стороны есть свои слабости, — но стоит ли мне отбросить мои для того, чтобы подвергнуться, может быть, еще худшим (их слабостям). Не подумайте — ин-

телигентка в кавычках. Честное слово, что нет. Неужели в том, что между нами оказалась такая бездна, виноваты немки и «Исуся-Христуся». Но ведь я так давно с ними покончила. В общем — я сейчас, как на море. Товарищ Зощенко. Может, Вы мне поясните, как мне искать путь к рабочей аудитории. Или, может быть, совсем уйти из ФЗУ. Правилен ли мой подход к нашим ребятам. Как бы Вы поступили, находясь на моем месте. Я, вот, собираюсь в пролетарские писательницы, а какая же я буду «пролетарская», если не умею, вот, обращаться с нашими ребятами. Ведь они же — будущий пролетариат (и даже теперешний). И потом еще о литературе — почему так ругают конструктивистов. Неужели, если 60 процентов разбирают только печатным шрифтом, то остальные 40 процентов не имеют права писать и читать письменным. Да ведь это скучно. Впрочем, я отклонилась в сторону. На этот вопрос можете, если время строго рассчитано, не отвечать, но на остальные о ч е н ь В а с п р о ш у — ответьте. Я совсем сбилась и буду Вам крайне признательна, если поможете разобраться. Вот. Еще раз простите за беспокойство. Всего лучшего...

Я ответил этой растерявшейся девушке, что уходить ей из ФЗУ не следует, что аристократической среды в настоящее время в Союзе не имеется. И что такой уход опасен в том смысле, что это еще более усугубляет разрыв, и тогда наступит полная неудовлетворенность, как и у всякого человека, не имеющего своей среды.

Я написал ей, что если она считает себя в культурном отношении выше той среды, в которой она находится, то ее

дело не ахать и огорчаться, а наоборот — оказывать влияние на эту среду. Пусть это будут два-три человека, которым она привьет вкус к литературе или, скажем, убедит, что брань попросту унижает человека, — это уже будет очень много, и это в какой-то мере даст удовлетворение.

Через месяц или два я получил благодарственное письмо. Девушка писала мне, что ее жизнь в этом смысле переменялась. Ее более не тяготят ребята из ФЗУ. Она беседует с ними о литературе и находит в этом чуть ли не свое призвание. Очень хорошо.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Теперь начинается самое неприятное.

В этом отделе я печатаю хвалебные письма.

Я хотел бы их вовсе не печатать, но тогда был бы провал — не хватало бы каких-то действующих лиц в этой моей книге.

А, кроме того, я так полагаю, что читателю все же забавно поглядеть — кому что нравится и кто за что хвалит.

Я, конечно, понимаю — этот отдел, чего бы я ни говорил, выглядит плохо и нахально.

Мне, правда, наплевать, что про это будут говорить. Но я совершенно соглашаюсь с тем, что это довольно-таки неприятно печатать о себе разные высокие слова. Так обычно некоторые оборотистые частники выпускали средства для расщипывания волос или какие-нибудь пилюли «Ара» от клопов и

при этом обязательно печатали письма от благодарных исцеленных клиентов и пациентов.

Согласен. Похоже. Но решил пострадать за идею.

Да, собственно, до последней минуты я не хотел печатать похвальные письма. Жена уговорила.

— Надо, говорит, хотя бы несколько штук включить. А то могут подумать, что их и вовсе не было. Прямо неловко.

Пожалуй, верно.

Вот выбрал несколько особо похвальных писем и печатаю на свою седеющую голову.

ВСЕХ ПЕРЕКРЫЛ

Уважаемая редакция, передайте от меня Мих. Мих. Зощенко мой пламенный привет.

Очень уж я люблю рассказы Зощенко. Нет ничего так увлекательного, как его рассказы. Каждого свежего номера «Бегемота» или «Пушки» я жду с нетерпением, чтобы прочитать от слова до слова написанное Зощенко. Я даже теперь, не глядя на подпись, узнаю его рассказы. Я язык его знаю. Уж очень он прост, понятен.

Вращаясь всегда среди читательской массы, я хорошо знаю, кто более заинтересовывает современного читателя.

В нашей современной литературе имеются произведения ..., ..., ..., но они все на втором месте от Зощенко. Вот Зощенко сумел завоевать интерес к себе, его любят, его ценят, все уважают и все хорошо понимают. А главное, Зощенко пишет факты.

Зощенко берет жизнь не из кабинета своей литературности, а путем вращения в жизни.

А это не у всех писателей. У них как-то сухо, непонятно, загадочно.

Современная литература должна гордиться Зощенко.

Вот мой приветственный ключ Мих. Зощенко — современному бытовик-юмористу-сатирику.

Начинающий писатель, селькор газеты «Уральский рабочий».

Горжусь? Да нет. Какой черт! Там, где поставлены много-точия, были перечислены такие авторы, которых обскакать не так уж лестно. Тем более путем вращения в жизни.

Гордиться не приходится.

С ДОРОГИ

Которым интересно меня обидеть, обычно говорят:

— Тираж, тираж! Это ничего не показывает. Юмористика! Железнодорожное чтение. Мелочишки.

А по мне хоть бы и так. Меня это ничуть не обижает. Пожалуйста. В чем дело! На одну полку с Толстым не лезу, «Войну и мир» не напишу. Предупреждаю заранее.

В чем дело! Имеете легкое железнодорожное чтение. Почту за счастье быть таким любезным автором. Добиваюсь!

Вот даже и письмецо получил от железнодорожного пассажира:

Уважаемый тов. Зощенко!

Прочитав Вашу книгу «Над кем смеетесь», могу сказать, что не только эта ваша книга, а еще «Уважаемые граждане» читались мною с большим интересом. Особенно читались мною рассказы с непрерывным смехом: «Лимонад», «Пасхальный случай» и из «Уваж. гражд.» — «Стакан», «Аристократка», «Пассажиры».

Вообще я Ваши рассказы почти все, которые проходили через мои руки, всегда читал и буду читать с удовольствием. Мне все хочется на Вас посмотреть, жаль, что нет ни в одной книге Вашего портрета.

Ну, тов. Зощенко, пока всего хорошего, желаю Вам в таком же духе писать свои рассказы, и я думаю, что такое пожелание не я один бы пожелал.

С большим бы удовольствием еще бы с Вами поговорил на бумаге, да поезд через 5 минут отходит.

Всего хорошего. Жду новых рассказов.

Пишу Вам из гор. Полторацка, Средняя Азия.

Всегда читатель Ваших произведений...

«Никак, батюшка, стаканчик тюкнули?» («Стакан».)

ПИСЬМО ИЗ ПРОВИНЦИИ

Дорогой Михаил Михайлович!

Я, от лица группы Ваших страстных поклонников, приношу Вам нашу сердечную благодарность за тот хороший, бодрый смех, который Вы даете нам своими рассказами.

В минуты досуга, в минуты отдыха мы собираемся нашей тесной компанией и читаем, перечитываем и снова читаем Ваши образные коротенькие жизненные картинки.

Нет повести, нет рассказа, которого бы мы не знали. Каждое новое Ваше произведение читается запоем, учится наизусть.

Как только кто-нибудь откуда-нибудь достает «новую Зоценку», все кидаются к этому счастливцу и не успокоятся до тех пор, пока не будет несколько раз все прочитано, пока вдоволь не отведут душу здоровым, веселым смехом.

На днях у нас должно будет состояться чтение новейших из Ваших рассказов. Но нам в провинции трудно добывать Ваши книги, да и денег у нас мало.

Мы хотели Вас просить скрасить нам вечер и написать нам на память какой-нибудь рассказ с парой слов, Ваших слов, любимых «зоценковских», тех слов, которыми теперь все мы только и говорим, которых ищем со всем юношеским азартом во всех журналах и газетах.

Ваш автограф даст нам неисчерпаемую радость. Ведь рассказ этот будет написан Вами для нас. Он создаст, оживит Вас в нашем воображении, Вас — творца смешных и хороших героев.

Простите, если мое обращение и просьба покажутся Вам дерзкими, но они так искренни, и, я думаю, Вы это почувствуете.

Заранее благодарный, один из Ваших многочисленных поклонников...

Ответ (если Вы захотите дать мне эту радость и ответить) попрошу Вас адресовать: Ленинград... Оттуда мне его скоро доставят в наше захолустье.

СТУДЕНТКА

2 октября 1926

Милый Михаил Михайлович!

Не пожалейте потратить время на чтение этих строк, — ведь в них мне так хочется сказать Вам и не только от себя, но и от имени целой группы моих товарищей, — какая великая, искренняя благодарность к Вам живет в нас, далеких провинциалах, так скудно и бедно награжденных «культурой», искусством и т. п.

В долгие вечера, когда кроме книг и взаимного «словоблудия» — не было ничего, когда тоска цепко забирала нас в свои руки — мы открывали тоненькие, белые и синенькие книжечки...

Как рассказать Вам все то великое дело, которое совершили они в нашем настроении.

Едва ли кто был в лаборатории человеческих душ, но если бы слабые, маленькие люди добрались туда, они, мне кажется, поразились бы, увидев, как сложно и тонко устроена машина смены настроений.

А Вы эту тонкость и сложность сумели познать. Просто, бесхитростно рассказывая о чем-нибудь — как Вы могли наполнить души таким светом, создавать такой смех и радость — цену которым не определишь...

Особенно в нас, одиноких людях...

Днем на службе, на работе... по кусочкам убиваешь здоровье, нервы, силы, жизнерадостность — в борьбе за хлеб...

До вечера — уборка, стирка, мелкие заботы, маленькая, но хлопотливая деятельность...

И всегда, во всем мы одиноки...

Нужно самому быть одиноким, чтобы понять, какой ужас, какая трагедия подчас заключается в одиночестве!

Это пустыня, но пустыня, лишенная солнца...

И если бы Вы знали, каким беззаботным смехом, какой безудержной радостью заливалась комнатка, когда в ней раздавались написанные Вами рассказы.

Уходили заботы, уходили будничные мелочи, уходили усталость и мрак.

И это странно, потому что Вы писали-то о тех же буднях, мелочах и усталостях...

Чем, чем Вы могли делать нас молодыми, беззаботными, не чувствующими своей заброшенности и одиночества в глуши?

Хоть на час, на два, но мы сияли смехом, мы забывали все.

И вот теперь, когда я, наконец, вырвалась учиться в центр и ехала сюда, мои товарищи, оставшиеся там, в далекой провинции, собрались провожать меня...

Тушили зависть в глазах... Молчали... Переминались... как всегда на проводах.

Но вот кто-то сказал безнадежно-горестным тоном:

— Увидите Зоценко, небось...

И вот, если бы Вы видели, милый Михаил Михайлович, как просияли лица у них, как засмеялись вначале глаза, потом губы, потом все лицо... как вырвался звонкий смех у них у всех...

И наперебой, все-таки не умея сдерживать зависть в молодых, срывающихся голосах, искренно и горячо просили прислать все

новинки Ваши, просили увидеть Вас, крепко пожать Вашу руку и сказать Вам от них большущее, хорошее спасибо.

Приехала я. Видеть Вас едва ли удастся. Да если и увижу, едва ли рискну подойти, сказать что-нибудь. Подумаете: «психопатка», «сумасшедшая»... а в лучшем случае: «скучающая, желяющая соригинальничать барышня». Решила написать.

Примите же нашу благодарность. Все, что есть в нас молодого, искреннего и хорошего, — шлет Вам ее. Большое спасибо.

А я рискую, от имени всех, попросить у Вас разрешения — и по-бабьи, звонко и крепко расцеловать Вас.

Примите уж и просьбу мою: черкните своей рукой на своих книжоночках и пошлите их мне — не решаюсь затруднять Вас посылкой всем нашим ребятам, — а уж я перешлю их в далекий Туркестан.

Вам это не составит большого труда, а если бы Вы знали, как они будут рады.

Нужно самому пожить в глуши, чтобы понять, как мучительно однообразна там жизнь и как много света вносит получение чего-нибудь любимого... А ведь Вы — любимец, да еще какой!

Не откажите же!

И если посылка ко мне обременительна, позвоните мне, я пойду возьму их сама.

Так хочется обрадовать своих ребят.

Телефон мой... Звоните...

Еще раз большое спасибо.

Я уже не помню, как в точности случилось, но восторженная студентка зашла ко мне на квартиру за книжкой.

Я жил тогда в угрюмой комнате в б. Доме Искусств, на Мойке.

И надо сказать, в тот год я был особенно болен — невращения и хандра замучили меня вконец. Я был злой и раздражительный. И помню, весьма неприветливо встретил мою гостью.

Она мне говорила какие-то голубые слова, а я был мрачный, как сукин сын, и даже не пытался выдавить на своем лице улыбку.

Наверное, нехорошая память обо мне осталась у студентки. И я бы хотел, чтоб она простила меня за мою нелюбезность. Я был очень болен.

А сейчас я здоровый и веселый. И даже почти что любил людей.

ИЗ ХЕРСОНА

Славный, веселый Михаил Зощенко!

Мы очень любим ваши рассказы. Читаем их много раз и каждый раз с новым интересом, у меня есть несколько номеров журналов, в которых есть ваши рассказы, и я их даю читать всем знакомым, все они смеются, смеются до слез, так что странички с вашими рассказами совсем покоробились от влаги и трудно читать — даже печать вылиняла.

Я с нетерпением жду, когда «30 дней» пришлет нам книжку ваших рассказов.

Все же мы читали очень мало ваших рассказов и потому не можем судить, какие лучше; по слогу большим успехом пользуется «Случай в бане», а вообще «Кинодрама».

Мы любим кино и (я особенно) приглядываемся к его посетителям и его порядкам. Раньше у нас бывали случаи вроде «кинодрамы», например, какой-то «черт военный» зацепил локтем за отворот свитера одной девочки, свитер вязаный, натянулся, военный высокий, и бедная девочка должна была на кончиках пальцев бежать за ним.

Существовала даже месть, мы когда-то удивились, что у одного типа на руке сделана татуировка — часы, и эти часы показывают столько, сколько как раз в то время было. Он услышал, и, когда толпа хлынула, он начал толкать нас, подставлять ножки и т. д.

Да мало ли примеров!

Да я лично против нумерованных мест: то хоть потолкаешься, но сядешь, где нравится. А теперь. Иногда в кассе остается 20 и более мест, но все в разных местах, а когда идешь компанией, то это прямо досадно.

Теперь у нас надписи в кино по-украински, украинский язык грубее, и иногда смешно, если принцессы начинают ругаться по-украински. На днях мы были на «Сюркуфе», сзади нас сидела интересная пара. Я плохой знаток типов и не могу точно определить его происхождение и занятие, м. б. мелкий торговец, м. б. рабочий, м. б. чиновничек, в общем, по-моему, обыватель в полном смысле слова; она лет за 30, некрасивая, с большой бородавкой на носу. Она громко (один бас на все кино)

читает надписи, медленно, по слогам, и в каждом слове вместо «ы» читает «и». Он ее все время поправляет, она соглашается, но потом — снова. Только в конце она вдруг начала читать «и» вместо всех гласных.

Вообще они плохо понимают содержание, в картине герой женится не на героине, а влюбленный в героиню кузен следит за героиней. Они же думают, что это героиня вышла замуж и пускают реплику кузену: «А вин ходе и ходе, вона еже замуж вышла, а вин все ходе» — ломаным здешним языком. И все путают, так что в конце картины у них английский министр очутился в тюрьме вместо разбойника.

Хоть они и говорят на вид по-украински, но в надписях они очень мало понимают, и когда встречается «шляхетний друже», то он, вместо «благородный друг», переводит — «дорожный (от слова “шлях” — путь) друг», она сначала не согласна — все-таки «дорожный друг» — довольно сомнительное выражение.

«Гм... дорожный... наверно, дорогой», — вдруг догадывается она.

Он не согласен, объясняет: «Понимаешь, по дороге встретились, случайно, понимаешь, познакомились и подружились. Скорее, более точно будет не дорожный, а подорожный».

Я не знаю, дойдет ли письмо, но думаю, что раз доходили такие письма, о каких писали в «30 дней», то это должно дойти.

Пришлите мне ваш точный адрес, я знаю много интересных курьезов, очень хочу их вам рассказать, не побрезгуйте нашей дружбой, присылайте адрес, мы вам много, много пришлем, особенно из сельской и обывательской жизни и про украинизацию.

Ну, до свиданья. Пишите побольше в журнале, это лучше доходит до читателя. Напишите что-нибудь про обывателя (вроде нашего) в кино.

Ах, как рады будут мои друзья (и я тоже), если вдруг (именно вдруг) вы откликнитесь на послание херсонской молодежи.

До свидания, веселый Зощенко!

Желаю вам от всей души успеха и всего, всего хорошего.

Адрес: Херсон... Шуре.

«КОРОЛЬ СМЕХА»

27 апреля 1927

Михаил Михайлович!..

Я очень реально представляю себе Ваше лицо (по портретам) и, главное, то недоумение на нем, когда Вы получите и прочтете мое письмо...

Да и в самом деле: человек не думал, не гадал, и вдруг... как это вам покажется, получает письмо, да еще из такого отдаленного, захолустного уголка, как город Бежица, около госзавода «Профинтерн», и неизвестно от кого, от человека, которого Вы не знаете, не знаете его лица, ни головы, ни что он из себя представляет, — одним словом, «человек в черной маске», как будто из исторического романа на манер à la Дюма. Ах, я извиняюсь!.. забыла... Я не хочу быть черной маской и прежде, чем написать Вам письмо, — представляюсь Вам, хотя я не молодой человек, а барышня, ну, да ладно, кто будет разбирать в наш эксцентричный

век. Итак, звать меня Леля, ну, и так далее — особо выдающихся примет нет. Тут я на минутку молчу, а Вы, потерявший дар слова от недоумения, конечно, понемногу обретаете его и прежде всего начинаете размышлять вот так:

«Я получаю письмо от совершенно неизвестного человека, от барышни, она мне пишет, а я ее не знаю и не знал». И за этим следует вывод — ясный и беспощадный: «Это или сумасшедшая, или психопатка-истеричка», — иначе как объяснить это письмо.

Погодите, уважаемый Михаил Михайлович, так поспешно делать жестокий вывод!..

Михаил Михайлович... я очень и очень люблю Ваши сочинения — Ваши юмористические рассказы. Я от природы очень люблю смеяться и смеяться, до упаду, как говорится. Только Вы, ради бога, не подумайте, что я смеюсь и с причиной и без причины, и тогда обо мне составитя невыгодное мнение... Вспомните-ка пословицу: «Смех без причины — признак дурачины». Нет! Я смеюсь всегда только по причинам — и по причинам самым основательным. А самая главная причина, когда я смеюсь заразительно, от всей души и до упаду, — это Ваши рассказы. Моя жизнь не такая беззаботная и мне часто приходится плакать, и вот в минуты отдыха я читаю Ваши произведения, смеюсь, хохочу и забываю все то мрачное и тяжелое, которого так много в жизни. Вы, как добрый волшебник, невидимо спрятали в каждом Вашем рассказе искру откровенного смеха, вспыхивающую ярко и разрастающуюся в трудно

тушимый пламень смеха. Ваши произведения бесподобны. Вы думаете, что я льщу? — Нет, я говорю то, что думаю, я всегда люблю говорить правду. И Вы думаете, что я одна отношусь так к этому? — Ничуть не бывало. Все мои подруги без ума от Ваших произведений. Одна — художница, увеличила Ваш портрет с книжки, повесила его чуть ли не в красный угол. Зимними вечерами мы собирались в кружок — одна читала, а мы все хохотали до упаду, что называется, свыше нормы, на все 120 процентов.

У нас вошел даже в ход «зощенский» язык. Например: встретятся где-нибудь две хохотушки, пока серьезные и придавленные житейским гнетом, но стоит только одной вспомнить какую-нибудь выдержку из Ваших произведений — они уже тонут в приливах смеха... Вы — король смеха! А что касается меня, то все Ваши произведения, какие попались в мои лапы, — я их знаю наизусть и еще опять-таки раз двадцать перечитаю их.

И вот, однажды, прочитавши Вашу книжку, под заглавием «Кризис», на обложке которой был помещен Ваш портрет, и, взглядевшись на него, я думала... Я смотрела на Ваши глаза, полные тонкой иронии и юмора, думала — где Вы, что Вы делаете и что Вы из себя представляете? И тут мне мелькнула мысль — написать Вам письмо и еще... Вы только не смейтесь, Вы, юморист... — это мне хочется переписываться с Вами. Вы, ради бога, не подумайте, что я хочу это делать из тщеславия — нет, и тысячу раз нет, — просто я хочу переписываться с остроумным

человеком. И потом: Вы пишете книги, они расходятся по всем городам, по всем местам, — все читают их, а это я хочу, чтобы это была моя собственность.

Я буду ждать от Вас ответа, какой бы он ни был, и с нетерпением...

Мой адрес: г. Бежица...

Барышня не заимела остроумного кавалера — переписка не завязалась.

Не могу по барышням трепать свои мозги. Не имею на то охоты и вдохновения.

ИЗ ТИФЛИСА

5 сентября

Милый, многоуважаемый Михаил Петрович! (Сомневаюсь, что Вы Петрович.)

Может быть, Вы часто получали такого рода письма, но это легко объяснить Вашим успехом. Что касается меня, то я не в силах сдержать свой глупый телячий восторг перед Вами.

Вы, может быть, не поймете, что мне надо было написать что-нибудь, какую-нибудь ерунду, послать в Москву и успокоиться. Почему же Вы обязаны получать и прочитывать, а то, может быть, и просто рвать всякую чепуху, я не знаю, но думаю, потому что Вы «Зощенко».

Я не знаю, сколько Вам лет, но если вы молоды, то, конечно, Вы должны прочитать и даже ответить.

Если бы Вы ответили, это было бы большой радостью, а радости в моей жизни очень мало.

Я думаю, что Ваше творчество критиковалось солидными умами, и думаю, что они нашли недостатки, но не все ли равно. Клянусь Вам, что Вы попадаете в самую точку мировоззрения советских граждан.

Ваши рассказы любят все, потому что они заставляют смеяться чуть ли не до слез. И все рассказы насыщены советской прозой, жизнью, которой живут многие.

Еще раз прошу, черкните что-нибудь, этим Вы доставите большое удовольствие глупой девочке.

Я буду долго ждать.

Шлю Вам дружеский привет.

Тифлис...

Послал открытку — несколько слов привет.

НУ, СПАСИБО

Раненбург, 10 января 1927

Товарищ Зощенко!

С большим удовольствием читаю я Ваши юмористические рассказы и от души смеюсь над ними. Вы умеете так кратко, так живо и смешно описывать, что когда читаешь какой-нибудь один из Ваших рассказов, то невольно предста-

вляешь себе лицо героя и все происходящее с ним. Я всегда с восторгом разговариваю о Вас и рассказываю Ваши рассказы. Я давно хотела написать Вам это, но мне как-то не удавалось.

Жму крепко Вашу руку.

Уважающая Вас ученица второй ступени...

ДОКТОР

24 октября 1927

Дорогой и глубокоуважаемый Зощенко!

Пусть Вас не удивит настоящее письмо. Просто мне хочется выразить Вам восхищение Вашими прекраснейшими рассказами. Будучи перегружен работой, я в свободное время с величайшим удовольствием отдыхаю над Вашими книжечками, которые доставляют мне большое эстетическое наслаждение. Мне никогда не надоедает перечитывать их в сотый раз. Ваши «Уважаемые граждане» — это моя настольная книга.

Вот это заставило меня осмелиться написать Вам. Я был бы счастлив, получив Вашу фотографическую карточку. Приношу тысячу извинений за мою нескромную просьбу и надеюсь, что Вы не откажете мне в ней. Будьте здоровы и веселы.

С тов. приветом...

Сверхштатный ассистент клиники общей хирургии медицинского института.

Письма, не вошедшие во второе издание

ДОНАТ ВЕСЕННИЙ

30 декабря 1928

Уважаемый тов. Зощенко.

Будучи незнакомым, посылаю мою пародию на Ваши юмористические рассказы. С 1925 года (с начала студийной работы) я рассказывал Ваши рассказы с эстрады. Как и у большинства остальных рассказчиков, они проходили с должным успехом. На последнем курсе нашего драматического отделения рассказывают Ваши рассказы половина мужского состава. Вас любят читать.

Я лично еще молод — мне 19 лет. Кроме студийной работы я отдаю время литературе — пишу стихи, новеллы. В Союзе писателей состою недавно; печатаюсь с пионерского возраста.

Я много думаю о том, почему Вы не поедете в гастроль: успех моральный и материальный обеспечен. Вас любят, даже больше — Ваши рассказы причина здорового смеха.

С товарищеским приветом *Донат Весенний*.

Я забыл — если понравится компиляция-пародия, то передайте для напечатания по своему усмотрению.

Отвечайте! Это представит мне исключительное удовольствие.

Донат Весенний. Член Сибирского Союза Писателей.

Билет №...

Я ответил юноше, что пародия его довольно любопытна, но что я советую ему в срочном порядке переменить весенний псевдоним на более посредственный.

В 19 лет это, может быть, звучит гордо, но в 35 лет будет чертовски неловко перед уважаемой публикой.

Пусть не обижается на меня тов. Донат Весенний! Я сердечно пожелал ему добра с высоты своих 33-х лет.

После этой книжки придется поторопиться с заменой.

СЕРЬЕЗНАЯ КРИТИКА

Станция Купянск-Узловой Южных ж. д.

13 августа 1928

Здравствуйте, тов. Зоценко!

Все этак сижу я, да и взбредет же мысль написать что-нибудь. Да, явилась фантазия именно лично Вам написать что-нибудь. А случилось это очень просто. Прочитал Вашу книжку «Над кем смеетесь» — и взялся за перо чиркнуть Вам больше пары слов. Чиркнуть собираюсь по существу, т. е. хочется дать отзыв о Вашей книжечке.

Попробую, как сумею, надеюсь, тов. Зоценко не рассердится на меня. Итак, приступил.

Наверно начну, так и полагается, с самого начала. Сама книжечка не страшит читателя своим средним форматом (т. е. не толстенная).

Бумага этой книжоночки, также можно сказать, терпимая и, вообще, ежели строго подходить к книжонке с внешней сто-

роны, то, пожалуй, выдержит, хотя и не строгую, но все же критику.

А вот, ежели напустить на себя смелость критикнуть про ее внутреннюю сторону, то тоже сказать плохого не найдется.

Вот хотя бы прочитать первую часть этой книжонки.

Как-то невольно позавидуешь такому человеку, как Вы.

Думаешь это, и откуда у человека столько таланта взялось.

Ну, прямо прелесть, ведь это — настоящий современный Чехов. Прямо у Вас получается еще как-то почехее (от слова Чехов).

Да, как же, и рассказы довольно маленькие и довольно-таки веселящие душу читателя.

И сколько-то в этих рассказах чего-то родного, понятного. Читаешь — и не хочется проверять страницы, скоро ли дочитаешь, а хочется, чтобы без конца тянулись Ваши рассказы.

А вот не успел глянуть, как уже подходит второй отдел Вашей же книжечки. (Начинаются рассказы: «Игра природы», «Административный восторг» и т. д.)

Что же можно сказать про этот отделчик?

Да, нужно признаться, я по секрету Вам признаюсь, что этот отделчик как-то слабее от первого.

Оно-то правда, также хороши, но все же слабее, это, конечно, на мой взгляд.

Читаю третий отдел Вашей же книжечки. Читаю даже Ваше предупреждение к этому отделу.

И вот там говорится, что «некоторые Ваши недоброжелатели находят, что эти рассказы (т. е. третьего отдела) лучше многих последующих Ваших рассказов».

Да, я соглашаюсь, что это именно говорят недоброжелатели по отношению к Вам.

А я бы сказал, что эти рассказы (третий отдел) совсем слабые, ежели, конечно, сравнить их с первым отделом.

Не проглядывает там резкого юмора, как это в первом отделе.

А, в общем и целом, книжонка Ваша прямо-таки хорошо действует, да и при том на человеческий организм. Можно без пристрастия сказать, что действует оздоравливающим образом.

Вот, все хорошо, да только что Вам пришло в голову такое заглавие дать («Над кем смеетесь»)?

Видите, читаешь себе и от души посмеиваешься, правда, пока забудешься. А вот стоит вспомнить это заглавие, неотвязная мысль и пристанет, что смеешься, а только сам над собой. Надумаешься, затем еще и поразмыслишь, возьми да сам себе и внушаешь, не плакать же.

А, может быть, я в порядке самокритики смеюся, и снова продолжаешь смеяться.

Да все равно тов. Зоценко не увидит и не услышит. А вот ежели Вы нэпмана высмеиваете, так, пожалуй, тогда уже смело, без всякого на то размышления смеетесь.

Да и в самом деле, что такое нэпман?

Да не меньше, как социально вредный элемент.

Вдоволь можно посмеяться. Думаю и Вы, т. Зоценко, не будете обижаться. Вот как будто бы и критика моя подошла к концу. А теперь, наверно, начну по личному вопросу. Вот видите ли, тов. Зоценко, в процессе моего писания отзыва у меня яви-

лось этак скромное желаньице, чтобы Вы черкнули мне хотя бы пару слов.

А спросите у меня про что, так я и сам не могу сказать.

Да и о чем задумываться? Вам, наверно, видней, не учить же мне Вас о чем писать (наверное, Вам это не в первый раз приходится). А Вы знаете, как это будет лестно, да я Вам на бумаге не сумею передать.

Скажем, к примеру, такой случай: разговорились (так бывает в компании) примером о современной литературе, о современных писателях. Как это они, мол, теперь близко к массам этак стоят. Мне самому приходится частенько вмешиваться и рассказывать, да что, мол, вы говорите, ежели я, например, самого М. Горького видел, в двух аршинах от него стоял. Вот, милые, как на ладони, стоит да улыбается своей горькой усмешкой. (А видать-то я, правда, видел, это было дело в городе Харькове, может быть, Вы знаете, в профсоюзном саду. И видел-то всего не так давно, в этом году, 1928, если не ошибаюсь, в июне месяце.) А вот еще будет о чем рассказать.

Пройдут времена, а у меня Ваше письмо будет храниться и уж при случае, когда Вы достигнете значения в мировом масштабе, как советский писатель, то и тут придется о чем поговорить. Т-ща Зощенко, как же, я хорошо знаю, скажу, да я с ним, может, переписку имел, придется говорить в теплом кругу товарищей — любителей поговорить о современной литературе и о современных писателях.

Вы уж не откажите и сделайте такую милость — напишите. Я Вам и марочку почтовую пересылаю (а марочка стоимости

10 коп.). Вам только бумажечки да конверта на свой счет придется послать. С этим, наверно, как и подобает хорошему писателю, есть такое добро. Чернильца, думаю, также хватает, а в крайнем случае так и карандашиком не побрезгуйте. А вот мой и адресок (следовательно, кто просит, чтобы Вы написали)...

Я знавал одного товарища, так он мне такую историю рассказал и вдобавок божится, что сушая правда. Говорит: это я послал письмо (не рассказывал, правда, содержания того письма) одному современному писателю. — Дальше, — говорю я ему. — А что же дальше, а он да возьми, сотвори фельетончик. Спасибо, говорит, хоть фамилию заменил, а то прямо-таки стыдно по улице пройтись. Да и то, рассказывает, хотя фамилия как бы переменная, а все-таки так и кажется, что все узнают, что это, дескать, тот идет, что про него в фельетоне говорится. А надо заметить, что-что, а уж фельетоны сейчас в моде, каждый, наверно, читает. Так вот, т. Зощенко. Я теперь напуган этим товарищем. Думаю, хотя и чепуху пишешь, а чем черт не шутит, не лазил же я в голову писателя, примером, скажем, в Вашу головушку.

Возьмет да и взбрдет ему в голову написать что-нибудь. Возьмет, как выражаются по-вашему (писательскому), прочтет письмо и усмехнется, мол, есть сюжет, давай напишу.

Так вот, т. Зощенко.

Ежели, паче чаяния, у Вас появится мысль написать что-нибудь, так уж, пожалуйста, фамилию перемените, я серьезно прошу. Может быть, Вы будете сильно заняты. Может быть, расстроенный. Да, может быть, черт Вас знает что.

Так что и в голову, может быть, не полезет про какие-то сюжеты обдумывать. Теперь, т. Зощенко, я все же снова обращаюсь к Вам, чтобы Вы что-нибудь да и черкнули мне.

А просить я имею право. У меня есть основания. Вы в своем предупреждении к третьему отделу книжки «Над кем смеетесь» пишете:

— А которые читатели из принципа не захотят все же читать эти молодые рассказы — то пушай не читают. Пушай тогда за автором будет двугривенный. Когда-нибудь рассчитаемся.

Вот я и хочу рассчитаться, правда, возврата двугривенного не прошу, ибо я все же прочитал, но прошу взамен за это написать мне пару слов.

Да, еще хотел Вас предупредить и дать честное слово, что уж никому из читателей Вашей книжечки не проговорюсь, что, мол, т. Зощенко рассчитывается и пишет письма. Ну, уж будьте покойны, пускай сами до этого дойдут.

А то им и в голову, наверно, не стукнет такая мысль, чтобы Вам написать и от Вас получить ответ.

Нет, т. Зощенко, уверяю Вас, им не стукнет такая мысль, ибо большинство теперь читателей пошло таких, что сразу прут к рассказам, а что им до предупреждения от автора.

С комсом. и читательским приветом

Н.

Вы уж, т. Зощенко, не откладывайте в долгий писательский ящик, а сейчас же ответьте. Как-то, знаете, надежней будет, что не забудете. Жду ответа.

ПИСЬМО РАБКОРА

Козьмодемьянск Марийской автономной области

9 июля 1928

Уважаемый т. Зоценко!

С большим удовольствием прочел Вашу изданную «ЗиФом» книгу «Над кем смеетесь». Главным образом, меня заинтересовали в ней помещенные в третьем разделе Ваши фельетоны.

Я уже давно думал, что в настоящее время юмористические рассказы должны бы быть частично заменены сборниками фельетонов, как материалом, имеющим реальную подкладку, а потому и более способным заинтересовать тот круг читателя, который предпочитает «правду» авторским, извините, «выдумкам». Затем у лиц, доставляющих материал для фельетонов, конечно, усилится боязнь доставлять этот материал, так как мало кому доставит удовольствие попасть из живущей один день и после этого преданной читателем забвению газеты в несравненно более долговечную книгу. Повторяю, что я это думал давно, но никак не предполагал, что мои мысли осуществляются.

Тов. Зоценко, я рабкор. Писал свои корреспонденции и в виде фельетонов. Часть из написанного мною количества последних была помещена. Часть шла через соответствующие органы, а часть помещалась в стенной газете.

Мне бы очень хотелось узнать у Вас, как у человека, близко стоящего к «ЗиФу» (заключаю из обилия изданных последним Ваших произведений), может ли «ЗиФ» выпустить (хотя бы в качестве приложений к одному из журналов) еще сборник фелье-

тонов. Если да, то я бы очень желал дать свои фельетоны, только если Вы согласитесь прислать их Вам на проверку, т. е. под Вашу редакцию.

В качестве доказательства того, что если не литературно, то в смысле грамматики я наликбезился, посылаю Вам напечатанный в журнале свой маленький рассказ. Ваше мнение о нем я также очень хотел бы знать. Журнал прошу не возвращать и оставить у себя в знак моей благодарности за доставляемые чтением Ваших произведений хорошие минуты. Жду Вашего ответа.

Уважающий Вас...

Адрес — г. Козьмодемьянск...

Я — ВЕСЕЛЫЙ ЧЕЛОВЕК

В заключение я хочу припомнить два или три телефонных разговора. Это несколько выпадает из тона моей книги. Но мне кажется, это необходимо для полноты содержания.

К тому же эти разговоры я записал почти буквально. Возможно, что я ошибаюсь только в расстановке слов.

Вот первый разговор:

28 января 1929

— Простите, что беспокою вас... Вот нас пять человек... Мы скучаем... Буквально умираем от скуки... Что нам делать?.. Как развлечься?.. Куда пойти?..

— Позвольте... Но я не бюро обслуживания.

— Да, конечно, мы знаем... Не сердитесь... Это не шутка... Мы звонили именно вам. Разговор зашел о вас. Как вы сумели сохранить свою веселость, жизнерадостность... Что вы для этого делаете?..

— Но кто вам сказал?.. Я скучный и мрачный человек... Откуда я знаю, как вам нужно развлекаться...

— Простите в таком случае... Два-три слова вас, надеюсь, не затруднят...

— Ну, пойдите в кино.

(Сердится. Трубка резко повешена.)

СКРОМНАЯ ПРОСЬБА

— Извините, что я нарушаю, может быть, вам спокойствие. Мне желательно поговорить с вами... Вчера вечером я слышал, как моя жена беседовала с вами по телефону...

— Простите, но я не припомню. Мне много звонят.

— Это неважно. Вечером, около девяти она вам звонила. Я не имел удовольствия слышать, что вы ей вкручивали, но она хохотала довольно весело.

— Да, но я ее не знаю... Вчера, действительно, звонила какая-то мне незнакомая женщина. Но я не знаю ее лично. Просто телефонный разговор.

— Оставьте, товарищ... Мы знаем эти разговорчики. Сегодня она по телефонной сети разговаривает, а завтра она у вас разговаривает... Слушайте, уважаемый литератор, плюньте на

это дело. Нет, я вам серьезно говорю. Ну что вам стоит! Звонит какая-то баба — не отвечайте ей. Скажите, черт ее подери, — вам нету времени.

— Голубчик, я обычно так и делаю. И охотно это сделаю и с вашей женой. Как ее имя?

— Тося... Антонина Васильевна...

— Пожалуйста.

— Я очень вам благодарен. Все это ерунда, а у меня, так сказать, нарушено течение жизни. Благодарю вас. Я всегда любил ваши веселенькие сочинения... Пока...

Больше Антонина Васильевна мне не звонила. Должно быть, помогли домашние средства.

Приложение

ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ЧИТАТЕЛЯМИ

Критики считают, что я пишу о мещанстве и что герои моих рассказов — мещане.

При этом некоторые критики недоумевают — откуда я беру такое непомерное количество мещан. Не есть ли это моя выдумка? Не погряз ли я сам в мещанском болоте? Тем более, что ничего, кроме мещан, я как будто не вижу.

В таком случае позвольте сделать разъяснение. Но прежде, чем приступать к разъяснению, позвольте опубликовать одно письмо, которое я недавно получил. Это письмо почти совпадает с теми критическими замечаниями, которые я продолжаю получать по своему адресу.

Вот это письмецо:

7 января 1930

Здравствуйте, т. Зощенко.

Пишу, только что прочитавши ваши «Письма к писателю».

Почему? Во-первых, потому, что вы стали «почти что любить людей», во-вторых — мне захотелось соригинальничать. Все мы грешны.

Признаться, меня поражает, что ни в одном письме к вам нет дельной критики. Только один парень правильно отметил ваши недостатки, да и то под конец сравнил вас чуть не с Чеховым.

Я думаю, да и вы, наверно, сами согласитесь, что до Чехова вам далеко. Может быть, чеховские рассказы глубже, потому что он высмеивал все общество, а вам приходится вытаскивать отдельные группки людей.

Но мне кажется, что вы высмеиваете не совсем то, что нужно. Еще не изжитый бюрократизм, волокиту, вредительство, некультурность — все, что тормозит наше социалистическое строительство, — вот что вам надо высмеивать, а не мещанское болото, которое и без того отживает свой век и никого не интересует. А уж если и показываете человека из этого болота, то покажите его дальнейший рост, его перестройку.

Это просто дружеский совет. По вашим комментариям у меня создалось впечатление о вас, как о «своем парне». Я надеюсь, вы не обидитесь, так как просто смотрите на вещи и как будто искренни.

А с вашими юмористическими способностями вы бы много действительной пользы принесли.

«Вот нахалка, — скажете вы, прочитав письмо, — на двенадцать лет моложе, а менторствует».

Такое уж мы поколение, дерзкий народ, так и тянет в каждую суматоху сунуться.

Могу дать краткую характеристику о себе, чтоб не показалось все странным.

Лета — 21 год. Имею мужа, только что окончившего инженера, работает на заводе, ребенка трех лет — умненького и красивого.

Все время пристаёт, пока пишу это письмо: «Кому пишешь?» Говорю: «Смешному дяде». Отстал.

Работаю секретарем правления — выдвинута. Имею сверх головы партийной, профессиональной и комсомольской нагрузок.

Вот и все. Прошрое мое не для юмориста — слишком безрадостно. Да и оно вас, конечно, и не заинтересует.

Не поймите письма превратно. Вы как будто бы интересный «человек». Я так и не поняла, в партии вы или нет. Все-таки надо бы в сборник и ругательные письма получить, а то получилось неестественно.

Ну, всего.

Л. К.

Получается, что некоторые критики недалеко ушли от этой молодой женщины, у которой умный сын, — они также недоумевают — зачем я пишу о мещанах.

Отвечу по порядку.

Прежде всего позвольте сказать, что некоторая легкость мыслей не позволяет автору письма понять основные положения.

Автору письма требуется «высмеивать еще неизжитый бюрократизм, волокиту, некультурность» и так далее. А откуда эти явления происходят — автору письма невдомек. А эти явления происходят как раз именно от «мещанского болота». Так что вся мудрость письма рушится после первого же правильного соображения.

Я, конечно, согласен, что «мещанства» (как отдельного класса, прослойки) у нас сейчас нету. И писать о мещанстве как о мещанстве — пожалуй, что и не стоит. Но вот признаки мещанства, элементы мещанства рассеяны у нас почти

что в каждом человеке. И если я пишу о мещанине, то это еще не значит, что я увидел где-то живого мещанина и целиком перевел его на бумагу. Нет. Это далеко не так. Я выдумываю тип. Я наделяю его всеми качествами мещанина, собственника, стяжателя, рвача. Я наделяю его теми качествами, которые рассеяны в том или другом виде в нас самих. И тогда эффект получается правильный. Тогда получается собирательный тип. Этот тип (в силу правильного рецепта) начинает жить, и довольный читатель восклицает: «Помилюйте, да это мой знакомый. Я только не помню, кто это, но он, как живой».

Такова литературная кухня. И в этом и состоит литература. Литература — это не значит взять своего знакомого гражданина и перевести его на бумагу со всеми его «перевживаниями». Это пустяки. Это по старой терминологии будет — дамское сочинение, рукоделие, бирюльки.

Литература требует, кроме лирических способностей, еще некоторой работы головы. Надо прежде всего решить основные вопросы нашей жизни, надо взять правильное соотношение, такую, что ли, правильную пропорцию мещанства. И я решил этот вопрос, вопреки заверениям моей корреспондентки, в том виде, что мещанство у нас, несмотря ни на что, еще сильно. И оно тем сильнее, что находится в скрытом виде. И говорить с ясным взором, что у нас нету мещанства, но что у нас есть только волокитчики, бюрократы и растратчики, — это есть самое явное непонимание жизни, самая вредная точка зрения, так сказать — «бюрократическая отписка».

Вот почему я пишу о мещанстве.

Я не хочу сказать, что у нас все мещане, и все жулики, и все собственники. Я хочу сказать, что почти в каждом из нас имеется еще та или другая черта, тот или другой инстинкт мещанина и собственника. И в этом нет ничего удивительного, это совершенно естественно. Это накапливалось столетиями. Сразу не бывает перерождения, и борьба с этим, по моему мнению, нужней и почетней, чем, скажем, акварельными красками описывать почти что выдуманных людей из будущего столетия.

А то, что молодая женщина пишет о перестройке, то я тоже за перестройку. Но только я стою за перестройку читателей, а не литературных персонажей. И в этом моя задача. Перестроить литературный персонаж — это дешево стоит. А вот при помощи смеха перестроить читателя, заставить читателя отказаться от тех или иных мещанских и пошлых навыков — вот это будет правильное дело для писателя.

М. Зощенко и Н. Радлов

ВЕСЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ
(ТРИДЦАТЬ СЧАСТЛИВЫХ ИДЕЙ)

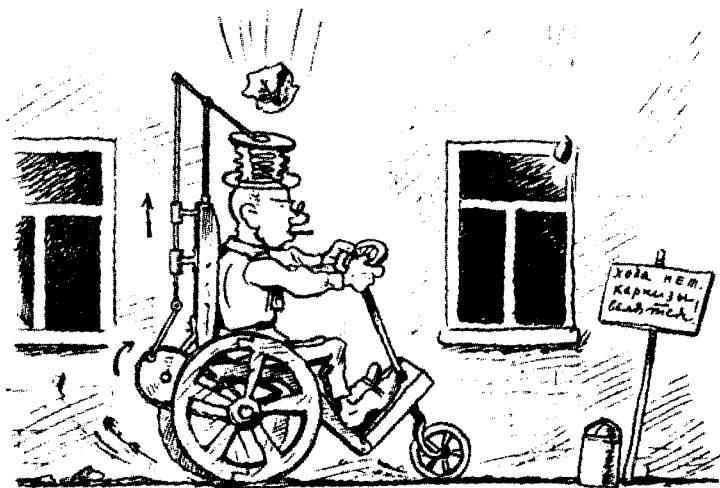
КАРНИЗОМОБИЛЬ

Наша машина проста и оригинальна. Вы видите перед собой легкий, изящный экипаж на одну персону.

Для движения экипажа нами использованы естественные силы природы — падение карниза или части его.

Быстрота движения в некоторых районах может быть доведена до 100 километров в час и больше.

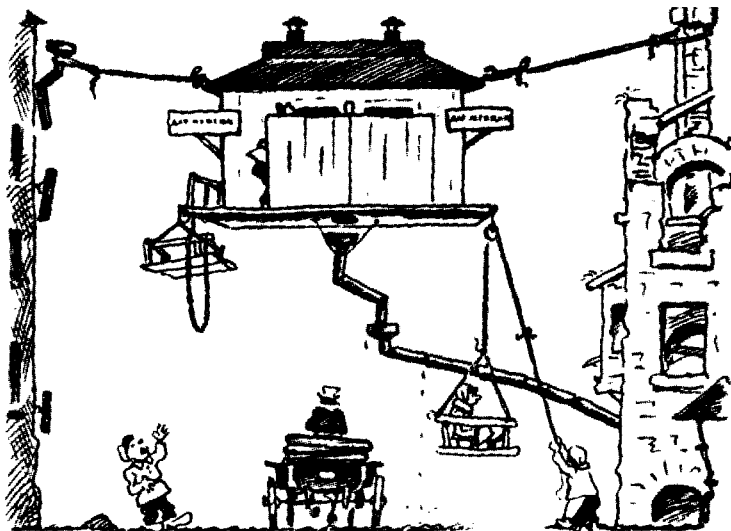
Годеи только для городского движения.

ВОЗДУШНАЯ УБОРНАЯ

Победоносное шествие культуры не дает спокойно спать Откомхозу. В ближайшее время Откомхоз предполагает построить подземную уборную на площади Восстания. Так пишут газеты об этом смелом культурном начинании.

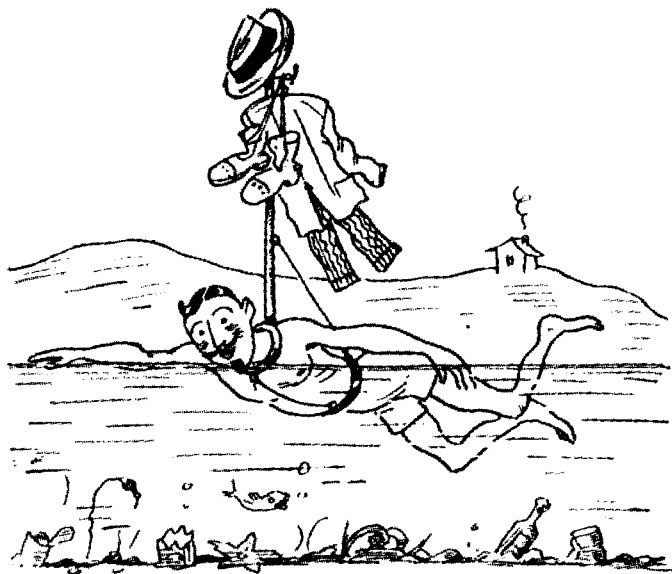
Однако, мы предполагаем, что подземная уборная вскочит Откомхозу в копеечку. Не лучше-ли построить подвесную уборную? Это дешевле и красивее. И не надо рыть землю.

ВЕШАЛКА «ПРИМА»

Купальный сезон имеет свои недочеты. Купающиеся граждане почему-то крайне неохотно оставляют свое барахло на берегу реки. Многие граждане отказываются даже в силу этого от здорового развлечения.

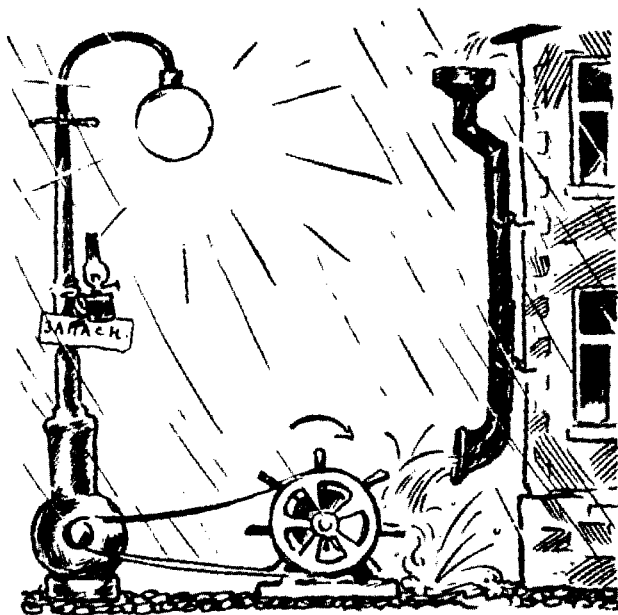
Нами изобретена небольшая вешалка «Прима», позволяющая гражданам не пугаться за свое движимое имущество.

ТРУБОСТРОЙ

Пора использовать до конца естественные силы природы. Жалко и больно глядеть, когда даровая энергия пропадает впустую. Взять, например, дождевые трубы. Сколько благодатной воды пропадает даром!

Стоит только установить небольшую турбину в 2–3 лошадиных силы, и проблема решена.

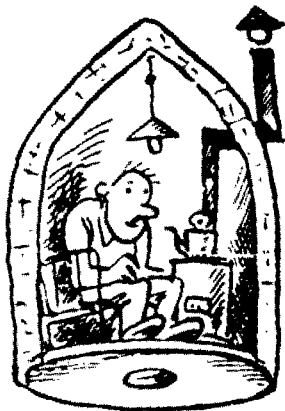

ЯДРО-КОТТЭДЖ

Сколько шуму, сколько разговору было насчет полета на луну! Американский профессор кислых щей Годард построил даже специальное ядро для полета на вышеуказанную планету. Однако, в последний момент профессор пошел на попятный. Отказался. «Летите, говорит, сами, а мне и тут хорошо».

Таким образом, ядро осталось неиспользованным.

Пущай Откомхоз обратит на него свое благосклонное внимание. Ядро вполне можно приспособить под небольшие квартирки теперешней формации.

ВНИМАНИЮ БОЛЬНЫХ

Пузырьки в аптеках по-прежнему выпускаются без капельниц. Нечем капать! Ядовитые лекарства приходится глотать без счета, в ущерб народному здоровью. И это на 7-й год нэпа!

Нами решена сложная проблема — как обойтись без капельницы. Люди, у которых почему-либо сохранился нос, вполне обеспечены правильным счетом.

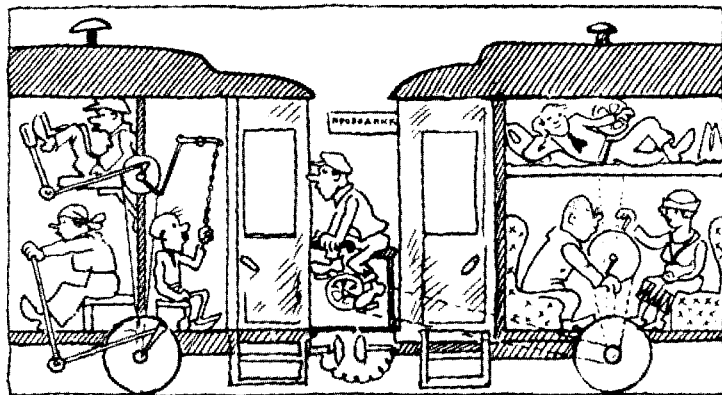

ПОЕЗД «МАКСИМ МАКСИМЫЧ»

Пора на 100% использовать силу пассажиров. Многие пассажиры, садясь в поезд, нагло разваливаются на диванах и на скамейках и праздно едут до места назначения, несмотря на острую дороговизну топлива.

Здесь мы даем продольный разрез нашего проекта. Наглядно видна актуальная работа пассажиров, как мягкого, так и жесткого вагонов.

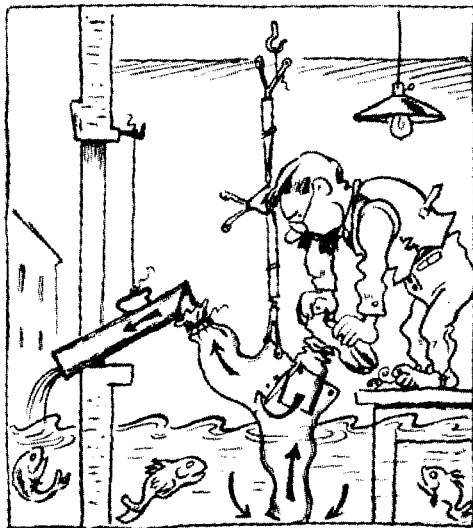
Громадная экономия топлива! Полное отсутствие копоти и дыма!

НАСОС «ДЬЯБОЛО»

Многие жители страдают от наводнений. Вода безжалостно заливает ихние скромные жилища. Рыбы резвятся под столом и под кроватью. Скучно и неудобно жить в такой дохлой, сырой обстановке. А, между тем, насосов нету, а если они и есть, то купить их невозможно, по причине ужасной дороговизны.

Вот проект, как легко и просто можно обезвредить слепую стихию.

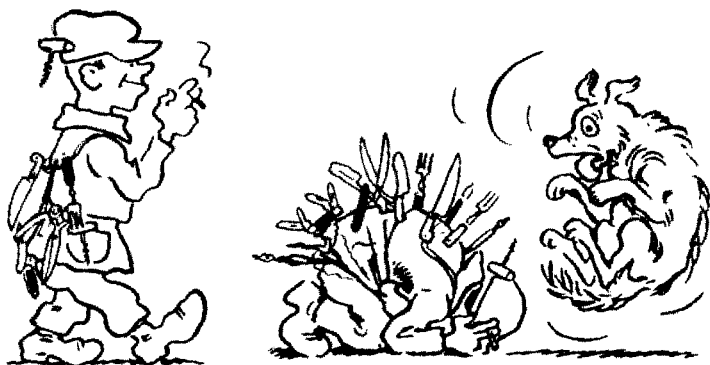

ПЛАЩ «СОБАЧЬЕ ГОРЕ»

Население встревожено эпидемией бешенства собак. Эти животные нападают среди дня на лучших представителей человечества и кусают их за разные нужные места.

Предлагаем вниманию граждан небольшой проект защитного плаща. Можно устроить из столового сервиза.

Наилучшее средство из всех, введенных до сих пор.

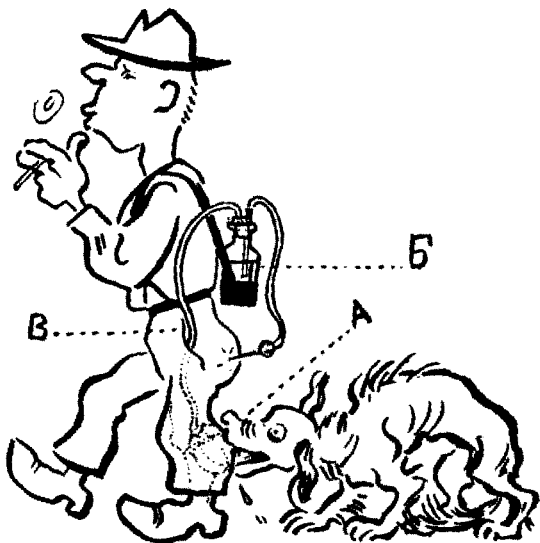

АППАРАТ «СУКИН СЫН»

Предыдущий проект доступен не всем гражданам. Многие холостые люди не имеют для этой цели достаточного количества ножей и других семейных мелочей.

Таким холостякам достаточно иметь наш аппарат, и ихняя драгоценная жизнь — спасена. Наш аппарат немедленно делает впрыскивание на ходу. Не надо ездить в Пастеровский институт и тратить на трамвай 7 копеек.

Временно наш аппарат назван «Сукин сын».

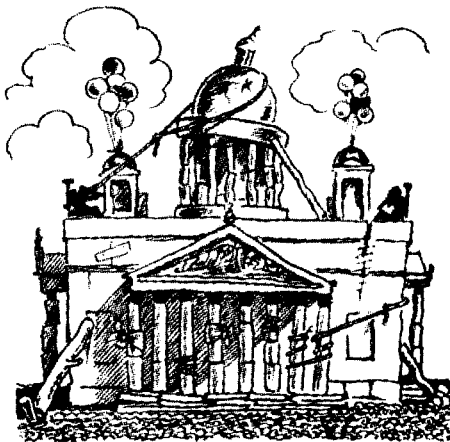

ПОСИЛЬНАЯ ПОМОЩЬ

Рушится памятник старины! Оседает гениальный Исаакиевский собор. Оказывается, почва Ленинграда не приспособлена под такие монументальные сооружения. Чего смотрели цари с высоты своих тронов?

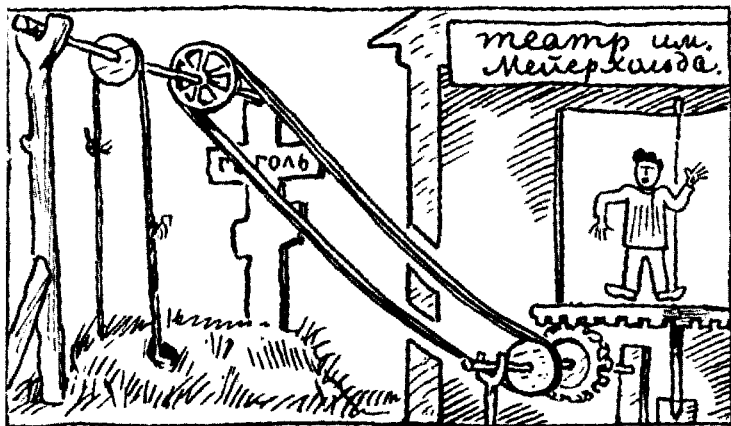
Уже во многих местах фундамент дал трещины, ступеньки покривились, колонны не выдерживают тяжести, уборные не действуют. Одним словом, гибнет великое творение Айвазовского!

Пока комиссии будут подсчитывать сметы капитального ремонта — предлагаем, во избежание катастрофы, принять временные меры.

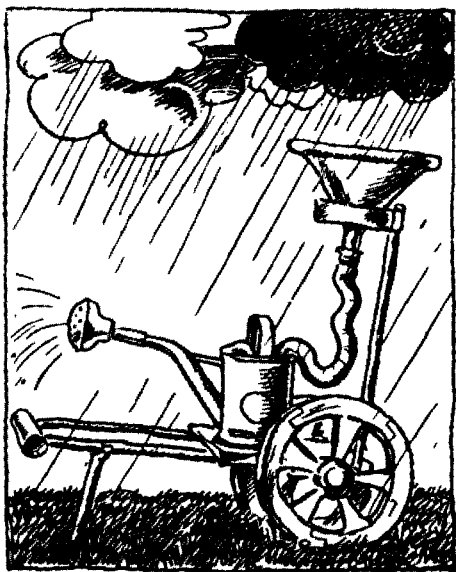
ПЕРПЕТУУМ ГОГОЛЕ

Принцип вечного движения близок к разрешению. Для этой благородной цели можно использовать вращение Гоголя в своей могиле по поводу постановки его «Ревизора» нашим гениальным современником.

ДОЖДЕВАЛЬЩИК

Засуха в южных губерниях заставляет нас снова и снова подумать об искусственном дождевании. Здесь нами почти разрешена задача. В очень засушливых местностях, где дождя почти не бывает, наш аппарат пригоден для каких-нибудь иных целей — картошку можно держать в воронке или квас в лейке. В более же сырых пунктах наш аппарат является незаменимым механическим дождевальщиком.

ГОЛУБИНИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ

Всем известно, что голуби запросто могут переносить небольшие пакеты и конверты с деловыми письмами. Еще с древних времен существовала голубиная почта. Пора использовать эту птичью особенность на канцелярском фронте. Пора заменить дорогостоящего курьера — небольшой птицей. Неповоротливый человек не может свободно порхать по воздуху — он ходит медленно, часто теряет пакеты и все время просит денег. Тогда как птица и жрет мало, и не пьет, и бюллетеня не просит, и вполне допускает себя эксплуатировать. А если птица при своих служебных полетах будет по неосознанности слегка гадить на канцелярских работников, то это явление легко можно устранить, оборудовав небольшие металлические покрывки над ответственными работниками.

Голубинизация учреждений внесет новую оригинальную струю в канцелярскую волокиту.

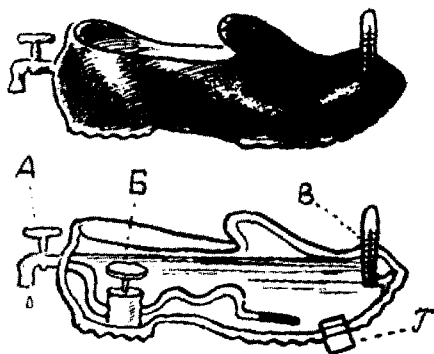

МИРОВАЯ ГАЛОША

Население обижается на довольно быструю изнашиваемость галошной продукции. «Три года, говорят, носим, а на четвертый уже протекают».

Даем наружный вид и разрез мировой галоши, применительно к качеству продукции и потребностям населения.

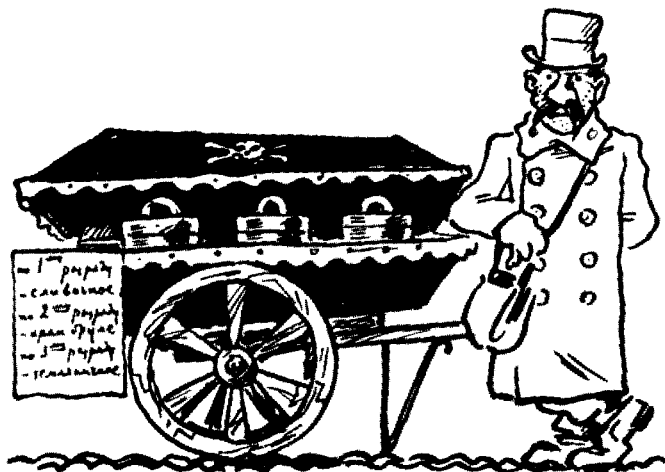

- А - крантик*
- Б - камера кожаная для откачки воды*
- В - манометр*
- Т - пробка*

УНИФОРМА

С этого года для извозчиков вводится новая форма. Для писмоносцев уже введена. На очереди стоят мороженщики.

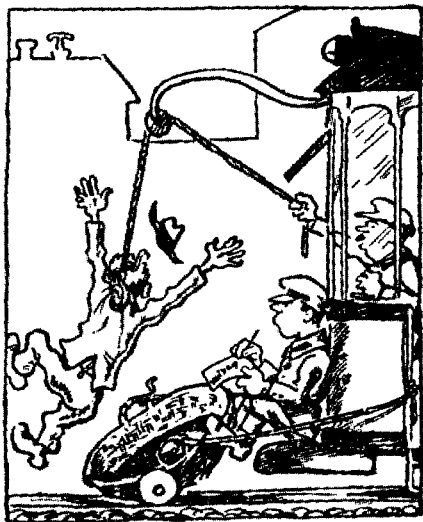
Предлагаем принять наш оригинальный проект формы мороженщика.

АНТИТРАМВАЙНЫЙ АППАРАТ «КОРЗИНО-КРЮК»

Число трамвайных жертв с каждым днем увеличивается. В срочном порядке мы уделяем внимание этому гражданскому вопросу. Любовь к человечеству толкает нас на этот рискованный шаг.

Конструкция нашего аппарата проста и гениальна. Расход окупается усиленным штрафом, которым можно облагать зазевавшихся граждан.

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

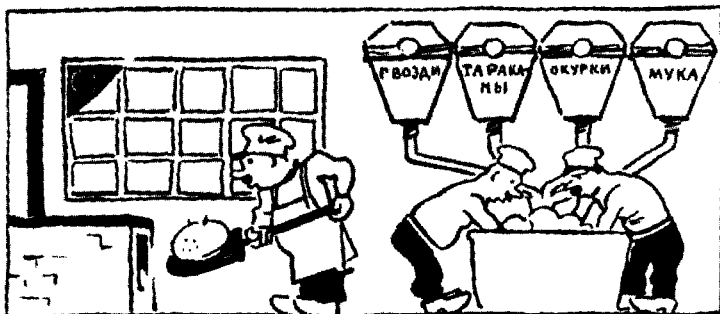
Не так легко и просто уменьшить остроту жилищного кризиса. Однако, назрела необходимость поторопиться с этим тяжелым вопросом. Предлагаем вниманию крупных жактов наш очередной проект использования жилплощади потолка.

Этот проект нами уже послан в Откомхоз под девизом «На миру и смерть красна».

МАШИНИЗАЦИЯ ХЛЕБОПЕЧЕНИЯ

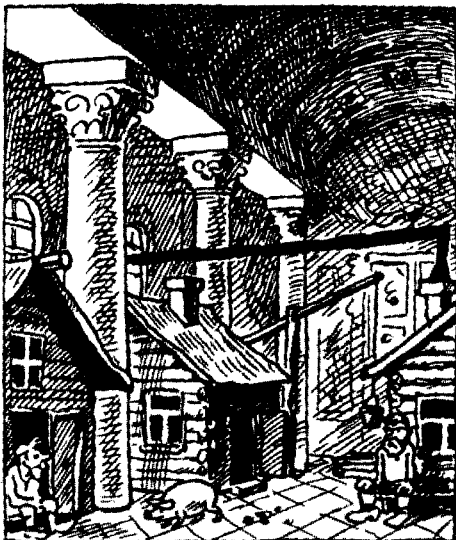
На многих заводах хлебопечение поставлено правильно. Хотя отсутствует фордизация и стандартизация. Гвозди, тараканы и окурки кладутся в хлеб без всякой системы, отчего одному едоку попадает два гвоздя, а другому ничего. Пора изжить эту несправедливость! Пора механизировать хлебопечение.

КОНТР-ПРОЕКТ

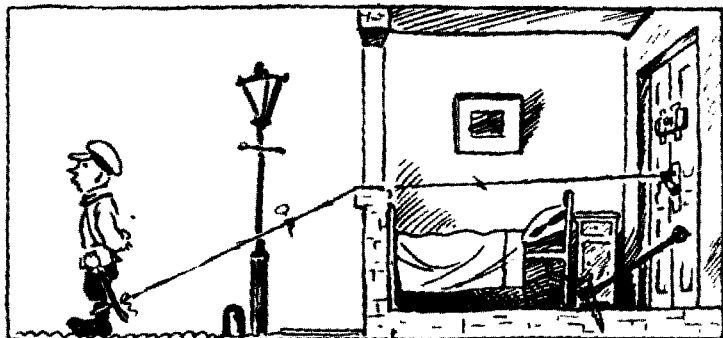
Снова начались разговоры о заселении больших пустующих дворцов. Пора приступить к этому.

Многие интеллигентные инженеришки подают свой голос за устройство обычных квартирных перегородок. Однако, эти интеллигентские идейки не выдерживают никакой суровой критики. На наш взгляд, наилучше всего строить небольшие отдельные халупки.

РУССКО-ФРАНЦУЗСКИЙ ЗАМОК

Нами усовершенствована система дверных запоров. Полнейшая гарантия от ограблений. Дешевизна. Простота. Не уступает сложным заграничным жувльническим изделиям.

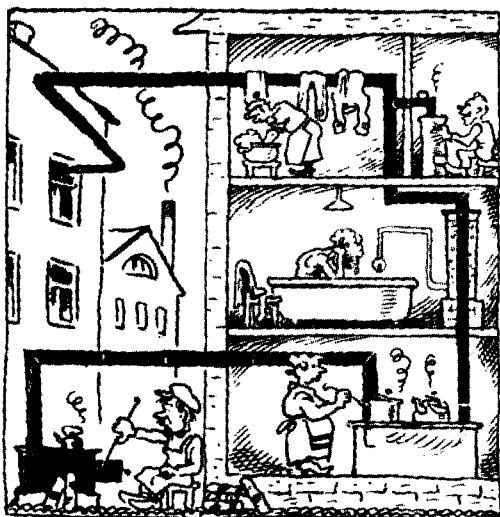

ТЕПЛОФИКАЦИЯ

К сожалению, теплофикация Ленинграда до сих пор не осуществлена. Вот временные меры домашней теплофикации, доступной каждому небогатому жакту.

Конечно, нельзя закрывать глаза на возможность злоупотреблений со стороны малосознательной части населения. В верхнем правом углу нами изображен теплокрад, — этот паразит рабочей семьи.

Борьба с теплокрадством должна вестись путем домашних собеседований и лекций.

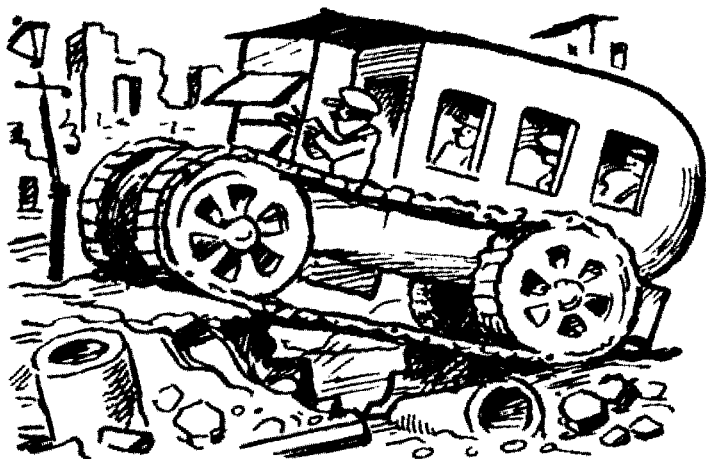

РОССИЙСКАЯ ТЕЛЕГА ИЛИ ТАНК?

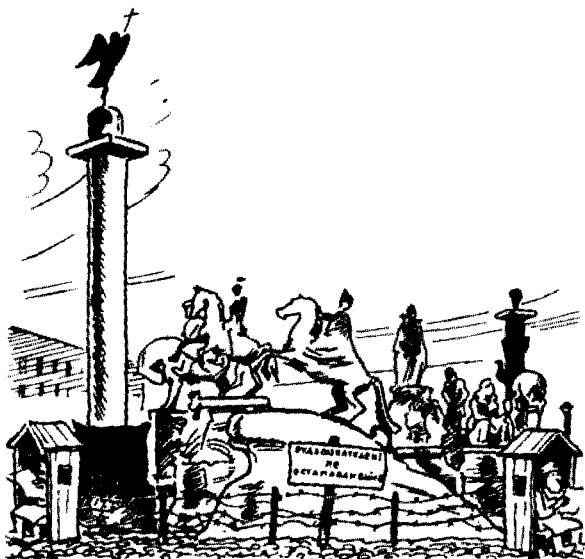
Сейчас всюду идет дискуссия, каким же нам, наконец, пользоваться транспортом — автомобилем или телегой. На наш ничтожный взгляд, для российских дорог наилучше всего пригоден танк, что и видно из прилагаемого проекта.

Для городского уличного движения нами проработан особый проект гусеничного автобуса (сокращенно — гусе-нобуса).

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ

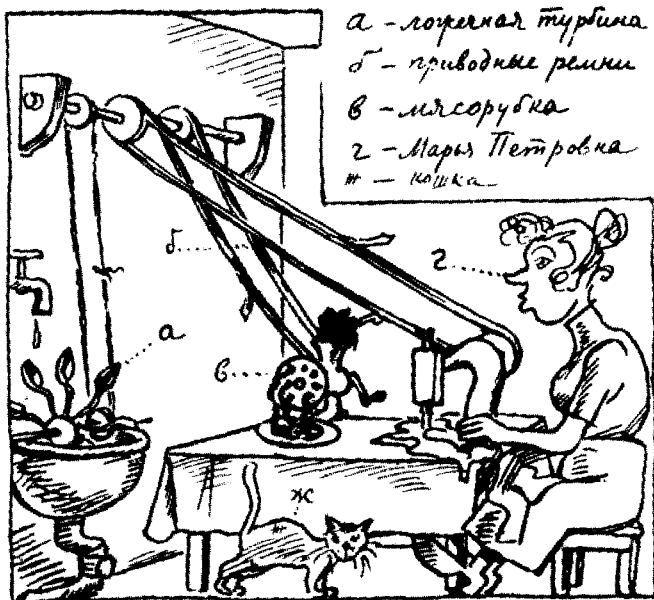
Кражи участились. Крадут разные вещицы и белье. В последнее время стали красть не очень громоздкие части памятников. Отбивают медные шишечки у решеток и разные, довольно нужные, художественные штучки. Однако, слух о том, что у Петра Великого сперли змею, еще не подтвердился. Пока не поздно, даем временный проект охраны памятников старины. Для охраны понадобится не более двух сторожей.

МАШИНИЗАЦИЯ ДОМАШНЕГО БЫТА

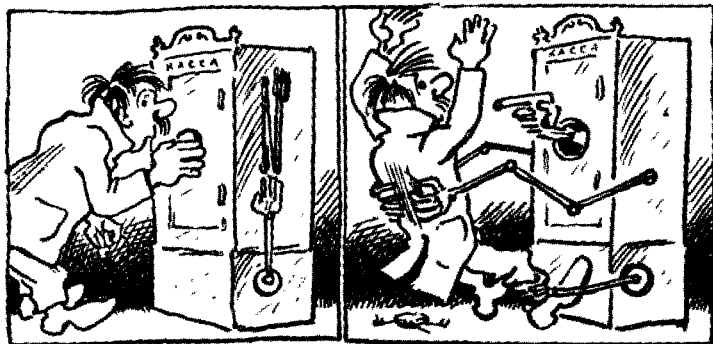
Полная механизация домашнего быта крайне важна домашней хозяйке и кустарю-одиночке. Сохраняет время и здоровье.

Мы твердо верим, что лет через шесть этот наш проект осуществится в жизни.

БЕЗОПАСНЫЙ ДЕНЕЖНЫЙ ШКАФ

Вот проект безопасного денежного шкафа. Самые опытные взломщики попадают, как маленькие дети. Кроме денег, в нем смело можно хранить разные фамильные ценности — сахар, галоши и мануфактуру.

I. ДАЧА НА ДОМУ

Не все кустари могут выехать на дачу. И не всем рабочим доступен еловый воздух. Вопрос о том, как устроить дачу на дому, беспокоит многих и многих небогатых граждан. Даем схематический рисунок дачного оборудования. Себестоимость от рубля до полтинника. Дешево и сердито!

II. ДАЧА НА ДОМУ

Этот проект еще более заманчив обилием воздуха, бесплатным топливом и красивым видом на луну.

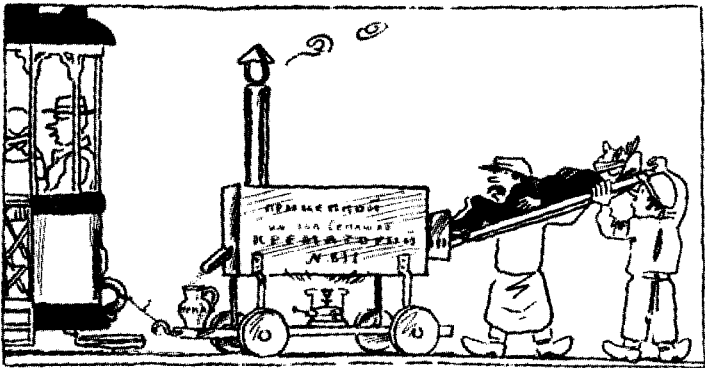
И человек, поживший в такой открытой, свободной атмосфере, уже не захочет ехать в Сестрорецк или в Крым, где происходят землетрясения и толчки. Тем более, что толчки могут и тут происходить, в связи с оседанием или разрушением дома. И полная иллюзия с южными курортами открывает новые громадные перспективы.

ПОХОДНЫЙ КРЕМАТОРИЙ

Три года идет идейный спор, где же, наконец, построить крематорий. Желая раз навсегда покончить с этим наболевшим вопросом, предлагаем вниманию кого следует наш проект подвижного, походного крематория.

Исключительная дешевизна, полная доступность широким слоям населения. Незаменим для трамвайных жертв.

Мих. Зощенко и Н. Радлов

СЧАСТЛИВЫЕ ИДЕИ

ПРОГРЕСС

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Два года назад мы выпустили в свет научное сочинение — альбом «Веселые проекты».

Читатель терпеливо отнесся к нашей научной деятельности, и альбом разошелся без остатка, подарив авторам славу и рублей двести денег.

Воспоминания об этих счастливых днях не дают нам спокойно почить на лаврах. В настоящее время, после двухлетней кропотливой работы, мы вновь выпускаем однотомный труд под общим заглавием «Счастливые идеи».

С одной стороны, это как бы продолжение «Веселых проектов», с другой стороны, это уже нечто иное, более фундаментальное, более солидное по своему исполнению и мировоззрению.

Если «Веселые проекты» — проба пера, первый научный лепет, первый лабораторный опыт, то настоящая книга — есть зрелый труд, достойный всякого внимания и удивления.

Однако серьезная научная установка не вредит делу. Труд как и прежде проникнут жизнерадостной философией, в которой, так сказать, сквозит грусть сквозь слезы.

Одним словом, мы выпускаем подарочное издание с картинками.

Некоторая техническая невозможность лишает нас радости выпустить альбом на меловой или слоновой бумаге; это последнее обстоятельство естественно прибедняет наше

издание, но пускай читатель терпеливо и снисходительно отнесется к этому факту.

Быть может, впоследствии счастливые наши потомки, почти вставаньем нашу светлую память, издадут более роскошно наше научное сочинение.

Гонорар с того издания пускай потомки отчислят на благоустройство города, на полную ликвидацию неграмотности и на окончательное разрешение жилищного кризиса.

Остаток денег можно в крайнем случае употребить на устройство памятника двум нашим ближайшим сотрудникам — профессору Ущемихину и приват-доценту Прищемихину.

В памятнике можно упомянуть каким-нибудь образом и третьего нашего сотрудника — Андрэ Васильевича Госфикуса, о котором речь будет в конце альбома.

Приносим сердечную благодарность Откомхозу, Академии Наук и прочим организациям, деятельно помогавшим нам в составлении альбома.

*Июнь 31 года
Ленинград*

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ «ПРОГРЕСС»

Читатели должны знать своих ученых!

Н. Э. Ущемихин родился в бедной крестьянской семье. До сорока пяти лет он был простым коровьим пастухом, а потом сделался доктором и ученым.

М. М. Прищемихин, напротив того, до 45 лет был ученым, а потом поступил на службу в научно-техническую консультацию «Прогресс».

Основатель столовой при Научно-техн. консульт., профессор
Н. Э. Ущемихин

Непременный секретарь,
приват-доцент и академик
М. М. Прищемихин

Ученые обещают отдать свой талант на пользу молодой общественности. Они будут давать разные советы, предсказывать погоду, стряпать и вообще без дела сидеть не будут.

Весной ученые предполагают поехать за границу для поднятия своего культурного уровня и для пополнения недостающего гардероба.

Перед открытием консультации ученые собрались в конференц-зале, где им и были выданы парусиновые варежки и майки ходовых размеров.

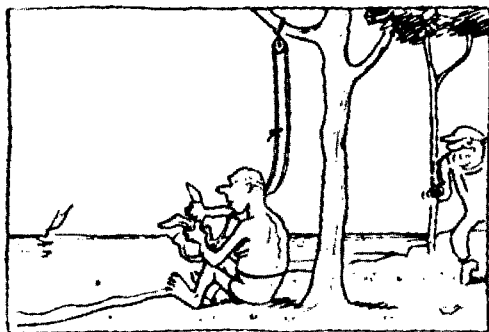
Академики, довольные и сияющие, разошлись, оживленно и остро беседуя на разные культурные темы.

АППАРАТ «ВОЗДУШНАЯ МЕЧТА»

Наступает жаркое лето. Купальный сезон в разгаре. Консультацией получено 49 писем с просьбой дать ответ: как во время купанья сохранить свое белье на берегу.

Ныне мы разрешаем этот вопрос простым и элегантным способом.

Узелок с бельем подвешивается на ближайшее дерево. Свободный конец привязывается к ноге купающегося. По мере удаления владельца от своего имущества — узелок естественными силами природы подтягивается выше и

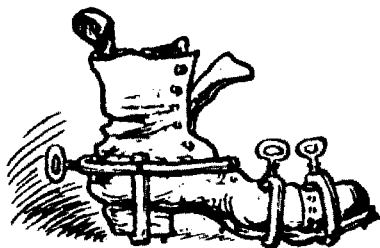
выше. По мере выхода купающегося из воды — узелок с кальсонами и другим носильным бельем гармонично опускается книзу и дает полную радость своему владельцу.

ПОПУЛЯРНЫЙ ПРИБОР «АНТИПОТЕРЯЙ»

Многие покупатели обуви обижаются на качество этой последней.

То, говорят, во время хода каблук отвалится, то какая-нибудь еще более нужная часть сапога исчезает.

Все это безусловно создает неправильный вид ноги и делает картину ходьбы нездоровой, лишенной красоты и элегантности.

Наш популярный прибор «Антипотеряй» не дает товару рассыпаться. И даже рассыпанный товар во время хода остается на месте и позволяет думать, что это так и было.

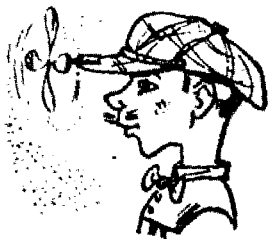
Пользование аппаратом чрезвычайно простое, вполне доступное даже детям.

Прибор заимствован нами из римской жизни.

ШЛЯПА «ФЕНИКС»

Уличная пыль это — форменный бич трудящихся. При малейшем ветерке нет никакой возможности ходить по улицам с открытой мордой. И хотя эти последние поливаются в сырую погоду, тем не менее этого недостаточно. За границей мостовые обмываются мыльной водой, но это средство малодоступно, а главное жиртрест может быстро расторгаться.

Костюм не так страдает от пыли. Наибольше всего пыль садится на личность. Бактерии и микроорганизмы свободно проходят в пищевлотку и вызывают брожение и так далее.

Моральное действие пыли также велико. Пыль часто толкает граждан на скользкий путь алкоголя и оппортунизма.

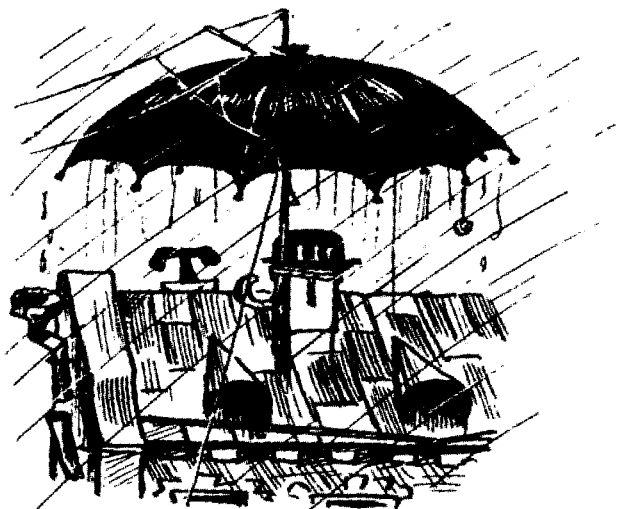
Здесь нами продумана шляпка «Феникс». Легкий пропеллер при ходьбе приходит в движение и рассеивает пыль.

Наша шляпа несет оздоровление и резко снижает эпидемические заболевания. Государственным учреждениям и частным лицам скидка.

МЫСЛИ О КРАСОТЕ И БЛАГОУСТРОЙСТВЕ ГОРОДА

Красоте и благоустройству нашего города сильно мешала плохая окраска наших домов.

Еще недавно выкрашенный дом, после небольшого дождя, линяет как сукин сын и стоит обшарпанный и грязный, будто его красили в последний раз при Екатерине II.

Секрет красоты и прочности краски видимо потерян навсегда.

Как быть? Чего делать? Неужели же дома должны стоять некрашенные и оголенные? Чего скажут иностранцы, когда увидят такое зрелище?

Или оклеивать дома обоями? Или синькой замазывать ихние стены?

Нет! Особый громадный зонт, установленный на крыше такого дома, позволил бы нам красить стены прежней дрянью.

Гениальный ум человека в каждой беде находит свой выход.

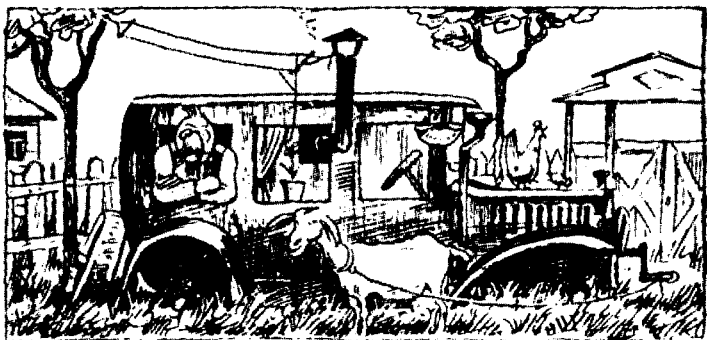
АВТОДОМ

Через год — два автомобиля станет обыденным явлением нашего культурного быта.

Уже Автодор устраивает лекции, как управлять машиной и как в крайнем случае ехать по нашим дорогам.

Уже кажется приступили к постройке автомобильного завода. Однако, никто еще не поднял вопроса о том, как и куда население будет ставить свои автомобили. В самом деле: сараев нет, гаражей тоже нет, а если есть, то давно оборудованы под жильё. Куда же ставить свои машины? Здесь наши ученые подходят вплотную к этому вопросу.

При создавшемся остром положении население принуждено будет оставлять свои машины во дворе дома. Однако, это имеет свои хорошие стороны. Поставленный во дворе

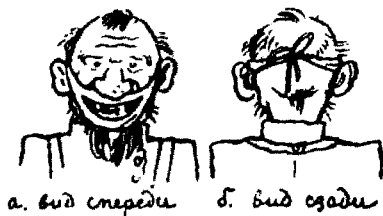
автомобиль может служить прекрасным местом отдыха владельца. Жилая площадь может не превышать норму. Крыша не протекает. И зеркальные стекла свободно пропускают ультра-фиолетовые лучи. Если обнести машину частоколом, то получится небольшой уютный домик с садом. Для того, чтобы в ночное время этот домик не угнали, достаточно будет отвинтить колеса. В ненастную, прохладную погоду помещение можно отапливать установленной для этой цели буржуйкой. В садике можно посадить грушу или сирень. По утрам можно на всякий случай привинчивать колеса. Если спешка — можно воспользоваться трамваем. Во всяком случае население должно до конца использовать все возможности, связанные с катастрофически быстрым развитием автомобильной промышленности.

МЫСЛИ ОБ УДОБСТВЕ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Кому неизвестны сердитые и подчас свирепые лица работников прилавка!? Грубое выражение лица, недовольный взгляд на покупателя — мол, ах ты опять, подлец, приперся! Все это несомненно снижает кооперацию.

А в другой раз охота увидеть в магазине веселое, жизнерадостное лицо, которое, мило улыбаясь, предлагает вам товар, приветливо разворачивая его перед вами.

В дальнейшем такие лица конечно будут заурядным явлением, но пока наука идет навстречу запросам публики. Консультация предлагает свой механический зажим для лица.

Каждый работник прилавка, даже бывший лавочник, надев наш аппаратик, имеет легкое, выдающееся выражение лица, абсолютно не отпугивающее покупателя.

* * *

Нельзя обойти вниманием заборные книжки — все-таки их конструкция неудобна.

Изволь, вырезай ножницами талоны, слюни пальцы, перелистывай замызганные страницы.

Наш катушечный аппарат несет в этом смысле значительное улучшение и оздоровление быта потребителя.

Легко и удобно носить, красиво, руки свободны, и карманы не загромождаются излишней требухой и чертовщиной.

Катушки следует иметь разных цветов, для того чтоб работник прилавка сразу понял, за что хвататься.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ КОМОД ДЕ-ВАЛЯЙ

Население грустит и жалуется на громоздкую мебель, изготавливаемую нашим древтрестом. Жалоба вполне резонна и основательна.

Много ли действительно можно поставить на законные 8 метров?

Здесь наши ученые обдумали интересную новинку — проект специального комода, который может обслуживать все случаи нашей небогатой жизни.

Вы видите перед собой небольшой обыкновенный комод в стиле Людовика XIV (рис. 1).

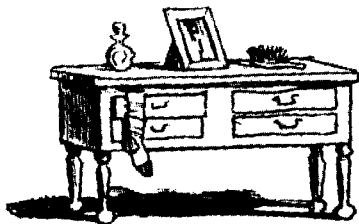

Рис. 1

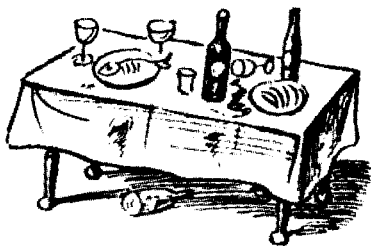

Рис. 2

Сытно покушав и заправившись, вы естественно хотите пойти в гости или в театр. Вам необходимо для этого переменить костюм и посмотреть в зеркало, как выглядит ваша личность при такой обстановке.

Рис. 3

Покрыв этот комод легкой скатертью, вы имеете хороший обеденный стол, мало чем отличающийся от других грубых кустарных подделок (рис. 2). Спокойно ставьте на него тарелки и тяжелые бутылки — он выдержит.

Извольте. Вы имеете вещь — зеркальный шкаф (рис. 3). Доставьте костюм, одевайтесь.

И идите со спокойной совестью развлекаться. Мебель не уйдет со своего поста.

Вечером, утомленный танцами, вы возвращаетесь домой. Вам охота насладиться за-

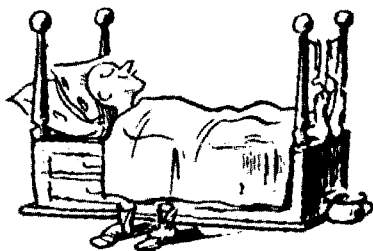

Рис. 4

конным сном. Извольте. Вы имеете хорошую кровать с шариками в стиле Людовика XVI–XV (рис. 4). Спите спокойно — завтра вы будете снова иметь комод и другие нужные вещи.

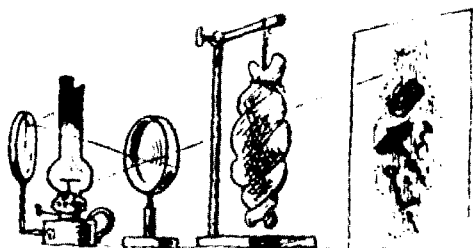
БУЛКОСКОП

Неизвестно как в других зоологических садах, а в московском саду кормление зверей происходит бойко и без перебоев.

Не очень давно один из посетителей кинул слону французскую булку, в которой, при рассмотрении, оказался *ножик от безопасной бритвы «Жиллет»*.

Этот грустный факт, отмеченный московскими газетами, наделал много шума и нашел живой отклик в нашей научной среде.

Для предотвращения столь печальных инцидентов предлагаем использовать наш аппарат «Булкоскоп». Не только изнеженному зверю, но и привыкшему к таким излишествам человеку наш аппарат может принести порядочную пользу. Важно при покупке ситника и других печеных изделий.

ПРОЕКТ ДЛЯ АНТИПЕРЕМАНИВАНИЯ СПЕЦОВ

В настоящее время большим бедствием является переход технического персонала с одной фабрики на другую.

Технический персонал, отличаясь крайней политической неустойчивостью, прельщается ставками и то и дело переходит с места на место и тем самым тормозит производство.

Как помочь этому делу? Как избавиться от беды? Наша консультация предъявляет проект, в котором использован небезызвестный принцип Откомхоза. Как известно, Откомхоз выпускает лампочки с надписью «украдена у Откомхоза».

Небольшая изящная золотая сережка может сослужить отличную службу и тем самым разрешить наболевший вопрос.

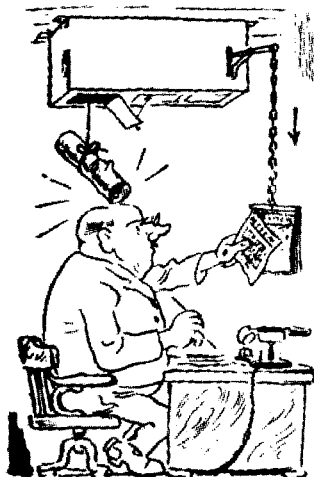
Сережки можно снабжать в крайнем случае драгоценными уральскими камнями и самоцветами.

МЕХАНИЧЕСКИЙ НАПОМИНАТЕЛЬ

Надо со всей резкостью сказать, что разные старые календари, разные отрывные, стенные, настольные, табель-календари и прочий и тому подобный мусор достаточно устарел и мало соответствует своему назначению.

Все эти календари пригодны обывателям с их узкой психологией и идеологией.

Но что делать хозяйственнику? Какой ему приличней всего иметь? Тут не может быть двух мнений. Каждому хозяйственнику необходимо приобрести наш предметный календарь «Механический напоминатель».

Пользоваться этим календарем крайне просто и приятно. Конструкция его доступна пониманию самого отупелого чиновника.

При отрывании листика приходит в движение сложная система «напоминателя», которая и выкидывает на изящном блоке какой-нибудь предмет из верхнего аппарата. И этот предмет без слов говорит, за что сейчас надо хозяйственнику браться и хвататься.

Например выпадает полено. Это значит — пора думать о дровяных заготовках. Выпадает мешок — надо подумать о таре. И так далее. И тому подобное.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ БУФЕРА «ОСТОРОЖНОСТЬ»

Последнее время театральные постановки отличаются особой сложностью. Театральные работники, не желая отставать от века, выносят на подмости все, что созвучно нашей эпохе — разные станки, машины, танки, маховики, шестеренки и тому подобное.

Недавно, как сообщают газеты, в одном театре выпустили на сцену цельный настоящий трактор весом в 200 пудов.

Тракторист от непривычной обстановки оробел и понес.

Он, одним словом, не мог сразу остановить свою машину. И, наехав на суфлерскую будку, расшиб ее вместе с суфлером.

Наша артель, срочно обдумав создавшееся положение на театральном фронте, предлагает вниманию администрации следующее неприхотливое приспособление на случай танков, бронепоездов и т. д.

Суфлерская будка снабжается парой буферов, которые отлично ограждают суфлеров от мелких театральных неприятностей.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ АКТ

Пассажирские составы наших дачных поездов по-прежнему до крайности перегружены.

Как устранить это явление?

Неужели же строить новые поезда и прокладывать двойные рельсы?

Наши ученые предлагают следующий простой и дешевый выход.

Всем известно, что физкультура широким и мощным потоком входит в наш заплесневелый быт. Не только грудные дети, но и взрослые отдают должное этому прекрасному начинанию.

Отчего бы не использовать это средство на наших железнодорогах?

Пусть часть публики упражняется на снарядах. Это несколько разгрузит загроможденную площадь вагонов и позволит пассажирам ехать более комфортабельно. И волки сыты и овцы целы.

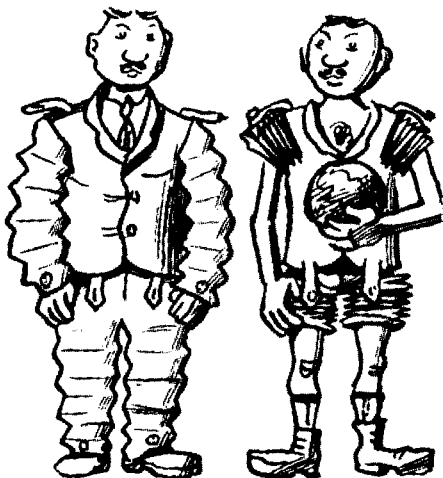

КОСТЮМ «ФИЗГАРМОНИЯ» (ФИЗКУЛЬТУРА И ГАРМОНИЯ)

До сих пор мы в плену у буржуазных мод, не имеющих никакой практической целесообразности.

Предлагаемый нами рационализированный костюм «Физгармония» не имеет этих недостатков. Он удобен в носке, годен на всякий рост и легко превращается в спортивный.

Нашими учеными здесь остроумно использован принцип гармонии-баяна, этого излюбленного народного инструмента.

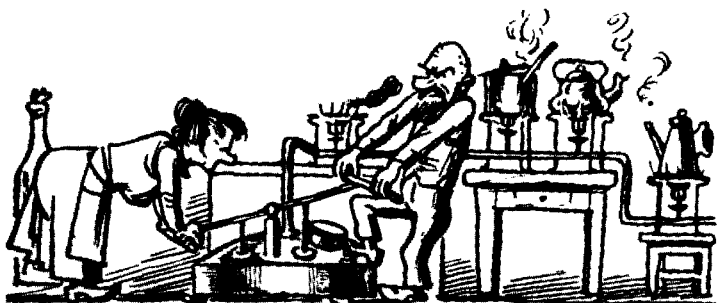

ПРИМУС «НАВСЮКВАРТИРУС»

Как известно, примус занимает в нашем быту далеко не последнее место. Иной раз на кухне скапливается до 20 примусов. Домашние хозяйки мечтают, буквально не зная куда поставить аппарат, чтобы вскипятить суп, картошку и так далее. В силу этого происходят нередко шум, крики и потасовка. Иной раз примус служит орудием обороны и нападения.

Научно-техническая консультация предлагает интересную новинку сезона — примус «Навсюквартирус».

Если потребуется например одному жильцу, можно и одному. В таком случае остальные горелки запираются особым крантиком.

ТРЕЗВЫЕ МЫСЛИ О ПЬЯНСТВЕ

Противоалкогольная кампания в полном разгаре. Уже закрыто около 10 пивных. Но наиболее сильный удар по зеленому змию нанесен тем, что некоторые пивные переведены из одного района в другой.

Смертельный удар можно нанести следующим проектом. Надо устроить пивную на особой передвижной платформе. В случае большого скопления публики — передвижку отправлять в другое, более пустынное, место. Можно угонять, например, в лес или в открытое поле и там устраивать дымовую завесу.

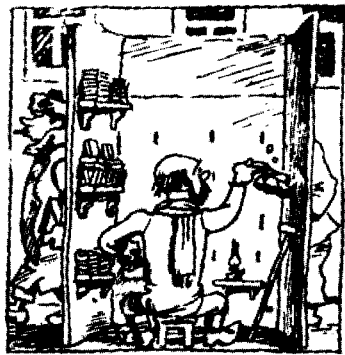
МЫСЛИ И АФОРИЗМЫ ОБ УЛУЧШЕНИИ РАБОТЫ АВТОМАТОВ

Механизация и машинизация нашей жизни понемножку входят в быт. Уже снова отремонтированы автоматы для продажи почтовых марок. И скоро, по примеру Москвы, на улицах появятся автоматы-киоски для продажи разных изделий.

Однако, практика многих лет показала, что эти бездушные машины не отличаются четкостью работы, а также мало пригодны для нашего сурового климата и жуликоватой публики, пихающей в аппарат не те монеты и дешевенькие перламутровые пуговицы. Одним словом, эти автоматы за-

1. Фасад.

2. Разрез.

частую для удобства публики находятся в простое и тем самым, может быть, делают щель в нашей тяжелой индустрии. Однако, можно избежать этого, стоит только использовать все средства для полнейшей механизации.

Здесь мы даем наглядное изображение — как поднять производительность наших автоматов на все 100%.

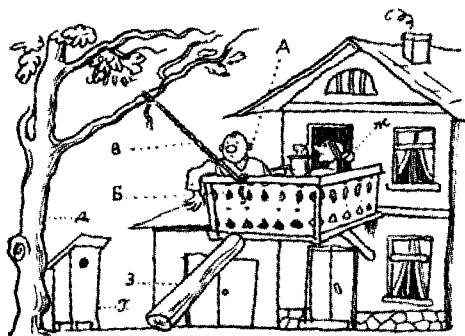
РАССУЖДЕНИЕ О БАЛКОНАХ

Много запросов мы получили о том, как предохранить дачные балконы от неожиданного падения. И как обезопасить жизнь дачников, вышедших подышать вечерней прохладой.

Этот вопрос решается просто и безболезненно.

Если против дома или поблизости имеется пара деревьев, то проблема решена.

Небольшой прочный канат свободно выдерживает от 3 до 7 дачников, не считая детей и собак.

А - владелец дачи И. Антонов с женой (ж)
В - Галлон, В - веревка, Д - дерево,
З - запасная балка, Т - угол

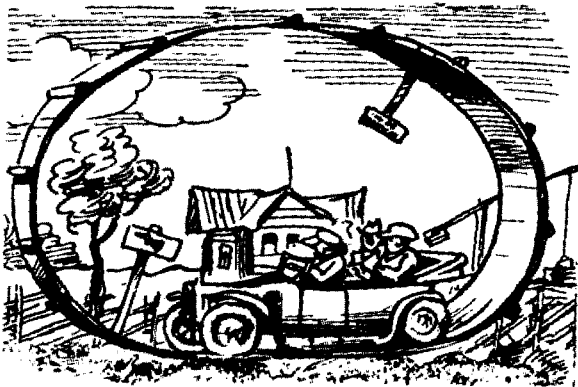
ДОРОЖНЫЙ АППАРАТ «ЗА РУЛЕМ»

Наши дороги мало пригодны для автомобильного движения. Наши дороги, в силу исторических законов и географического положения, более приспособлены для развития пешеходного движения и эстафетного бега.

Однако быстрое развитие автомобильного дела заставляет нас задуматься о дальнейшей судьбе наших дорог. Лучшие умы, напрягая свои силы, обдумывают создавшееся положение.

Ученые нашей консультации коллективным творчеством сочинили аппарат, который может перевернуть заново всю автомобильную технику.

Вы видите перед собой автомобиль с собственным подвижным шоссе.

Двигаясь по этому шоссе, автомобиль тем самым заставляет передвигаться зеркально-гладкую дорогу. Никаких препятствий. Никаких кур и телят. Никаких банок и бутылок.

Требования направлять в нашу консультацию.

СПОРТИВНЫЙ ШКАФИК «НЕ РЫДАЙ»

«Красная газета» сообщает о следующем безотрадном факте:

«На катках не хватает вешалок, и значительная часть катающихся вынуждена бегать на коньках с шубой и галошами в одной руке и с чемоданом и ботинками — в другой...

Это форменное безобразие необходимо закончить не позднее весны!!»

Наша консультация горячо к сердцу приняла это сообщение, в результате чего был срочно удуман небольшой спортивный спинной шкапчик, который вполне развязывает руки катающимся гражданам и служит молчаливым укором катковой администрации. Шкапчик назван бодро и оптимистически: «Не рыдай».

МЫСЛИ ХОЗЯЙСТВЕННИКА

Многие строители жалуются на качество кирпича. А между тем никто не подумает о менее варварской перевозке этого хрупкого и полезного в деле строительства предмета. Этот дорогостоящий материал везут обычно в безрессорной подводе, грубо накладывая кирпич на кирпич. Немудрено, что на место кирпич поступает трухлявый и мелкий вроде сахарного песка.

Предлагаем вниманию хозяйственников более аккуратный способ доставки. Стружка или солома, а еще лучше гигроскопическая вата прекрасно могут предохранять этот драгоценный материал.

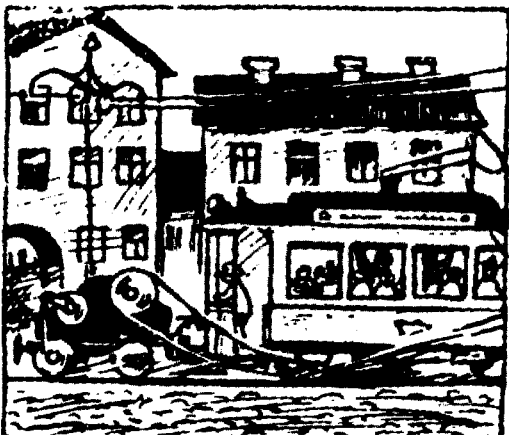
РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

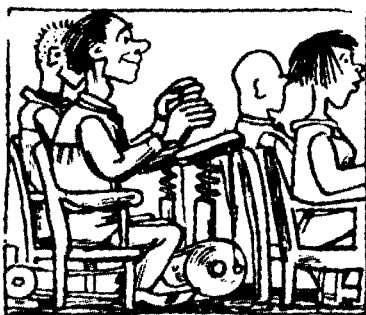
I. Трамваи — самая большая язва электрификации. Трамваи наиболее всего пожирают тока. В этом отношении они стоят на первом месте. На втором месте стоят театры.

Как же, наконец, ограничить ихние аппетиты? Как привести в норму эту трамвайную свистопляску?

Наивыгодней всего нам представляется следующая механика.

Впереди трамвая катится небольшая платформа с динамо-машиной, которая нагуливает ток при движении. Так что верхний трамвайный провод будет служить только для разгона, а потом трамвай будет катиться на своем хозрасчете.

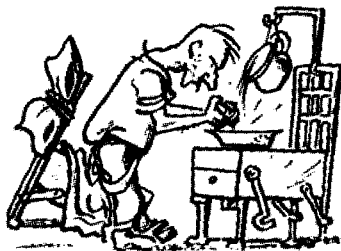
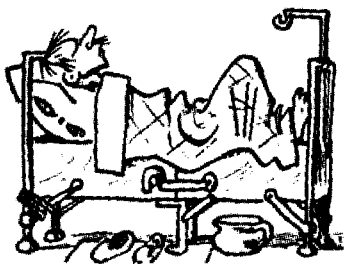

II. Что касается театров, то в театрах для пополнения энергии можно использовать бурные аплодисменты публики. Пушай публика бьет не по своим ладоням, а по специальным подставкам. Эти подставки будут давать гулкий звук, при чем сила удара будет использована по принципу Волховстроля.

Таким образом, излишки энергии можно кинуть на культурный фронт — кино, электролото и так далее.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ШКАФ «ЧТО ХОЧЕШЬ»

Крупный моральный успех нашего универсального комода «де-Валяй» окрылил наших ученых академиков. Дружной, совместной работой ученые придумали еще новинку в этой области — универсальный шкаф «Что хочешь».

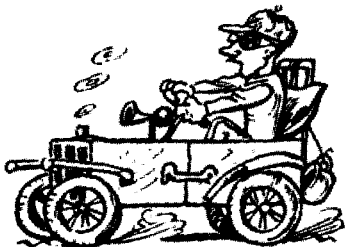
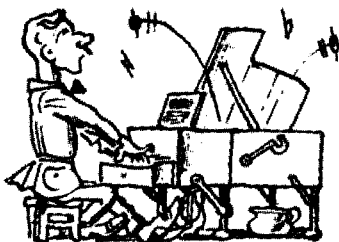

1. Спит, скажем, человек на своем шкафу. Тихо, спокойно. Блохи не кусают.

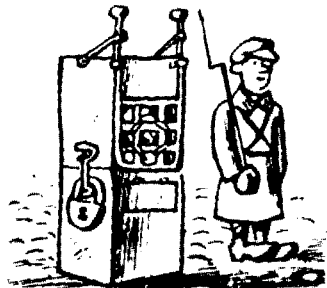
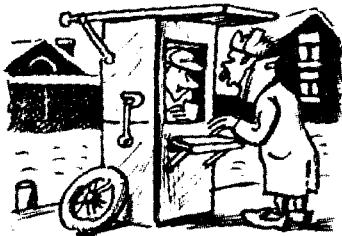
2. Продрал очи. Желательно мордочку сполоснуть. Была кровать, а теперича умывальник.

3. Помылись. Не хотите ли сыграть «Собачий вальс» Шопена? Был умывальник, а теперича рояль.

4. Поиграли для слуха Шопена – можно и на работу ехать. Вместо гудка можно свистеть в пальцы.

5. А если ты, предположим, инвалид и торгуешь папиросами — сделай одолжение. Станови свой ларек на углу и открывай лавочку.

6. А ежели растратил или деньги упер — тот же незабвенный шкаф может сослужить приличную службу.

РУЧНАЯ ГРАНАТА ИМЕНИ СЕВЗАПСОЮЗА

Испорченные консервы — довольно заурадное явление. Борьба с этим требует жестких мер и решительных распоряжений.

Недавно произошло возмутительное дело, всколыхнувшее нашу общественность. Газеты сообщают:

«Для рабочих Хибинских апатитовых разработок были присланы 15000 банок мясных консервов. Когда начали вскрывать банки, консервы оказались гнилыми. Консервы

были присланы Севзапсоюзом».

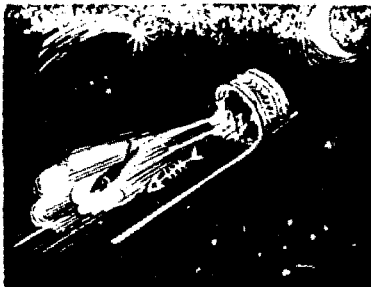
Некоторые банки не пришлось даже вскрывать — они сами взрывались от образовавшихся газов. По новой терминологии это называется бомбаж.

Однако использовать этот бомбаж пока не представляется возможным. Многие крупные изобретатели ломали себе голову, но ничего подходящего не могли придумать.

В дальнейшем, когда наука достигнет высокого развития, из такого бомбажа будут вероятно делать особые ракеты для междупланетных сообщений, по примеру германской ракеты Оберта.

Пока же наша артель «Прогресс» ничего не может предложить сколько-нибудь достойного внимания. Разве что можно из такого бомбажа устроить ручные гранаты.

На нашем радио-снимке показан ряд образцов ручных гранат имени Севзапсоюза.

ПРОЛЕТКА «ЛЮКС» ИМЕНИ АКАДЕМИКА ПРИЩЕМИХИНА

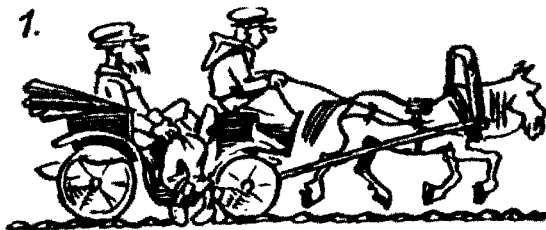
Приходится констатировать грустный факт. С выпившим человеком у нас обращаются крайне небрежно. Некультурно сваливают его на извозчика, кладут ему на грудь ноги и т. д.

Пора прекратить хищническую перевозку людей.

Предлагаем 2 проекта.

1. Не напиваться до безобразия.
2. Переделать извозничьи пролетки для нужд гуляющей части населения.

Задок пролетки откидывается, и выпивший человек едет что богатый до ближайшего отделения.

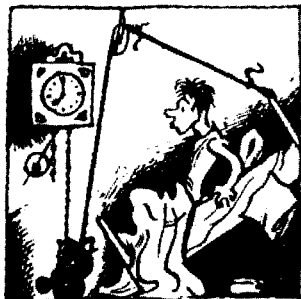
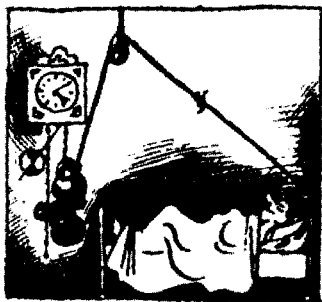
1. - Дорожная перевозка алкоголя
2. - Гигиеническая повозка „Люкс“.

Патент на пролетку «Люкс» академиком Прищемихиным
заявлен в Эстонии и Чехо-Словакии.

АППАРАТ «ХОДИКИ» ИЛИ «ПОРА ВСТАВАТЬ»

Будильников в продаже определенно нету. Трудящиеся
просыпают, опаздывают на работу и в силу этого нервнича-
ют, ложась спать, что вредно отражается на производстве.

Это последнее обстоятельство заставило наших ученых
потрудиться и на этом фронте точной механики.

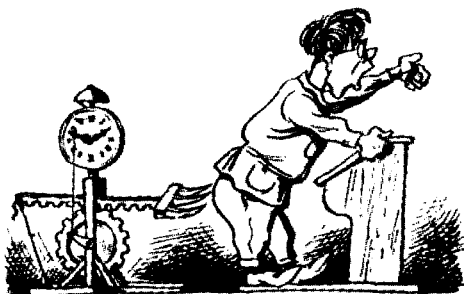
Заместо заграничных изделий консультация предлагает домашний аппарат «Ходики», действие которых точно обозначено на рисунках.

Хрупкие будильники не могут конкурировать с нашим аппаратом.

АППАРАТ «МЕХАНИЧЕСКИЙ ОГРАНИЧИТЕЛЬ»

Многие ораторы, дорвавшись до кафедры или трибуны, теряют стыд и совесть и буквально часами не слезают с возвышения, произнося разные слова и отмежевываясь от того или другого.

Для механического ограничения времени наши ученые сообразили следующий доступный аппарат. Механическая вилка, связанная системой рычагов с часовым механизмом, слегка укалывает оратора в строго определенное время и

тем самым корректно сообщает ему о необходимости кончить речь.

Если оратор тем не менее не покинет кафедры, то пушай пеняет на себя.

ДУШ САМОТЕК ИМЕНИ АКАДЕМИКА УЩЕМИХИНА

Жарко. Лето. Нечем дышать. Откомхоз или Главнаука обещали поставить на улицах специальные души для того, чтобы трудящиеся могли забежать и освежиться; однако, эта превосходная идея так и погибла в дебрях бюрократизма.

Но дожидаясь следующего лета, наши ученые сконструировали переносный аппарат-душ.

Просто. Удобно. Портативно. Вес всего 17 кило с ручкой. Вы легонько тянете за эту ручку, и прохладная бодрящая жидкость обливает истомленные члены.

БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ
АНДРЕ ГОСФИКУСА

Андрэ Госфікусэ

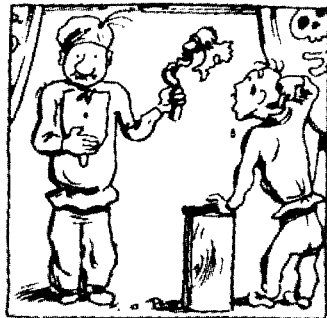
СЕГОДНЯ И ЕЖЕНЕДЕЛЬНО МИРОВОЙ БОЕВИК!

Первая гастроль Андрэ Госфикуса

В настоящем номере нашей программы предлагаем вниманию исключительно грандиозную панораму — каждому желающему Андрюша Госфикус будет отрубать башку и вставлять ее на место. Профессора и приват-доценты, свидетельствовавшие нашего маэстро, заявили, что пульс и пищеварение у него нормальные и что никакой ответственности за его действия они на себя не берут.

Берется обыкновенный топор, острота которого наглядно видна из небольшого научного опыта. Тонкая бумага режется, как солома, и не вызывает никаких сомнений. Сейчас наш мировой боевик Андрэ Госфикус будет этим топором порубать шеи желающим гражданам. Ахала, махала...

Несколько желающих вызвалось на это рискованное дело. Андрюша Госфикус отобрал одного и велел ему положить свою голову на деревянный валик.

Андрэ Госфикус произносит заклинательные слова и резко взмахивает топором.

Сем, селебем, симбу сембе. Мекеке, рекеке, собака.

Блестящая сталь падает на белую шею желающего, и через секунду этот человек обратно встает как миленький. Голова у него на месте и никаких повреждений не усматривается, за исключением топора, который смялся в лепешку. Гром аплодисментов. Андрюша Госфикус раскланивается и дает научное объяснение: «никаких чудес, а просто ловкость рук рабочих павловских заводов (Нижегор. губ.). Топорик выпуска 29 года».

Бурные аплодисменты. Крики: «Деньги назад!»

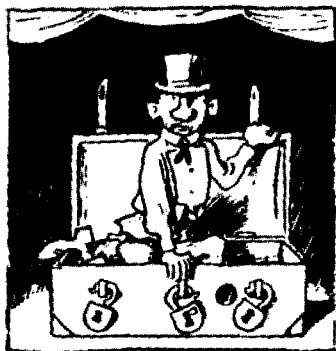
МИРОВАЯ ГАСТРОЛЬ АНДРЭ ГОСФИКУСА

Человек в сундуке, или Андрюша не боится никаких запоров

Прибытие грандиозной аппаратуры позволяет Андрэ Госфикусу показать сегодня небывалый иллюзионный акт — человек в сундуке, или сила внутри нас.

Андрэ Госфикус будет ложиться в сундук и оттуда будет выходить, как миленький, несмотря на все запоры и полное освещение в зале. Спешите видеть, спешите знать.

1. Перед небывалым опытом американские врачи свидетельствуют здоровье нашего мирового иллюзиониста Андрэ Госфикуса. Пульс у него ослабший, ноги дрожат, температура 37 и 2.

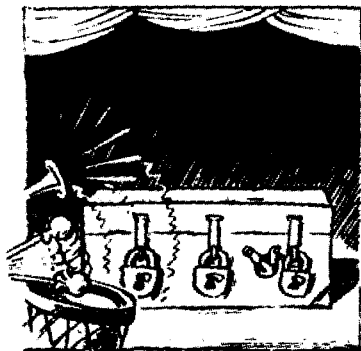

Наблюдается острый насморк, чихание и качание всего организма. Тем не менее Андрэ Васильевич Госфикус будет продолжать свое культурное дело.

2. Вы имеете обыкновенный сундук из карельской березы. Никаких приспособлений в нем нету. При полном освещении, на глазах всей публики, Андрэ Госфикус ложится в этот сундук, произнося петушинные слова: «Сем, селебем, симбу, сембе. Мекеке, рекеке, собака». Смертельная бледность покрывает черты лица утомленного иллюзиониста. Алла-верды к вам, дорогой Андрэ Госфикус!

3. Мировой боевик Андрэ Госфикус лежит в обыкновенном сундуке. Сундук заперт на все замки. Ключи от замков завязаны в платок и отданы в публику. Дорогой Андрюша! Покажите уважаемой публике, что вы находитесь в сундуке, — протяните пальчик. Вот в специальной обыкновенной дыре вы имеете пальчик Андрэ Госфикуса. Сейчас Андрюша выйдет, как миленький, из этого аппарата.

4. Мекеке, рекеке, собака. Вуаль, вуаль! Человеку не страшны запоры! Андрюша

вышел из сундука и стоит теперича перед публикой и под гром оваций дает научное разъяснение. Нету загадок и нету тайн природы. Все имеет себе объяснение. Сундук был закрыт на 3 замка, изготовленные в Туле. Замочки вполне позволяют производить подобные иллюзионные акты. Гип, гип, ура!

БЕССМЕРТНЫЕ ГАСТРОЛИ АНДРЭ ГОСФИКУСА

Чудесное исчезновение предметов, или Кричу кирпичу

Высококультурная просветительная деятельность Андрэ Васильевича Госфикуса вызывает полное одобрение в рядах рабочих и служащих.

Всегда чистые руки, опрятный костюм и красота движений — вот отличные качества нашего маэстро. Не обладая

дорогостоящей аппаратурой, Андрэ Госфикус сумел все же завоевать широкие симпатии масс наших подписчиков, которые вместе с академической Филармонией ходатайствуют о предоставлении Госфикусу звания заслуженного артиста республики заместо уехавшего за границу Чехова.

Сообщаем об этом факте с чувством полного удовлетворения.

1. Сегодня будут проделаны необычайные чудеса с твердыми предметами. Предметы будут исчезать, не оставляя никаких последствий.

Андрюша просит у зрителей одолжить ему шляпку или кепочку, куда бы можно положить предмет. Зритель конечно жметесь и пугается за свою шапочку, думая, что Андрюша будет в ней суп варить или прожжет ее на видном месте.

2. Но нашелся более сознательный передовой товарищ, пожелавший остаться неизвестным, который и предоставил свою кепочку в распоряжение науки и искусства.

Вот вы теперь наглядно видите кирпич и шляпку. Сейчас в эту шляпку Андрюша Госфигус загонит кирпич, который по истечении времени исчезнет оттуда как миленький.

3. Сем, селебем, сембе, симбу! Кирпич положен в шляпу. И Андрюша предлагает комунибудь из зрителей взять эту

шляпу в руки и потрясти ее с лежащим там твердым предметом.

Андрюша тем временем считает до десяти и произносит свои международные слова: мекеке, рекеке, собака.

4. Вуаль, вуалья! Был кирпич и весь вышел. Вы имеете пустую шляпку.

Бурные аплодисменты и крики «ура». Андрюша дает научное объяснение: кирпич взят обыкновенный, недавнего изготовления. От тряски он превратился в песок, а песок в свою очередь просыпался на арену через редкую материю кепочки, купленной у частника. А что на полу почти ничего незаметно — так это недавно пол ремонтировали — доски ссохлись, и песок ушел в щели. Аплодисменты. Крики: «Позор».

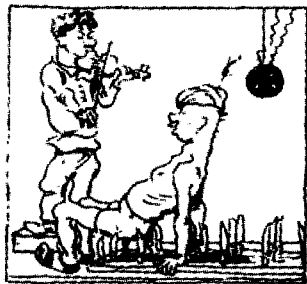
ЧЕЛОВЕК-ФАКИР

или Андрюша ложится на ножи

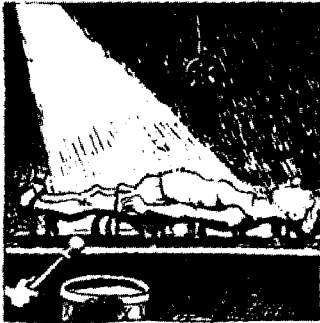
Всем известны индийские йоги и факиры, которые имеют привычку показывать разные затруднительные опыты. Эти факиры глотают огонь почем зря, ложатся на гвозди, подбрасывают канат в воздух и влезают туда на самую верхотуру.

Однако теперь эти факиры нам больше не нужны. Отныне импорт этих заграничных шпагоглотателей может быть прекращен. Наш талантливый маэстро Госфикус делает все, что делают йоги и факиры, и еще от себя кое-что добавляет. Сегодня Андрэ Госфикус будет показывать выдающийся фокус, достойный общественной грусти и сожаления.

1. Андрэ, полный решимости, стоит раздевшись и разувшись и дает науке возможность выслушать свои внутренние объективные признаки. Сбоку стоит обыкновенная доска, утыканная обыкновенными ножами.

2. Андрюша с задумчивой улыбкой присаживается на эту научную дощечку все равно как на обыкновенный подоконник. Пульс у факира бодрый — 176 и 8 десятых. Скрипка исполняет любимую мелодию: «мама, мама».

3. Еще минута, и Андрюша ложится на ножи все равно как на кровать или, к примеру, на рояль. Сверху привешен обыкновенный микрофон, который передает по Союзу полный шумовой эффект этого научного опыта.

— Слушайте, слушайте — говорит Ленинград.

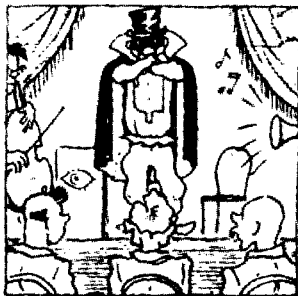
4. Эйн, цвей, фир, фюнф — и Андрюша стоит на своих ножках и дает объяснение. «Черт возьми, — говорит он, — на таких ножках, я извиняюсь, одно удовольствие лежать. Они, по словам газеты, изготавливаются “Арминстром” и мало на что годятся, кроме таких научных опытов».

МИРОВОЙ ИЛЛЮЗИОНИСТ В НОВОМ РЕПЕРТУАРЕ!

Андрэ Госфикус дает сеанс массового гипноза

Сегодня Андрэ Госфикус покажет новые чудеса природы — гипноз многих зрителей на расстоянии. Многие медики и шарлатаны также пользуются этим могучим средством для выкачивания денег из кармана трудящихся граждан, в то время как Андрэ Госфикус за те же деньги покажет научный фокус, имея целью разъяснить, что нет больше тайн природы, а есть голые факты, взятые из газет.

1. Андрюша Госфикус в своем оригинальном наряде выходит до публики со скрещенными ручками и делает поклон, как бы извиняясь за свой скромный вид и за те дела, которые происходят в Ленинграде и окрестностях.

Оркестр играет вальс «Вера».

В публике крики: «Довольно! Даешь фокус!»

2. Андрей Васильевич садится на стулик и интимным тоном объясняет публике предстоящие научные переживания. Он говорит: «Сейчас я вам чего-нибудь прикажу и вы будете исполнять мои приказания. Чего я вам

скажу, то и будет. Хочу — любое дело вам прикажу, а вы как миленькие произведете его». (Крики: «Слабо! Чудес не бывает! Долой!»)

3. Андрюша стирает свои ручки и говорит: «Не слабо. Сейчас для примера вот вам приказание. Ваши, говорит, ручки каменные. Они наливаются свинцом! Каждая ручка весит по 20 килограммов! Вам не поднять ваши ручки! Которые могут поднять, те пушай поднимают. Только они не могут поднять».

Начали граждане стараться поднять свои руки, да не тут-то было!

4. «Вот видите, — сказал Андрюша Госфикус, — показывая снятый пиджачок, — ручки свои вы действительно не могли поднять. Только это не есть восьмое чудо природы, а это Ленинградодежда так делает свои пиджачки, что определенно невозможно поднять руку.

Вот имеете пиджак, по которому наглядно видно качество продукции.

На этом и был построен наш многоуважаемый опыт».

1 ГОСФИКУС 1

Воздушный акт, или прыжок смерти

Свободный и энергичный характер Андрэ Госфикуса не позволяет ему замкнуться в узкие рамки эстрады и цирковой площадки. Его творческий полет фантазии ищет все новых и новых путей. И в настоящее время Андрэ Госфикус выносит свое популярное искусство на улицу, чтоб массы могли наглядно все видеть, наблюдать, любоваться и совершенствоваться.

С воздушным приветом вас, дорогой Андрэ Госфикус!

1. Андрюша появляется на дворе дома № 98 по Пушкинской улице. Детвора и небогатые жильцы дома обступают артиста. Помощник Госфикуса играет на балалайке «Шел по улице малютка». Другой помощник стоит с барабаном. Андрюша снял пиджачок и раскланивается перед публикой.

Из окна выглядывает лицо свободной профессии.

2. Андрюша всходит на 3 этаж. Открывает окошечко. И стоит на подоконнике, объясняя публике знаками, что сейчас он сиганет вниз. Другой бы цирковой работник в эту беспокойную минуту крестился бы, привязывал бы себя канатом, а наш голубчик с легкой улыбкой на устах стоит и кушать не просит.

Внизу гремит барабан.

3. Эйн, цвей, дрей.

И Андрей Васильевич товарищ Госфикус сигает из окна на двор.

Собравшиеся пролетарии ахают.

Детвора плачет и жметя к матерям. Наиболее честные специалисты и ученые, глядящие из окон, отворачиваются, чтоб не видеть гибели заслуженного артиста.

Во втором этаже нахально хохочет нэпман, украдкой закрывая свое едало.

4. Но что это? Какое чудо случилось в наши реальные дни? Андрюша наперекор стихии объясняет публике теорию своего падения. Он говорит, указывая на газету: «Большинство наших домов мало заботится о чистоте. На дворах и лестницах непроходимая грязь, пыль и мусор». Так что на таком дворе не токмо с 3-го, а и с 6-го этажа можно смело сигать, как на перину.

Музыка играет вальс. Аплодисменты.

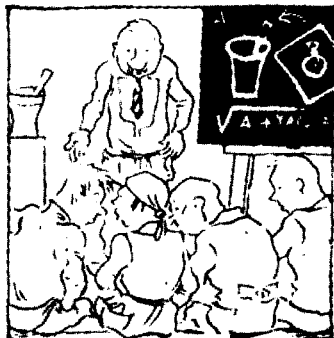
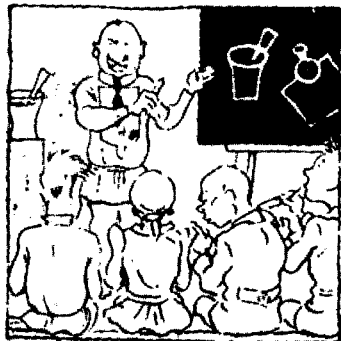
В ГОСТЯХ У СТУДЕНТОВ

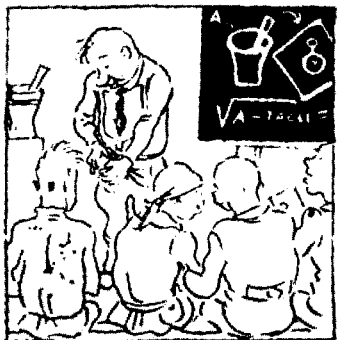
Андрэ Госфикус общественник

Энергичный общедоступный характер Андрэ Васильевича не позволяет ему отдавать свое творчество только платной публике. Андрюша часто выступает безвозмездно в своем жакте, надеясь, что ему скинут квартплату. Но особенно любит он вузовскую молодежь. «Вот именно эти насквозь меня понимают», — не раз говорил Андрэ Васильевич.

1. Приглашенный однажды на вечеринку Андрэ Васильевич решил блеснуть полной силой своего дарования.

— Вот тут на доске, — сказал Андрюша, — я начертил в научном смысле часы и ступку. Сейчас я у кого-нибудь возьму часы, растолчу их в ступке, покрою все обыкновенным носовым платком...

2. ...и через несколько минут соберу эти разбитые часы в одно научное целое. — Кто из вас, — сказал Андрюша, — одолжит на пользу науки одни карманные часы и один носовой платок? — В зале воцарилось молчание. Кое-кто, порывшись в карманах, тяжело вздохнул. — Ну если нету платка, — сказал Андрюша, — тогда я употреблю свой.

3. Порывшись в карманах, Андрюша доложил публике, что свой платок он, к сожалению, позабыл дома, что же касается часов, то и часов он при себе не имеет. Галоши, да, действительно, у него есть, но часов нету. — Устроить ли перерыв или сразу на этом закончить фокусы? — спросил Андрюша.

4. Все единодушно высказали желание закончить фокусы теперь же. После чего любимца публики качали до потери сознания и кричали: Ура, бис и браво.

Бисировать Андрюша не стал за поздним временем и отбыл на грузовом такси домой счастливый и освеженный.

ЧЕЛОВЕК-БАБОЧКА, ИЛИ ЧЕТЫРЕ ПУДА НА КАНАТЕ

*Андрэ Госфикус на волосок от смерти.
Неповторимое зрелище*

Сегодня предполагается оживленный вечер веселья и ловкости — наш неуязвимый маэстро Госфикус хотел пройти 6 метров по натянутому канату. Однако ряд учреждений и отдельных лиц отговорили заслуженного артиста Сев.-Зап. области от такого рискованного номера. Тем более, что канат, надо полагать, может не выдержать энергичного напора человеческого тела, и сочный артист может погибнуть в полном расцвете сил и творчества.

На рисунке — ряд учреждений и лиц отговаривают артиста. Вблизи — плачущая семья не велит ходить без предохранительной сетки.

Андрюша не пойдет. Он еще нужен культуре и цивилизации.

В ПОСЛЕДНЮЮ МИНУТУ

*(временный отъезд любимца публики
Андрэ Госфикуса)*

В связи с предстоящей чисткой аппарата и переквалификацией циркачей Андрэ Госфикус временно покидает пределы Северо-Западной области.

Андрэ Васильевич, не дожидаясь чистки, в ударном порядке выезжает на пару гастролей в провинцию, после чего Андрюша Госфикус снова будет выступать в своем научно-культурном репертуаре.

Привет, дорогой Андрюша! Добро пожаловать!

Возвращайтесь! Пишите открытки с пути! Не простудитесь!

Андрюша выезжает в провинцию со своей семьей.

На рисунке нацарапано: панорама отъезда Андрэ Васильевича. Вид сбоку.

(Духовой оркестр играет вальс «Светит месяц».)

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Небезызвестный иллюзионист Андрэ Госфикус, сумевший в короткое время завоевать массовые симпатии, вчера снова прибыл в Ленинград и остановился на жительство временно в 1-м гос. ночлежном доме.

Спрошенный нашим сотрудником о ближайших перспективах, Андрэ Васильевич сказал, что как только прибудет его аппаратура, так он снова развернет свою культурную работу на страницах наших научных изданий.

Кстати намечены новые постановки: «Бар сатаны», «Сапоги в желудке» и др.

Взяв под аванс 6 рублей, Андрэ Васильевич любезно попрощался и полез на верхнюю полку.

О провинции Андрэ Госфикус отзывается неопределенно. Пьют, говорит, и денег не платят.

Бесплатное приложение

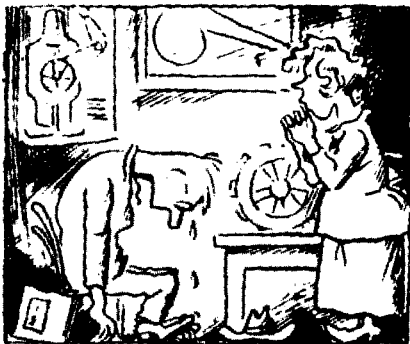
ОБ ИЗОБРЕТАТЕЛЯХ

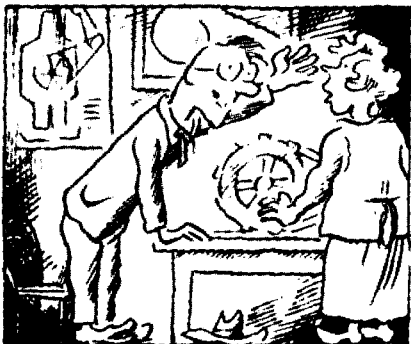
«НЕРВЫ НЕ ВЫДЕРЖАЛИ»

Настоящий отрывок из посмертной повести проф. Ущехина выдержан в чеховских тонах. В нем мало бодрящих слов, однако он дает все же здоровую зарядку и зовет на борьбу с Цекбризом.

1. ...И вернулся изобретатель *** домой и сказал: «Больше не могу! Тут нужен не человек, а автомат»...

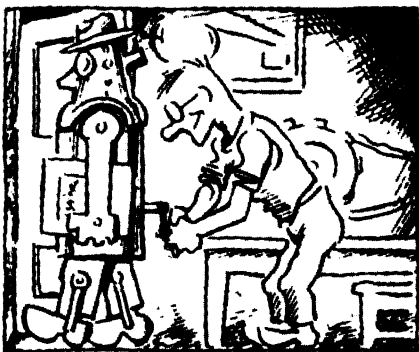
2. И пришла изобретателю *** гениальная мысль...

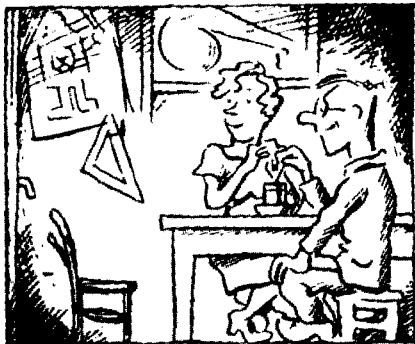
3...

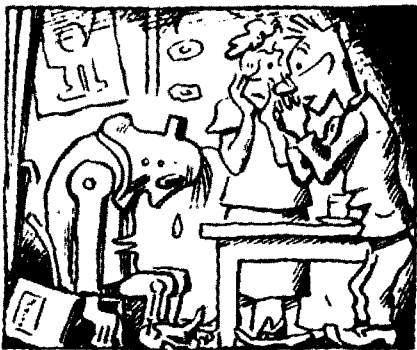
4...

5...

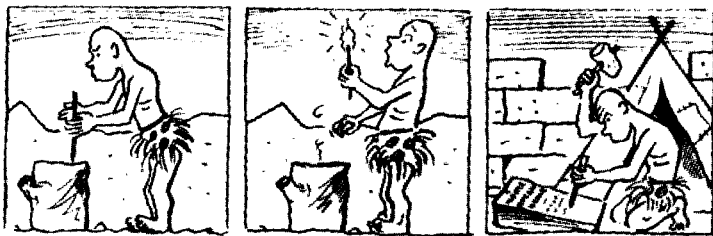
6. ...И вернулся автомат изобретателя *** домой...

ИСТОРИЯ ОДНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ

Изобретателям завсегда несладко жилось. Так например беспримерная волокита случилась в свое время с открытием огня.

1. Пещерный житель некто К. задумал изобрести чего-нибудь такое ценное, доступное пониманию своих современников.

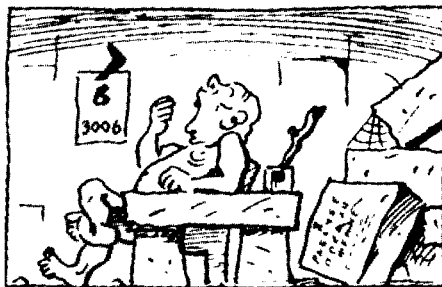
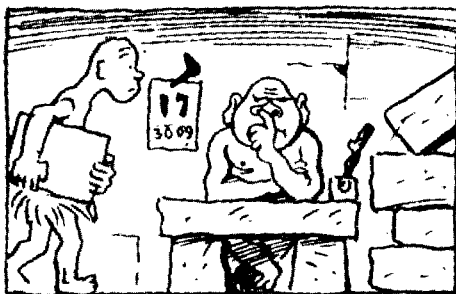

2. Стал он от нечего делать вертеть две деревяшки, и вдруг у него вспыхнуло. «Никак огонь?» — подумал изумленный изобретатель.

3. Очень он обрадовался. Сейчас, думает, сочиню заявление и патент схвачу. Вот он написал на камушке чего следует.

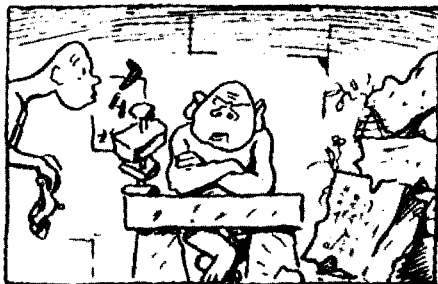
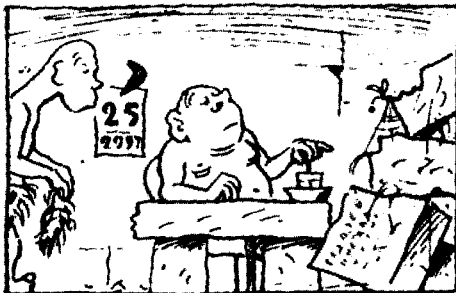

4. Побрился, надел новенькую шкурку и понес заявление в главный комитет мер и весов и тому подобных изобретений. «Руками оторвут», — решил изобретатель.

5. «Много вас тут шляется, лучше бы вам жалование прибавили», — подумал старый волокитчик.
— Зайдите через недельку.

6. Зашел наш изобретатель «через недельку». «Помилуйте, — говорит, — очень ведь интересное открытие — огонь».

7. — Подумаешь — огонь, — сказал чиновник. — Тем более, это уж где-то такое как будто было.

8. Так и погубило бы это довольно ценное изобретение, если б не могучий характер изобретателя. Он ворвался со своим огнем в главный комитет, спалил бородашку старшему чиновнику и натворил разных делов.

9. Так спасено было это важное открытие. Одним словом, сами понимаете, — без крепкого характера в это дело лучше не соваться. Затрут.

Примечания

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Восп. — Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. и подг. текста Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1990.

ИП — Зощенко Мих. Избранные повести. Л., Гослитиздат, 1936.

Лицо и маска — Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., Олимп — ППП, 1994.

Летопись — Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский // Лицо и маска. С. 340–365.

Мат 1 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб, Наука, 1997.

Мат 2 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб, Наука, 2001.

Мат 3 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб, Наука, 2002.

НЗ — Неизданный Зощенко. Анн Арбор <1976>.

Серапионовы братья — «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / Сост. Е. Лемминга. М., 2004.

СС 6 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 6 т. Л.; М., Прибой — Гослитиздат, 1929–1932.

СС 3 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1986–1987.

УГ — Зощенко Мих. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии / Изд. подг. М. З. Долинским. М., Книжная палата, 1991.

Третий том Собрания сочинений Мих. Зощенко объединяет разноплановые и разножанровые тексты, оконченные или созданные на рубеже 1920–1930-х гг.

«Сентиментальные повести» и примыкающий к ним «Мишель Синягин» — одна из главных линий первого писательского десятилетия Зощенко, демонстрация его первой поэтики; здесь ведется постоянный диалог с классической традицией и обозначается разрыв с ней.

«Письма к писателю» — опыт оригинальной обработки писательской почты, диалог с тем новым послереволюционным читателем, на которого были рассчитаны новеллы Зощенко, его вторая поэтика. Книжки-картинки — еще один шаг навстречу этому читателю, жанр невообразимый в «серьезной литературе» (из предшественников Зощенко в нем отметился лишь Чехов). Эти проходные и в то же время переломные книги подготавливают писательский поиск следующего десятилетия.

Сентиментальные повести (с. 7)

Зощенко Мих. Избранные повести. Л., 1936.

Печатается по указанному изданию.

«Сентиментальные повести» — сквозной замысел Зощенко 1920-х гг. Подзаголовок «сентиментальная повесть» появился уже в «Аполлоне и Тамаре» (Рассказы. Пб., 1923). В сборнике «Веселая жизнь» (Л., 1924) он исчез, но четыре текста — «Коза», «Аполлон и Тамара», «Мудрость», «Люди» — были объединены в третий раздел (с. 93–175). В 1925 г. с подзаголовком «Вторая сентиментальная по-

весть» «О чем пел соловей» была опубликована во второй книге литературно-художественного альманаха «Ковш». Первой повестью, вероятно, считалась в данном контексте «Страшная ночь», напечатанная в том же году в первой книге альманаха.

Затем семь написанных к тому времени повестей составили книгу «О чем пел соловей» (Л., 1927) с подзаголовком на обложке и титульном листе «сентиментальные повести». Сборник имел два раздела: I. Коза, Аполлон и Тамара, Страшная ночь, О чем пел соловей, Веселое приключение; II. Мудрость, Люди.

Эти же тексты, но уже без деления на разделы, расположенные, согласно авторским датировкам, в хронологическом порядке, составили четвертый том СС 6: Коза, Аполлон и Тамара, Мудрость, Люди, Страшная ночь, О чем пел соловей, Веселое приключение.

«Сирень цветет», опубликованная в 1930 г. в литературно-художественном альманахе «Звезда», а также отдельным изданием, вошла затем в пятый том СС 6 — в особый раздел, вместе с «М. П. Сянгиным».

В ИП композиция книги еще раз претерпела изменения. В раздел II «Сентиментальные повести» были включены шесть текстов, предваренные четырьмя предисловиями (об их истории см. далее), а «Мудрость», «Рыбья самка», «Коза» составили раздел V с подзаголовком «Первые повести».

В «Избранных повестях» (Л., 1937), формально представлявших второе издание предыдущего сборника, предисловий осталось три (первое — выброшено, остальные — перенумерованы), из цикла исчезла повесть «Люди», а раздел «Первые повести» помещен в начале, уже без «Рыбьей самки». Причины сокращения цикла имели цензурный характер.

«Мих. ЗОЩЕНКО. Избранные повести. Предварительный контроль Семенов. Последующий контроль Шипунов.

Снята повесть “Люди”. Тов. Семенов при чтении этой повести на предварительном контроле ограничился рядом крупных вычерков, но при повторном чтении, при последующем контроле, произведение было снято целиком.

“Люди”, написанные автором в 1924 г., повествуют о потомке старой помещицкой, дворянской фамилии — И. И. Белокопытове. До Революции главный герой повести занимался благотворительством, покровительствовал революционным элементам, и, оказавшись под политическим подозрением, вынужден был эмигрировать за границу. После революции Белокопытов возвращается в Советскую Россию, и тут начинаются его мытарства: несмотря на свою культуру, знание языков и желание работать, он везде встречает препятствия, и в конце концов, “как зверь, которому неловко после смерти оставить на виду свое тело, бесследно исчезает из города”. Сентиментальная повесть, как ее характеризует автор, опубликована впервые 13 лет назад, и переиздание ее сейчас, в эпоху Сталинской Конституции, когда человек, люди являются самым ценным капиталом, политически нецелесообразно» (Художник и власть: 12 цензурных историй / Публ. А. Блюма // Звезда. 1994. № 8. С. 85). И в других текстах «вычерков и исправлений сделано более чем на 30 страницах» (Там же).

В дальнейшем как самостоятельный цикл повести при жизни автора не переиздавались. Таким образом, последней авторской редакцией книги следует считать текст 1936 г., по которому повести и публикуются в настоящем издании. К вариантам 1920-х гг.

вернуться невозможно: они оказываются промежуточными решениями при работе Зощенко над книгой как целым.

В СС 3 составителем предложена текстологическая и композиционная контаминация. Семь повестей публикуются в варианте 1936 г., «Веселое приключение» — по СС 6. Все восемь текстов расположены в хронологическом порядке. Сам писатель эту книгу ни разу так не публиковал.

Предисловия (с. 7)

ИП. С. 47–50.

Печатается по этому изданию.

Предисловие «От автора», подписанное «Ив. Коленкор» и со-
провожденное указанием «1927 г., г. Мымры», появилось в первом
издании книги «О чем пел соловей» (1927).

Во втором издании в том же году Зощенко добавил к нему сле-
дующее примечание: «И. В. Коленкор — родной брат Е. Вас. Ко-
ленковой. Родился в 1882 г. Писатель-попутчик. Автор “Сенти-
ментальных повестей”. Роль писателя Зощенко в этом труде
свелась главным образом к исправлению орфографических оши-
бок и выравниванию идеологии. Так что по-настоящему на облож-
ке надо было поставить фамилию т. Коленкова. Однако И. В. Ко-
ленкор, не желая прослыть состоятельным человеком, отказался
от этой высокой чести в пользу М. Зощенко. Гонорар т. Коленкор
получил полностью. М. З.».

Причины его появления объяснены в дневнике К. Чуковского
23 августа 1927 г.: «Одно мое в эти дни утешение — Зощенко, кото-
рый часто приходит ко мне на целые дни. Он очень волнуется сво-

ей книгой “О чем пел соловей”, его возмущает рецензия, напечатанная каким-то идиотом в “Известиях”, где “Соловей” считается мелкобуржуазным воспеванием мелкого быта, — и в ответ на эту рецензию он написал для 2-го изд. “Соловья” уморительное примечание к предисловию — о том, что автор этой книги Коленкоров один из его персонажей... Зощенко принес в жилетном кармане кусочек бумажки, на котором он написал подстрочное примечание к “Соловью” о том, что книгу эту писал не он, а Коленкоров» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 409–410). Имеется в виду рецензия: Ольшевец М. Обывательский набат // Известия. 1927. 14 августа (см.: Лицо и маска. С. 148–152).

Это же предисловие с примечанием публиковалось и в третьем издании книги «О чем пел соловей» (1929), и в СС 6, где лишь исчезли указание на «г. Мымры» и инициалы М. З. в примечании, да вместо полной подписи подставного автора тоже появились инициалы И. В. К.

Идентичными предисловиями сопровождалась все три публикации повести «Сирень цветет» в альманахе «Звезды», отдельном издании и СС 6.

Весь этот материал подвергся переработке в ИП.

Предисловие к книге «О чем пел соловей» превратилось в «Предисловие к первому изданию». При этом в него были внесены более жесткие идеологизированные формулировки. Ср. с соответствующими абзацами в ИП первоначальные варианты: «Эта книга специально написана о человеке во всей его неприглядной красе»; «На общем фоне громадных масштабов и идей эта книга, эти повести, для некоторых критиков, надо полагать, действительно зазвучат какой-то жалкой флейтой, какой-то сентиментальной оскорби-

тельной требухой». Кроме этого, в предисловии был дописан предпоследний абзац («Однако... малогероическую книгу») и снят самый последний: «В заключение автор должен сказать, что некоторые повести этой книги печатаются уже вторично и слегка знакомы читателю. Автор очень просит на него не сердиться. Не только ради корысти сделано это. Автор собрал эту книгу главным образом для цельности впечатления».

Два следующих предисловия написаны на основе примечания, о котором выше шла речь. Зощенко конкретизировал и развел по отдельным главам образы подставного рассказчика («Предисловие ко второму изданию») и автора («Предисловие к третьему изданию»). Инициалы К. Ч. можно трактовать как намек на К. Чуковского.

Предисловие к повести «Сирень цветет» превратилось в «Предисловие к четвертому изданию». При этом в нем был вычеркнут последний абзац: «Кроме того, автор считает долгом успокоить читателя: несмотря на то, что лицо, от которого ведется повествование, есть вымышленное лицо — сама повесть далека от вымысла — все взято целиком из жизни, и главные события развернулись буквально на глазах у автора». Дата, указание на место и подпись появились здесь впервые.

Таким образом, хронология предисловий в ИП имеет мистифицирующий характер. Тексты сочинялись или редактировались для издания 1936 г., что подтверждает целостный и конструктивный характер книги Зощенко.

Ритурнель — инструментальный эпизод, исполнявшийся в начале и в конце каждой строфы песни или романса; здесь: эпизоды, события.

Аполлон и Тамара (с. 12)

Зощенко М. Рассказы. Пг., 1923.

Печ. по: ИП. С. 51–72.

В первой публикации дата отсутствовала. В книге «О чем пел соловей» датирована 1925 г. (что явно неточно), в СС 6 — 1923 г., в ИП — март 1923 г.

В 1920-е гг. текст повести почти не менялся. При включении в ИП по сравнению с СС 6 в текст внесено более 20 изменений. Методика писательской правки здесь и в других повестях оставалась одинаковой. Зощенко, как правило, вычеркивал или вписывал отдельные слова или фрагменты и лишь в редких случаях варьировал текст, менял синтаксические структуры. Большинство изменений в повести — дополнительные характеристики времени и героев, разъясняющие философские пассажи.

IV конгресс — речь идет о IV конгрессе Коммунистического Интернационала, который состоялся в ноябре — декабре 1922 г.

Теория относительности — созданные А. Эйнштейном общая и частная теории относительности (1905–1916) в 1920-е гг. привлекали внимание многих; об этом писали и говорили В. Маяковский, близкий к «серапионам» Е. Замятин и др.

Приват-доцент — внештатный преподаватель в вузах дореволюционной России.

Мажор — музыкальная тональность, имеющая бодрую, радостную окраску.

Секретарь городской управы — одна из низших должностей в органе городского государственного управления.

Марьяж — брак, свадьба.

Ксения Блаженная (между 1719 и 1730 — ок. 1801) — христианская юродивая-подвижница, святая, покровительница Петербурга, погребена на Смоленском кладбище.

Люди (с. 41)

Зощенко М. Веселая жизнь. Л., 1924.

Печ. по: ИП. С. 73–107.

Первая публикация — без даты, главы обозначены словами («Глава первая» и т. д.). В СС 6 датирована 1924 г., в ИП — апрель 1924 г.

В ИП в текст внесено около полутора десятков изменений.

Нотабена — пометка около текста, на который требуется обратить особое внимание.

Заливать пулю — лгать, говорить неправду.

Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский философ-просветитель, писатель.

Вольтер (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ, 1694–1778) — французский философ, историк, писатель.

Бодуэн-де-Куртене Иван Александрович (1845–1929) — известный русский лингвист. Включение его в один ряд с Руссо и Вольтером имеет иронический характер, ибо его основные работы посвящены фонологии.

Стек — хлыст, применяемый при верховой езде.

«*Букет резеды*» — книга-мистификация, часть образа Автора, который строит Зощенко-автор.

Ильковая шуба — дорогая шуба из меха ильки, американского хорька.

Мимикрия — один из способов борьбы за существование, заключающийся в том, что животные приобретают окраску, похожую на предметы окружающей среды.

Сен-Жюст Луи (1767–1791) — французский революционер эпохи Великой французской революции, казнен термидорианцами. Мода называть улицы в честь не только русских революционеров, но и их предшественников была распространена в 1920-е гг.

Фунт — старинная русская мера веса, 409 г.

Страшная ночь (с. 89)

Ковш. Литературно-художественный альманах. Кн. 1. Л., 1925.

Печ. по: ИП. С. 108–120.

В первом издании не датирована, главы обозначены словами. В СС 6 и ИП дата — 1925 г.

В ИП в сравнении с предыдущими изданиями в текст внесено около 30 изменений.

Вот автор недавно прочел у немецкого философа... междуледниковый период. — Вероятно, имеется в виду книга немецкого философа О. Шпенглера «Закат Европы» (Т. 1–2, 1918–1922; русск. пер. Т. 1, 1923), широко обсуждавшаяся в 1920-е гг. Шпенглер начинал историю человеческой культуры с ледникового периода и пророчествовал о ее конце, торжестве энтропии, восстановлении «первоначального ландшафта».

Екатерина II (1729–1796) — русская императрица в 1762–1796 гг.

О чем пел соловей (с. 114)

Ковш. Литературно-художественный альманах. Кн. 2. Л., 1925.
Подзаголовок: Вторая сентиментальная повесть.

Печ. по: ИП. С. 127–147.

В первом издании не датирована. В СС 6 дата — 1925 г., в ИП — 1926 г. (что явно неточно).

В ИП в сравнении с предыдущими изданиями изменения незначительны (всего 5–6).

Рояль Беккера — рояль известной петербургской фабрики.

Живая церковь — возникшее в 1922 г. религиозное раскольническое движение, провозгласившее поддержку Советской власти и обновление разных сторон церковной жизни.

Лист Ференц (1811–1886) — венгерский композитор, автор 15 рапсодий.

Формальный метод — научное направление в литературоведении, организационно оформившееся в 1919 г. и стремившееся к точности литературоведческого анализа. К нему принадлежали В. Шкловский, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум и др. На Шкловского Зоценко написал пародию (см. выше).

Веселое приключение (с. 141)

Прожектор. 1926. № 23–24.

Печ. по: ИП. С. 148–170.

Датировка в СС 6 и ИП — 1926 г.

В ИП в сравнении с предыдущими изданиями сделано около 25 изменений.

Тагор Рабиндранат (1861–1941) — индийский писатель и философ. Впрочем, в данном случае, вероятно, имеется в виду не он, а соратник Зощенко по группе «Серапионовы братья». К. Чуковский записывает 5 августа 1927 г. реплику Зощенко: «О Федине: “Рабиндранат Тагор. Он узнал, что я так называю его, — и страшно обиделся”» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 405).

Мадаполам (модеполам) — тонкая и прочная белая хлопчатобумажная ткань, из которой шили носильное и постельное белье.

Татарин — мелкий торговец-разносчик.

Сирень цветет (с. 172)

Звезда. Литературно-художественный альманах. Л., 1930.

Печ. по: ИП. С. 171–204.

Авторская датировка в альманахе и первом отдельном издании (1930) — сентябрь 1929 г., в СС 6 — без даты, в ИП — 1929 г.

В альманахе и СС 6 повесть разделена на 8 глав. В отдельном издании 1930 г. нумерация отсутствует, но те же главы выделены буквицами. В ИП текст разделен уже на 10 глав.

Из всех повестей книги «Сирень цветет» подверглась наибольшей правке, в ИП в текст внесено более 40 изменений.

В частности, существенно сокращен пародийный фрагмент в главе 6 (по прежней нумерации — 4-й), имеющий в виду, прежде всего, поэтику Ю. Олеши, и шире — описательно-метафорическую, орнаментальную прозу, а с другой стороны —

стилистику почвенно-областническую, диалектную. Вместо «В мире была скамейка... затыркало, закурчавилось» в СС 6 было:

В мире была скамейка.

И вот в мир неожиданно вошла

папи-

рос-

ка,

которую

ю

человек

раздумчиво

и

медленно

захватил своими ровными, матово-желтыми, слегка выпуклыми зубами (зубами ли?), полураскрыв для этой цели свое едало на полсантиметра и двенадцать миллиметров. При этом он обнаружил бледно-красные, скорее розовые или, вернее, синеватые десна, сплошь утыканые зубами, как плесенью. На верхней десне была небольшая (еле заметная) темная точка, которая при свете луны теперь чуть мерцала себе, и только опытный зоркий глаз художника мог увидеть ее на пользу и во славу отечественной словесности.

Море булькотело. Трава немолчно шебуршала. Суглинки и супеси давно осыпались под ногами влюбленных.

Девушка шамливо и раскосо капоркнула, крюкая сирень.

Рассея, Рассея, мать ты моя Рассея! Эх, эх, чорт поберит!

Море, то есть, вообще, озеро, булькотело и опалом и бирюзой отливало, кивало, рвало. Кругом опять чего-то художественно заколужило, затыркало, закурчавилось (С. 108–109).

Чубаровщина — хулиганство, бандитизм; 21 августа 1926 г. в районе Чубарова переулка на Лиговке несколько молодых людей участвовали в групповом изнасиловании. Процесс над ними получил широкую огласку, слова «чубаровец», «чубаровщина» стали нарицательными (см. главу «Человек обиделся» в «Письмах к писателю»).

...в минуту жизни трудную... — цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1839).

Золотопогонник — офицер, белогвардеец; в царской и белой армии офицеры носили погоны, в Красной армии они были отменены.

...стихи Пушкина, — «Птичка прыгает на ветке»... — ирония, таких стихов у Пушкина нет, хотя есть несколько стихотворений о птицах.

Первые повести (с. 219)

Можно предположить, почему в окончательном варианте две первые сентиментальные повести Зоценко были выделены в особый раздел. Шесть других текстов строились не только на изложении фабулы, но и на прямом диалоге Автора с критикой и читателем. Здесь сложно переплетались рассказ о событии и событие рассказывания. «Коза» и «Мудрость» основываются на чистой, «го-

лой» фабуле и тем самым ближе к традиции классической новеллы. Принципиально важная для Зощенко 1920-х гг. партия повествователя здесь отсутствует.

Мудрость (с. 219)

Прожектор. 1924. № 15.

Печ. по: ИП. С. 295–304.

В СС 6 датирована 1924 г., в ИП — 1920–1924 гг.

В первых изданиях, включая СС 6, главный герой именовался Иваном Алексеевичем Зотовым. Начиная с «Избранных рассказов» (Л., 1931), он превратился в Ивана Алексеевича Зощенко, родственника Автора. За исключением этого переименования, текст во всех изданиях остался неизменным.

Комендантский аэродром — место в Приморском районе Петербурга, городская окраина, где в начале XX в. проходили первые полеты аэропланов.

Фестоны — украшения по краям женского платья, рубашки и пр. в виде вышивки, зубчиков и т. п.

Удар — кровоизлияние в мозг, инсульт.

...стол, уставленный всевозможными яствами... — реминисценция из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть кн. Мещерского» (1779): «Где стол был яств, там гроб стоит».

Коза (с. 232)

Круг. Альманах артели писателей. Кн. 1. М.; Пг., 1923.

Печ. по: ИП. С. 312–332.

В «Рассказах» (Пг., 1923) и СС 6 датирована 1922 г., в ИП — 1920–1922 г.

По воспоминаниям В. В. Зощенко, повесть написана летом 1922 г. в Сестрорецке: «Михаилу мы с Ольгой устроили “кабинет” в бывшей ванной комнате — Ольга притащила досок, положила их на ванну, набили матрасник сеном — и во время своих довольно частых приездов Михаил помещался в этой “ванной”, в которой он написал свою “Козу”» (Мат 1. С. 66).

Коллежский регистратор — гражданский чин последнего, четырнадцатого класса.

Троицкий мост — мост через Неву с Марсова поля на Петроградскую сторону; после революции переименован в мост Равенства и Кировский (с 1934 г.); в настоящее время мосту возвращено старое имя.

Каменноостровский проспект — позднее Кировский (с 1934 г.) проспект, начинающийся от Троицкого моста.

Карповка — река между Большой и Малой Невками, отделяющая Петроградскую сторону от Аптекарского острова.

Нахичевань — город в Закавказье, ныне на территории Азербайджана.

Люком Елена Михайловна (1891–1968) — балерина, одна из лучших танцовщиц Мариинского театра 1910–1920-х гг.

...животные революцию объявят. — Странное предсказание фавулы притчи Дж. Оруэлла «Скотный двор» (1943–1944), в ней животные тоже устраивают революцию.

Турнепс — кормовая репа, обычно используется на корм скоту.

М. П.Синягин (с. 261)
(Воспоминания о Мишеле Синягине)

Новый мир. 1930. № 12.

Печ. по: Зоценко Мих. М. П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине). Л., 1931. 80 с.

На обложке первого отдельного издания — иной вариант заглавия: «Воспоминания о М. П. Синягине». В ИП на титульном листе появился заголовок «Мишель Синягин», а первоначальный вариант стал внутренним заглавием, помещенным после «Предисловия».

В СС 6 и первом отдельном издании предисловие датировано 3 сентября 1930 г., в ИП осталось лишь указание на месяц: сентябрь 1930 г.

В СС 6 и ИП главы пронумерованы (их 11).

В СС 6 предисловие заканчивалось абзацем: «Необходимо еще отметить, что автор, вероятно, в дальнейшем издаст эти воспоминания отдельной книжкой, в которой будут напечатаны фотографии главных действующих лиц, а именно: М. П. Синягина, его жены, матери и тетки».

В отдельном издании повести Зоценко выполнил обещание, сопроводив текст четырьмя фотографиями неизвестных, подписанными именами героев повести, и, соответственно, сняв последний абзац предисловия.

Эта история имела продолжение. Сохранилось любопытное свидетельство современника: «Спустя некоторое время после выпуска М. Зоценко “Воспоминаний о Синягине” в Союз писателей

явился неизвестный солидный человек и протестовал против опубликования в книге его ранних фотографий (оказался в действительности жив и здоров). Смелись. Успокоили.

Известно, что Зощенко вклеил в эту книгу старые неизвестные фотографии, приобретенные им случайно у какого-то фотографа, и превратил их в портреты своих героев!» (Басалаев И. Записки для себя // Минувшее. Исторический альманах. Т. 19. М.; СПб, 1996. С. 461).

В ИП в текст было внесено более 60 изменений в обычных для Зощенко 1930-х гг. направлениях: психологическая детализация и упрощение, «выпрямление» сказа: «колбасилась» заменено на «носилась», «арапская женщина» — на «крайне энергичная женщина», «опутали как сукинова сына» — на «опутали как болвана», «спер» — на «стянул» и т. д.

Вариант ИП см.: СС 3. Т. 2. С. 175–216. Однако «Ленинград» по всему тексту здесь заменен на «Петроград», что отвечает исторической правде, но нарушает принцип сказовой манеры Зощенко.

См. публикацию чернового автографа повести: Повесть «М. П. Синягин». К творческой истории произведения / Публ. В. Ю. Вьюгина // Мат 2. С. 11–70.

В моем окне качалась лилия... — Стихотворение, как и последующие, пародийно и имеет в виду прежде всего творчество А. Блока. Стихотворение «Гроза» просто позаимствовано у Блока («Гроза прошла...»; 20 мая 1899; первая публикация — 1919), с превращением блоковского четверостишия в восьмистишие и мелкими изменениями.

Ма шер (франц.) — моя дорогая.

Мужичонка-средняк — на политическом жаргоне 1920-х гг. обозначение зажиточных крестьян, противопоставлявшихся беднякам и богачам-кулакам.

Интеллигентская прослойка — на политическом жаргоне 1920-х гг. обозначение интеллигентов, людей умственного труда, находящихся между классами (слоями) пролетариата и крестьянства.

Фет Афанасий Афанасьевич (1820–1892), *Блок Александр Александрович* (1880–1921), *Надсон Семен Яковлевич* (1862–1887), *Есенин Сергей Александрович* (1895–1925) — русские поэты, прозаиками никогда не считавшиеся. Включение Надсона в ряд «прекрасных и отличных» имеет явно иронический характер и характеризует вкус Мишеля Синягина.

Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь, покровитель балета, в эмиграции считался претендентом на русский престол.

Палантин — меховая или отделанная мехом дамская накидка разной формы — от воротника до большого шарфа.

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — русский юрист, мемуарист.

Переверзев Валериан Федорович (1882–1968) — русский литературовед социологического толка.

Список плохо сочетающихся между собой «знаменитых людей» имеет столь же пародийный характер, как и приведенный ранее перечень «отличных» поэтов.

Сип — конская болезнь, заразная и неизлечимая; насморк, который приводит к смерти.

Дворец Труда — построенный в 1853–1861 гг. по проекту А. И. Штакеншнейдера дворец, в котором с конца XIX в. размещался Ксениинский институт благородных девиц; после революции был назван Дворцом Труда и передан профсоюзным организациям.

Шансонетка — игривая, веселая песенка, а также актриса, ее исполняющая.

Госцветмет — государственный комитет по цветным металлам.

Ватерпруф — непромокаемый плащ.

Желтый дом на Пряжке — психиатрическая лечебница на реке Пряжке, левом рукаве Мойки, название которой в Петербурге стало нарицательным.

Чарльстон — американский быстрый танец (по названию города), популярный в 1920-е гг.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ.

Бабель Исаак Эммануилович (1894–1940) — советский писатель-новелист. В 1920-е гг. воспринимался как последователь и соперник Зощенко. «Ходила такая эпиграмма: “Под пушек гром, под звоны сабель от Зощенко родился Бабель”» (Катаев В. Алмазный мой венец. М., 1981. С. 211).

Апраксин рынок — большой рынок в центре Петербурга, занимающий квартал между Садовой улицей и рекой Фонтанкой.

Гопа — воровской притон.

Кирочная улица — улица в центре Петербурга, отходящая от Литейного проспекта, в 1932 г. была переименована в улицу Салтыкова-Щедрина.

Люстриновый пиджак — пиджак из блестящей жесткой шерстяной ткани. «В 1920–30-е гг. мужской “люстриновый пиджак”

превратился в своеобразный социальный знак — по нему узнавали мелких служащих с мещанскими претензиями на светскость, своеобразная униформа целого общественного слоя, описанного М. М. Зощенко» (Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII — первой половины XX вв. Опыт энциклопедии. М., 1995. С. 160–161).

Письма к писателю (с. 327)

Зощенко Мих. Письма к писателю. Л., 1929.

Второе измененное издание: СС 6. Т. 6. С. 1–179.

Печ. по: УГ. С. 345–431.

Замысел книги, вероятно, стал формироваться у Зощенко со второй половины 1920-х гг.

23 августа 1927 г. К. Чуковский записывает большой монолог писателя: «У меня психостения, и я заставляю себя не обращать внимания на шум в редакции, где галдеж со всех сторон. Скоро я начну даже на письма отвечать. Боже, какие дурацкие получаю я письма. Один, например, из провинции предлагает мне себя в сотрудники: “Я буду писать, а вы сбывайте, деньги пополам”. И подпись: “с коммунистическим приветом”. А другой (я забыл что). Хорошо бы напечатать собрание подлинных писем ко мне — с маленьким комментарием, очень забавная вышла бы книга» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 409–410).

30 октября того же года Чуковский воспроизводит рассказ Зощенко, который позднее станет основой главки «Драма на Волге»: «Ах, я только что был на Волге, и там вышла со мной смешная ис-

тория! По Волге проехал какой-то субъект, выдававший себя за Зощенко. И в него, поддельного Зощенко, влюбилась какая-то девица. Все сидела у него в каюте. И теперь пишет письма мне, спрашивает, зачем я не пишу ей, жалуется на бедность — ужасно! И, как на грех, это письмо вскрыла моя жена. Теперь я послал этой девице свой портрет, чтобы она убедилась, что я тут ни при чем» (Там же. С. 422).

31 января 1929 г. В. В. Зощенко записывает в дневнике: «Михаил сообщил мне, что собирается издавать книгу “Письма читателям”. Половину гонорара думает пожертвовать на бедных родственников» (Мат 1. С. 78).

13 февраля 1929 г. о замысле было рассказано Н. Б. Дейнеке, письма которой будут использованы в книге (см. ниже).

26 марта 1929 г. Чуковский говорит об уже законченной работе, приводя ее точное заглавие: «Зощенко весь захвачен теперь своей книгой “Письма к писателю”, прочитал мне всю ее вслух. В ней нет для меня того обаяния, которое есть в других книгах Зощенко, но хотя вся она состоит из чужого материала, она вся — его, вся носит отпечаток его личности» (Там же. С. 468).

Предисловие к первому изданию датировано: апрель, 1929.

Степень авторского вмешательства в опубликованные письма, вероятно, была различной и нуждается в специальном исследовании. Во всяком случае, по ставшим доступными мемуарам одной из эпистолярных героинь становится ясно, что Зощенко не просто использовал «человеческие документы», а редактировал или даже организовывал их.

Весной 1928 г. шестнадцатилетняя Н. Б. Дейнека отправила Зощенко письмо со стихами. После ответа писателя завязалась пере-

писка (см: Письма М. М. Зощенко Н. Б. Дейнеке / Публикация Н. Князевой // Искусство Ленинграда, 1990. № 3. С. 70–78; публикуется 17 писем).

Через какое-то время писатель назначает девушке встречу и делает «литературное предложение»: разрешить использовать уже полученные письма и стихи в книге и написать еще одно письмо в «сходном стиле». Просьба была выполнена и оплачена.

Дальше между автором и одной из героинь будущей книги завязывается сложная психологическая борьба. Девушка пугается собственной откровенности и просит отменить или, по крайней мере, отредактировать публикацию, чтобы остаться неузнанной близкими. Зощенко решительно отказывается от изменений.

«Михаил Михайлович встретил меня с некоторым раздражением. С первых же слов он дал понять, что предлагает мне столь выгодные условия и возможность увидеть свои писания в печати — другая с радостью согласилась бы, а я еще капризничаю.

Дрожащим голосом я доказывала, что это не каприз и умоляла убрать хоть одну единственную фразу, в которой я в отвратительно-точных выражениях, присущих литературному обиходу 20-х годов, сообщала о своем романе. (Вероятно, речь идет о следующем фрагменте письма: “У меня очень скверная, грязная жизнь. Чтобы объяснить всю ее грязь, достаточно того факта; что, когда мне было 14 лет, меня взял как женщину один женатый мужчина и я до сих пор с ним, потому что я его люблю” — И. С.).

Нет, он не уберет эту фразу, он не может, не имеет права ее убрать — тогда теряет смысл и значение весь мой образ. Вся мягкость и томность исчезла из голоса Зощенко, теперь в нем звенел металл. Он говорил теперь со мной как писатель-профессионал,

несокрушимый во всем, что касалось литературы, литературного образа, литературного факта. И я для него была уже не я — девушка Ниночка, к которой он так участливо отнесся, я была литературным образом, за который он боролся.

Но тяжело превращаться из человека в литературный образ.

После долгих пререканий он согласился изменить даты писем, прибавить мне год возраста (17, а не 16 лет), переделать “Ленинград” на “Москву”, “морского инженера” на “молодого врача”, “драматическую артистку” на “киноартистку”. И приписать от себя концовку, в которой я выхожу замуж “за молодого врача”.
<...>

В конце лета вышла книжка “Письма к писателю”. Я в ней существовала в двух ипостасях. И первая, ради которой все было и затеяно, — мои письма — была напечатана под понимающе-ироническим, как бы подводящим безнадежный итог заголовком “Все в порядке” (Дейнека Нина. Чужая и маленькая. Мои встречи с М. М. Зощенко // Искусство Ленинграда, 1990. № 3. С. 62, 64).

Сопроводительное письмо для второй посвященной Дейнеке главки «Плохая молодость», в которой были опубликованы ее стихи, в конце концов, как вспоминает мемуаристка, сочинил от ее лица сам Зощенко (Там же. С. 63).

Во второе издание книги в СС 6 Зощенко включил семь новых главок, исключив, однако, пять других. Эти исключенные тексты, а также статья «Из переписки с читателями» (Литературный современник, 1940, № 3), вслед за М. Долинским, воспроизводятся в приложении.

См. также архивные публикации, обозначающие контекст этой книги Зоценко, своеобразно дополняющие и продолжающие ее: Письма к писателю / Публ. Ю. В. Томашевского // Звезда, 1994, № 8. С. 64–72; «Здесь. Писателю Зоценко». Из писем читателей 1930-х гг. Публ. В. А. Прокофьева // Мат 1. С. 193–221; «Письмо написано. Отправлено. И вот — нашло свое применение» / Публ. Е. И. Колесниковой // Мат 2. С. 344–347; «Дорогой товарищ Зоценко!». Из читательских писем 40–50-х годов / Публ. В. А. Прокофьева // Там же. С. 350–354.

Первое письмо (с. 332)

Зимой мне надо было оппонировать по докладу «Серапионовы братья, как общество». — Литературная группа «Серапионовы братья» (В. А. Каверин, Л. Н. Лунц, М. Л. Слонимский, Н. С. Тихонов, К. А. Федин и др.), членом которой был Зоценко, возникла в феврале 1921 г. и фактически прекратила существование в 1927 г., хотя дружеские связи между серапионами сохранялись еще много лет.

Барышня из Кронштадта (с. 333)

Передайте от меня привет Мазовскому, я им тоже очень увлекаюсь, т. е. не им, а его сочинениями. — О каком сочинителе идет речь, неясно. Возможно, имелся в виду Маяковский.

Беспризорный гений (с. 335)

«Уважаемые граждане» — большой сборник Зоценко, вышедший в издательстве «Земля и фабрика» (ЗиФ) в серии «Библиотека сатиры и юмора» (М.; Л., 1926. 276 с.).

Комбинация (с. 336)

ВАПП — всероссийская ассоциация пролетарских писателей, литературная организация, объединявшая авторов по принципу происхождения и лояльности Советской власти.

Эморист (с. 339)

«*Красная газета*» — выходила в Петрограде-Ленинграде (1918–1939).

«*Рабочая газета*» — массовое общеполитическое издание (1922–1932).

«*Безбожник*» — под таким названием в 1920-е гг. выходили два издания, антирелигиозная газета (1922–1941) и сходный по направлению журнал (1925–1941).

Человек обиделся (с. 346)

Это слово ругательское и какое которм ругаются из Чубаровского переулка что в Ленинграде. — См. прим. к повести «Сирень цветет».

Главлит — главное управление печати, осуществлявшее в советскую эпоху цензурные функции.

ГИЗ — государственное издательство.

Открытое письмо (с. 348)

На открытке какой-то член первой Государственной думы. — Государственная дума — законодательное представительное учреждение в России в 1906–1917 гг. Первая дума просуществовала всего два с половиной месяца (27 июля — 8 июля 1906) и была распущена по указу Николая II.

Военные стихи (с. 350)

Читая Ваш юмористический рассказ «Самородок из деревни»... — Рассказ «Самородок» (1926), позднее — «Крестьянский самородок» (см. Т. 2).

«Красноармеец» — общественно-политический журнал для армии, основан в 1919 г., в 1947 г. переименован в «Советский воин».

Разбиты банды, Скоропадский, Поляки, немцы и Краснов, Побеждены чехословаки, Каледин и опять Краснов. Колчак с востока двинул войско, Надеюсь быть у нас царем...— Перечисляются основные события и персонажи (со стороны белых) гражданской войны.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945), генерал–лейтенант (1916), один из лидеров украинского националистического движения; в апреле 1918 при поддержке австро–германских войск избран гетманом Украины и провозгласил создание независимой Украинской державы; в декабре, потерпев поражение от войск С. В. Петлюры, бежал в Германию.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947), генерал от кавалерии (1918), вместе с А. Ф. Керенским возглавлял выступление против большевиков в октябре 1917 г. и был разбит; в 1919 г. продолжил борьбу на юге России в качестве атамана Всевеликого войска донского и «опять» побежден; с 1920 г. в эмиграции; в годы второй мировой войны сотрудничал с фашистами, после ее окончания выдан в СССР и повешен в Москве.

Каледин Алексей Максимович (1861–1918), генерал от кавалерии (1916), руководитель белоказачьего движения на Дону; после поражения от красных войск сложил полномочия атамана и застрелился.

Колчак Александр Васильевич (1873–1920) — адмирал (1918), руководитель белого движения на востоке России; в 1918–1920 гг. «верховный правитель Российского государства», после поражения передан чехословацкими войсками красным и расстрелян в Иркутске.

Деникин с юга двинул силы... — Деникин Антон Иванович (1872–1947) — один из руководителей белого движения, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России, «верховный правитель российского государства»; с апреля 1920 г. в эмиграции.

Был сброшен Врангель в Черноморье... — Врангель Петр Николаевич (1878–1928), барон, главнокомандующий «Русской армией», эмигрировал после поражения в Крыму.

«Безбожник» — см. прим. к главе «Эморист».

Дельная критика (с. 354)

М. Б.-Б. ж. д. — Московско-Белорусско-Балтийская железная дорога.

В 1924 году один из наших товарищей по общежитию купил сборник ваших рассказов издательства «Огонек» («Искусство Мельпомены», «Баня» и проч.). — Речь идет о маленьком сборнике из 9 текстов «Рассказы» (М., 1925. 38 с.), который начинается «Искусством Мельпомены» и «Баней».

Некоторая заминка произошла с «Веселым приключением» («Прожектор») и сборником «О чем пел соловей». — В книгу «О чем пел соловей» (М.; Л., 1927. 192 с.) вошли семь сентиментальных повестей, в том числе и «Веселое приключение», первоначально напечатанное в журнале «Прожектор» (1926, № 23–24).

Ильинский Игорь Владимирович (1901–1987) — актер и режиссер, много лет выступал как литературный ттец.

Хенкин Владимир Яковлевич (1883–1953) — эстрадный актер и ттец; произведения Зощенко, исполняемые в театрализованной манере, долгое время были основой его репертуара.

Часы (с. 359)

У Лескова есть прекрасный рассказ о том, как один купчик случайно украл часы у прохожего. Рассказ называется, кажется, «Часы». — На самом деле, этот рассказ Н. С. Лескова называется «Грабеж» (1887).

Драма на Волге (с. 364)

«Прибой» — рабочее кооперативное издательство (1922–1927), вошедшее в состав Ленинградского государственного издательства.

Валька с Нюшкой (с. 371)

...мы убеждены в том, что, кроме рассказов, которые пропущены цензурой, у Вас еще имеются и другие... — Ответ Зощенко вполне искренен, в 1920-е гг. его тексты почти не вызывали цензурных придинок, что было компенсировано последующей его литературной судьбой.

Пригодилось (с. 373)

Пишут так, как Леонид Андреев. Вот писатель, которого абсолютно нестерпимо сейчас читать! — Столь резкий отзыв о творчестве Леонида Николаевича Андреева (1871–1919) объясняется,

видимо, несовместимостью его экспрессивной, экзальтированной стилистики и установки на простоту, прямое слово, которая все больше овладевает Зощенко с конца 1920-х гг.

Плохие нервы (с. 375)

«Бегемот» — сатирический журнал, выходивший в 1922–1928 гг.; в нем много сотрудничал Зощенко.

Встреча в театре (с. 384)

Вы не поймете, почему Вам это написала. А просто потому, что легче стало мне. Открыла все, и тайны уж не стало, и позабудусь в будничном я сне. — Это тоже стихи: записанное прозаической строкой четверостишие разностопного ямба.

Все в порядке (с. 386)

Глава основана на письмах Н. Б. Дейнеки (1912–1989). См. преамбулу к «Письмам к писателю» и главу «Плохая молодость».

Ты едешь пьяная... Там на диване... — Популярный романс неизвестного автора, вероятно, возникший в начале XX в.; входил в репертуар П. Лещенко.

Фабзавуч (ФЗУ) — фабрично-заводское училище, низшее профессиональное учебное заведение.

Несостоявшееся свидание (с. 396)

Совбарышня — советская барышня, девушка.

Юмористический рассказ (с. 398)

Белая косточка (белая кость) — переносное обозначение дворян и других образованных сословий.

Письмо и стихи (с. 400)

В приводимых стихах заметно явное влияние А. Кольцова; некоторые написаны разработанным им размером, так называемым «кольцовским пятисложником».

Вирши (с. 412)

При этом письме прилагаю Вашу книжку «Кризис». — Сборник включал 10 текстов и вышел в «Веселой библиотеке “Бегемота”» (Л., 1926. 48 с.).

Подросток (с. 413)

В нашей городской библиотеке я узнал, что есть несколько Ваших книг и однажды попросил одну из них («Уважаемые граждане»). — См. прим. к главе «Беспризорный гений».

В юмористических журналах (напр. «Чудаке») я прочел много Ваших рассказов. — Зощенко сотрудничал в этом журнале в 1928–1929 гг.

Плохая молодость (с. 415)

В главе использованы стихи Н. Б. Дейнеки (см. преамбулу и главу «Все в порядке»).

Грустная жизнь (с. 419)

В двадцать восьмом году я работал в одном из юмористических журналов под псевдонимом Гаврилыч. — Постоянный псевдоним Зошенко в журнале «Пушка» (1928–1929).

Задуманная переписка (с. 427)

Я читала у чехова про сапожника як вин продал душу чорту... — Речь идет о чеховском святочном рассказе «Сапожник и нечистая сила» (1888).

Поет и пишет (с. 433)

Но с большими трудами достала ваши 2-ое книг «Над кем смеетесь» и «Уважаемые граждане». — «Над кем смеетесь?!» (М.; Л., 1928. 269 с.). Об «Уважаемых гражданах» см. прим. к главе «Беспризорный гений».

Лелька-бандит (с. 436)

Хотела кое-что написать побольше, да некогда, надо бежать на собрание ячейки ВЛКСМ — я комсомолка. — Ячейкой до 1934 г. называли низовые, первичные организации комсомола (ВЛКСМ — Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи) и партии.

Акростих (с. 438)

Акростих — стихотворение, начальные буквы которого составляют имя, слово или фразу; в данном случае — «Михаил Зошенко».

Как-то я прочла статью Маяковского о том, как он работал над своим стихотворением на смерть Есенина. — Речь идет о статье «Как делать стихи» (1926), описывающей процесс работы над стихотворением «Сергею Есенину» (1926).

Незнакомка (с. 439)

...пишу «по простоте душевной». Видите ли, как фразы Ваши прививаются, я сейчас вспомнила эту фразу от «Негрооперетты». — Речь идет о рассказе «Душевная простота» (1927).

Хороший конец (с. 444)

Мопассан Ги де (1850–1893) — французский писатель, главной в его творчестве была любовная тема, разрабатываемая в психологически остром, парадоксальном ключе.

Позже пришли Маяковский, Асеев, Сельвинский — всех не счесть. О том, можно ли совмещать Блока и Маяковского, — я тогда не думала. Это теперь меня смущает то, что я в одинаковой степени увлекаюсь как «Прекрасной Дамой», так и Маяковским. — Перечислены популярные поэты 1920-х гг. Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930), Николай Николаевич Асеев (1889–1963), Илья Львович Сельвинский (1899–1968). Трудность совмещения А. А. Блока (1880–1921) и Маяковского объясняется тем, что в это время они воспринимались как поэты разных исторических и литературных эпох: «императорской», символистской и футуристической (лефовской), советской; на таком противопоставлении построена, в частности, глава о Блоке (седьмая) в поэме Маяковского «Хорошо!» (1927). Прекрасная Да-

ма — центральный образ первого тома лирики Блока (1901–1902).

Тут мне пришлось столкнуться с казусами, о которых ни Жаров, ни Безыменский не писали. — Жаров Александр Алексеевич (1904–1984), Безыменский Александр Ильич (1898–1973) — комсомольские поэты, произведения которых часто были иллюстрацией идеологических лозунгов.

ФЗУ — см. прим. к главе «Все в порядке».

И потом еще о литературе — почему так ругают конструктивистов. — Литературная группа (1923–1930), самыми известными участниками которой были поэты И. Л. Сельвинский и В. А. Луговской, критик К. Л. Зелинский; ругали конструктивистов за аполитичность и формализм.

Всех перекрыл (с. 449)

Каждого свежего номера «Бегемота» или «Пушки»... — Сатирические журналы, выходившие, соответственно, в 1922–1928 и 1926–1929 гг.

С дороги (с. 450)

Прочитав Вашу книгу «Над кем смеетесь», могу сказать, что не только эта ваша книга, а еще «Уважаемые граждане» читались мною с большим интересом. — См. прим. к главам «Душевная простота» и «Поет и пишет».

Студентка (с. 453)

Я жил тогда в угрюмой комнате в б. Доме Искусств, на Мойке. — В Доме искусств, бывшем особняке Елисеева на углу Невско-

го проспекта и Мойки, Зощенко жил в конце 1919 — первой половине 1920 гг.

Из Херсона (с. 456)

Я с нетерпением жду, когда «30 дней» придет нам книжку ваших рассказов. — В приложении к журналу «30 дней» книги Зощенко, кажется, не выходили; возможно, в качестве премии рассылался сборник другого издательства.

«Король смеха» (с. 459)

...«человек в черной маске», как будто из исторического романа на манер à la Дюма. — Таинственный узник времени Людовика XIV, доставленный, по наиболее достоверной версии, в тюрьму Бастилии в 1698 г. и умерший в 1703 г.; его лицо всегда было закрыто черной бархатной (по другим версиям — железной) маской; кто скрывался под маской, так и осталось неизвестным.

И вот, однажды, прочитавши Вашу книжку, под заглавием «Кризис», на обложке которой был помещен Ваш портрет, и заглядевшись на него, я думала... — См. прим. к главе «Вирши».

Донат Весенний (с. 465)

Есть мнение, что под этим псевдонимом скрылся Донат Исаакович Мечик (1909–1995), будущий эстрадный режиссер, отец писателя Сергея Довлатова, автор воспоминаний о Зощенко. «По семейному преданию, Донат дебютировал как пародийный и комический автор под псевдонимом “Донат Весенний” и был замечен пародируемым им Михаилом Михайловичем Зощенко, который первым делом посоветовал Донату сменить псевдоним.

Знакомство Доната с Зощенко, начавшееся в двадцатые годы, закончилось одиноким прощанием у гроба опального писателя» (Пекуровская Ася. Когда случилось петь С. Д. и мне. СПб, 2001. С. 144).

Серьезная критика (с. 466)

Прочитал Вашу книжку «Над кем смеется»... — См. прим. к главе «Поет и пишет».

Письмо рабкора (с. 472)

Наликбезился — от ликбез, ликвидация безграмотности; то есть стал грамотным, научился писать без ошибок.

Веселые проекты (с. 481)

Зоценко М. и Радлов Н. Веселые проекты (Тридцать счастливых идей). Л., 1928. 30 с.

Печатается по первому изданию.

Эта книжка-альбом, как и следующая, — результат тесного сотрудничества Зоценко с художником Николаем Эрнестовичем Радловым (1889–1942). Сын известного философа Э. Л. Радлова, в юности близкий модернистскому кругу, Радлов в 1920-е гг. стал известным карикатуристом, часто иллюстрировал рассказы Зоценко, рисовал дружеские шаржи на писателя. Его эволюцию не без едкости описал в дневнике К. И. Чуковский (25 января 1926 г.): «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из “Аполлона”, необыкновенно опробо-

ренный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. Потом “в незабываемые годы” это был муж стареющей и развратной, пьяной, крикливой и доброй жены, которая никак не подходила к нему — и нарушала все его эстетство. Он казался “бывшим человеком”, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции и без конца читал английские романы — все равно какого содержания.

Теперь он к революции приклеился: вдруг оказался одним из самых боевитых советских карикатуристов, халтурящих в “Бегемоте”, в “Смехаче” и в “Красной”. Количество фабрикуемых им карикатур — грандиозно. Я спросил вчера:

— Какую манеру (рисунка) вы предпочитаете?

— Ту, которая скорее ведет к гонорару.

Я рассматривал вчера его карикатуры. Они банальны. Но его шаржи вызывают у меня восхищение. Он отличается огромной зрительной памятью и чрезвычайно остро ощущает квинтэссенцию данного лица» (Чуковский К. Дневник. 1901–1929. М., 1991. С. 362).

30 октября 1928 г. Чуковский вместе с Зощенко был у Радлова и познакомился с еще не изданной книжкой: «Рассматривали мы книгу, которую изготовили “Радлов и Зощенко” — “Веселые изобретения” — очень смешную. Книга будет иметь колоссальный успех» (Там же. С. 422).

«Веселые проекты» были изданы тиражом 50 000 экземпляров. Успех был закреплен через три года аналогичным, но более объемным и структурно сложным изданием — «Счастливые идеи».

Кустарь-одиночка — рабочий или мелкий ремесленник, занимавшийся частным трудом.

Воинов Владимир Васильевич (1878–1938) — писатель, много работавший в 1920-е гг. в юмористической журналистике, в том числе в журнале «Бегемот».

Откомхоз — отдел коммунального хозяйства.

Пастеровский институт — институт микробиологии, названный по имени французского ученого Луи Пастера (1822–1895).

Одним словом, гибнет великое творение Айвазовского! — Шутка; Иван Константинович Айвазовский (1817–1900) был известным живописцем-маринистом, а не архитектором.

...вращение Гоголя в своей могиле по поводу постановки «Ревизора» нашим гениальным современником. — Речь идет об авангардистской постановке гоголевской комедии «Ревизор» (1926) режиссером Всеволодом Эмильевичем Мейерхольдом (1874–1940) в театре собственного имени (его название есть на рисунке).

Счастливые идеи (с. 511)

Зоценко Мих. и Радлов Н. Счастливые идеи. Л., 1931. 64 с.

Печатается по первому изданию.

Книжка была издана тиражом 15 200 экземпляров.

Вскоре она — по непонятным причинам — привлекла внимание цензуры. 22 сентября 1931 г. Главлит телефонограммой предложил изъять ее из продажи. Этот приказ был исполнен, а пропустивший книгу политредактор снят с работы (см.: Художник и власть; 12 цензурных историй / Публ. А. Блюма // Звезда. 1994. № 8. С. 83).

Екатерина II (1729–1796) — российская императрица с 1762 г.
Автотор — общество содействия развитию автомобилизма и улучшению дорог (1927–1935).

Заборные книжки — книжки талонов, по которым получали нормированные продукты и вещи.

Людовик XIV (1638–1715) — король Франции в 1643–1715 гг., прозванный «король-солнце»; его царствование отличалось особой пышностью.

Людовик XV (1710–1774) — король Франции с 1715 г.

Людовик XVI (1754–1793) — французский король в 1774–1792 гг., последний из династии Бурбонов; казнен во время Великой французской революции.

Севзапсоюз — северо-западный союз.

...заместо уехавшего за границу Чехова. — Речь идет об известном актере, племяннике А. П. Чехова Михаиле Александровиче Чехове (1891–1955), уехавшем за границу в 1928 г.

Чистка — проверка советских и партийных организаций с целью освобождения их от «классово чуждых элементов»; генеральная чистка партии проходила в 1929–1930 гг.

**Алфавитный указатель
произведений**

Автодом (Счастливые идеи)	522
Акrostих (Письма к писателю)	438
Андрэ Госфикус дает сеанс массового гипноза (Счастливые идеи)	561
Антитрамвайный аппарат «Корзино-крюк» (Веселые проекты)	498
Аполлон и Тамара (Сентиментальные повести)	12
Аппарат «Воздушная мечта» (Счастливые идеи)	517
Аппарат «Механический ограничитель» (Счастливые идеи)	548
Аппарат «Сукин сын» (Веселые проекты)	491
Аппарат «Ходики» или «Пора вставать» (Счастливые идеи)	547
Барышня из Кронштадта (Письма к писателю)	333
Безопасный денежный шкаф (Веселые проекты)	507
Бесплатное приложение. Об изобретателях (Счастливые идеи)	571
Беспризорный гений (Письма к писателю)	335
Бессмертные гастроли Андрэ Госфикуса (Счастливые идеи)	551
Булкоскоп (Счастливые идеи)	527
В гостях у студентов. Андрэ Госфикус общественник (Счастливые идеи)	566
В последнюю минуту. Временный отъезд любимца публики Андрэ Госфикуса (Счастливые идеи)	569
Валька с Нюрой (Письма к писателю)	371
Веселое приключение (Сентиментальные повести)	141
Веселые проекты	481
Вешалка «Прима» (Веселые проекты)	484
Вирши (Письма к писателю)	412
Вниманию больных (Веселые проекты)	487

Военные стихи (Письма к писателю)	350
Воздушная уборная (Веселые проекты)	483
Воздушный акт, или Прыжок смерти (Счастливые идеи)	563
Все в порядке (Письма к писателю)	386
Всех перекрыл (Письма к писателю)	449
Встреча в театре (Письма к писателю)	384
Голубинизация учреждений (Веселые проекты)	495
Грустная жизнь (Письма к писателю)	419
I. Дача на дому (Веселые проекты)	508
II. Дача на дому (Веселые проекты)	509
Дельная критика (Письма к писателю)	354
Дождевальщик (Веселые проекты)	494
Доктор (Письма к писателю)	464
Донат Весенний (Письма к писателю)	465
Дорожный аппарат «За рулем» (Счастливые идеи)	538
Драма на Волге (Письма к писателю)	364
Душ самотек имени академика Прищемихина (Счастливые идеи)	549
Еще часы (Письма к писателю)	361
Железнодорожный акт (Счастливые идеи)	532
Задушевная переписка (Письма к писателю)	427
Золотая челюсть (Письма к писателю)	358
Из Тифлиса (Письма к писателю)	462
История одного изобретения (Счастливые идеи)	575
Из Херсона (Письма к писателю)	456
Карнизомобиль (Веселые проекты)	482
Коза (Первые повести)	232
Колька (Письма к писателю)	411

Комбинация (Письма к писателю)	336
Контр-проект (Веселые проекты)	501
«Король смеха» (Письма к писателю)	459
Костюм «Физгармония» (Счастливые идеи)	533
Лелька-Бандит (Письма к писателю)	436
Любопытный человек (Письма к писателю)	403
Люди (Сентиментальные повести)	41
Лялочка и Тамочка (Письма к писателю)	372
М. П. Синягин (Воспоминания о Мишеле Синягине)	261
Машинизация домашнего быта (Веселые проекты)	506
Машинизация хлебопечения (Веселые проекты)	500
Механический напоминатель (Счастливые идеи)	529
Мировая калоша (Веселые проекты)	496
Мудрость (Первые повести)	219
Мысли и афоризмы об улучшении работы автоматов (Счастливые идеи)	536
Мысли о красоте и благоустройстве города (Счастливые идеи)	520
Мысли об удобстве потребителей (Счастливые идеи)	523
Мысли хозяйственника (Счастливые идеи)	540
Насос «Дьяболо» (Веселые проекты)	489
Научно-техническая консультация «Прогресс» (Счастливые идеи)	515
Находка (Письма к писателю)	379
Незнакомка (Письма к писателю)	439
«Нервы не выдержали» (Счастливые идеи)	571
Несостоявшееся свидание (Письма к писателю)	396
Новые возможности (Веселые проекты)	499

Ну, спасибо (Письма к писателю)	463
О чем пел соловей (Письма к писателю)	404
О чем пел соловей (Сентиментальные повести)	114
Открытое письмо (Письма к писателю)	348
Охрана памятников старины (Веселые проекты)	505
Пастушеская поэзия (Письма к писателю)	362
Первая гастроль Андрэ Госфикуса (Счастливые идеи)	552
Первое письмо (Письма к писателю)	332
Первые повести	219
Перпетуум гоголе (Веселые проекты)	493
Письма к писателю	327
Письмо и стихи (Письма к писателю)	400
Письмо из провинции (Письма к писателю)	451
Письмо от женщины (Письма к писателю)	382
Письмо рабкора (Письма к писателю)	472
Плащ «Собачье горе» (Веселые проекты)	490
Плохая молодость (Письма к писателю)	415
Плохие нервы (Письма к писателю)	375
Подросток (Письма к писателю)	413
Поезд «Максим Максимыч» (Веселые проекты)	488
Поет и пишет (Письма к писателю)	433
Популярный прибор «Антипотеряй» (Счастливые идеи)	518
Посильная помощь (Веселые проекты)	492
Последние известия (Счастливые идеи)	570
Похвальный отзыв (Письма к писателю)	405
Походный крематорий (Веселые проекты)	510
Поэт и лошадь (Письма к писателю)	380
Предупреждение (Письма к писателю)	448

Пригодилось (Письма к писателю)	373
Приложение. Из переписки с читателями (Письма к писателю)	475
Примус «Навсюквартирус» (Счастливые идеи)	534
Проект для антипереманивания спецов (Счастливые идеи)	528
Пролетка «Люкс» имени академика Прищемихина (Счастливые идеи)	546
Простите ль вы меня за то... (Письма к писателю)	338
Рассуждение о балконах (Счастливые идеи)	537
Рационализация жизни (Счастливые идеи)	541
Российская телега или танк? (Веселые проекты)	504
Русско-французский замок (Веселые проекты)	502
Ручная граната имени Севзапсоюза (Счастливые идеи)	544
С дороги (Письма к писателю)	450
Сентиментальные повести	7
Серьезная критика (Письма к писателю)	466
Сирень цветет (Сентиментальные повести)	172
Скромная просьба (Письма к писателю)	474
Спортивный шкафчик «Не рыдай» (Счастливые идеи)	539
Стихи (Письма к писателю)	345
Стихи из ночлежного дома (Письма к писателю)	407
Стихи о Ленине (Письма к писателю)	349
Стихи, несозвучные эпохе (Письма к писателю)	426
Страшная ночь (Сентиментальные повести)	89
Студентка (Письма к писателю)	453
Счастливые идеи	511
Театральные буфера «Осторожность» (Счастливые идеи)	531
Теплофикация (Веселые проекты)	503

Трезвые мысли о пьянстве (Счастливые идеи)	535
Трубострой (Веселые проекты)	485
Универсальный комод де-Валяй (Счастливые идеи)	525
Универсальный шкаф «Что хочешь» (Счастливые идеи)	542
Униформа (Веселые проекты)	497
Хороший конец (Письма к писателю)	444
Часы (Письма к писателю)	359
Человек на улице (Письма к писателю)	440
Человек в сундуке, или Андрюша не боится никаких запоров (Счастливые идеи)	554
Человек обиделся (Письма к писателю)	346
Человек-бабочка, или Четыре пуда на канате. Андрэ Госфикус на волосок от смерти (Счастливые идеи)	568
Человек-факир, или Андрюша ложится на ножи (Счастливые идеи)	559
Чудесное исчезновение предметов, или Кричу кирпичу (Счастливые идеи)	556
Шляпа «Феникс» (Счастливые идеи)	519
Эморист (Письма к писателю)	339
Юмористический рассказ (Письма к писателю)	398
Я — веселый человек (Письма к писателю)	473
Ядро-коттэдж (Веселые проекты)	486

Содержание

Сентиментальные повести	7	582
Предисловие к первому изданию	7	585
Предисловие ко второму изданию	9	585
Предисловие к третьему изданию	10	585
Предисловие к четвертому изданию	11	585
Аполлон и Тамара	12	588
Люди	41	589
Страшная ночь	89	590
О чем пел соловей	114	591
Веселое приключение	141	591
Сирень цветет	172	592
 Первые повести	219	594
Мудрость	219	594
Коза	232	595
 М. П. Синягин		
(Воспоминания о Мишеле Синягине)	261	596
Предисловие	261	
Через сто лет. О нашем времени.		
О приспособляемости. О дуэлях.		
О чулках. Пролог истории	263	
Рождение героя. Молодость. Созерцательное		
настроение. Любовь к красоте. О нежных душах.		
Об Эрмитаже и о замечательной скифской вазе ..	271	
Мать и тетка М. П. Синягина. Ихнее прошлое.		
Покупка имения. Жизнь в Пскове. Тучи собираются.		
Характер и наклонности тетки М. А. Ар-вой.		

Встреча с Л. Н. Толстым. Стихи поэта.	
Его душевное настроение. Увлечение	275
Увлечение. Короткое счастье. Страстная любовь к поэту. Вдова и ее характеристика. Неожиданный визит. Некрасивая сцена.	
Согласие на брак	281
Нервное потрясение. Литературное наследство. Свидание. Свадьба. Отъезд тетки Марьи. Кончина матери. Рождение ребенка.	
Отъезд Мишеля	286
Новые планы. Несчастье тетки Марьи. Мишель поступает на службу. Новая комната. Новая любовь. Неожиданная катастрофа.	
Серьезная болезнь тетки	294
Тетку отправляют в лечебницу. Желтый дом. Веселая жизнь. Свидание с теткой.	
Окончательная распродажа имущества	300
Неожиданная беда. Ужасный скандал. Нервная болезнь Мишеля.	
Ссора с возлюбленной. Падение	305
Приятная встреча. Новая работа. Мрачные мысли. Нищета. Душевное спокойствие. Благодетельная природа. Помощь автора.	
Кража пальто с обезьянковым воротником	311
Жизнь начинается завтра. Выручка за день. Ночлежный дом. Сорок лет. Неожиданные мысли. Новое решение	315
Возвращение. Родные места. Свидание с женой.	

Обед. Новые друзья. Служба. Новые мечты. Неожиданная болезнь	319	
Письма к писателю	327	600
Предисловие к первому изданию	327	
Предисловие ко второму изданию	331	
Первое письмо	332	604
Барышня из Кронштадта	333	605
Беспризорный гений	335	605
Комбинация	336	605
Простите ль вы меня за то... ..	338	605
Эморист	339	605
Стихи	345	605
Человек обиделся	346	606
Открытое письмо	348	606
Стихи о Ленине	349	
Военные стихи	350	606
Дельная критика	354	608
Золотая челюсть	358	
Часы	359	608
Еще часы	361	
Пастушеская поэзия	362	
Драма на Волге	364	608
Валька с Нюжкой	371	609
Лялечка и Тамочка	372	
Пригодилось	373	609
Плохие нервы	375	609
Находка	379	

Поэт и лошадь	380	
Письмо от женщины	382	
Встреча в театре	384	609
Все в порядке	386	609
Несостоявшееся свидание	396	610
Юмористический рассказ	398	610
Письмо и стихи	400	610
Любопытный человек	403	
О чем пел соловей	404	
Похвальный отзыв	405	
Стихи из ночлежного дома	407	
Колька	411	
Вирши	412	610
Подросток	413	610
Плохая молодость	415	611
Грустная жизнь	419	611
Стихи, несозвучные эпохе	426	
Задушевная переписка	427	611
Поет и пишет	433	611
Лелька-Бандит	436	611
Акrostих	438	612
Незнакомка	439	612
Человек на улице	440	
Хороший конец	444	612
Предупреждение	448	
Всех перекрыл	449	613
С дороги	450	613
Письмо из провинции	451	

Студентка	453	614
Из Херсона	456	614
«Король смеха»	459	614
Из Тифлиса	462	
Ну, спасибо	463	
Доктор	464	
Письма, не вошедшие во второе издание	465	
Донат Весенний	465	614
Серьезная критика	466	615
Письмо рабкора	472	615
Я — веселый человек	473	
Скромная просьба	474	
Приложение	475	
Из переписки с читателями	475	
Веселые проекты	481	615
Карнизомобиль	482	
Воздушная уборная	483	
Вешалка «Прима»	484	
Трубострой	485	
Ядро-коттэдж	486	
Вниманию больных	487	
Поезд «Максим Максимыч»	488	
Насос «Дьяболо»	489	
Плащ «Собачье горе»	490	
Аппарат «Сукин сын»	491	
Посильная помощь	492	

Перпетуум гоголе	493	
Дождевальщик	494	
Голубинизация учреждений	495	
Мировая калоша	496	
Униформа	497	
Антиграмвайный аппарат «Корзино-крюк»	498	
Новые возможности	499	
Машинизация хлебопечения	500	
Контр-проект	501	
Русско-французский замок	502	
Теплофикация	503	
Российская телега или танк?	504	
Охрана памятников старины	505	
Машинизация домашнего быта	506	
Безопасный денежный шкаф	507	
I. Дача на дому	508	
II. Дача на дому	509	
Походный крематорий	510	
Счастливые идеи	511	617
Предисловие	513	
Научно-техническая консультация «Прогресс» ..	515	
Аппарат «Воздушная мечта»	517	
Популярный прибор «Антипотеряй»	518	
Шляпа «Феникс»	519	
Мысли о красоте и благоустройстве города	520	
Автодом	522	
Мысли об удобстве потребителей	523	

Универсальный комод де-Валяй	525
Булкоскоп	527
Проект для антипереманивания спецов	528
Механический напоминатель	529
Театральные буфера «Осторожность»	531
Железнодорожный акт	532
Костюм «Физгармония»	533
Примус «Навсюквартирус»	534
Трезвые мысли о пьянстве	535
Мысли и афоризмы об улучшении работы автоматов	536
Рассуждение о балконах	537
Дорожный аппарат «За рулем»	538
Спортивный шкафик «Не рыдай»	539
Мысли хозяйственника	540
Рационализация жизни	541
Универсальный шкаф «Что хочешь»	542
Ручная граната имени Севзапсоюза	544
Пролетка «Люкс» имени академика Прищемихина	546
Аппарат «Ходики» или «Пора встать»	547
Аппарат «Механический ограничитель»	548
Душ самотек имени академика Прищемихина ..	549
Бессмертные гастролы Андрэ Госфикуса	551
Первая гастроль Андрэ Госфикуса	552
Человек в сундуке, или Андрюша не боится никаких запоров	554

Чудесное исчезновение предметов, или Кричу кирпичу	556
Человек-факир, или Андрюша ложится на ножи ..	559
Андрэ Госфикус дает сеанс массового гипноза ...	561
Воздушный акт, или Прыжок смерти	563
В гостях у студентов. Андрэ Госфикус общественник	566
Человек-бабочка, или Четыре пуда на канате. Андрэ Госфикус на волосок от смерти	568
В последнюю минуту. Временный отъезд любимца публики Андрэ Госфикуса	569
Последние известия	570
Бесплатное приложение. Об изобретателях	571
«Нервы не выдержали»	571
История одного изобретения	575
Примечания	581
Алфавитный указатель произведений	623

Литературно-художественное издание

Мих. Зощенко

Собрание сочинений

Сентиментальные повести

Редактирование и корректура

Елена Кузьменок

Художественный редактор

Валерий Калныныш

Подписано в печать 29.07.2008.

Формат 70×108¹/₃₂. Бумага писчая.

Усл. печ. л. 28,0. Тираж 3000 экз.

Заказ № 583.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Бли́зкий Вам Банк!

Более **300** отделений по всей России –
от Калининграда до Владивостока!

Все, что нужно для Вас и Вашего бизнеса:

- вклады;
- кредитование;
- денежные переводы и платежи;
- расчетно-кассовое обслуживание;
- пластиковые карты;
- сейфовые ячейки и др.

Русь-Банк основан 5 сентября 1994 года.
Является участником Системы обязательного
страхования вкладов. По данным ЦБ РФ входит
в список 30 крупнейших российских банков.

www.russbank.ru

8-800-200-80-60

(по России звонок бесплатный)

МИХ.
ЗОЩЕНКО

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЕ
ПОВЕСТИ

Сентиментальные повести
Мишель Синягин
Письма к писателю
Веселые проекты
Счастливые идеи

